

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ
І АДУКАЦЫІ**

**Зборнік
навуковых артыкулаў**

**Гродна
2014**

УДК 94
ББК 63.1
А 43

Пад агульнай рэдакцыяй доктара гістарычных
навук, прафесара *С. В. Марозавай*

Рэцэнзенты:

С. А. Пиваварчык, доктар гістарычных навук, дацэнт;

С. А. Сіткевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
загадчык кафедрай сацыяльна-гуманітарных навук

Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт»

Актуальныя праблемы гістарычнай навукі і адукацыі : зб. навук. арт. /
пад рэд. С. В. Марозавай. – Гродна : 2014. – 356 с.

ISBN 978-985-6814-28-4

Артыкулы зборніка асвятляюць розныя аспекты праблемы традыцый і навацый у сучаснай метадалогіі гісторыі, стану айчынай гістарыяграфіі, знаёмяць з шэрагам новых знаходак і інтэрпрэтацый крыніц па гісторыі Беларусі. Разглядаюцца пытанні выкарыстання інавацыйных тэхналогій ў гістарычнай адукацыі, сучаснага падручніка гісторыі. Шэраг артыкулаў прысвечаны механізмам фарміравання гістарычнай свядомасці грамадства, шляхам папулярызацыі і практычнага прымянення гістарычных ведаў. Разглядаюцца разнастайныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі ад славянізацыі балтаў і ўплыву адыходніцтва на ўнутрысямейныя адносіны сялян Беларусі ў эпоху капіталізму да асноўных напрамкаў культурна-асветніцкай дзейнасці этнічных супольнасцяў Беларусі на мяжы XX – XXI ст. і іміграцыйнай нагрузкі на шведскую мадэль дзяржавы. Удзелена ўвага вядомым і малавядомым гістарычным постацям і персаналіям гісторыкаў. Прызначаны для даследчыкаў, выкладчыкаў, аспірантаў, магістрантаў і студэнтаў, настаўнікаў, аматараў гісторыі Беларусі.

УДК 94
ББК 63.1

ISBN 978-985-6814-28-4

ЧАСТКА 1

МЕТАДАЛОГІЯ ГІСТОРЫІ: ТРАДЫЦЫІ І НАВАЦЫІ. БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПАЧАТКУ XXI СТ. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ: НОВЫЯ ЗНАХОДКІ І ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

УДК 930(476)

С. А. Габрусевіч

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ Ў КАНТЭКСТЕ НАВУКОВАЙ СПАДЧЫНЫ ПРАФЕСАРА ІГНАТА АНАЦЭВІЧА

Разглядаюцца метадалагічныя погляды прафесара Віленскага ўніверсіэта гісторыка І. Анацэвіча (1780–1845 г.), актуальныя ў наш час: пра дэтэрмінаванасць гістарычнага працэсу; наяўнасць поўнаwartаснай гісторыі ў дзяржаўных народаў, дыялектыку нацыянальных гісторый і ўсеагульнай гісторыі, пра патрабаванні да даследчыка гісторыі. Праводзяцца паралелі з поглядамі К. Маркса і Ф. Энгельса, Ф. Гегеля.

Адным з устойлівых жаданняў народу, як і асобнага чалавека, з’яўляецца жаданне прадбачыць свой заўтрашні дзень, заглянуць хаця бы пры дапамозе думкі ў будучае. Гэтае жаданне абумоўлена дапытлівасцю розуму і імкненнем хаця бы часткова ўплываць на свой лёс, планаваць сваю будучыню.

Існуе як мінімум тры спосабы прадбачання будучыні. Самы старажытны і самы папулярны з іх – утапічны, сутнасцю якога ёсць канструяванне пэўнага ідэалу грамадскага ўладкавання. Класічнымі прыкладамі ўтапічнага спосабу прадбачання будучыні з’яўляюцца «Утопіі» Томаса Мора, «Горад Сонца» Тамаза Кампанэлы, творы Анры Сен-Сімона, Шарля Фур’е, Роберта Оўэна.

Другі спосаб можна назваць гіпатэтычным, паколькі вообраз будучыні ў гэтым выпадку малюецца шляхам паслядоўнай распрацоўкі якойсьці прыватнай гіпотэзы. Тут у цэнтры ўвагі не выступае ідэал: стваральнік пэўнай тэарэтычнай канструкцыі не адштурхоўваецца ад жаданага, а імкнецца да неабходнага, інакш кажучы, ставіць перад сабой задачу сканструяваць адзін з магчымых варыянтаў развіцця гістарычнага працэсу.

Гэты метада часта выкарыстоўваецца ў навуковай фантастыцы і «раманах-папярэджваннях». Класіка гэтага жанру – «Машы-

на часу» Герберта Уэлса, «Вайна з саламандрамі» Карэла Чапека, «451° па Фарангейту» Рэя Брэдберы і іншыя.

Самым дакладным спосабам прадбачання будучыні з'яўляецца прагнастычны, які грунтуецца на дэтэрмінаванасці гістарычнага працэсу, на прычынна-паслядоўнай сувязі гістарычных падзей. У паэтычнай форме аб'ектыўныя асновы прагнастычнага спосабу бліскача раскрыты Уільямам Шэкспірам у трагедыі «Генрых IV»:

*Есть в жизни всех людей порядок некий,
Что прошлых дней природу раскрывает,
Поняв его, предсказывать возможно
С известной точностью грядущий ход
Событий, что ещё не родились,
Но в недрах настоящего таятся,
Как семена, зародыши вещей,
Их высидит и вырастит их время.*

У кантэксте сказанага відавочна, што для нашага народу, які стаіць сёння перад неабходнасцю і непазбежнасцю пошуку нацыянальных формаў гаспадарання, дзяржаўнага кіравання, грамадскага ўладкавання, развіцця духоўнай і інтэлектуальнай культуры, выпрацоўкі разумных адносін з суседзямі і сусветнай супольнасцю, даследаванне айчынной гісторыі набывае важнейшае значэнне. Бо толькі на грунце эканамічных, дзяржаўных, грамадскіх і духоўных каштоўнасцяў, выпрацаваных народамі цягам стагоддзяў, магчыма больш-менш дакладна прагназаваць яго будучыню. Акрамя гэтага, беларусам, у большай ступені чым іншым народам, сёння неабходная дэталёва вывучаная і агульнавядомая айчынная гісторыя, якая такая, якую ўжо маюць іншыя народы і якая зраўняла б нас з імі і дапамагла ім урэшце ўсвядоміць, што і нас Бог стварыў не горшымі за іншых.

Зразумела, што аб'ектыўная гісторыя нашага народу не можа быць створана без выпрацоўкі эфектыўнай метадалогіі гістарычнага пазнання, уліку і выкарыстання метадалагічнай спадчыны беларускіх гісторыкаў і перш за ўсё спадчыны прафесара Віленскага ўніверсітэта Ігната Анацэвіча.

Ігнат Анацэвіч нарадзіўся 15 жніўня 1780 г. у вёсцы Малая Бераставіца (цяпер у Бераставіцкім раёне Гродзенскай вобласці) у сям'і ўніяцкага святара. Сярэдняю адукацыю атрымаў у

Ваўкавыскім вучылішчы (1789–1796) і Гродзенскай акруговай школе (1796–1797). Потым працаваў хатнім настаўнікам на Сувальшчыне. У 1802 г. закончыў настаўніцкую семінарыю ў г. Элку, а ў 1806 г. – Кёнігсбергскі ўніверсітэт. Пасля заканчэння ўніверсітэта атрымаў пасаду выкладчыка польскай мовы і пачаткаў рускай мовы, а пазней – і афіцыйнага перакладчыка прускага караля.

Жывучы ў Кёнігсбергу, І. Анацэвіч бескарысліва дапамагаў расійскім купцам і абывацелям, якія мелі справы ў Прусіі. У прыватнасці, ён хадайнічаў перад Напалеонам аб зняцці секвестру з расійскіх магазінаў і кампенсацыі стратаў расійскім купцам. Дапамога І. Анацэвіча расійскім падданым была заўважана царскім урадам. Восенню 1808 г. праездом праз Кёнігсберг з ім сустрэўся міністр замежных спраў Расіі граф М. П. Румянцаў, узнагародзіў гадзіннікам і абяцаў хадайнічаць перад імператарам аб больш высокай ўзнагародзе. Паміж імі склаліся настолькі добрыя адносіны, што ў 1809–1810 г. І. Анацэвіч пражываў у маёнтку графа М. П. Румянцава ў Гомелі.

З верасня 1810 г. І. Анацэвіч навучаўся ў магістратуры Віленскага ўніверсітэта. Па заканчэнні атрымаў званне магістра філасофіі і выкладаў усеагульную гісторыю, права і палітычную эканомію на курсах для дзяржаўных служачых. З 1813 г. – выкладчык і памочнік дырэктара гімназіі ў Беластоку.

Восенню 1818 г. Савет Віленскага ўніверсітэта абраў І. Анацэвіча на пасаду намесніка прафесара. Яму было даручана выкладанне курса ўсеагульнай гісторыі, што ён не без поспеху рабіў да 1821 г., пакуль у конкурсе на пасаду прафесара кафедры ўсеагульнай гісторыі не прайграў знакамітаму гісторыку Іахіму Лявелеву. Тады стаў чытаць курсы статыстыкі і дыпламатыі і дзякуючы асабістым здольнасцям хутка выявіў сябе як вядучы выкладчык кафедры статыстыкі і дыпламатыі. У 1827 г. быў абраны экстраардынарным прафесарам, атрымаў чын калежскага асэсара.

Аднак у маі 1828 г. супраць І. Анацэвіча, запоздранага ў сувязі з тайнай студэнцкай арганізацыяй, завялі крымінальную справу. Пад паліцэйскім канвоем яго даставілі на жыхарства ў Малую Бераставіцу без права выезду. У Вільню прафесар вярнуўся толькі ў 1832 г., а праз два гады перасяліўся ў сталіцу імперыі.

Напачатку 1836 г. Сенат поўнаасцю апраўдаў І. Анацэвіча, і ён атрымаў магчымасць працаваць па спецыяльнасці. Выконваў

абавязкі сябра Археаграфічнай камісіі і бібліятэкара Румянцаўскага музея. Памёр 18 лютага 1845 г. у Санкт-Пецярбурзе.

Усё жыццё І. Анацэвіч збіраў матэрыялы па гісторыі Вялікага княства Літоўскага, каб на іх аснове напісаць трохтомную манаграфію. Аднак яго задума не была рэалізавана. Да нас дайшла сціплая друкаваная спадчына прафесара. Нягледзячы на гэта, ён па праву лічыцца пачынальнікам метадалогіі айчыннай гісторыі, а шмат якія яго погляды актуальныя ў наш час.

Рызыкну сцвярджаюць, што прафесар Ігнат Анацэвіч задоўга да Карла Маркса і Фрыдрыха Энгельса глядзеў на гістарычны працэс як заканамерна абумоўлены. У артыкуле «Заўвагі да ўсеагульнай гісторыі», надрукаваным у часопісе «Magazyn Powszechny», № 11–12 за 1840 г., чытаем: «Гісторыя не ёсць ні тканінай выпадку, ні вынікам накіравання, а непазбежным вынікам дзейнасці людзей, што кожнае наступства мае свае бліжэйшыя і далейшыя прычыны, а таксама самі наступствы становяцца прычынамі далейшых вынікаў» [1, с. 138]. І гэта не выпадковая тэза, а глыбока асэнсаваная метадалагічная пазіцыя. Яна ў другім варыянце выказана ў адным з пісем І. Анацэвіча знакамітаму І. Лявелею: «Няшмат варта такая гісторыя, якая займаецца сухім апавяданнем падзей або вылічэннем, хто, калі, дзе і як доўга спаў на троне, колькі часу марнаваў на апрананне, паляванне і іншыя захапленні. Сутнасць гісторыі заключаецца ў трапным вылучэнні прычын уздыму і заняпаду народаў, у раскрыцці дзеючых спружын» [1, с. 51]. Заўважу, што гэта пісьмо пісаў выкладчык Беластоцкай гімназіі 28 сакавіка 1817 г.

Паколькі гісторыя – заканамерны працэс, то прадмет гістарычнага даследавання ўключае ўсё багацце жыцця народа: звычаі, характар, выхаванне, правы, рэлігійныя абрады, урад, палітыку, адносіны з іншымі народамі, спружыны палітыкі, промысел, гандаль, насельніцтва і г.д. Адным словам, усё, што калісьці магло прычыніцца да ўзнікнення важных здарэнняў і паўплываць на гістарычны лёс народу.

Патрабуе глыбокага асэнсавання тэза прафесара І. Анацэвіча, згодна якой поўнаўвартасную гісторыю маюць толькі дзяржаўныя народы. У «Заўвазе» да працы свайго вучня А. Глябовіча «Кароткі нарыс Вітаўта, вялікага князя літоўскага» ён піша: «Марная справа шукаць літоўскую гісторыю да XIII стагоддзя і пасля 1569 г., паколькі ў першай эпасе Літва была раздроблена паміж князямі

Смаленскімі, Полацкімі, Чарнігаўскімі, Галіцкімі, у другой – была злучана з Польшчай у адзінае палітычнае цела, таму асобнай гісторыі мець не магла» [1, с. 184].

Сваю «Заўвагу» прафесар напісаў 1 чэрвеня 1821 г. У гэтым жа годзе пабачыла свет «Філасофія права» Фрыдрыха Гегеля, у якой выказваюцца прыкладна такія ж думкі. «Народ, – гаворыць Ф. Гегель, – имеет права, абсолютное право народа есть его абсолютная обязанность быть организованным в себе, составлять государство: это – абсолютная необходимость... Народ без государства не заслуживает уважения... Народ как таковой просто скопление людей, он должен существенно стать государством [2, с. 470] ...Высшая честь для народа состоит в том, чтобы создать государство и быть тем самым независимым» [2, с. 479].

Няма сумневу ў тым, што пазіцыя прафесара І. Анацэвіча, як дарэчы і Ф. Гегеля, блізкая да крайнасці. Бо калі яе прыняць, то праблематычна гаварыць аб гісторыі беларускага народу ў часы Рэчы Паспалітай ці Расійскай імперыі. Бліжэй да ісціны стаіць пазіцыя, згодна якой уласна народ, вагаючыся, адхіляючыся, пераходзячы ад адной ідэнтычнасці да іншай, вандруючы праз мовы, дыялекты, імперыі і культурныя эпохі, заставаўся адзіным і цэльным этнакультурным масівам, які задаваў шчэпленасць, лучнасць усіх гэтых узаемавыключных рознасцяў і прымушаў імкнуцца да мэта-пазіцыі. А, значыць, і меў сваю гісторыю. Другая справа, што сапраўдную гісторыю беларускага народу немагчыма напісаць на падставе справаздач ваяводскіх ці губернскіх праўленняў.

Заслугоўвае ўвагі разуменне вучоным дыялектыкі нацыянальных гісторый і ўсеагульнай гісторыі. «Пакуль паасобныя гісторыі народаў дакладна і грунтоўна апрацаваныя не будуць, – лічыў І. Анацэвіч, – датуль пра дасканалую ўсеагульную гісторыю думаць нельга» [1, с. 256]. Усеагульная гісторыя, або гісторыя чалавечтва, складаецца з гісторый паасобных народаў, яна ёсць сумай гісторый паасобных народаў. А гэта азначае, што гісторык, які працуе над айчынным гісторыяй, нясе адказнасць не толькі перад сваім народам, але і перад чалавецтвам.

Апошняе вызначае шэраг патрабаванняў, якім павінен адпавядаць даследчык гісторыі. «Гісторык, – гаворыць І. Анацэвіч, – павінен быць філосафам, палітыкам, чыноўнікам і гледачом, калі гэта магчыма. У яго працах патрабуюцца глыбокія думкі, прыем-

насць апавядання, фантазія жывога апісання. Яго стылю павінны адпавядаць яснасць і парадак выкладання, прастата думкі [1, с. 156]. Але найважнейшая якасць даследчыка гісторыі палягае ў тым, што «кіраваць яго пяром павінна павага, прага ўсеагульнага дабра і непахісная любоў да праўды» [1, с. 156]. Такія патрабаванні мог вызначыць толькі вялікі гісторык, якім і быў прафесар І. Анацэвіч.

І тут зноў напрашваецца паралель з Ф. Гегелем. У 1796 г. Ф. Гегель напісаў невялікі фрагмент «Першая праграма сістэмы нямецкага ідэалізму». Упершыню гэты фрагмент быў апублікаваны на нямецкай мове ў 1917 г., а на рускай – у 1970 г. Ф. Гегель пісаў: «Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте. Философ подобно поэту должен обладать эстетическим даром... Ни в одной области нельзя быть духовно развитым, даже об истории нельзя рассуждать серьезно, не обладая эстетическим чувством» [3, с. 212]. Інтэлектуальная і духоўная блізкасць прафесара І. Анацэвіча і прафесара Ф. Гегеля, на мой погляд, выдавочная.

Аб'ектыўная гісторыя з'яўляецца падмуркам лепшай будучыні народа і асобы. Бо яна «асвятляе розум, узвышае генія, выпраўляе погляды, пашырае межы нашага пазнання, раскрывае таямніцы палітыкі, прыродных якасцяў чалавека, малое ў жывых колах агіднасць злачынства, прыгажосць і веліч маральнай чысціні, адштурхоўвае ад першай і заахвочвае да другой...» [1, с. 139].

Глыбокі сэнс закладзены ў гэтых словах. Бо сапраўды, быць асобаю – гэта і азначае быць творцам, індывідуальна непаўторным творцам культуры і гісторыі. Гэта азначае – жыць у гістарычным часе. Гістарычны час не з'яўляецца простым часам руху, але часам дзейнасці. І таму ў ім сённяшняе ўзбагачаецца мінулым, як бы «памнажаецца» на яго, і ўключае ў сябе прадбачанне будучыні. Чалавек, як прадукт культуры, жыве не проста ў фізічным часе, а ў часе, які напоўнены культурай, у гістарычным часе, які канцэнтруе ў сабе вынікі дзейнасці мінулых пакаленняў. Іх творчасць дае змест новай дзейнасці. Дзейнасць новых пакаленняў народа магчымая толькі як дзейнасць, што ўвабрала ў сябе багацце мінулай культуры, як яе працяг. Зразумела, што такая дзейнасць без вывучэння гісторыі народа немагчымая.

1. Габрусевіч, С. А. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына / С. А. Габрусевіч, С. В. Марозава. – Гродна: ГрДУ, 2005.

2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990.

3. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет. В двух томах / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970.

Габрусевіч Сяргей Аляксандравіч – кандыдат філасофскіх навук, прафесар (Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)

УДК 141.78:930.1

О. М. Мижевич

ТРАДИЦИОННЫЕ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются вопросы о статусе истории и специфике исторического сознания, о методах анализа исторического процесса, сложившихся в классической и неклассической философии, о необходимости создания единого междисциплинарного подхода к изучению истории. Особое внимание уделяется анализу методов вариативного моделирования и художественного анализа исторического текста Х. Уайта.

Еще 20–30 лет тому назад о современном обществе можно было говорить как об обществе, основанном, прежде всего, на научном знании о мире, что нашло отражение в методологии науки, четко разделявшей научное и вненаучное знание. Но произошедшее за последние десятилетия сближение разнообразных культур и мировоззрений привело к возникновению методологии междисциплинарности, а сейчас уже идет речь о трансдисциплинарности. Под трансдисциплинарностью понимают один из основных принципов постнеклассической рациональности, согласно которому необходим диалог между учеными и представителями культуры. В научных сообществах всего мира разрабатываются и проникают в научный и образовательный процессы методы, которые сочетают в себе универсальные принципы как классической, так и постнеклассической рациональности. В этих методах значительное место отводится творческому компоненту, содержащему внушительный объем нерациональных познавательных актов.

Данная работа не содержит полного и детального обзора всех методов, которые используются в философии и истории для объяс-

нения того или иного исторического события, – сделать это в одной, даже развернутой статье не представляется возможным. Целью данной работы является анализ специфики и познавательного значения метода вариативного моделирования и метода художественного анализа исторического текста.

Рассматриваемые в данной работе вопросы, хотя и относятся к древнейшим и исконным темам философской мысли, но до сих пор считаются очень сложными и весьма бурно обсуждаются в истории и философии. Это вопросы о статусе истории и специфике исторического сознания, о методах постижения временных форм существования человека, об отношении к историческому тексту и т.д. Мы постоянно пытаемся проанализировать прошлое, стремимся к истинной и адекватной информации о прошлом во имя благого будущего человечества, что требует, и это уже очевидно на сегодняшний день, создания единого междисциплинарного подхода к изучению истории. Именно в этом подходе проявляется позиция современной исторической постнеклассической рациональности.

В настоящее время термин «история» используется в двух значениях: 1) как событие, имеющее значение для отдельного исторического субъекта; 2) как научная дисциплина, рассматривающая данное событие с точки зрения существенности для общего и дальнейшего хода развития. Таким образом, философское исследование исторического процесса разворачивается в двух плоскостях – методологической и объяснительной.

В период становления истории как науки на протяжении всего XIX в. практически все историки и философы (Г. Гегель, К. Маркс, О. Шпенглер и др.) создавали так называемую «универсальную историю», занимаясь описанием непосредственно самого прошлого, и рассматривали историю как материал, в котором происходит становление Человека и Человечества. Даже те философы, которые привели к разрушению классической традиции в философии истории – Ф. Ницше, З. Фрейд, по сути дела, опосредованно также пытались отыскать логику и смысл исторического процесса. Пристальное внимание ко всему тому, что происходило в прошлом, описание событий и затем поиск в этом некоего скрытого смысла, недоступного исследователю, и является основным методологическим требованием классического подхода в изучении истории. Таким образом, историческая действительность сводилась к по-

вестованиям, которые соединяли в себе две процедуры: 1) непосредственное переживание конкретного исторического события; 2) закрепление данного события в некоей знаковой системе – «сказании» (Г. Гегель).

«Таким образом, внешнее явление преобразуется во внутреннее представление. Подобно тому, как поэт перерабатывает материал, данный ему в ощущениях, чтобы выразить его в представлении» [6, с. 57]. Справедливости ради следует отметить, что образ истории как некоего сознания, повествования, античной трагедии обуславливался характером и особенностью мыслительной культуры XIX в. Вместе с тем, развитие и усиление внимания к изучению истории и специфики исторического сознания на рубеже XIX–XX в. продемонстрировал и своеобразный декаданс в истории с характерными для него романтическими представлениями о жизни, культуре и ценностях. Это не могло не спровоцировать появление новых методов и подходов в объяснении и изучении исторического процесса. Первые попытки нового осмысления истории мы находим у Ф. Ницше в его работе «О пользе и вреде истории для жизни». Открытая этим философом мыслительная эпоха принесла совершенно иное понимание истории, исторического сознания и исторической личности.

Современную историю уже невозможно представлять в образе античного театра, как это делал Г. Гегель. Театр XX в. – это театр парадоксов, абсурдов, сюрреализма, это место действий и размышлений Антонена Арто, Жана Кокто, Романа Виктюка. Образ исторического сознания и исторического процесса в том виде, в котором мы обнаруживаем в старых классических текстах по исторической проблематике и который мыслился как некий ценностный продукт, под давлением прагматичного мышления постепенно трансформируется и видоизменяется. Позитивисты первыми обвинили классическую философию истории, которую они совершенно незаслуженно называли «спекулятивной философией истории», в получении ложных знаний о прошлом, поскольку получаемые ею знания не верифицируются.

Начиная с 50-х г. XX в. складывается так называемая «критическая, постмодернистская философия истории», которая характеризуется огромным количеством направлений в философии и истории, пытающихся предложить различные методики по предо-

ставлению правдивого описания и, что не менее важно, объяснения прошлого. Это и герменевтический подход Г. Х. Гадамера, и известная теория «модели охватывающего закона» К. Гемпеля, теория действия Г. Х. фон Вригта, лингвистический анализ исторического текста Л. Витгенштейна, Дж. Остина, глобалистическая концепция Ф. Фукуямы, синергетический подход в изучении истории, который демонстрирует не один, а несколько вариантов будущего, и, наконец, ультрамодные в среде современных исследователей исторического процесса концепции Х. Уайта и Ф. Анкерсмита.

От зарубежных ученых не отставала и советская историческая и философская наука, разрабатывавшая проблему истинности исторического познания во всех его ракурсах. Некоторые методики были весьма интересны и оригинальны, например метод С. А. Яновской и метод вариативного моделирования исторического процесса.

Известный советский логик С. А. Яновская еще в 60-е г. XX в. поставила задачу разработки эмпирической логики, ориентированной на анализ конкретных текстов. Гуманитарные дисциплины, история в том числе, прибегают к логике в том случае, когда ограничена материальная и текстуальная база. В данном случае, по мнению Яновской, вполне эффективным в достижении истинного знания является использование различных логических средств: дедуктивных умозаключений, проверки текстов на логичность и истинность, теории аргументации и т.д. [5, с. 146].

Метод моделирования является одним из самых традиционных и универсальных методов в теории познания. Метод вариативного моделирования имеет дело с гипотетичным осмыслением социальных процессов, поэтому у нас есть все основания отнести его к идеальному моделированию, а если быть более точными – к иконическому (образному) моделированию. «Моделирующая вариативность проявляется в мысленном конструировании и анализе возможного хода развития событий и оценке на основании этого реально свершившегося процесса» [3, с. 66].

Принципиальное различие позиций историка и философа в анализе того или иного события, процесса или явления прошлого состоит в том, что историк видит в феноменах прошлого единственно возможный вариант развития. Философ же рассматривает случившееся как один из потенциально возможных путей, используя

для этого метод вариативного моделирования. Используя его, философ в своем сознании конструирует модели тех вариантов развития конкретного исторического события, которые не реализовались, но которые были потенциально заложены в ситуации и при необходимых условиях проявили бы себя. Иными словами, анализируя прошлое, философ не отвергает сослагательного наклонения в истории и выражения «если бы».

Что если бы Ватикан и Лютер пошли на компромисс и договорились на Вармском рейхстаге? А теоретически такая возможность была. Возможный вариант развития дальнейших событий: не было бы раскола на католиков и протестантов, и Европу не потрясли бы печально известные религиозные войны. Что если бы французские банкиры не устроили весной 1812 г. искусственный обвал франка? Возможный вариант развития событий: Наполеон вынужден был бы пойти на Россию не летом, а весной и даже при идентичных условиях военных событий возвращался бы в Европу на два месяца раньше. Он избежал бы морозов и сохранил бы армию – со всеми вытекающими из этого последствиями для своего Отечества и Европы. Что если бы большевик Джугашвили погиб при ограблении Тифлисского банка в 1906 г., а другой большевик В. И. Ульянов сгорел бы в торфяном пожаре при переходе из Разлива в Финляндию? – Ответ ...

Если среди философов такие вопросы ставятся, то среди историков они считаются даже неприличными. К сожалению, современная историческая наука очень редко обращается к анализу социальных событий с позиции их возможного вариативного развития, а это, в свою очередь, препятствует адекватному объяснению и оценке свершившихся событий. Реальная история намного беднее событиями, чем ее мыслимые вариации. Определяя и выявляя возможные линии развития исторического процесса в прошлом, философия стремится продолжить их в будущем, на практике реализуя свою прогностическую функцию. «Эффективность метода вариативного моделирования истории обусловлена многоплановым и многоуровневым характером социального бытия. Каждое реальное историческое событие представляет собой только одну из тысяч возможностей, представляет собой хитросплетение из многочисленных социальных, экономических, политических и духовных причин» [4, с. 235].

Огромные возможности в исследовании исторического процесса дает нам исторический текст. Художественная форма исторического повествования до недавнего времени казалась просто оболочкой, в которую облекались исторические тексты. В настоящее время очевидным считается факт, что форма, в которую облекается исторический текст, непосредственно связана со спецификой его осмысления. Историк, выстраивая свой текст, наполняет его индивидуальным звучанием, используя приемы, лексику, идеологию своего времени, то есть интерпретирует прошлое, что часто не соответствует истинному положению дел в прошлом. Прошлое начинает звучать с позиции настоящего, с позиции современности. Данную ситуацию в историческом познании весьма четко обозначил Хайден Уайт в своей работе «Метаистория».

Х. Уайт особо подчеркивал познавательную важность исторического текста в целом. В его теории исторический текст приобретает свойство непрозрачности и онтологизируется, становится вещью. Непрозрачность текста приводит к появлению особого текстуального механизма, позволяющего понимать историю и исторический текст как целостные, неразложимые на отдельные утверждения об историческом событии, вещи.

В своем произведении Уайт продолжил разговор, начатый в свое время Ницше, о субъективности труда историка, об историко-графических стилях; описывал лингвистические тропы, которые можно использовать для анализа исторических построений. К этим вопросам Х. Уайт подошел, анализируя манеру исторического исследования, специфику исторического воображения, стиль мышления вообще, таких известных мыслителей XIX в. как К. Маркс, Г. Гегель, Ф. Ницше. Он говорил о необходимости со стороны историка в исследовательской работе различать пять уровней в историческом тексте: 1) историческое описание, когда просто описываются отдельные ситуации в прошлом; 2) историческое объяснение; 3) исторический текст в целом (данный уровень Уайт считал наиболее важным и единственно верным в представлении истории); 4) сюжетный уровень или сценарий повествования; 5) идеологический уровень или идеологические пристрастия.

Для того, чтобы иметь дело с историческим текстом в целом, Х. Уайт создал своеобразную структуралистическую сетку исторического текста. Предлагаем следующую схему, которая позволит

наглядно понять идею структуралистической сетки исторического текста Х.Уайта.

Уайт утверждал, что историк моделирует историческое пространство, используя ту или иную топологическую модель. Первые два уровня являются примитивными, но необходимыми элементами исторического исследования, так как позволяют осуществить отбор и обработку исторических данных. На трех других уровнях Х. Уайт выделил по четыре возможных варианта работы с фактами, с помощью которых историк может добиться исследовательского результата. Анализируя специфику культуры XVIII в., Уайт пришел к выводу, что историк, описывая то или иное историческое событие, использует определенный историографический стиль, который представляет собой своеобразную комбинацию из сценария, аргументации и идеологических выводов.

Х. Уайт был уверен, что выбор архетипа артикуляции факта с каждого уровня не может быть произвольным, например, комедийный сюжет несовместим с формалистической научной аргументацией. При этом Уайт считает возможным вообще не обращать внимание на то, что учет идеологических пристрастий может привести с точки зрения логики к ошибкам в рассуждениях и выводах *argumentum ad hominem*, *argumentum ad publicum*, *petition principii*. Наличие пяти вышеперечисленных уровней придает своеобразие историческому тексту и позволяет говорить о школах и направлениях в истории и философии. По мнению Уайта, именно эти уровни

превращают историю из хроники и повествования в серьезную аналитическую науку о прошлом.

Основы связности и последовательности исторического рассказа являются поэтическими и, следовательно, лингвистическими. Современные языковые теории выделяют четыре основных тропа для анализа образного, поэтического языка: метафора, метонимия, синекдоха и ирония. Эти тропы позволяют охарактеризовать объекты в разных типах воображаемого дискурса.

В метафоре феномены охарактеризованы в терминах подобия или отличия друг от друга по образу подобия или сходности. Метафора утверждает, что сходность существует между двумя объектами перед лицом проявления различий между ними. Через метонимию определение части феномена заменяется на определение целого. В метонимии феномены не явно понимаются как несущие взаимосвязь друг с другом в модальности связи «часть с частью». Именно на ее основе можно повлиять на уменьшение одной из частей до статуса аспекта или функции другой. Понимать любой определенный ряд феноменов как существующий в модальности связей «части с частью», значит размышлять на тему различия между частями, которые всего лишь являются его аспектами. В синекдохе, которая рассматривается некоторыми исследователями как разновидность метонимии, феномен может быть охарактеризован как использующий часть для того, чтобы символизировать некоторые качества, предположительно присущие целостности. По средствам иронии сущности могут быть охарактеризованы путем отрицания на воображаемом уровне того, что позитивно подтверждено на буквальном уровне. Ирония предполагает, что читатель или зритель уже знает или в состоянии узнать абсурдность характеристики вещей, предписанной в метафоре, в метонимии или синекдохе, которые используются в виде формы. В иронии образный язык самораскрывается и привносит свой потенциал для искаженного восприятия вопроса. Поэтому характеристики мира, описанного в ироническом виде, часто рассматриваются как внутренне сложные, иррациональные. Ирония акцентирует идеи в области исследования на уровне самосознания, и на этом уровне возможна самокритичная концептуализация мира.

Работа Х. Уайта написана тридцать лет назад, но по-прежнему продолжает вызывать много споров. Наиболее слабым местом этого исследователя является то, что его совершенно не интересует вопрос, о чем же написана историческая работа, как текст соотносится с окружающим миром и с прошлым. Эти особенности теории

Х. Уайта позволили многим исследователям называть его теорию релятивистской, позволяющей лишь определенным образом интерпретировать исторический текст, учитывая особенности его создания. Многие исследователи считают, что чрезмерное увлечение художественным восприятием текста затрудняет его понимание, сводя философские приемы исследования исторического текста к эстетике. Тем не менее, метод Х. Уайта, оказался слишком интересным и своеобразным, чтобы оказаться затерянным в череде различных методов, предложенных философией для изучения прошлого человека.

Практически все обозначенные выше подходы и методы исследования исторического процесса ставят вопросы о том, как возможно знание о прошлом, как соотносятся между собой язык истории и само прошлое и, наконец, каковы должны быть формальные требования, предъявляемые к конкретному историческому объяснению. Кроме того, очевидным является выдвижение на передний план субъективного, психологического аспекта в исследовании исторического процесса. И если «классическая» история оперировала вопросами «Что случилось?», «Как это случилось?», то в новой, постнеклассической истории все вопросы слились в один «Почему это случилось?».

1. Аллак, Ж. Вклад в будущее: приоритет образования / Ж. Аллак. – М.: «Инфро-Пресс», 1993.

2. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. // пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: «Прогресс-Традиция», 2003.

3. Балахонский, В. В. Вариативность объяснения истории как проблема школьного преподавания / В. В. Балахонский // Просвещение. – 1999. – № 3.

4. Бахтин, М. В. Специфика метода вариативного моделирования истории / М. В. Бахтин // Материалы научной конференции «Философия XX века: школы и концепции». – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000.

5. Бирюков, Б. В. Опыт приложения логики и теории аргументации к историческим текстам / Б. В. Бирюков // Материалы научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

6. Гегель, Г. В. Философия истории / Г. В. Гегель. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1989.

7. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. / Х.Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ГУ, 2002.

Мижевич Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент (Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель)

ИЗМЕНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются изменения в теории и методологии устной истории, произошедшие в американской историографии в XX в., начиная с 1960-х г.

Для американской исторической науки XX в. были характерны поиски новых методов исследования, которые позволили бы взглянуть на прошлое человечества под другим углом. Еще К. Ясперс замечал, что история не завершена и таит в себе бесконечные возможности, и новые факты открывают в прошлом «не замеченную нами раньше истину» [2, с. 119]. Эти поиски дали несколько новых направлений, которые стали определяющими для развития истории во всем мире в прошлом веке и остаются актуальными сегодня. Среди этого многообразия новых методов исторического исследования не последнее место занимает устная история.

Устная история как историографическая и методологическая практика проделала долгий путь с момента своего провозглашения в конце 1948 г. в Колумбийском университете (США), где был создан Исследовательский Центр по изучению устной истории, и до настоящего времени. Однако её понимание не находилась в статическом состоянии. Современная теория и методология устной истории в науке значительно отличается от того смысла, который вкладывал в неё её создатель Алан Невинс. Алистер Томсон отмечал: «Теория и практика устной истории сильно изменились со времени её появления в послевоенные годы, и эти изменения проходили параллельно – и под влиянием – более широких изменений в историографии и методологии» [13, с. 50].

«Меняющееся лицо» устной истории стало предметом исследования для целого ряда историков. На сегодняшний день не существует однозначного понимания непосредственного развития теории и практики устной истории как в американской, так и в мировой историографии. Точки зрения на данную проблему порой кардинально отличаются друг от друга, и это учитывая то, что устная история как одно из новых направлений исторической науки существует лишь более 60 лет.

В 2007 г. в «The Oral History Review» (журнал Международной Ассоциации устной истории) появилась статья Алистера Томсона «Четыре трансформации парадигмы в устной истории» (Four Paradigm Transformations in Oral History) [13]. В данной статье автор применил для анализа изменений в теории и практике устной истории концепцию смены парадигм Томаса Куна (интересно то, что Томас Кун был не только выдающимся физиком, историком, философом науки, но и одним из пионеров устной истории науки).

Стоит сказать несколько слов непосредственно о понятии «парадигмы». Несмотря на то, что данный термин первоначально создавался для анализа развития естественных наук, однако практически сразу был успешно адаптирован и для наук гуманитарных. На сегодняшний день существует целый ряд историографических исследований, основанных на теории изменения парадигм. Что касается дефиниции данного понятия, то она довольно многопланова и порой авторы вкладывают в неё весьма различное значение. Сам Т. Кун писал: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11]. Также следует помнить, что, согласно куновской концепции, смена парадигм происходит не постепенно, в результате эволюции методологии или большего накопления знаний, а радикально в результате «научной революции».

В статье А. Томсон выделил четыре изменения исследовательской парадигмы устной истории, при этом давая довольно размытые хронологические рамки данных этапов. Так, первый этап он связывал с послевоенным ренессансом заинтересованности в человеческой памяти как источнике исторической информации. Многие устные историки, такие как Пол Томпсон, Давид Дунавэй, видели в этом продолжение давних традиций Античности и Нового времени, прерванных в XIX веке господством ранкеанства, квинтэссенция которого заключается в категорическом утверждении сорбонских исследователей К.-В. Ланглуа и Шарля Сейнобо, которые начали свой классический учебник «Введение в изучение истории» с формулы «нет документов – нет истории». Таким образом, развитие научной критики источников, а затем утверждение позитивизма привели к установлению в историографии своеобразного «культу факта», опиравшегося на представления о безусловной достоверности

письменного документа. Изменение в мировоззрении историков наступило лишь после Второй мировой войны, хотя предпосылки к этому были заложены в американской историографии еще в 20-е – 30-е гг. XX в.

Главным образом ценность памяти и человеческих воспоминаний для истории подчеркивал Алан Невинс. В своей работе «Ключ к истории» (The Gateway to History) [7], которая увидела свет в 1938 г., он подверг острой критике организацию сбора исторических источников в США, которая, по его мнению, устарела и требовала определенных изменений, прежде всего создания отделов по сбору воспоминаний. Он указывал на изменившуюся структуру исторических источников. Работая над биографиями известных политических деятелей, еще будучи журналистом, Невинс раньше других осознал влияние технического прогресса на корпус исторических источников, а следовательно, и на ремесло историка. В начале XX в. важнейшие события часто не оставляли после себя никаких следов по двум причинам. Во-первых, в отличие от своих предшественников, при которых еще при жизни создавались обширные архивы, политики и промышленники XX в. игнорировали переписку, предпочитая ей использование телефона, чтобы достигнуть скорости и тайны в коммуникации, или личные встречи с глазу на глаз, используя возможность за несколько часов перелететь из одного конца Америки в другой [6, с. 34]. Во-вторых, к политикам и промышленникам пришло понимание того, что рано или поздно многие из документов становятся достоянием общественности. Так называемая «боязнь аспирантов последующих десятилетий» вынуждала высокопоставленных должностных лиц изменять в документах реальные причины некоторых из их действий [9, с. 71]. Порой единственной возможностью проникнуть за кулисы политики и крупного бизнеса становилась беседа с самими участниками событий.

А. Невинс понимал, что это должна быть не просто спорадическая активность некоторых исследователей, а системная работа по созданию архивов воспоминаний. Для этого было необходимо создание специальной организации, которая занималась бы непосредственным сбором интервью. Он писал: «Существует огромное количество учреждений для поиска документов умерших людей. Но у нас есть только разрозненные бессистемные организации, пред-

назначенные для получения лишь малой толики из огромной массы информации о недавнем американском прошлом, которую можно получить непосредственно от людей, занимающих видное место в политике, бизнесе, в различных профессиях и других областях; это информация, которую мы бесследно теряем с очередным некрологом» [7, с. IX].

Через десять лет он реализовал свою заветную цель, и в 1948 г. в Колумбийском университете появился первый в своем роде Исследовательский центр по изучению устной истории (Oral History Research Office). Основной задачей данного Центра было проведение и хранение «интервью с непосредственными участниками новейшей истории с целью дополнения письменных исторических источников» [10, с. 11].

Какой-то определенной методологии проведения интервью у пионеров данного направления не было. Поэтому, на мой взгляд, мы не можем говорить о существовании какой-либо исследовательской парадигмы. Так, например, А. Невинс, по выражению, Джефа Титона, просто учил своих последователей «задавать вопросы адвокатов» с целью как можно более четкой реконструкции прошлого [5, с. 142]. По сути работа с такими воспоминаниями ничем не отличалась от работы с письменными архивными источниками, просто порой помогала восполнить существующие пробелы в документах. Проблема достоверности подобного источника информации не рассматривалась. Не существовало каких-либо методик проведения интервью.

Первоначально устная история в США понималась главным образом как отрасль архивного дела. Магнитофон использовался лишь для более четкой записи воспоминаний очевидцев. Однако звукозапись не являлась конечным этапом работы устных историков. Позднее они делали транскрипции интервью, которые редактировали по сути рассказ очевидца, т.к. общепринятой практикой было стремление к созданию стройного рассказа, где бы четко были видны факты, полезные для реконструкции прошлого. Кроме того, из-за дороговизны магнитофонной ленты она использовалась по нескольку раз, и часть интервью, собранных во время первых проектов, сегодня существуют лишь в виде транскрипций. Это также во многом было связано с тем, что пионеры устной истории постоянно находились под огнем критики со стороны историков, использовав-

ших в своих исследованиях исключительно архивные материалы, поэтому они постоянно пытались сделать собранные материалы как можно более релевантными. Для этого видели лишь один выход, приблизить их как можно ближе к письменным архивным источникам исторической информации [6, с. 36].

Главными причинами критики устной истории было то, что она опиралась лишь на человеческую память, которая, по мнению большинства историков, могла быть искажена в результате естественных физических ухудшений работы мозга, связанного со старением человека, ностальгией, влиянием коллективных и ретроспективных версий прошлого. И даже исключая все вышеперечисленные факты, полученный фактический материал являлся лишь субъективной картиной прошлого, созданной одним человеком, что приводило, по мнению критиков устной истории, к появлению не объективной истории прошлого, а лишь новых мифов.

Стоит отметить, что часто в литературе можно встретить точку зрения, гласящую, что главным источником критики устной истории были историки консервативных политических взглядов, и реальным поводом было то, что устные историки в основном сфокусировали свое внимание на изучении обычных людей: рабочих, беднейших жителей городов, чернокожих, женщин и т.д. Этим самым критики как бы отстаивали интересы представителей политической и экономической элиты, историей которой главным образом и занимались. С этим трудно согласиться. Критика относилась не к тематике исследований, а именно к методике работы с источниками информации. А она была одинакова у тех и у других. А. Невинс, работая над биографией Генри Форда, использовал воспоминания о нем сотрудников компании Форда, не подвергая их критике, просто включая в текст своей книги [8]. Так же поступил и Стад Теркеля в книге «Тяжелые времена: Устная история Великой депрессии» [11], где прошлое было показано сквозь призму воспоминаний очевидцев. Однако они также не подвергались какому-либо анализу, а лишь компилировались автором в определенном порядке, создавая, по его словам, «мозаику воспоминаний».

Сторонники устной истории были вынуждены отвечать на сыпавшуюся постоянно в их сторону критику. Однако, к середине 60-х гг. XX в. изменилось место устной истории в американской историографии. Она становилась все более популярной, чему спо-

собствовало то, что она культивировалось в ведущих университетах США – Колумбийском университете, Университете Беркли и Университете Лос-Анджелеса, и все более остро вставала необходимость выработки единой теоретико-методологической концепции устной истории.

Для этого А. Невинс и Джеймс Минк организовали первую конференцию – «Национальный коллоквиум по устной истории», которая состоялась в 1967 г. в Лайк Эроухэд (Lake Arrowhead). На неё съехалось более 70 сторонников устной истории со всех уголков США [10, с. 14]. Это были не только историки, но и архивисты, библиотекари, психологи, этнографы, фольклористы, социологи и др. В течение трех дней они дискуссировали по поводу самых важных вопросов: дефиниции устной истории, возможностях её использования, техники проведения интервью и возможности профессионализации стандартов.

Итогом работы конференции стало создание Ассоциации устной истории, которая объединила всех сторонников устной истории в США. Вторым, более важным последствием конференции стала выработка первой теории и практики устной истории, которая стала ответом на критику. Главной целью было создание технологии оценки надежности полученной информации в результате интервью. Для этого устные историки обратились к другим гуманитарным наукам и заимствовали ряд методов: от социальной психологии и антропологии они заимствовали теории работы памяти, методы её очистки от различных налетов, понимание влияния непосредственно интервью на воспоминания, т.е. проблема ретроспективы и довольно быстрого за относительно короткий промежуток времени воспоминания определенного отрезка прошлого; от социологии они приняли метод репрезентативной выборки; от «классической» истории они принесли правила проверки надежности и внутренней логичности источника. Данные наработки были записаны в «Принципах и стандартах Ассоциации устной истории» и стали обязательными для всех её членов.

Важным достижением конференции был пересмотр значения субъективности устной истории. Из недостатка она превратилась в достоинство материалов, полученных в результате интервью, т.к. давала возможность увидеть «чистый» смысл того, как это было на самом деле» [4, с. 78]. Субъективность памяти обеспечивала исто-

рика ключом к пониманию соотношения между прошлым и настоящим, между памятью и личной идентичностью, между индивидуальной и коллективной памятью. Во многом это было связано с быстрым распространением в американской историографии интереса к истории различных маргинальных групп, с развитием так называемой «новой социальной истории».

На мой взгляд, отличным примером значения субъективности для воссоздания прошлого является монография Кэтлин Бли «Женщины ку-клукс-клана» [3], та будничность, даже гордость, с которой ее «героини» вспоминали о своем активном участии в экстремистской организации, несколько шокирует. Однако следует помнить, что для тех женщин это была одна из немногих, а в южных консервативных штатах, возможно, единственная возможность участия в политической жизни. Только с помощью устной истории можно было увидеть такие противоречивости прошлого.

В своей статье А. Томсон связывал вторую парадигму устной истории именно с осознанием значения субъективности воспоминаний и появлением ряда работ, основанных на анализе субъективного восприятия событий прошлого. Сущность заключалась главным образом в том, чтобы показать прошлое глазами отдельно взятого человека. Создавалась по сути не история целого общества, а история отдельно взятой социальной группы, или это могла быть «своя» история жителей какой-либо отдельно взятой деревни. Вторая парадигма, по его мнению, заняла свое место в методологии устной истории на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в. и просуществовала до начала 80-х гг.

Появление третьей парадигмы А. Томсон связывал с дискуссией о роли устного историка как интервьюера. Данная проблема появилась на рубеже 70-х – 80-х гг. XX в. Это было время окончательной интеграции международного сообщества устных историков, поэтому решением данной проблемы занимались совместно устные историки США и стран Западной Европы. Для координации своих исследований и обмена наработками в области теории и практики устной истории в 1979 г. в Эссексе (Англия) была организована первая международная конференция по устной истории. На ней главное место занимала именно указанная выше дискуссия [13, с. 62].

Суть проблемы заключалось в оценке роли и места исследователя в процессе сбора и записи воспоминаний и непосредствен-

но во время интервью. С этого времени устного историка начали рассматривать как соавтора воспоминаний, как особу, имевшую огромное влияние на конечный продукт устной истории – магнитофонную запись. В итоге изменилось понимание исследовательской объективности, и внимание теоретиков устной истории переместилось на рассмотрение специфически понимаемого субъективизма. На первое место вышли проблемы межличностных отношений и интерактивности во время интервью. Итогом стало признание значительного влияния исследователя на ход интервью и возможности его влияния на его содержание. Главной целью стало нахождение пути для минимизации роли исследователя.

Решение этой проблемы предложила Валерия Ев (Valerie Yow), которая призвала «к объективному отношению к нашей собственной субъективности» и разработала вопросник для исследователей, целью которого была помощь историкам в проведении авторефлексии перед началом проекта и позже, перед проведением каждого интервью. Данный вопросник включает семь основных вопросов: 1) Что я чувствую по отношению к рассказчику? 2) Что общее, а что отличное у меня с рассказчиком? Как это влияет на интервью? 3) Как моё мировоззрение влияет на процесс интервьюирования? С какой социальной группой за пределами проекта я себя идентифицирую? 4) Почему я делаю данный проект (прежде всего)? 5) При выборе тем и вопросов, какие варианты у меня были? Почему я остановился именно на этом варианте вопросов? 6) Какие другие возможности проведения интервью существуют? Почему я их отклонил? 7) Какой эффект на меня оказывает тема моего исследования? Как мои действия влияют на исследование? [14, с. 65-70].

Данный вопросник был одобрен мировым сообществом устных историков и стал широко применяться. Хотя, на мой взгляд, его эффективность в борьбе с субъективизмом исследователя трудно поддаётся оценке. Просто это стало еще одним шагом в сторону совершенствования теории и методологии устной истории.

Четвертая парадигма, согласно Алистеру Томсону, появилась в середине 90-х гг. прошлого века и лишь усиливает свою доминацию до сегодняшнего дня. Причиной смены парадигмы стала так называемая «цифровая революция» (Digital Revolution) [13, с. 68]. Она связана с радикальным прогрессом в средствах аудио- и видеозаписи и средствах коммуникации. На устную историю она оказала колоссальное влияние.

Во-первых, благодаря значительному упрощению, как сбора, так и презентации материалов устной истории, на первый план вышла именно устная составляющая. Если в предыдущие годы, как уже отмечалось выше, в основном широкой общественности представлялись лишь транскрипции интервью или непосредственно уже анализ собранного материала в варианте монографии, то сейчас исследователи легко могут познакомиться в архиве с живым словом, а порой и видеозаписью воспоминаний. Это позволяет передать все нюансы интонации голоса очевидца во время интервью, а в случае видеозаписи — мимику и жесты. Сейчас устный историк не всегда должен был сам проводить интервью, а мог с легкостью использовать наработки своих коллег. Это привело к специализации устных историков. Одни стали только собирать материал, что приблизило их к пионерам устной истории, которые часто занимались лишь сбором воспоминаний и громоздили их в архивах. Другие же стали заниматься лишь обобщением собранного материала, что также имеет плюсы для конечного результата, т.к. это, как правило, люди, обладающие глубокими знаниями в различных областях, связанных с механизмами человеческой памяти.

Во-вторых, упростился доступ к коллекциям воспоминаний, часто в научный оборот возвращаются ранее собранные материалы, которые переводятся с аналоговой магнитофонной ленты в цифровой вариант. С развитием Интернета они становятся доступными историкам со всех уголков мира. Уже сегодня существуют компьютерные программы, позволяющие находить в интервью интересные исследователя отрывки. Примером такого применения современных технологий является созданная Михаэлем Фришем (Michael Frish) **организация «The Randforce Associates», которая занимается исследованиями в области усовершенствования поисковых систем для коллекций воспоминаний [12].**

«Цифровая революция» кроет в себе также ряд недостатков и проблем, решение которых еще только предстоит найти. Прежде всего, проблема того, как будет чувствовать себя человек под объективом камеры. Вопрос в том, будет ли он столь же откровенен, как и рассказывая историю своей жизни, которая записывается на небольшой диктофон, который не привлекает его внимание.

Таким образом, теория и методология устной истории претерпели значительные изменения. Однако было ли это изменение

исследовательской парадигмы, о которой пишет А. Томсон? На мой взгляд, нет. Трудно говорить о существовании какой-либо парадигмы устной истории в первые двадцать лет её существования. Пионеры устной истории действовали во многом интуитивно и в рамках существующей ранее парадигмы. Их главной задачей было стремление вписаться в историческую науку, в такую, какой она была, а не менять её радикально. Первая целостная концепция устной истории появилась лишь после конференции 1967 г. Именно с этого момента можно говорить о методологии устной истории. Что касается дальнейших этапов, выделяемых Алистором Томсоном, то они, на мой взгляд, не являются этапами, связанными с функционированием той или иной парадигмы устной истории. Понимание пользы субъективности воспоминаний, а также роли исследователя в процессе интервью лишь стали очередными этапами развития методологии устной истории, стали результатом усиления междисциплинарности и адаптации методов из различных наук для потребностей устной истории. А последний этап, а именно «цифровая революция», вообще связан, главным образом, с изменениями инструментария устной истории, что, безусловно, расширило возможности исследователя, но никак не повлияло на методологию устной истории.

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
3. Blee, K. Women of the Klan: Racism and Gender in the 1920s. / K. Blee. – Berkly: University of California Press, 1991. – 244 p.
4. Frisch, M. A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History / M. Frish. – Albany: State University of New York Press, 1990. – 270 p.
5. Gerald, L.F. Immersed in Great Affairs: Allan Nevins and the Heroic Age of American History / L.F. Gerald. – New York: SUNY Press, 2004. – 243 с.
6. Grele, R. Oral history as Evidence / History Of Oral history: foundations and methodology. / T.L. Charlton, L.E. Myers, R. Sharpless. – Rowman: Altamira, 2007. – P 33–94.
7. Nevins, A. The Gateway to History / A. Nevins. – New York: D. Appleton-Century, 1938. – 482 p.
8. Nevins, A. Ford: The Times, the Man, the Company / A. Nevins. – New York: Scribner, 1954. – 675 p.
9. Schlesinger, A.Jr. On the Writing of Contemporary Hhistory / A.Jr. Schlesinger // Atlantic Monthly. – 1967. – March. – № 219. – P. 68–75.

10. Sharpless, R. The history of Oral history / History of Oral history: foundations and methodology. / T.L. Charlton, L.E. Myers, R. Sharpless. – Rowman: Altamira, 2007. – P. 9–32.

11. Terkel, S. Hard Times: An Oral History of the Great Depression / S. Terkel. – New York: Pantheon books, 1970. – 463 p.

12. The Randforce Associates [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.randforce.com> – Дата доступа: 17.09.2011.

13. Thomson, A. Four Paradigm Transformations in Oral History / A. Thomson // The Oral History Review. – Vol. 34. – Issue 1. – 2007. – P. 49–70.

14. Yow, V. «Do I Like Them Too Much?» Effects of the Oral History Interview on the Interviewer and Vice-Versa. / V. Yow. // Oral History Review. – Vol. 24. – Issue 1. – 1997. – P. 55–79.

Бутько Владимир Николаевич – аспирант Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

УДК 930(476)

С. В. Марозава

КАНФЕСІЙНАЯ ГІСТОРЫЯ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ГРДУ ІМЯ Я. КУПАЛЫ

Разглядаецца традыцыя даследавання канфесійнай гісторыі Беларусі, якая склалася на кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я. Купалы.

Даследаванне гісторыі рэлігіі і царквы ў Беларусі з'яўляецца на факультэце гісторыі, камунікацыі і турызму паўвекавой навуковай традыцыяй, якую ў сярэдзіне 1950-х г. заклаў вучоны і педагог Я. Н. Мараш. Чалавек энцыклапедычных ведаў, нястомнай энергіі і вялікай працаздольнасці, ён прыйшоў на факультэт у 1955 г., абараніўшы ў Вучоным савеце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта кандыдацкую дысертцыю на тэму «Агрэсія каталіцызма і Ватыкана ў Літве і ў Беларусі ў канцы XVI – пачатку XVII ст.». Кола навуковых інтарэсаў гэтага даследчыка было шырокае: методыка выкладання гісторыі, гістарычнае краязнаўства Гродзеншчыны, але найбольш цікавіла гісторыя каталіцкай царквы ў Беларусі ў XVI–XVIII ст. і пытанні гісторыі рэлігійна-філасофскага вальнадумства ў Беларусі [1].

На мяжы 1960-х – 1970-х г. Я. Н. Мараш выдаў тры манаграфіі: «Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспан-

сии католической церкви» [2], «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795)» [3] і «Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в.» [4] і імі атрымаў прызнанне ў БССР, СССР і за мяжой як даследчык гісторыі каталіцкай царквы ў Беларусі ў XVI–XVIII ст. У 1973 г. ён абараніў у Беларускай дзяржаўным універсітэце доктарскую дысертацию «Нарысы гісторыі экспансіі каталіцкай царквы ў Беларусі ў 1569–1795 гг.». Хоць яго працы і нясуць на сабе адбітак тагачасных ідэалагічных схем, але даюць багаты фактычны матэрыял і аўтарскую трактоўку працэсу фарміравання на Беларусі рымска-каталіцкай царквы [1, с. 11; 5, с. 204–205].

На працягу канца 1970-х – першай паловы 1980-х г. прафесар Я. Н. Мараш стварыў на гістарычным факультэце навуковую школу даследавання кафесійнай гісторыі Беларусі. Першымі ў ёй былі абароненыя ў 1979 г. кандыдацкія дысертцыі аспірантак Т. Б. Бліновай і Н. У. Паўлючэнкі. Пасля выхаду ў свет дзвюх манаграфій дацэнт Т. Б. Блінова стала вядомай як буйнейшы беларускі даследчык дзейнасці ордэна езуітаў на Беларусі. Н. У. Паўлючэнка даследавала гісторыю праваслаўнай царквы Беларусі ў пачатку XX ст. [6, с. 8–9].

Са стварэннем у 1981 г. кафедры гісторыі БССР, якую ўзначаліў прафесар Я. Н. Мараш і на якой праходзілі падрыхтоўку ў аспірантуры, а потым і заставаліся працаваць яго вучні, гісторыка-кафесійная праблематыка на працяглы час стала яе галоўным навуковым прыярытэтам.

У першай палове 1980-х г. распрацоўвалі гісторыю ўніяцкай (грэка-каталіцкай) царквы Беларусі і абаранілі кандыдацкія дысертцыі выхаванцы Я. Н. Мараша С. В. Палуцкая (Марозава) і І. А. Фёдараў, пры гэтым першая вывучала гістарычную ўнію 1596 г., другі – неаўнію ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 г. [1, с. 12].

У першай палове 1980-х гг. на кафедры выконвалася навуковая работа «Вальнадумства, атэізм і гісторыя рэлігіі ў Беларусі (дакастрычніцкі перыяд)». У яе межах па заданню Інстытута гісторыі АН БССР выкладчыкі вывучалі тэму «Сяляне царкоўных уладанняў» (Я. Н. Мараш, Н. У. Паўлючэнка, Т. Б. Блінова, С. В. Палуцкая) [7, арк. 317]. Н. У. Паўлючэнка даследавала дзейнасць праваслаўнай царквы ў гады першай рускай рэвалюцыі (1905–1907 гг.). Вынікі даследаванняў па НДР знайшлі таксама адлюстраванне ў манаграфіі Я. Н. Мараша « Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белорус-

сии (1918–1939)» [8], у зборніках навуковых работ «Актуальные вопросы атеизма и критики религии», «Вопросы атеизма и истории религии».

На мяжы 1980-х – 1990-х г. у айчынных і замежных навуковых колах і ў грамадстве значна ўзрасла цікавасць да канфесійнай гісторыі Беларусі, не заахвочваемая раней у СССР. З канца 1990-х гг. традыцыя гісторыка-канфесійных даследаванняў набыла новае жыццё і на гістарычным факультэце, выйшла за межы кафедры гісторыі Беларусі. У гэтым проблемным полі стала працаваць цэлая група факультэцкіх выкладчыкаў. З цікавасцю бяруцца за яго студэнты і магістранты. Як і ва ўсёй гістарычнай навучы на постсавецкім абшары, тут запанавалі новыя метадалагічныя падыходы. Адышоў у нябыт разгляд царквы як «оплота реакции и мракобесия». Было прызнана, што яна з’яўляецца важным фактарам культуры і дзяржаватварэння і адыграла значную ролю ў духоўным і грамадска-палітычным жыцці беларускага народа, у этнанацыянальных працэсах.

У 1990-я гг. у даследчую дзейнасць у межах закладзенай Я. Н. Марашам праблематыкі і метадалогіі ўключылася яго вучаніца С. У. Дэйкалава (Сілава). Яе асноўная «навуковая дзялянка» – дзейнасць праваслаўнай царквы Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны [9, с. 122]. У 2000 г. яна абараніла кандыдацкую дысертацию па тэме «Праваслаўная царква ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.)». Цікавасць да гэтай работы праявіў Беларускі экзархат Рускай праваслаўнай царквы, які ў 2004 г. выдаў, а ў наступным годзе перавыдаў манаграфію дацэнта С. У. Сілавай «Крестный путь. Православное духовенство в годы Великой Отечественной войны» [10; 11].

2000-я гады далі значны плён у гісторыка-канфесійных даследаваннях, якія вяліся на кафедры. Аўтар гэтых радкоў даследавала этнакультурныя аспекты стварэння, функцыянавання і ліквідацыі ўніяцкай царквы ў Беларусі; выдала манаграфію «Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады)» [12]; абараніла па гэтай тэме доктарскую дысертацию, рэалізавала шэраг навукова-даследчых праектаў, а апошні час звярнулася да вывучэння заключнага этапа гісторыі ўніяцкай царквы Беларусі (канец XVIII – першая палова XIX ст.) і працуе ў межах проблемнага поля «Дэўнізацыі (ліквідацыя ўніяцкай царквы) ў Беларусі і рэакцыя на яе беларускага грамадства (1780–1839 г.)».

У 2002 г. выйшла з друку манаграфія дацэнта Т. Б. Бліновай «Иезуиты в Белоруссии. Роль иезуитов в организации образования и просвещения» [13]. У такой пастаноўцы гісторыя езуітаў упершыню даследавана ў беларускай гістарыяграфіі.

Сферай навуковых інтарэсаў прафесара Э. С. Ярмусіка з'яўляецца гісторыя рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі ў XX ст. Пяру даследчыка належаць многія дзесяткі навуковых артыкулаў, выдадзеныя ў Беларусі і за мяжой, і дзве манаграфіі: «Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945)» [14], «Католический костел в Беларуси в 1945–1990 гг.» [15]. У сваёй рэцэнзій на гэтыя манаграфіі прафесар Р. Дзванкоўскі з Люблінскага каталіцкага ўніверсітэта адзначыў грунтоўнасць іх крыніцавай базы, вялікую пазнавальную каштоўнасць і ахарактарызаваў як важнае навуковае дасягненне беларускай гістарыяграфіі па праблемах гісторыі рэлігіі ў Беларусі [16]. Доктарская дысертацыя Э. С. Ярмусіка на тэму «Рымска-каталіцкая царква ў Беларусі (1939–1991 гг.)» таксама ўводзіць у навуковае абарачэнне комплекс унікальных дакументаў са шматлікіх архіваў Беларусі, Расіі і Польшчы, у тым ліку да нядаўняга часу засакрэчаных.

Тэма дзяржаўнай канфесійнай палітыкі ў Беларусі на розных часавых адрэзках, дзяржаўна-царкоўных адносін уваходзіць у сферу навуковых інтарэсаў усіх тых выкладчыкаў, якія займаюцца гісторыка-канфесійнай праблематыкай. Спецыяльна ёй займаецца А. М. Загідулін. У 2005 г. ён абараніў у Інстытуце гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі кандыдацкую дысертацыю на тэму «Нацыянальная і канфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)», а потым выдаў вучэбны дапаможнік «Этнаканфесійная палітыка улад на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)» [17] і манаграфію «Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)» [18].

Пачынаючы з 2006 г., на кафедры выконваюцца навукова-даследчыя работы па гісторыка-канфесійнай праблематыцы: «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа (канец Х – пачатак XX ст.)», «Беларуская мадэль канфесійнага развіцця (XVI–XX ст. ст.)», «Уніяцкая царква Беларусі ў Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)». У іх межах была праведзена серыя навуковых канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе бела-

рускага народа». Навуковыя зборнікі па іх выніках сталі ўкладам кафедры ў айчынную гістарыяграфію канфесійнай гісторыі [19–21]. Таксама «серыйным» стаў рэспубліканскі «круглы стол» «Святло зямлі беларускай», які, пачынаючы з 2010 г., штогод ладзіцца кафедрой сумесна з Гродзенскай праваслаўнай епархіяй. Кожнае з такіх мерапрыемстваў мела сваю навуковую праблему для абмеркавання: першы «круглы стол» быў прысвечаны святым Ефрасінні Полацкай і Кірыле Тураўскаму, другі – навамучанікам XX ст., наступны – царкоўным гісторыкам і краязнаўцам другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Сваімі даследаваннямі выкладчыкі кафедры рэканструявалі шматлікія невядомыя факты, вярнулі ў гістарычную памяць шэраг забытых імёнаў, удакладнілі веды пра малавядомыя працэсы і з’явы канфесійнай складаемай беларускай гісторыі. Апошняя з удзелам кафедры прыводзіцца ў адпаведнасць з сучасным станам ведаў і крыніцавай базы, канцэптуальна пераасэнсоўваецца.

Вынікі навуковых даследаванняў кафедры ўкаранены ў практыку работы Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі, Гродзенскай праваслаўнай епархіі, школ вобласці і горада, а таксама ў вучэбны працэс, у аўтарскія спецкурсы: «Езуіты ў Беларусі (канец XVI–XVIII ст.)», «Берасцейская царкоўная ўнія 1596 г. у гісторыі Усходняй Еўропы (канец XVI–XIX ст.)», «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа (канец X – пачатак XX ст.)», «Хрысціянскія канфесіі на Беларусі ў XX ст.», «Праваслаўная царква ў Беларусі ў канцы XVIII–XX ст.», «Праваслаўная царква Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны», «Праваслаўная культура Беларусі».

Такім чынам, вучоны і педагог Я. Н. Мараш у сярэдзіне 1950-х гг. заклаў на гістарычным факультэце традыцыю распрацоўкі беларускай гісторыка-канфесійнай праблематыкі. З канца 1970 – першай паловы 1980-х гг. бярэ свой пачатак заснаваная прафесарам навуковая школа даследавання канфесійнай гісторыі. У гэтым праблемным полі даследчай дзейнасцю займаліся выкладчыкі кафедры Т. Б. Блінова, Н. У. Паўлючэнка, С. В. Палуцкая (Марозава), І. А. Фёдараў, М. М. Ганчароў. Сёння гэту традыцыю працягваюць С. В. Марозава, Э. С. Ярмусік, С. У. Сілава, А. М. Загідулін. Пад іх кіраўніцтвам па беларускай гісторыка-канфесійнай праблематыцы выконваюцца кандыдацкія і магістэрскія дысертацыі, шматлікія курсавыя і дыпломныя работы.

На кафедры даследуецца гісторыя асноўных хрысціянскіх культавых інстытутаў Беларусі: этнакультурныя аспекты дзейнасці ўніяцкай царквы (1596–1839 г.), этноканфесійная палітыка польскіх уладаў у Заходняй Беларусі (1921–1939 г.), дзейнасць праваслаўнай царквы ў гады Вялікай Айчыннай вайны, становішча рымска-каталіцкага касцёла ў 1939–1991 г. Вучоныя кафедры ўзбагацілі карціну айчыннай канфесійнай гісторыі. 2000-я гг. узмацнілі аўтарытэт гэтай навуковай школы.

1. Марозава, С. В. Навукова-педагагічная школа прафесара Я. Н. Мараша / С. В. Марозава // Шлях у навуку: да 55-годдзя студэнцкага навукова-даследчага гісторыка-краязнаўчага гуртка «НіКа»: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэд. кал. Н. А. Івашчанка, С. В. Марозава, І. В. Соркіна [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2011. – С. 9–15.

2. Мараш, Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 218 с.

3. Мараш, Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.

4. Мараш, Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я. Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 288 с.

5. Федоров, И. О. Яков Наумович Мараш – ученый, педагог, гуманист / И. О. Федоров // Шлях у навуку: матэрыялы 7-й рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 40-годдзю студэнцкага навукова-краязнаўчага гуртка ГрДУ імя Янкі Купалы. – Гродна: ГрДУ, 1997. – С. 199–206.

6. Марозава, С. В. Гісторыка-канфесійныя даследаванні на кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Янкі Купалы / С. В. Марозава // Веснік ГрДУ. – Серыя 1. – 2009. – № 3. – С. 8–12.

7. ДАГВ. – Ф. 991. – Воп. 3. – Спр. 521. План работы, протоколы заседания Советов и отчет о научно-исследовательской работе кафедры истории БССР за 1982–1983 уч. год. – 347 арк.

8. Мараш, Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939) / Я. Н. Мараш. – Минск: Беларусь, 1983. – 96 с.

9. Морозова, С. В. Научная историческая школа: направление «Исследование конфессиональной истории Беларуси» / С. В. Морозова, Э. С. Ярмусик // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. – Серыя 1. – 2010. – № 1. – С. 120–124.

10. Силова С. В. Крестный путь (православное духовенство в Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С. В. Силова. – Мн.: Белорусский Экзархат, 2004 – 80 с.

11. Силова С. В. Крестный путь (православное духовенство в годы Великой Отечественной войны) / С. В. Силова. – Мн.: Белорусский Экзархат, 2005. – 120 с.

12. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С. В. Марозава // пад навук. рэд. У. М. Конана. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.

13. Блинова Т. Б. Иезуиты в Белоруссии. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 427 с.
14. Ярмусик Э. С. Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) / Э. С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 240 с.
15. Ярмусик, Э. С. Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 гг. / Э. С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ им. Я.Купалы, 2006. – 568 с.
16. Дзванкоўскі, Р. Цярпенне і надзеі каталіцкага Касцёла ў Беларусі / Р. Дзванкоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 1. – С. 68–70.
17. Загідулін, А. М. Этнаканфесійная палітыка польскіх улад у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 71 с.
18. Загідулін, А. М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін. – Гродна: ГрДУ, 2010. – 183 с.
19. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гіст. НАНБ; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 503 с.
20. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. Ч. 1 / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – 385 с.
21. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. Ч. 2 / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Э. С. Ярмусік [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – 349 с.

Марозава Святлана Валянцінаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

УДК 94(476)

С. С. Цярэнцьева

ЯЗАФАТ КУНЦЭВІЧ ПАВОДЛЕ ЯГО ЭПІСТАЛЯЦЫ

Аналізуецца перапіска полацкага ўніяцкага архіепіскапа Я. Кунцэвіча з канцлерам ВКЛ Львом Сапегам у 1621–1622 г.

Постаць Я. Кунцэвіча, архібіскупа полацкага, віцебскага і мсціслаўскага, яго дзейнасць і роля ў гісторыі па сённяшні дзень выклікаюць шматлікія спрэчкі паміж гісторыкамі і даследчыкамі Царквы. Каб даць аб'ектыўную адзнаку падзеям таго часу, варта звярнуцца да вывучэння крыніц, а менавіта – да прыватных лістоў Язафата. Справы разлеглай дыяцэзіі вымагалі ад яго сталых

кантактаў з вышэйшымі духоўнымі і дзяржаўнымі асобамі. Акцэнтам увагу на ліставанні Я. Кунцэвіча з яго славутым сучаснікам – канцлерам ВКЛ Львом Сапегам.

Лісты Я. Кунцэвіча сталі аб'ектам увагі адразу пасля яго гвалтоўнай смерці 12 лістапада 1623 г. у Віцебску. Ужо 17 студзеня 1625 г. на ўрачыстае перанясенні цела Язафата ў катэдральную царкву Святой Сафіі архібіскуп смаленскі Лявон Крэўза ў сваім паслялітургічным казанні цытаваў урыўкі з некалькіх лістоў пакутніка. Пазней ў час першага полацка-віцебскага працэсу ў справе абвяшчэння Я. Кунцэвіча бласлаўёным, які доўжыўся ад 20 сакавіка да 1 красавіка 1628 г., згадаў пра іх езуіт Валенцін Кольненскі. У XVIII ст. эпісталецыяй архібіскупа зацікавіўся расійскі ўрад, які захацеў скарыстаць дакументы дзеля апраўдання сваіх акцый гвалтоўнага далучэння ўніятаў да Рускай праваслаўнай царквы.

Афіцыйная прапаганда мела на мэце паказаць прымус пры фармаванні ўніяцкай царквы, каб згаданыя вышэй дзеянні расійскай адміністрацыі не выглядалі надта жорсткімі. Цэнтральнае месца ў кампаніі дыскрэдытацыі надавалася лісту ад 12 сакавіка 1622 г. канцлера Сапегі, напісанага да полацкага ўладыкі. Гэты ліст быў сфальшаваны ў 1793 г. (калі ў Рыме пачаўся працэс прызнання Я. Кунцэвіча святым Каталіцкай Царквы) і перасланы ў Рым, пра што будзе ўзгадана ніжэй. Пасля ліквідацыі ў 1839 г. уніяцкай царквы гэтая тэма амаль не даследавалася, але ў сувязі з распачатым у 1860-х г. працэсам абвяшчэння Я. Кунцэвіча святым Каталіцкай Царквы (кананізаваны 29 чэрвеня 1867 г.) цікавасць да ліставання аднавілася. Палітычныя варункі, што склаліся ў XX ст. у краінах Усходняй Еўропы, не спрыялі доследам у згаданым кірунку, таму большасць выданняў па гэтай тэме з'явілася на эміграцыі. Але тым не менш у розныя гады гэтае пытанне даследавалі протаархімандрыт базільянскага закону ў 1963–1976 гг. айцец Апанас Вэлыкый, доктар Юры Герыч, беларускі даследчык Вацлаў Пануцэвіч. Вынікам дзейнасці В. Пануцэвіча стала кніга, прысвечаная дзейнасці архібіскупа, – «Святы Язафат», выдадзенная ў 1963 г. Найбольш каштоўныя па гэтай тэме – даследаванні Міхася Баўтовіча, які ў 2006 г. падрыхтаваў кнігу «Эпісталецыя Святога Язафата». Тэма і па сённяшні дзень не траціць актуальнасці. Да яе звяртаюцца навукоўцы і пісьменнікі.

Што датычыцца часу ліставання, то са зместу захаваных лістоў выразна відаць, што ў полацкі перыяд канцлер і архібіскуп добра знаёмыя асабіста. Таму даследчыкі за пачатак ліставання вызначылі 1621 г. В. Пануцэвіч пашырыў рамкі, напісаўшы: «Перапіска між Кунцэвічам і Сапегай, мабыць, пачалася ў сяр. 1621 г., а можа і раней» [3, с. 70]. Трэба адзначыць, што ставіцца Сапега да Кунцэвіча не як да аднаго з шасці епархіальных архірэяў, а як да асобы адказнай за ўсю ўніяцкую царкву, «бо ад іхнай паслухмянасці (казакоў – рэд.) больш карысці Рэчы Паспалітай, чым ад Вуніі Вашаці» [5, с. 68]. М. Баўтовіч акрэслівае пачатак ліставання недзе на мяжы 1618–1619 гг. на падставе ліста Сапегі да мітрапаліта Руцкага ад 9 лютага 1621 г., дзе канцлер сам пацвярджае даўнасць ліставання: «Даўно я папярэджаў яго аб гэтым, прасіў і ўгаворваў ...» [5, с. 31].

За апошні ліст карэспандэнцыі Сапега – Кунцэвіч і айцец Вэлыкый, і В. Пануцэвіч [3, с. 76] згодна называюць ліст Я. Кунцэвіча ад 22 красавіка 1622 г. Але М. Баўтовіч на падставеказані Лявона Крэўзы «Справядлівы гіне ў справядлівасці сваёй», чытанай 17 студзеня 1625 г. у полацкай Сафіі, сцвярджае, «што ліставанне не скончылася лістом Святога Язафата ад 22 красавіка 1622 г., як уважаюць даследнікі, але доўжылася да часу пакутніцкай смерці полацкага архібіскупа» [5, с. 8].

Як адзначалася вышэй, часовыя рамкі ліставання між Сапегам і Кунцэвічам значна шырэйшыя, але сёння вядомыя толькі тры лісты з той карэспандэнцыі. М. Баўтовіч, беручы да ўвагі ўрыўкі з ліста Язафата ад 21 студзеня 1622 г., зрабіў выснову, што да ліста 12 сакавіка 1622 г. канцлер даслаў полацкаму архібіскупу не менш за тры лісты [5, с. 8].

«Першы» ліст можна датаваць першай паловай 1619 г. Ён утрымлівае просьбу Сапегі да Кунцэвіча абыходзіцца з магілёўцамі абачліва, зважаючы на нявызначанасць і складанасць сітуацыі на ўсходзе. Ёсць верагоднасць, што ў той час Язафат і Сапега напісалі адзін другому не адзін ліст. Гэта вынікае з таго, што пастановы ў магілёўскай справе выдаваліся 22 сакавіка 1619 г. і 20 лістапада 1619 г., а выніковы каралеўскі дэкрэт выйшаў толькі 22 сакавіка 1620 г.

Пра «другі» ліст згадвае сам канцлер ў лісце ад 12 сакавіка 1622 г.: «Пад час татарскае экспедыцыі я сваім лістом да Вашаці папярэджаў аб патрэбе грамадскага спакою ...» [5, с. 64] і, пэўна

пра яго ж, – у лісце ад 21 студзеня 1622 г. згадвае Кунцэвіч, пішучы пра «навалу турэцкую» [5, с. 37]. Напісанне гэтага ліста Сапегам да Кунцэвіча можна аднесці да часу паміж выходам ў жніўні 1621 г. вайсковых аддзелаў пад Хоцін і 9 кастрычнікам 1621 г., днём перамогі войскаў Рэчы Паспалітай пад пачалам Яна Караля Хадкевіча над вайскавай групой Асмана II.

«Трэці» ліст неабходна датаваць пасляхоцінскім часам, калі казакі, якія зрабілі значны ўнёсак ў перамогу над туркамі, пачалі выстаўляць патрабаванні аб легалізацыі праваслаўнай іерархіі, высвечанай яшчэ ў кастрычніку 1620 г. ерусалімскім патрыярхам Тэафанам. Айцец Вэлыкий у сваёй працы без дадатковых тлумачэнняў за час напісання ліста абірае канец снежня 1621 г. М. Баўтовіч, узяўшы да ўвагі, што ў лісце 21 студзеня 1622 г. Язафат шматразова звяртаецца да згаданага ліста Сапегі, схематычна вызначыў, пра што змяшчаліся напаміны Язафату Кунцэвічу ў лісце: 1) пра казацкія пагрозы; 2) сурова не наступаць на схізматыкаў, калі вера ёсць дарам Божым; 3) што няма ніякай карысці Рэчы Паспалітай ад Уніі толькі крык на соймах; 4) не прымушаць схізматыкаў да веры; 5) аб неабходнасці зважаць на палітычныя варункі; 6) не апеляваць да судовых устаноў Рэчы Паспалітай на дзеянні схізматыкаў; 7) адчыніць у Магілёве цэрквы; 8) аб лісце калужскага ваяводы да капітана Сярпеўскага, дзе той закідае, што ў Рэчы Паспалітай схізматыкам цэркваў не даюць [5, с. 10].

Што да зместу ліста Язафата, які папярэднічаў лісту ад 21 сакавіка 1622 г., кажаць нешта канкрэтнае складана. Праўда, у адказе 12 сакавіка 1622 г. канцлера на ліст полацкага архібіскупа ад 21 студзеня ёсць цытата: «і з Святым Станіславам», якой у лісце Кунцэвіча ў такім выглядзе няма. Можа быць, што гэта цытата з папярэдняга ліста. Верагодна, што з таго ж ліста паходзіць фраза Кунцэвіча «Я ня мог бы памерці лепш, чым за Праўду святую», прыведзеная ўказанні Лявона Крэўзы [5, с. 127]. Да такой думкі скіроўвае ліст Сапегі ад 12 сакавіка 1622 г., дзе той, палемізуючы, верагодна на прыведзеныя словы Я. Кунцэвіча, разам са згаданай фразай пра Святога Станіслава піша: «Калі хто можа сваёй смерцю спрыяць хвале ўсемагутнага Бога, не шкада горла і здароўе аддаць, але без карысці лепш быць вызнаўцом, чым пакутнікам» [5, с. 70–71]. З напісанага вынікае, што абмен думкамі паміж Сапегам і архібіскупам полацкім быў працяглым, а ліст ад 12 сакавіка 1622 г. стаў кульмінацыяй палемікі, якая паступова сцішылася.

Цяпер звернемся да захаваных лістоў карэспандэнцыі паміж Сапегам і Кунцэвічам. Усе яны належаць да непрацяглага адрэзку часу ад 21 студзеня 1622 г. да 22 красавіка 1622 г., што дало некаторым даследчыкам падставу казаць аб кароткатрывалым і бурлівым ліставанні. Але, як вынікае з напісанага, гэта не адпавядае сапраўднаму стану рэчаў. Таксама трэба вызначыць, якія з варыянтаў тэксту лістоў з’яўляюцца сапраўднымі.

Паводле М. Баўтовіча, з двух варыянтаў ліста Язафата ад 21 студзеня 1622 г. трэба абраць паўнейшы, бо карацейшы, з архіва варшаўскага базыльянскага манастыра, з’яўляецца наборам ўрыўкаў з ліста, адшуканага П. Жуковічам. Манахі выпісалі тэя фрагменты ліста Я. Кунцэвіча, дзе полацкі архібіскуп выказвае свае погляды на жыццё, місію царквы ды пазіцыю хрысціянства, а пакінулі па-за ўвагай палітычныя ды гістарычныя аспекты.

Наконт ліста Язафата ад 22 красавіка 1622 г. неабходна адзначыць, што ўкладальнік дакументаў бэатыфікацыйнага і кананізацыйнага працэсаў айцец Вэлыкі лічыць лацінскі тэкст перакладам напісанага на польскай мове ліста, адшуканага айцом Шыманскім [5, с. 12].

Найбольш клопату пры вырашэнні праблемы аўтэнтычнасці дае ліст Льва Сапегі да Кунцэвіча ад 12 сакавіка 1622 г., які мае некалькі варыянтаў, што да мовы і зместу. М. Баўтовіч раздзяляе варыянты ліста на дзве групы. Да першай належыць ліст на польскай мове Шыманскага і на лацінскай з матэрыялаў бэатыфікацыйнага працэсу, якіх трымаюцца еўрапейскія даследчыкі. Другую групу складаюць лісты на рускай мове, пададзеныя Туманскім і Бантыш-Каменскім, і ліст на польскай мове, змешчаны Ліндэ.

Зрабіўшы тэксталагічны аналіз варыянтаў тэксту ліста Сапегі ад 12 сакавіка 1622 г., М. Баўтовіч зрабіў выснову, што сапраўдным ёсць ліст, які адшукаў айцец Шыманскі, бо на яго карысць сведчыць сама мова [5, с. 12].

Думкі наконт таго, што ліст фальшывы, з’явіліся яшчэ ў 1952 г. у першай кнізе матэрыялаў да бэатыфікацыі Я. Кунцэвіча айца Апанаса. З беларускіх даследчыкаў да згаданай тэмы выявіў цікавасць айцец Леў Гарошка ў 1954 г., які дарэчы лічыў галоўным фальсіфікатарам М. Бантыш-Каменскага. Пасля ў 1963 г. В. Пануцэвіч змясціў тэксты сапраўднага і фальшывага лістоў ад 12 сакавіка 1622 г. у сваёй кнізе [3, с. 193, 202].

Аднак з прычыны таго, што пералічаныя працы былі выдадзеныя ў эміграцыі, яны не набылі шырокую вядомасць. Таму большасць прац, даследаванняў і твораў, прысвечаных жыццю і дзейнасці Кунцэвіча, напісаны на падставе тэндэнцыйных расійскіх выданняў і не могуць даць аб'ектыўную адзнаку постаці Язафата. З усяго вышэй напісанага вынікае важная выснова. Сутнасць яе ў тым, што кожны, хто вывучае гэтую тэму па нейкіх матэрыялах са зборнікаў, выдадзеных у часы Расійскай імперыі, мусіць ставіцца да іх крытычна і ведаць, што не існуе гарантыі праўдзівасці пададзеных там дакументаў або іх перакладаў.

1. Арлоў, У. Таямніцы полацкай гісторыі / У. Арлоў. – Мінск, 1994.
2. Пануцэвіч, В. Святы Язафат, архіепіскап полацкі / В. Пануцэвіч. – Полацак: «Сафія», 2000. – 274 с.
3. Паўлаў, М. Забойства Іазафата Кунцэвіча / М. Паўлаў. – Віцебск, 1996.
4. Тарасаў, К. Памяць пра легенды / К. Тарасаў. – Мінск, 1990.
5. Эпісталацыя Святых Язафата: Збор дакументаў / Укладанне й апрацоўка М. Баўтовіча. – Полацак: Грэка-каталіцкая парафія Святапакутніка Язафата, 2006. – 144 с.
6. Urban, J., ks. T. J. Św. Jozafat Kuncewicz / J. Urban. – Kraków, 1921.
7. Żychiewicz, T. Jozafat Kuncewicz / T. Żychiewicz. – Kalwaria Zebrzydowska, 1986.

Цярэнцьева Станіслава Сяргееўна – студэнтка Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

УДК 271.5

В. Е. Лявшук

MISCELLANEA JESUITICA: О ДОБРОЙ СМЕРТИ ШЛЯХТИЧА ЖЕЛЯРОВСКОГО И ОБРЕТЕНИИ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ СТУДЕНТАМИ ГРОДНЕНСКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА

В статье произведены результаты опыта герменевтического осмысления истоков актуального до настоящего времени на Гродненщине культа иконы Божьей Матери Конгрегатской (Студенческой) на базе анализа фрагмента нарративного источника 1664 г.

Нарративных источников о повседневной жизни жителей Гродно в XVII в. крайне мало. Поэтому столь ценны 92 страницы

суммария чудес и благодатей Пресвятой Девы Марии Студенческой [1], изданного гродненскими иезуитами в 1686 г. Рукопись же документа была создана в 1664 г. с целью сохранить и приумножить опыт взаимодействия гродненцев с Богородицей, а посредством ее – с ее сыном Иисусом Христом. В посвящении фундаторке издания 1686 г. Хелене-Иоанне Огинской текст назван *drogim kleynotem* – драгоценностью, о которой почти запамятовали. И в заслугу фундаторке поставлено, что этот *skarb religiey katolickiey, w ziemi naszej Grodzieńskiej zakryty* (сокровище католической религии, в Гродненской нашей земле укрытое) она приказала из забытья *wygrześć, y na iaw wynurzyć* (выгрести и на явь извлечь). Впоследствии текст был интересен многим исследователям [2]. Однако в преддверии трехсотпятидесятилетней годовщины описываемых в нем событий представляется целесообразным по примеру Огинской вновь обратиться к оригиналу и сделать попытку герменевтического осмысления истоков актуального до настоящего времени на Гродненщине культа иконы Божьей Матери Конгрегатской (Студенческой).

Ниже помещены фрагмент оригинального текста, его перевод со старопольского языка и опыт интерпретации. Текст оригинала набран готическим шрифтом *Schwabacher*. Слова, набранные в оригинале иным шрифтом, отмечены курсивом. Также сохранены оригинальная орфография, знаки препинания в виде косых наклонных черт и диакритические знаки. Латинские термины оставлены без перевода и поясняются в примечаниях. В квадратных скобках раскрыты сокращения или приведены слова, необходимые по смыслу.

Фрагмент текста оригинала [1, с. 8–9].

W Roku Pańskim 1664. dnia 24. Marca / w Wigilią Zwiastowania Náswiętszey Pánny / Jm: Pan Woyciech Zelarowski zachorzawszy na śmierć / kazał się z Máiętności Kulbák przywieść do Grodná: áby tám pewniey sobie do wieczności szczęśliwey przy posłudze wiela Duchownych / wrotá otworzył. Ządał / y otrzymał / aby go X. Kaznodzieia Soc: *IESV* / człowiek gorliwości y nauki wielkiey / disponował: Miał w gospodzie z sobą Tenże Obraz Náswiętszey Panny / ô który / iż mu różne różnych Zakonow persony kuczyły; postanowił tám go legować; kędyby nabożeństwo ku Náswiętszey Panńie / prawie według iego umysłu kwitneło. Przyszło mu tu po krotkiey reflexiey / iaką zdrowym będąc / gorliwość Kongregatystow Soc: *IESV* / ná festach Náswiętszey Pánny / widywał / á z iaką uprzemością y dopiero do iego Cudowney Náswiętszey Pánny ugęszczali. Tedy názauiutr po Zwiastowaniu Náswiętszey Pánny / to iest dnia 26. Marcá / zgromadźiwszy do siebie cały Senat Kongrega-

tycki / y Raycow Krolewskiego Miastá Grodzieńskiego (między ktoremi naycelniejszy byli / sławetny Im: Pan Hanus Burmistrz / y Im: Pan Alexander Drogosz Pisarz Grodzieński) z Kulbak przywieżiony ten Obraz cudowny Náswiętszey Pánny darował na wieczne czasy y Testamentem legował *extraordinariynym*, do Kongregacyey Studentow Soc: IESV pod tytułem *Annuntiationis*. Ktory to obraz / tudzież Wielebny X. Piotr Szawan Soc. IESV / rodem Francuz / Professor Rhetoryki / y gorliwy Pater *Congregationis*, na własne ręce przyjął. Tym czasem ná Introdukcją uroczystą z Kongregatystami swemi / y szczerotą Dobrodzieiow / gotował się. Zaczym Roku tegoż 1664 / dnia 3. Sierpnia / tryumfalną ceremonią wprowadził / y na Ołtarzu *Congregationis* / iako ná Thronie własnym postawił.

Перевод

В году Господнем 1664-м дня 24 марта в вигилиюⁱ Благовещенья Пресвятой Девы Егомость Пан Войтех Желяровскийⁱⁱ, смертельно заболев, приказал привезти себя из имения Кульбакиⁱⁱⁱ в Гродно, чтобы там при служении многих духовных лиц себе вернее к счастливой вечности врата отворить. Возжелал и получил, чтобы его к[сендз]-проповедник^{iv} Soc[ietatis] IESV человек усердия в вере и великой учености к смерти подготовил. На постое имел он с собой Икону Пресвятой Девы, про которую ему уж из разных орденов разные персоны докучали^v. Постановил завещать ее туда, где бы богослужение к Пресвятой Деве, по его мысли, правильно процветало. По кратком размышлении^{vi} пришло ему тут [на ум] усердие, каковое он, будучи в здравии, конгрегатистов^{vii} Soc[ietatis] IESV, видывал, и [то], с каким почтением и к его только Чудотворной Пресвятой Деве [они] собирались. Тогда назавтра после Благовещенья Пресвятой Девы (то есть дня 26 марта), собрав у себя весь конгрегатский Сенат^{viii} и Радных Королевского Града Гродненского (среди которых самыми достойными были славный^{ix} Е[го]м[ость] Пан Ханус Бурмистр и Е[го]м[ость] Пан Александр Дрогош Гродненский Писарь), он эту, из Кульбак привезенную, чудотворную Икону Пресвятой Девы даровал на вечные времена и завещал экстраординарным завещанием Конгрегации студентов Soc[ietatis] IESV под воззванием *Annuntiationis*. Данную икону Преподобный К[сендз] Петр Шаван Soc[ietatis] IESV, француз родом, профессор риторики и усердный Pater *Congregationis*^x в собственные руки принял. Он этим временем готовился с конгрегатистами своими и щедростью благо-

детелей к торжественной интродукции^{xi}. А затем в том же 1664 году дня 3 августа [он] триумфальной церемонией [в храм] ввел и на алтаре Конгрегации, как на ее собственном троне, установил.

Примечания к переводу

i) Вигилией (лат. *vigilia* – бдение) в данное время назывались длившиеся от заката до рассвета молитвенные практики накануне определенных христианских праздников.

ii) Подробные сведения о действующих лицах содержатся в [2, 3, 4].

iii) Деревня Кульбаки в XVII в. находилась в 5 км на северо-восток от центра г. Гродно. В 2008 г. включена в городскую черту.

iv) В 1664 г. проповедником (лат. *concionator*) в Гродненской резиденции Общества Иисуса (лат. *Societatis IESV*) был Ян Карницкий (1626 – 1683) [5].

v) В хронике за 1664 г. упомянуто, что предложения Желяровскому поступали от гродненских бернадинцев и доминиканцев [6].

vi) В хронике сказано, что «с его (Желяровского) стороны произошло как-бы обращение, нам дарить он вообще-то не думал» (лат. *nam de nobis utpote paulo plus aversus, ne minimum cogitabat*) [6]. Ключом к пониманию причин обращения может служить титульное название конгрегации студентов. *Annuntiationis* с латыни переводится существительным в родительном падеже – «Благовещенья».

vii) Конгрегация (лат. *congregatio* – объединение) студентов, объединившихся для почитания Пресвятой Девы Марии, называлась Марианской содалицией (лат. *sodalitas* – содружество, союз), а ее члены – содалисами или конгрегатистами. Родилась в 1563 г. в Римском иезуитском коллегииуме. Содалиции студентов иезуитских школ, подобно другим церковным братствам, служили для вовлечения мирян в освящение времени и пространства путем молитвенных практик. Молитвой и благочестивой жизнью содалисы пополняли сокровищницу заслуг церкви перед Богом и, соответственно, имели право на долю этих заслуг для себя и своих близких, когда после смерти представляли пред лицом Господа.

viii) Определение *славный* (*slawetny*) указывало на принадлежность к мещанскому сословию, определение *урожденный* (*urodzony*) – к шляхте, *преподобный* (*welebny*) – к духовному сословию, *трудолюбивый* (*pracowity*) – к крестьянскому.

ix) Конгрегация студентов имела самоуправление, печать и иные юридические атрибуты городских корпораций. Об общегородской значимости студенческого Сената, представленного знат-

ной и богатой шляхетской молодежью, говорит факт, что в данном тексте Сенат упомянут прежде родных города.

х) *Pater spiritualis congregationis* – отец-духовник конгрегации студентов, следивший чтобы благочестие подопечных не свелось к внешней обрядности, а было направлено на культивирование внутренних молитвенных практик, воспитывающих смирение и сострадание. Для шляхтича в рамках сарматской культуры эти качества были излишними чудачествами, но в рамках служения Деве Марии они становились признаком доблести. *Pater congregationis* особо следил, чтобы молитвенные практики не превышали указанной в уставе Содалиции меры, а воспитание смирения и милосердия происходило в процессе активной помощи неуспевающим в учебе, в благотворительной деятельности в пользу бедных студентов и даже в уходе за больными, что в описываемое время было явным проявлением героизма [7, с. 629].

ix) Интродукция (от лат. *introduco* – *введение*) – церемония внесения (помещения) иконы в храм.

О процедуре «доброй смерти»

Описывая цель прибытия Войтеха Желяровского в Гродно, автор *Суммария* употребил слова «к счастливой вечности врата отворить». То есть уйти в иной мир, решив все земные проблемы, в полном сознании с сокрушенным сердцем и в единении с Христом. Здесь надо вспомнить, что тема *ars moriendi* (*искусства умирать*) своего апогея достигла во второй половине XVII в. Исследователи ментальности связывают этот феномен эпохи барокко с распространения иезуитами молитвенных практик, основанных на духовных упражнениях св. Игнатия Лойолы (1491–1556) [8, с. 501–514].

Основанное И. Лойолой Общество Иисуса было «...учреждено, прежде всего, для того, чтобы особым образом способствовать совершенствованию душ в жизни и христианской науке и распространять веру путем публичного провозглашения и служения словом Божиим, посредством *Духовных упражнений* и поступков милосердия, в особенности путем обучения детей и простых людей истинам христианской веры, а также путем несения духовного утешения верующим во время исповеди» [9, с. 27]. Далее по тексту уточнено, что иезуитам особое внимание надо уделять «вспомоганию душам» тех, кто в больнице и в тюрьме.

В XVI–XVII вв. в больницах и тюрьмах находились либо смертельно больные, либо ждущие смерти по приговору суда. *Novum* ментальности Нового времени по отношению к Средневековью за-

ключалось в том, что их перестали считать отверженными, контакт с которыми приводит к осквернению (заражению злом). Заслуга в этом принадлежит членам новых орденов – иезуитам, бонифратрам и др., спешившим помочь людям (в первую очередь, их душам) на грани жизни и смерти. Считалось, что краткость оставшейся жизни максимизировала стремление сатаны завладеть человеческой душой. В этот момент необходимо было помочь человеку сохранить достоинство и остаться сыном Божиим. Тактика помощи строилась на реализации двух процессов: во-первых, сакрализации времени и пространства путем молитвы при умирающем/приговоренном, во-вторых, отвлечении его души от бесплодного пребывания в состоянии страха смерти или жалости к себе к плодотворной деятельности (исповеди, подготовке к причастию, распоряжению земным имуществом, примирению с близкими и врагами и т.д.) [10].

В 1648 г. в Риме иезуиты официально оформили свое *Confraternitas pro Bone Mortis* (Братство доброй смерти) [7, с. 62], члены которого (миряне и духовные) готовились сами к доброй смерти, а также помогали при организации (очеловечивании) процесса умирания других. В *Суммарии* упомянуты факты оказания молитвенной помощи тяжело больным гродненцам со стороны организованной группы соседей, что позволяет предположить наличие аналогов Братств доброй смерти и в Гродно.

Отметим, что пан Желяровский спланировал все заранее. Земное имущество у него уже было распределено. Имущество сакрального характера он распределял дополнительным завещанием, в котором начал излагать свою волю с заявления: *Ja Woyciech Zelazowski uz nawiedzony będąc od Pana Boga už czas niemały na ciele chorobą na rozumie iednak y zmysle będąc zdrowy y przy dobrym baczeniu...* (Я, Войтех Желяровский, будучи уж немалое время в наведенной Господом Богом болезни, умом однако и чувствами будучи здоров и при хорошем зрении...) [11]. Эта информация добавляет назидательности описанию его поведения. Желяровский принимал свою болезнь как должное, подобно ветхозаветному многострадальному Иову. Покорное принятие смертельной болезни и в те времена, и в настоящем – является признаком духовной стойкости и высшей степени добродетели. Пан Войтех не суетился по докторам, а готовился правильно совершить переход. Икона Марии и младенца Христа как символическая перегородка между тварным и нетварным миром была у Желяровского с собой. Но важны были виатык и личность священника. Поэтому он приехал в Гродно.

Виатыком (лат. *viaticum* – запасы в путь) в католичестве называются Святые Дары, уделаемые смертельно больному. Трактуются как пища на дорогу к вечной жизни, которую в процедуре доброй смерти важно было употребить под двумя видами (Хлеба и Вина) желательно во время мессы, для чего к ложе больного надо было доставить священника. В этой мессе необычайно важными моментами были обновление умирающим (и всеми присутствующими) крещальных обетов, в которых содержится отречение от сатаны и обещание верить и служить Христу как Царю и Богу, а затем публичное свидетельствование веры – чтение вслух Символа веры. Желяровский хотел, чтобы эта месса состоялась «при служении многих духовных лиц». В тот момент в Гродно только иезуиты могли выставить на службу сразу 11 священников [5].

В процедуре доброй смерти крайне необходимо полное осознание умирающим происходящего с ним. Для полного отпущения грехов умирающий должен был исповедаться. И здесь на первый план выходила квалификация исповедника. Исповедник должен был, слушая кающегося, правильно интерпретировать его слова, чтобы помочь ему наводящими вопросами увеличить глубину раскаяния, ибо раскаяние является условием постижения силы любви Христа к грешным людям, и в этом постижении – примирения, обеспечивающего тесноту единения раскаявшегося грешника с Христом. Из текста следует, что Желяровский выбрал для последней исповеди того, чьи проповеди слышал и кто мог правильно, по его мнению, понять то, что он на исповеди хотел сказать. Префект школ гродненского коллегиума Ян Карницкий, проповеди которого заслужили на публикацию [12, с. 116], был самой достойной в этом смысле кандидатурой.

Полноправной участницей процедуры «доброй смерти» Желяровского стала икона Богородицы. Это неудивительно. В христианской традиции вратами на границе между тварным и нетварным мирами является Дева Мария. «Кем же иным являются эти врата, как не Марией, – говорит св. Амброзий. – Она закрыта, потому что девственна, служит вратами, потому что сквозь них вошел Христос (...) Обращена к востоку, поскольку выдала в этот мир истинный Свет, породила Начало, Солнце Справедливости» [13, с. 385]. «Небесные врата» – это одно из молитвенных воззваний к Деве Марии в *Лоретанской литании*, одной из самых популярных в западной

христианской традиции марийных молитвенных практик. В литургии костела в антифоне *Ave Regina coelorum* Мария называется вратами, сквозь которые в мир радостно падает свет.

Конгрегация студентов гродненской резиденции Общества Иисуса учреждена около 1630 г. [4, с. 140]. Название *Annuntiationis* связывало ее членов с местом и временем Благовещения Марии, когда «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк 1: 28–33). Несмотря на то, что Пресвятая Дева Мария одновременно является Божьей Матерью, два ее состояния – от Благовещения до Рождества и после рождения Христа – по-разному отражены в иконографии. На одних иконах Мария изображена без Младенца, а на других – с Младенцем. Икона Пресвятой Девы Марии Остробрамской в Вильне как раз является иллюстрацией первого состояния («благодати полная») и именно такого типа икону для почитания должны были иметь студенты в Гродно. Но в период военного лихолетья, начавшегося в 1648 г., костел и резиденция иезуитов были разорены. Возможно, икона конгрегации была утрачена.

Икона Желяровского изначально была каплежом (пол. *kaplerz*), то есть медной пластиной с изображением Богородицы в кожаном мешке с ремешками, предназначенной для защиты груди под цивильным платьем (аналог каплежа – треугольная металлическая богородичная икона-рынграф – до сих пор популярна у польских военных). И хотя на этой иконе было отражено второе состояние Марии («Мать Богомладенца»), главную ценность для студентов представлял факт, что ее прототипом была особо почитаемая иезуитами икона Санта Мария Маджоре в Риме [14]. Это обстоятельство служило укреплению духовной связи гродненской конгрегации с ее римской первоосновой – *Congregatio primaria Beatae Mariae Virginis* [15]. Правда, стоит отметить, что в опубликованном через 20 лет тексте *Суммария* употребляется не название «икона Матери Божьей Конгрегатской» (как ее называют сегодня), а именно «икона Пресвятой Девы Марии Студенческой».

В заключение остановимся на том, что пан Войтех Желяровский «возжелал и получил». В этих словах автор *Суммария* протянул связь к тексту Нагорной проповеди (Мф 6: 9–10): «Прогните, и дано будет вам». Ибо, что получил пан Желяровский? Ответ: твердую уверенность в вечной жизни и, потому, – готовность к смерти. Записав студенческой конгрегации охранявшую его при жизни икону, Желяровский получил гарантию, что его возможные

посмертныя страдания в чистилище будут облегчаться молитвами все новых поколений студентов. И судя по живому культу иконы в Гродненском кафедральном костеле, а также по количеству научно-исторических исследований данного вопроса, он не ошибся.

1. Summaryusz Cudow y łask Znákomitszych Naświętszey PANNY MARYEY STUDENTSKIEY w Kongregacye Grodzieńskiej Ichmościow PP. Studentow, pod tytułem Annuntiationis, u WW. Oycow Societatis IESU Na rozżarzenie ufności Utrapiionych zebrany, à za дозволенiem Iaśnie Wielmożnego Przewielebnego Iegomości X.Alexandra Kotowicza Biskupa Wileńskie° do druku podany. w Wilnie w Drukarni Soc: IESU, Roku Zbawienia 1686.

2. Сліж, Н.У. «Збор знакамiтых чудаў і ласкаў Найсвяцейшай Панны Марыі Студэнцкай» як крыніца па гісторыі Гародні / Н. У. Сліж // *Архіварыус. Зборнік навук. паведамленняў і артыкулаў*. Вып. 7 – Мінск: БелНДІДАС, 2009. – С. 132–181.

3. Сліж, Н. Цудатворны абраз Маці Божай Студэнцкай і гарадзенская шляхта: ідэнтыфікацыя, радаводы, сувязі / Н. Сліж // *Герольд Litherland* – № 18. – 2011. – С. 47–93.

4. Лявшук, В. Марианская содалиция иезуитского коллегіума в Гродно (1630–1773): опыт реконструкции деятельности / В. Лявшук // *Религиозное образование в России и в Европе в XVIII в.* – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. – С. 133–160.

5. Archivum Romanum Societatis Iesu (далее – ARSI). Lit.56 I: Catalogus brevis 1663 – 1664, f. 128v.

6. ARSI, Lit. 40: Annuae Collegii Grodnensis Societatis Jesu Annue 1664, f. 160.

7. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564 – 1995 / oprac. L. Grzebień SJ przy współpracy zespołu jezuitów. – Kraków: WAM, 1996. – XVI, 882, [5] s.

8. Delumeau, J. Grzech i strach. Poczucie winy w kulturze zachodu XIII – XVIII w. / J. Delumeau – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1993. – 796 s.

9. Konstytucje Towarzystwa Jezusowego wraz z przepisami Kongregacji Generalnej XXXIV oraz normy uzupełniające zatwierdzone przez tę samą Kongregację. – Kraków: WAM, 2001. – 565 s.

10. Мłodzianowski, Т. Акты приготовления się на добрую смерть: капланом на смерть disponującym: старым также: слабым и тем, co się sami zdaleka на смерть gotuią: do używania potrzebne / Т. Мłodzianowski – Kraków: Druk Mikołaja Alexandra Schedla I.K.M. Typ., 1685. – 252 s.

11. Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1755. Оп. 1. Д. 46. Л. 543об.

12. Estreicher, K. Bibliografia Staropolska / K. Estreicher – Kraków: Czcionkami Drukarni Uniwersytetu Jagellońskiego, 1903. – Т. XIX.

13. Forstner, D. Świat symboliki chrześcijańskiej / D. Forstner – Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 2001. – S. 385.

14. Ярашэвіч, А. Абраз Маці Божай Santa Maria Maggiore на Беларусі / А. Ярашэвіч // Наша вера. – 2000. – № 4 (14).

15. Rostworowski, J. Zasadnicze ustawy kongregacyi maryańskiej w systematycznym opracowaniu / J. Rostworowski // Sodalitas Marianus – Rok IX. Nr 1 (styczeń-luty). – 1910. – S. 17.

Владимир Евгеньевич Лявшук – старший преподаватель, аспирант (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы).

УДК 930 (476)

Т. В. Васюкевіч

КАНФЕСІЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ. У МЕМУАРАХ СУЧАСНІКАЎ

Прасочана адлюстраванне ў мемуарах дзеячаў «уз’яднання» ўніятаў працэсу дэўнізацыі.

Для апублікаванай у Расійскай імперыі мемуарнай літаратуры, што адлюстроўвае канфесійныя працэсы на беларускіх землях з канца XVIII ст. па 1839 г., характэрна тэматычная і змястоўная выбарнасць, якая абумоўлівае стварэнне досыць аднабаковай карціны рэлігійнага жыцця на землях былога ВКЛ. Яе цэнтральнай тэмай з’яўляецца працэс аправаслаўлівання і ліквідацыі грэка-каталіцтва на беларускіх зямлях, паколькі мемуары былі напісаны ліквідатарамі ўніі: І. Сямашкай [1–3], В. Лужынскім [4], А. Зубко [5], М. Сушковым [6], Г. Дабрыніным [7]. Асноўнай рысай іх успамінаў (за выключэннем Г. Дабрыніна) з’яўляецца спроба ідэалагічнага абгрунтаваць «законнасць» ліквідацыі ўніяцтва, пераканаць у дагматычнай і палітычнай перавазе праваслаўнай веры.

Гэтыя мемуары, аднабаковыя і суб’ектыўныя, разам з тым трэба прызнаць важнымі крыніцамі па гісторыі ліквідацыі ўніяцкай царквы. Епіскапы імкнуцца прадставіць «навяртанне» ўніятаў богапатрэбнай справай, аднак за гэтым правідэнцыялізмам відавочна прасочваецца палітычны аспект навяртання: «Па яго (І. Сямашкі – Т.В.) словах, першасным абавязкам клірыка з’яўляецца служэнне «агульнай карысці», пад якой ён разумее «жыццё грамадзяніна, яго маёмасць, агульны спакой, бяспеку венцаносцаў, адзінства дзяржавы і самой веры» [7, с. 290]. Канфесійныя працэсы

ў мемуарах прадстаўляюцца з уласцівай заходнерусізму пазіцыі цывілізацыйнай барацьбы.

Адчуваецца імкненне апраўдаць, абяліць дзейнасць ліквідатараў уніяцкай царквы і, канечне, свой унёсак у гэту справу. Дзеячы «ўз’яднання» падаюцца ў вобразе пакутнікаў за «истинную» веру, змагароў з ворагамі – лацінянамі і ўніятамі, якія супраць іх ужываюць інтрыгі, плёткі, даносы [4, с. 382]. Працэс дэўнізацыі прадстаўляецца з пазіцыі дабраахвотнасці, ідэалізацыі; прымяненне гвалтоўных мер адмаўляецца або змяншаюцца іх памеры.

У сваіх трохтомных «Записках» Іосіф Сямашка прадстаўляе карціну заняпалага і залежнага стану ўніяцкай царквы, «яднанне» у гэтым выпадку прадстаўляецца аўтарам магчымасцю змяніць такое становішча на пануючае – прывілегіяванай у дзяржаве царквы.

Звяртае ўвагу агульнае для мемуарнай творчасці І. Сямашкі і Г. Дабрыніна прызнанне ўжывання гвалтоўных мераў Кацярынай II у канцы XVIII ст. пры пераварочванні ўніятаў [1, с. 51]. Вынікам ужывання пра гэтым вайсковых каманд, паліцыі епіскап аб’ектыўна лічыць масавыя пераходы ўніятаў у каталіцтва, падзенне аўтарытэту і папулярнасці праваслаўя, рост тэндэнцыі да збліжэння ўніятаў з католікамі, якія «аб’ядноўваюцца для агульнай абароны» [1, с. 51]. Такі погляд на канфесійную палітыку Кацярыны II адрозніваецца ад пазіцыі А. Зубко, якому імпануе ахоўна-праваслаўная дзейнасць імператрыцы.

Вялікую ўвагу надае І. Сямашка перыяду рэфармавання ўніяцкай царквы ў духу яе збліжэння з праваслаўем. Галоўны вынік сваёй дзейнасці ён бачыць у тым, што «ўніяцкае духавенства ўбачыла магчымасць барацьбы з Лацінянамі і абараняць ад іх свае паствы» [1, с. 55].

Да 1838 г. мемуарыст адносіць уздым антыўз’яднаўчага руху ўніяцкага духавенства, ксяндзоў і шляхты, маштабы якога іерарх істотна змяншае [1, с. 115], хоць і падкрэслівае, што Беларускае епархія прынесла больш клопатаў, чым Літоўская [1, с. 116]. І. Сямашка замоўчвае аб гвалтоўных мерах, прынятых супраць непакорных.

Канцэптуальна блізкімі па сваёй заходнерускай накіраванасці да запісак І. Сямашкі з’яўляюцца ўспаміны архіепіскапа А. Зубко. Галоўнай мерай ацэнкі дзейнасці расійскіх манархаў з’яўляецца

для А. Зубко ажыццяўленне імі праправаслаўнай палітыкі. У адрозненне ад І. Сямашкі, палітыка Екацярыны II адпавядае бачанню Антоніем галоўнай місіі і мэты манарха: павелічэнне колькасці спаведнікаў грэка-расійскай веры, у тым ліку за кошт уніятаў, абароне іх ад «прыгнёту» паноў і ксяндзоў [5, с. 291].

Агульнай для мемуараў А. Зубко, І. Сямашкі, В. Лужынскага і М. Сушкова з’яўляецца станоўчая адзнака дзейнасці Мікалая І. А. Зубко неадназначна прадстаўляе пачатак канфесійнага курса на ліквідацыю грэка-каталіцтва і ролю ў актывізацыі антыўніяцкай палітыкі паўстання 1830 – 1831 гг. Першапачаткова айцец Антоній сведчыць, што рэформы І. Сямашкі, распачатыя да паўстання, былі накіраваны на паступовае «яднанне», а затым супярэчліва канстатуе: «Да 1831 года... у нас не было сур’ёзнай размовы аб яднанні з праваслаўем; аднак у гэты час самі рэвалюцыянеры далі нам падставу ўзняць гэта пытанне» [5, с. 308, 312].

Пераварочванне ўніятаў ва ўспамінах А. Зубко падаецца спрошчана, прадстаўляецца працэсам масавым, значна змяншаюцца памеры супраціву. У Беларускай епархіі ён зводзіцца да «панскай» незадаволеннасці, і як вынік – хістанне і нерашучасць уніяцкага духаваенства ў падтрымцы «яднання». Пасля ўжывання адміністрацыйнага ўздзеяння і пераводу ўніяцкіх айцоў у «надзейныя» благачынні епіскап канстатуе масавую згоду ўніяцкага духавенства на ліквідацыю сваёй царквы [5, с. 340].

Аўтар успамінаў ігнаруе аб’ектыўныя прычыны паўстанняў 1830–1831 і 1863 гг., зводзіць іх да імкнення шляхты падначаліць, затрымаць у рабстве «рускі народ» праз неадукаванасць уніяцкага духавенства. Паўстанне 1830 г. А. Зубко лічыць адказам на адкрыццё вучылішчаў для ўніяцкага духавенства, а паўстанне 1863 г. – рэакцыяй шляхты на вызваленне сялян з прыгоннай залежнасці [5, с. 341].

Для ўспамінаў В. Лужынскага характэрна непрызнанне галоўнай ролі І. Сямашкі ў працэсе ліквідацыі ўніяцкай царквы, адстунасць ідэалізацыі дзейнасці гэтага іерарха, што ўласціва успамінам М. Сушкова [6, с. 6] і працам цэлай плеяды прадстаўнікоў заходнерусізму [13–15]. У адрозненне ад іх В. Лужынскі важнейшую ролю ў справе ліквідацыі ўніі адводзіць І. Лісоўскаму, І. Красоўскаму і Г. Кахановічу, прадстаўляючы іх дзейнасць з пазіцыі багаабранасці і пакутніцтва: «...усе траіх... панеслі цяжкі крыж за свае подзвігі ісцінна-апостальскія» [4, с. 383]. Сябе аўтар падае

пераемнікам гэтай «міссіі»: «Мне смірэннаму, услед трох згаданых святароў, судзіў Гасподзь Бог Усеблагій давяршыць справу Яднання ў Беларусі і на Валыні» [4, с. 383]. Акцэнтуючы ўвагу на значнасць свайго ўкладу ў справу навяртання ўніятаў, аўтар падкрэслівае, што менавіта ён з'яўляўся «...адзіным і галоўным дзеячам і віноўнікам далучэння Грэка-Уніятаў духавенства і народа ў Беларускай епархіі» да праваслаўнай царквы [4, с. 383]. Пры гэтым В. Лужынскі ігнаруе супраціў і маштабны антыўз'яднаўчы рух уніяцкага святарства ў Беларускай епархіі, які хоць і прымяняюць, але ўзгадваюць яго паплечнікі І. Сямашка [1, с. 115] і А. Зубко [5, с. 340].

Перакананы ў праваце і святасці сваёй справы, В. Лужынскі не разумее адсутнасці ва ўніятаў жадання набываць новую «Царкву і Дзяржаву», тлумачыць іх адданасць сваёй веры «скудностью умственной» [4, с. 381]. Аўтар пералічвае ўрадавыя ўзнагароды, якія ён атрымаў за асабістыя заслугі ў ліквідацыі грэка-каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларускай епархіі [4, с. 386–387].

У адрозненне ад В. Лужынскага для М. В. Сушкова мітрапаліт Іосіф Сямашка з'яўляецца цэнтральнай постацю мемуараў аб знішчэнні ўніі. Аўтар прадстаўляе яго абраннікам Божым, выканаўцай волі Правідзення, якога яно захоўвае ад ворагаў [6, с. 3]. Мемуарыст імкнецца пераканаць чытача ў святасці справы «навяртання», якое ажыццяўляецца І. Сямашкай.

Першы крок па знішчэнні ўніі М. В. Сушкоў адносіць да 1828 г., калі «рабская залежнасць Уніяцкага духавенства ад Лацінскай іерархіі была спынена. Уніяцкая царква аддзелена ад Рымскай. Непасрэдны ўплыў на яе самага Папы знішчыўся» [6, с. 6–7]. Канфесійная і нацыянальная палітыка царскага ўрада характэрызуецца ва ўспамінах як недастаткова рашучая, асуджаецца «аглядка» «смиреной матушки России» [6, с. 8] на заходнія краіны і пазіцыю Папы Рымскага. Аўтар бачыць у гэтым стрымліваючы фактар у заключным кроку знішчэння ўніяцтва.

М. В. Сушкоў прызнае, што паўстанне 1830–1831 гг. паскорыла пачатак урадавага курса на знішчэнне грэка-каталіцкай царквы: «1830 і 1831 г. пераканалі імператара Мікалая ў неабходнасці вяртання Рускіх у Рускую Царкву, спыніць павяртанне ў Рымскае Вераспаўяданне, захоўваць народ ад апалячвання і мала па малу поўнаасцю абрусіць краіны, вернутыя ад Польшчы» [6, с. 7]. Вядучая роля ў гэтай палітыцы разам з І. Сямашкай надаецца і яго

памочнікам М. Мураўёву, Д. Блудаву, М. Пратасаву, мітрапаліту Філарэту.

У сваіх ўспамінах М. В. Сушкоў нявольна ставіць пад сумнеў старанна ствараемую афіцыйнай прапагандай ідэалістычную карціну працэса навяртання. Гэта відавочна на прыкладзе Мінскай губерні, дзе «...уз'яднанне Уніятаў з Праваслаўнай Царквой здавалася цяжэйшым і больш марудным» [6, с. 9]. Сярод аўтарскіх сцвярджэнняў аб «лёгкім, хуткім, простым, без ахвяр і без узнагарод» навяртанні прыводзяцца факты аб вымушаным адміністрацыйным уздзеянні дзеля стрымання рух супраціву ўз'яднанню: напрыклад, аб выстаўленым шляхце ўльтыматуме аб канфіскацыі маёнткаў у выпадку «maleйшага неспакою ў сялянскіх прыходах» [6, с. 10]. Аўтар не адмаўляе факт хваляванняў у розных губернях на глебе пераварочвання ўніятаў, аднак значна змяншае іх маштабы.

У мемуарах, якія асвятляюць гісторыю ліквідацыі ўніяцкай царквы на беларускіх і ўкраінскіх землях, вылучаюцца ўспаміны, напісаныя сведкам і выканаўцам вялікадзяржаўнай палітыкі Гаўрылам Дабрыніным. Чыноўнік не прызначаў свае рукапісы для шырокага кола чытачоў і, відавочна, пісаў іх не для друку. Будучы выканаўцам канфесійнай палітыкі імперыі, аўтар застаецца далёкім ад традыцыйнай ідэалізацыі дзеячаў знішчэння грэка-каталіцкай царквы. Няма ў яго ўспамінах і апраўдальнага правіндэнцыялізму, характэрнага для ўспамінаў І. Сямашкі, В. Лужынскага, А. Зубко, М. Сушкова і інш. Цікавасць прадстаўляе прызнанне Гаўрылам маруднасці і непапулярнасці ўз'яднання уніятаў [7, с. 298], факту іх супраціўлення працэсу дэўнізцыі, выкарыстання прымусу: «Як толькі губернскае праўленне атрымоўвае такое данясенне (аўт. – аб паспяховым навяртанні ўніяцкіх цэркваў), як з другога боку атрымоўвае іншае – ад уніяцкага духавенства, ад прыхаджан, а пабочнымі дарогамі і ад памешчыкаў – што ўніяты прымушаны пабоямі, што царква адбіта гвалтоўна, і інш.» [7, с. 300].

Такім чынам, мемуары ліквідатараў уніяцкай царквы, апублікаваныя ў Расійскай імперыі, прадстаўляюць яе знішчэнне як справу заканамерную і непазбежную, апраўдваюць і ўхваляюць канфесійную палітыку царскай улады (акрамя Г. Дабрыніна), імператара Мікалая I.

Ідэалізацыя «ўз'яднання», характарыстыка гэтага працэсу з пазіцыі правіндэнцыялізму, святасці і абранасці дзеячаў ліквідацыі

ўніяцкай царквы – асноўная рыса большасці апублікаваных успамінаў сведкаў і дзеячоў навяртання. Прымяншэнне народнага супраціву, звязанне яго да адзінкавых выпадкаў, ініцыяваных каталіцкай паланізаванай шляхтай, лацінскім і ў меншай ступені ўніяцкім духавенствам, дазваляюць зрабіць выснову аб свядомым ігнараванні і недастатковым раскрыцці сацыяльна-саслоўнай базы і маштабаў антыўз’яднаўчага руху на беларускіх землях. Разгледжаным мемуарам уласцівыя станоўчыя адносіны да русіфікацыі, адным з аспектаў якой, па прызнанню саміх аўтараў, з’яўлялася аправаслаўліванне ўніятаў, ідэалізацыя канфесійнай імперскай палітыкі, якая рэлігійны і нацыянальны прыгнёт «палякамі-каталікамі» змяняе рэлігійнай і нацыянальнай свабодай.

1. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского. – Т. 1 / И. Семашко. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. – 745 с.
2. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского. – Т. 2 / И. Семашко. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. – 785с.
3. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского. – Т. 3 / И. Семашко. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. – 1402 с.
4. Лужинский, В Записки Василия Лужинского, архиепископа полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Русский архив, 1885.
5. Зубко, А. О греко-униатской церкви в западном крае / А. Зубко // Русский вестник. – 1863. – Т. 53.
6. Сушков, Н. В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России / Н. В. Сушков. – М.: Унив. тип. (Катков и К), 1869. – 39 с.
7. Добрынин, Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (прожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилёве и в Витебске, 1752–1823 / [предисловие М. Семеновского] / Г. И. Добрынин. – 2-е изд. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – 380 с.
8. Никольский, М. М. История русской церкви / М. М. Никольский. – Мн.: 1990. – 540 с.
9. 13. Коялович, М. О. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные императорскою Академиею наук по завещанию автора / М. О. Коялович. – Спб., 1883. – Т. 1.
10. Крачковский, У. Ф. Пятидесятилетие воссоединения Западно-Русских униатов с православной церковью (1839–1889 гг.) / У. Ф. Крачковский. – Вильна: Типография Сыркина, 1889. – 128 с.
11. Чистович, И. А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения униатов с православной церковью / И. А. Чистович. – СПб.: Типография департамента уделов, 1889. – 222 с.

Васюкевіч Таццяна Васільеўна – магістр гістарычных навук, аспірант Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

ЖЫЦЦЁ СВАТАРА АДАМА ПЛАЎСКАГА

Рэканструяваны дзейнасць і лёс святара Адама Плаўскага, які ў 1830-я г. разам з наваградскім духавенствам стаў у апазіцыю да ліквідацыі ўніяцкай царквы. Прыводзяцца звязаныя з гэтым фрагменты дакументаў з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.

У гербоўніку («Herbarz polski») Каспра Нясецкага род Плаўскіх фігуруе ў Слоніўскім павеце [1, с. 327].

З кнігі «Uniwersytet Wileński» Юзафа Белінскага бачна, што Адам Плаўскі паходзіць з тэрыторыі Брэсцкай дзяцэзіі, у 1818–1822 гг. вучыўся ў Галоўнай семінарыі пры Віленскім універсітэце і закончыў яе са ступенню магістра [2, с. 112]. У данясенні мітрапаліту Булгаку з Віленскага ўніверсітэта ад 6 ліпеня 1822 г. паведамляецца пра неабходнасць даслаць у Галоўную семінарыю двух клірыкаў з Брэсцкай епархіі замест «*скончыўшых чатырохгадовы курс навук Адама Плаўскага (са ступенню магістра багаслоўя) і Іосіфа Каяловіча*» (бацька гісторыка М. Каяловіча). Брэсцкая епархія мела пяць месцаў у семінарыі [3, с. 741]. Такім чынам, Адам Плаўскі вучыўся ў семінарыі разам з галоўным «ліквідатарам» уніі І. Сямашкам.

Яшчэ ў лістападзе 1827 г., будучы ў Пецярбургу, протапрэсвітэр І. Сямашка па прапанове расійскага ўраду піша на імя дырэктара Дэпартаменту замежных веравызнанняў Карташэўскага стаўшую потым знакамітай запіску, у якой просіць урад ажыццявіць прапанаваныя ім рэформы, у выніку якіх уніяты «*непазбежна злучацца з праваслаўнай царквой*». Неўзабаве, 2 красавіка 1833 г., маючы ўсяго 35 гадоў, І. Сямашка быў прызначаны Літоўскім епархіальным грэка-уніяцкім епіскапам. І ўжо 12 мая ён звяртаецца ў Сінод з прашэннем аб дазvole далучыцца да праваслаўнай царквы, але такога дазволу не атрымаў. У сваім прашэнні ён пісаў, што ўжо 6 гадоў лічыць сабе праваслаўным і калі да гэтага часу не змяніў веру афіцыйна, дык толькі дзеля таго, каб зручней было далучыцца да праваслаўнай царквы і 1,5 мільёна ўніятаў [4, с. 40, 70, 68]. Па прапанове епіскапа Іосіфа грэка-уніяцкая калегія 7 лютага 1834 г. вырашыла прыняць для ўніяцкіх цэркваў служэбнік і кнігу богаслужэбных спеваў маскоўскага друку (Маскоўскай сінадальнай друкарні) [4, с. 78].

Першы вялікі пратэст супраць гэтых кніг меў месца ў Наваградку, дзе на сустрэчу з І. Сямашкам сабралася да 60 святароў. Наваградскі благачынны Ян Гамаліцкі ад іх імя прадставіў пісьмовае прашэнне вызваліць іх ад выкарыстання гэтых кніг (тэкст прашэння – у дадатку). Нават не прачытаўшы гэты дакумент, епіскап тут жа загадаў усім святарам чытаць па-стараславянску. Чыталі яны дрэнна і атрымалі вымову. Да таго ж епіскап дадаў, што меркаванне гэтых малаадукаваных святароў не можа лічыцца грунтоўным. Пасля закрыцця сходу І. Сямашка зрабіў строгую вымову благачыннаму з пагрозай, што вышле яго ў манастыр і пазбавіць прыходу (гэта значыць, сродкаў да існавання), калі ён праз тры дні не прадставіць пісьмовага адрачэння ўсіх святароў ад свайго прашэння і не выдасць завадатараў. Пад моцным ціскам святары выдалі завадатараў і падпісаліся пад патрабаванай ад іх паперай [4, с. 82].

Сярод «завадатараў» быў Адам Плаўскі – чалавек высокаадукаваны, які разумеў, што пераход на маскоўскія богаслужбовыя кнігі – гэта пачатак канца ўніі. І. Сямашка і яго аднадумцы дэкларавалі, што імі ўсё робіцца для выгоды кліру і ўмацавання ўніі [4, с. 61], а святароў, якія разумелі, што справа ідзе да ліквідацыі іх царквы і не маўчалі, абвінавачвалі ў распаўсюдзе шкодных чутак. Трэба адзначыць, што пераход на маскоўскія кнігі вельмі ўсхваляваў нават міністра ўнутраных спраў Д. М. Блудава, асцерагаўся, што супраціў можа выйсці з-пад кантролю урада [4, с. 79]. Але І. Сямашка даказаў яму неабходнасць такога кроку і ўзяў на сябе адказнасць. Далей, каб перамагчы і не дапусціць выбуху незадавальнення, епіскап бязлітасна караў нязгодных і ізаляваў лідэраў супраціву.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г. Гродна захоўваецца справа 1834 г. «О переводе в Волнянский монастырь священников Плавского Адама, Дылевского Игнатия и Горбачевича Антона за распространение ложных слухов» [5]. Справа мае грыф «сакрэтна».

У першым дакуменце гэтай справы І. Сямашка піша «Яго правасхадзіцельства спадару гродзенскаму губернатару М. М. Мураўёву»:

27 верасня

Ва ўласныя рукі

Ваша правасхадзіцельства

Міласэрны Васпан.

Пра зламысныя дзеянні святароў, Любчанскага Адама Плаўскага, Навагрудскага Ігната Дылеўскага і Ведзьмянскага Антонія Гарбацэвіча. У бытнасць маю ў Наваградку, асабістым меркаваннем і пісьмовай аб'явай большай паловы духавенства Навагрудскага дэканату, пераканаўся, складзенае імі прашэнне супрацьлеглае іхняму абавязку і здароваму сэнсу: за пісанне, інтрыгі і падманы, ўжытыя імі каб уцягнуць іншых святароў да падпісання прашэння, за інтрыгі і сяўбу разладу паміж духавенствам, за разпаўсюд ... ілжывых чутак і выдуманых вестак, я прапанаваў кансісторыі падвергнуць гэтых святароў: Плаўскага, Дылеўскага і Гарбацэвіча, шасцімесячнай епітымii ў Валнянскім манастыры, а звыш таго, апошняга з іх зняць з займаемай дэпутацкай пасады.

[...]

Пра маё распараджэнне ... лічу неабходным паведаміць Вашаму правасхадзіцельству і пакорна прасіць, каб азначаныя вышэй святары Адам Плаўскі, Ігнат Дылеўскі і Антоні Гарбацэвіч у выпадку запаволення адпраўленыя былі мясцовыя паліцыяй у Валнянскі манастыр Навагрудскага павета, і каб за імі быў добры паліцэйскі нагляд. Прытым нялішнім лічу паведаміць Вашаму правасхадзіцельству, што я маю прыватныя звесткі, быццам да падачы згаданага вышэй прашэння падбухторвалі і ў складанні ўдзельнічалі Навагрудскія Дамініканы.

Вашага правасхадзіцельства пакорны слуга Іосіф, Літ. Г. У. епіскап (апошні радок напісаны рукой І. Сямашкі – Л. Л.)» [5, арк. 1–1 аб.].

9-й старонкай справы трох святароў з'яўляецца ананімная папера, на якой трыма рознымі вельмі неахайнымі почыркамі напісаны тэкст. З апошняга фрагмента тэкста можна зразумець, што справа ідзе аб навагрудскіх дамініканах. На старонцы губернскім пісарам прастаўлены № 877 і грыф «сакрэтна», дата 28 верасня 1834 г., на паперу накладзена віза «Завесці справу» [5, арк. 9–9 аб.].

Для расследавання «справы» у Навагрудак напраўляецца страпчы па крымінальных справах Гродзенскай губерні Каржанеўскі. Яго рапарт дае магчымасць зразумець, які «крымінал» учынілі навагрудскія святары.

№ 222. Сакрэтна. Строга сакрэтна.

Яго правасхадзіцельству гродзенскаму губернатару – на правах Ваеннага губернатара па горадзе Гродна – генерал-маёру і кавалеру Міхаілу Мікалаевічу Мураўёву.

*Гродзенскага губернскіх крымінальных спраў страпчы
Рапарт*

У выкананне прадпісання Вашага правасхадзіцельства ад 28-га мінулага верасня за № 877 гонар маю пакорліва данесці, што па строгім і колькі магчыма сакрэтным вышуку наконт дзеянняў Навагрудскіх ксяндзоў Дамініканаў у зламысным падбухторванні грэка-уніяцкіх святароў Адама Плаўскага, Ігната Дылеўскага і Антонія Гарбацэвіча да падання літоўскаму Грэка-уніяцкаму епіскапу правялебнаму Іосіфу ў бытнасць яго ў Наваградку – некалькі прашэнняў, адкрываецца:

1) Першапачатковымі завадатарамі гэтага прашэння былі акрамя трох найменаваных святароў і яшчэ Сенінскі святар Юльян Гарбацэвіч, ён першы падпісаў гэтае прашэнне, падаўшы прыклад іншым.

2) Неабходны рух перад прыбыццём, г.зн. 1-га чысла мінулага верасня, епіскапа Іосіфа ў Навагрудак, гэтае прашэнне падпісана было святарамі часткай у м. Любчы ў святара Плаўскага – а часткова ў Наваградку ў святара Дзеуорылоўскага (?), пра што ведае і благачынны Гамаліцкі.

3) Святар Плаўскі насіў гэтае прашэнне ў манастыр да Навагрудскіх ксяндзоў Дамініканаў ўжо напісанае і падпісанае – чытаў ім яго – і яны пры адыходзе Плаўскага са слязьмі бласлаўлялі яго на поспехах.

4) У кастрычніку і на пачатку мінулага верасня Нясвіжскія і Навагрудскія ксяндзы Дамініканы ... колькі па паверхні я даведацца мог, вырашылі паміж сабою пост – пост кожную ... сераду – дзеля таго, каб унія не адхілілася ад рымскіх абрадаў: такім чынам яны былі ўдзельнікамі ў гэтым зламысным дзеянні, ... Навагрудскага базільянскага Грэкауніяцкага манастыра манахі ... трымалі пост у суботу.

5) Святары Адам Плаўскі і Ігнат Дылеўскі наводле распа-
раджэння епіскапа – па маім патрабаванні, ужо адпраўленыя на епітымію ў Валнянскі манастыр, – Ведзьмянскі ж святар Антоній Гарбацэвіч яшчэ застаецца на сваім месцы – з-за непрызначэння з духоўнага боку дагэтуль іншага святара яго прыходскай царквы. Пра што я не забываю ... нагадаць Навагрудскаму дэкану або благачыннаму.

6) З ліку схопленых завадатаяў утаймаваны два толькі святара: Адам Плаўскі і Юльян Гарбацэвіч, з якіх першы катэ-

гарычна сардэчна раскайваецца, абавязуючыся выконваць усе ... распараджэнні яго духоўнага начальства і ў тым ліку вырак Вашага правасхадзіцельства: але з гэтых Юльяну Гарбацэвічу, на маладому яго ўзросту ... протапрэсвітэрам благачынным прадпісана яму як добранадзейнаму прыняць ... пакінутую Плаўскім Любчанскую парафіяльную царкву ... святары Дыльскі і Антоні Гарбацэвіч, сваякі Юльяна Гарбацэвіча, не перастаюць заставацца ўпартымі і даволі дзёрзкімі ў памылцы сваёй.

7) Акрамя грэка-уніяцкіх святароў, каб хто менавіта з прыватных асобаў удзельнічаў у згаданым зламысным дзеянні, я пры ўсім маім старанні за такі кароткі час знайсці не змог: а заўважыў толькі, што наогул ... памешчыкі ... спрыяюць духоўным, каб унія не адыходзіла ад рымскіх абрадаў, ... напрыклад, калі святар Дыльскі атрымаў з Кансісторыі прадпісанне аб прызначэнні яму епітымій, дык на другі дзень выправіўся ў маёнтак Райцы да памешчыка Раецкага, які і ўзнагародзіў яго, Дыльскага, ... дзесяткамі злых.

Губернскі крымінальных спраў страпчы

Подпіс (Каржанеўскі)

9-га кастрычніка 1834

г. Навагрудак [5, арк. 11–13].

Такім чынам, «пост і малітва» манахаў лічыліся ўдзелам у «зламысным дзеянні», які і напісанне і падача цалкам легальнага прашэння. Па ўспамінах відавочца, прашэнне ўніяцкіх святароў было напісана так, што «нават тыгра-забойцу перамяніла бы на ягнё». Плаўскі меў публічны выступ перад мноствам людзей, верагодна, святароў; «пры гэтым епіскап, слухаючы, бляднеў, а некаторыя казалі, што, наадварот, кроў прылівала да яго твару» [6, с. 173].

Епіскапа І. Сямашку не задаволіла пакаранне святароў у Валнянскім манастыры, 5 снежня 1834 г. ён піша Мураўёву: «Благачынны Навагрудакскі ... Гамаліцкі даносіць мне, што з прызначаных мною на епітымію ў Валнянскім манастыры святароў, адны ходзяць па корчмах і па селішчах, іншыя раз'язджаючы па суседнім дамам, займаюцца распаўсюдам ілжывых вестак, на богаслужэнні ж зусім не глядзяць.... жадаючы даставіць святарам Плаўскаму, Дылеўскаму і Гарбацэвічу надзейныя спосабы да выпраўлення, я прапанаваў Літоўскай Кансісторыі: 1. Перавесці азначаных святароў для заканчэння шасцімесячнай епітымій з Валнянскага ў Быценскі манастыр. 2. Вызначыць падрабязна, з чаго будзе скла-

дацца гэтая епітымія, так каб яна сапраўды была карыснай для ... выпраўлення памянутых святароў. 3. Прызначыць ім у манастыры асобную келлю і даручыць іх асабліваму нагляду і кіраўніцтву аднаго з ... іераманахаў Быценскага манастыра» [5, арк. 17–17 аб.].

Паводзіны Плаўскага, верагодна, тлумачацца тым, што ён меў вялікую сям'ю (8 дзяцей). Відавочна, што ў яго душы ішла барацьба паміж абавязкам святара-інтэлектуала і бацькоўскімі пачуццямі. Пакаяўшыся перад епітыміяй, ён скарыстаў час знаходжання ў манастырах для напісання пакуль што невялікай запіскі, у якой выклаў і абгрунтаваў свае погляды. Як законапаслухмяны святар, ён перадаў сваю працу ў Кансісторыю, думаючы, што на людзей, якія свядома ліквідуюць сваю царкву, можна ўздзейнічаць логікай. І. Сямашка зрабіў выгляд, што не зразумеў, якія паперы яму перадалі, бо пісаў: *«Прадстаўленнем ад 26 мінулага красавіка ..., кансісторыя, даносячы мне аб заканчэнні святарамі Плаўскім і Дылеўскім ... епітымій, прыклала нейкія запіскі першага з іх ..., на некалькіх лістах дробным шрыфтам Не бачу ... ні мэты, ні прычыны, на якіх прыкладзеныя гэтыя запіскі, ... мне не хапае часу займацца чытаннем нейкіх прыватных пустых папер, ... кансісторыя прыняла гэтыя цыдулкі на простае паперы і ў неафіцыйнай форме Калі б на гэтыя паперы варта было б чамусьці звярнуць увагу, дык сябры кансісторыі маглі б прыняць іх прыватна, тым больш, яны маглі б павучыць таго, хто напісаў гэтыя запіскі, выявіўшага гэтым занадта абмежаваныя свае звесткі і недахоп здоровага сэнсу»* [7, с. 163–164].

Аднак ужо 22 чэрвеня 1835 г. епіскап хадайнічаў перад міністрам унутраных спраў Блудавым *«пра выдаленне ў Магілёўскую губерню святара Адама Плаўскага, бо ён узбуджае паміж духавенствам процідзеянне начальству»*. Сямашка пісаў, што высылка ў манастыр *«не прынесла ... поспеху ... у дачыненні да аднаго з тых святароў, ... Адама Плаўскага»*. Далей епіскап прыводзіць, мякка кажучы, бяздоказныя факты пра дрэнны характар і неадпаведныя паводзіны магістра Плаўскага ў мінулым, а потым паведамляе, што пасля паўгода знаходжання ў манастыры святар падаў яму *«дзве цыдулкі. У адной з іх, ён мяркуе, што служэбнікі Маскоўскай друку не павінны прымяняцца ўніятамі, у другой бэсціць кормчую кнігу (Кормчыя кнігі – зборнікі царкоўных і свецкіх законаў, якія выкарыстоўваліся пры кіраванні праваслаўнай*

царквой – Л.Л.). [...] Таму я лічу неабходным ужыць ... больш дзейныя сродкі ўтаймавання і выпраўлення і мяркую адхіліць яго ад займанага ім Любчанскага прыходу ... і адправіць дзячком ... у Магілёўскую губерню» [7, с. 166–167]. Ужо 8 ліпеня епіскап дае каманду Навагрудскаму благачыннаму неадкладна выслаць Адама Плаўскага з усім сямействам ў Магілёўскую губерню [7, с. 173]. Плаўскі быў сасланы туды ў панамары [8, с. 176] з васьмю дзеткамі і жонкай [9, с. 55]. Прычым І. Сямашка пісаў міністру Блудаву, што *«было б карысна, каб паліцыя з самага пачатку паступала з Плаўскім як з дзячком і не дазвалялася яму па шляху ўжываць адзенне святара»* [7, с. 173]. Пазней святар быў высланы ў Смаленскую губерню [7, с. 583].

Акрамя трох святароў у Навагрудскім благачынні ў 1835 г. яшчэ 6 парахаў – Міхал Віторскі, Гедэон Савіч, Ігнат Марцыноўскі, Томаш Гарбацэвіч, Юліян Гарбачэвіч (пра яго пісаў страпчы), Віктар Гарбацэвіч – адмовіліся служыць па маскоўскіх кнігах. Акрамя іншага, І. Сямашка абвінавачваў іх у тым, што *«осмелились рассуждать»*, і таму былі пераведзеныя ў прычэтнікі, іх неабходна было *«выслаць без усялякага запаволення да прызначаных для іх прычэтнічаскіх месцаў, калі будзе патрэбным, дык і праз паліцыю, не дазволіўшы ім больш за тры дні для вырашэння сваіх гаспадарчых справаў у ранейшых прыходах»* [7, с. 174]. І тым не менш, благачынны Ян Гамаліцкі 31 ліпеня 1835 г. дакладаў, што яшчэ 13 парахаў адмовіліся прыняць кнігі маскоўскага друку [7, с. 188]. Хваляванні святароў пракаціліся тады па усёй Беларусі.

Плаўскі з сям'ёй не мог пражыць на жабрацкія грошы дзячка. Захавалася справа ад 1 чэрвеня 1836 г. аб пераведзеным у прычэтнікі святары, магістры багаслоўя Адаме Плаўскім. У справе знаходзіцца прашэнне мітрапаліту Булгаку аб аднаўленні яго на святарскай пасадзе і данясенне пра яго *«узорныя паводзіны»* [3, с. 1080]. Пісаў Плаўскі і епіскапу Лужынскаму [10, с. 267].

Аднак толькі ў 1838 г. яго прашэнні пачалі разглядацца. У лісце да обер-пракурора Сінода Пратасева ад 24 лістапада 1838 г. з меркаваннем аб прашэнні Адама Плаўскага пра яго вяртанне ў Літоўскую епархію, сярод іншага, І. Сямашка пісаў: *«Я баюся, што раскаянне Плаўскага перад начальствам Смаленскай губерні і гатоўнасць падпарадкоўвацца, ... тычыцца толькі справы аб служэбніках Маскоўскай друку Таму я лічу, неабходным, каб святар Плаўскі падаў ... прашэнне, у якім бы ён ясна выклаў сваю гатоўнасць далучыцца да праваслаўнай ... царквы»* [7, с. 403–404].

Апальны святар быў пераведзены святаром «на бедны прыход» у Магілёўскую епархію. Пасля шматлікіх прашэнняў святара перавялі ў «добры» Астрынскі прыход на Лідчыне. І. Сямашка, «представил его к пособию в 200 рублей как совершенно обедневшего и принужденного воспитывать 8 человек детей, после смерти жены». Жыццём сваёй жонкі – маці васьмі дзяцей і галечай заплаціў беларускі святар-інтэлектуал за сваю веру і перакананні. Трактат Плаўскага супраць кніг маскоўскага друку і ліквідацыі ўніі быў выдадзены за мяжой, потым перакладзены на розныя мовы і неаднаразова перавыдаваўся на працягу XIX ст. «при помощи врагов России» [4, с. 96].

Верагодна, першы раз трактат Адама Плаўскага быў надрукаваны ў Познані ў кнізе «Historia duchowieństwa Łacińskiego i Unickiego», якая выйшла ў двух частках [6, с. 173]. Аўтар дадзенага артыкула праз кніжны пошук на «google.com» знайшоў шэраг кніг XIX ст. на розных мовах, у якіх расказваецца пра дзеянні ўніяцкага святара Плаўскага [11, с. 218; 12, с. 20; 13, с. 178; 14, с. 39; 15, с. 374; 16, с. 550; 17, с. 97–98; 18, с. 384].

Расійскі гісторык-заходнерус беларускага паходжання Г. Кіпрыяновіч пісаў: «Ухіленне ад падпіскі (аб далучэнні да праваслаўя – Л.Л.) протаіерэя Баброўскага (да 1837 г.) і протаіерэя Сасноўскага (да 1839 г.), нікчэмны лік падпісак ў 1833–1834 гг. з боку даволі шматлікіх у той час святароў, былых выхаванцаў Галоўнай семінарыі, а так жа навагрудскі пратэст магістра багаслоўя Адама Плаўскага, таварыша Іосіфа (Сямашкі – Л.Л.) на Галоўнай семінарыі, ясна даказвае, што нават шматлікія духоўныя таго часу не адразу разгледзелі ўсе веліч пачатай Іосіфам справы» [4, с. 91]. Я думаю, усё наадварот, яны разгледзелі справу І. Сямашкі і менавіта таму, нягледзячы на моцны ціск уладаў, супраціўляліся ёй у меру сваіх магчымасцяў.

1. Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S.J. – Т. 7. – Lipsk, 1841.

2. Bieliński, J. Uniwersytet Wileński / J. Bieliński. – Т. I. – Kraków, 1899–1900.

3. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. – Т. 2. – СПб., 1907.

4. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита литовского и виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1839 году / Г. Я. Киприанович. – Вильна, 1893.

5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 1. – Воп. 27. – Спр. 614.

6. Iwanowski, E. A. (pseud. Eu. Helleniusz). Wspomnienia narodowe / E. A. Iwanowski. – Paryż: L. Martinet, 1861.

7. Записки Иосифа Митрополита Литовского. – Т. 3. – СПб., 1883.

8. Дело о низведенном в причетники священнике магистре богословия Адаме Плавском. Р., 01.06.1836, д. 3401, 22 л. // Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV – XIX стст. у фондзе «Канцылярыя мітрапаліта грэка-ўніяцкіх цэркваў у Расіі». – Мінск-Полацк, 1999.

9. Chotkowski, X. Pamiętniki Józefa Siemaszki / X. Chotkowski. – Krakow, 1885.

10. Прошения оршанскому епископу В. Лужинскому о назначении и перемещении по службе, о выдаче метрических выписей, об облегчении наказания священнику Плавскому и др. П. Р., 14.05.1835 – 12.01.1836, д. 1564, 81 л. // Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV–XIX стст. у фондзе «Канцылярыя мітрапаліта грэка-ўніяцкіх цэркваў у Расіі». – Мінск-Полацк, 1999.

11. Schlesisches Kirchenblatt. – Т. 20. – Breslau, 1854.

12. Österreichische revue. – Т. 4. – Wien, 1866. Fragen 10–2.

13. Revue du Monde Catholique. – Т. 7. – Paris, 1863.

14. Louis Zozime Élie Lescoeur. L'église catholique en Pologne sous le gouvernement russe. – Paris, 1860.

15. Karl Werner. Geschichte der apologetischen und polemischen Literatur der christlichen Theologie. – Т. 3. – Hurter, 1864.

16. Giacomo Margotti. Die Siege der Kirche in dem ersten Jahrzehnt des Pontifikates Pius IX aus dem Italienischen von Pius Gams. – Т. 3. – Wagner, 1856.

17. Della Chiesa Russia in relazione alla cattolica e ad altre chiese cristiane. – Padova, 1864.

18. Journal historique et littéraire. Liège. – 1837. – Т. 4.

Дадатак

Паданне 1834 г. епіскапу ад Навагрудскіх святароў

Беларускі пераклад з кнігі: E. Likowski. *Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII – XIX wieku. Cz II. Warszawa. 1906. S. 84–86* (у сваю чаргу, Э. Лікоўскі падае тэкст у перакладзе з французскай мовы з кнігі: *Vicissitudes de l'Église catholique des deux rites en Pologne et en Russie, ouvrage écrit en allemand, par un prêtre de la congrégation de l'Oratoire (1845). Tom. II, str. 298–300*).

З належнай павагай да Вашай Правялебнасці з нагоды прапа-
наванай змены грэка-уніяцкага абраду, мы тлумачым нашы запыты
ў наступных пунктах:

а). Калі ўнія ўсходняй царквы з заходняй была ўрачыста
аб'яўлена на агульным Фларэнцыйскім саборы ў 1439 г., так сама
там было вырашана рэфармаваць грэцкія абрады, але дызуніцкая

царква, разбураная праз неспакойнага Марка¹, епіскапа Эфескага, не захацела прыняць вынікаў сабора. Што тычыцца нас, мы па прыкладу нашага мітрапаліта, Ісідора Кіеўскага² і Іосіфа³, патрыярха Канстанцінопальскага, аднадушна падтрымліваем ужыванне вынікаў рэформы, бо рэформа для усёй грэцкай царквы была прынятая і мы, як і грэкі ўз'яднаныя, выконваем яе абавязаныя.

б). Пасля адпаўнення паўночнай Русі, руска-літоўскае духавенства ў часы мітрапаліта Міхала Рагозы⁴ уз'ядналася з Рымам на сінодзе ў Брэсце Літоўскім 1594 г., калі ж тая ўнія ў наступным годзе была пацверджана папам Клементом VIII, той жа сінод даў нам як недатыкальныя прынцыпы: вызнанне веры і рэформы абраду, устаноўленыя сінодам Фларэнцыйскім.

в). Леў Кішка⁵, мітрапаліт усяе Русі, на Замойскім сінодзе ў 1720 г. разам з усімі святарамі, не толькі пацвердзіў упамянутую вышэй унію ў Брэсце, але, акрамя таго, для большага ўзмацнення ўніі, адрозненні паміж дызуніцкай і грэка-каталіцкай царквой падрабязна апісаў і рэфармаваў абрады ва ўніяцкім духу, вызначыў прылады і ўсё начинне, неабходнае для Літургіі, зыходзячы больш з вялікай пабожнасці і нацыянальных звычаяў, а не са старых абрадаў царградскіх. Аўтэнтычная экзэмпляры тых пастановаў былі адпраўленыя для вечнае захавання духавенству венгерскаму, славацкаму, далмацкаму, харвацкаму і іншым, а нас пад прысягай абавязалі да захавання на вечныя часы еднасці са Святой Рымскай царквой.

г). Параўноўваючы самыя старыя выданні малітоўнікаў, выдадзеныя намаганнямі і падмацаваныя аўтарытэтам епіскапаў, як: малітоўнік, выданы ў 1659 г. мітрапалітам Кіпрыянам Жахоўскім⁶ і прысвечаны князю Каралю Станіславу Радзівілу, з прыгожай прад-

¹ Марк Эфескі (1392–1444) – мітрапаліт Эфескі, праваслаўны багаслоў, адзіны ўдзельнік Ферара-Фларэнтыйскага сабора, які не прыняў унію.

² Ісідар Кіеўскі (1380/1390 – 1463, Рым) – мітрапаліт Кіеўскі, прыхільнік уніі.

³ Іосіф II, патрыярх Канстанцінопальскі, раней мітрапаліт Эфескі, абраны ў 1416 г., імкнуўся да ўз'яднання царкваў, наведаў Фларэнтыйскі сабор і памёр у Італіі ў 1439 г.

⁴ Міхал Рагоза (1540–1599) – праваслаўны, потым уніяцкі царкоўны дзеяч Рэчы Паспалітай. Мітрапаліт кіеўскі, галіцкі й усяе Русі (з 1589 г.).

⁵ Леў Кішка (1668–1728) – царкоўны дзеяч Рэчы Паспалітай, пісьменнік і перакладнік. Уніяцкі біскуп уладзімірскі і берасцейскі (з 1711 г.), мітрапаліт кіеўскі, галіцкі і ўсяе Русі (з 1714 г.). Доктар багаслоўя (1691 г.).

⁶ Кіпрыян (Цыпрыян) Жахоўскі (1635–1693) – уніяцкі мітрапаліт Кіеўскі, Галіцкі і ўсяе Русі (1674–1693).

мовай, якая заахвочвала духавенства да ўніі; так сама малітоўнік, выданы ў 1727 г. праз мітрапаліта Кішку і малітоўнік, друкаваны ў 1790 г. праз мітрапаліта Шаптыцкага, нарэшце, абмінуўшы шмат іншых, малітоўнік, выданы ў Вільні стараннямі дзейснага зараз мітрапаліта Язафата Булгака, дык вось, параўноўваючы ўсе гэтыя малітоўнікі, мы знаходзім, што яны нічым не розняцца. Акрамя таго, мы бачым, што ўсе рытуалы стасуюцца паміж сабой і розніца паміж імі вельмі малая. Усё гэта даказвае, што малітоўнікі і рытуалы маюць агульную крыніцу ва Усходняй Царкве, таму што так шмат грэцкага – малітоўнікі ўніяцкіх епіскапаў маюць пацверджанне ў сёвай даўніне.

д). Калі для выкарыстання грэка-уніяцкім духавенствам малітоўнікі, друкаваныя ў 1831 г. у Маскве, адрозніваюцца ад нашых малітоўнікаў месцам аб паходжанні Святога Духа і некаторымі малітвамі, ні разу не ўзгадваецца Папа, якому мы пры нашым высвячэнні клятвенна абяцалі паслухмянасць і павагу як і імператару, молім Правялебнага епіскапа не прымушаць нас прыняць гэта і пакінуць нам віленскі малітоўнік, які мы заўжды ўжывалі.

е). Люд рускі амаль два стагоддзі прывык кленчыць пад час службы, да Еўхарыстыі пад час ўрачыстых святаў і ў нядзелю, да шэсцяў і глыбокай павагі да Еўхарыстыі. Усё гэта патрэбна ў нашым абрадзе і не можа быць выдалена без пакрыўджання народа, які, здаецца, будзе мець абурэнне супраць духавенства з-за новых зменаў.

Пад кіраўніцтвам нашага Найлепшага цара, сярод столькіх мільёнаў падданных, грэка-каталіцкае духавенства мусіць засведчыць шмат дабрадзействаў і чакае так сама яго бацькоўскай апекі. Яго найвышэйшая воля кожнаму пакідае поўную свабоду вызнаваць сваю рэлігію, таксама і грэка-каталіцкаму духавенству. Такім чынам, ня меней за іншыя веравызнанні мы маем абавязак захавання старых абрадаў нашага набажэнства, абы мы не пагрэбавалі высокай дабынёй нашага цара.

Нарэшце Навагрудскае духавенства, з належнай павагай да Правялебнага епіскапа, аб'яўляе просьбу, каб Грэка-уніяцкая Царква адрознівалася ад Праваслаўнай Царквы, і заклікае да ўважлівага клопату пра сябе свайго выбітнага пастара. Гэтыя пажаданні, аб'яўленыя аднагалосна, падпісаныя кожным уласнай рукой.

Леанід Лявонцьевіч Лаўрэш – інжынер, краязнаўца (г. Ліда).

РЭФОРМА ЎНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ 1830-Х Г. У ЛЁСЕ І. АНДРУШКЕВІЧА І І. САЛТАНОЎСКАГА

На матэрыяле архіўных крыніц паказана пазіцыя ў справе рэфармавання і ліквідацыі ўніяцкай царквы ў 1830-я г. яе духоўных асоб І. Андрэшківіча і І. Салтановскага і рэпрэсіі, якія ім давалася за гэта зведзець.

Гісторыя ліквідацыі ўніяцкай царквы ў Беларусі ў 1830-я г. нам вядома, галоўным чынам, па крыніцах, творцамі якіх былі людзі і ўстановы, якія гэту царкву знішчалі і рух у яе абарону падаўлялі. З дапамогай такога роду крыніц гістарыяграфія часоў Расійскай імперыі стварыла «ідэалічную» канцэпцыю «ўз'яднання» ўніятаў і навязала грамадству стэрэатып, што ўнія «рассыпалася сама сабой пры першым ветры з Усходу», што яе каштоўнасці былі чужымі беларускаму народу, які добраахвотна і безбалесна ў 1839 г. адрокся ад уніяцкай веры.

Між тым, архівы і рукапісныя аддзелы бібліятэк Беларусі і суседніх краін багатыя дакументамі, якія гэтыя стэрэатыпы ломяць. Іх увядзенне ў навуковае абарачэнне адкрывае перспектыву больш адэкватнага бачання адной з найбольш значных падзей гісторыі Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст., якой з'яўляецца рэформа ўніяцкай царквы і масавая рэлігійная канверсія яе вернікаў у 1833–1839 гг.

Так, карціну ліквідацыі ўніяцкай царквы ў Беларусі, створаную ў запісках яе галоўных «ліквідатараў», істотна дапаўняюць і робяць больш аб'ёмнай і шматфарбнай ніколі не публікаваныя запіскі і дзённікі прадстаўнікоў уніяцкага духавенства, якія сталі ў апазіцыю да рэфармавання і ліквідацыі сваёй царквы і за гэта падпалі пад рэпрэсіі. Выяўленыя намі ў Рукапісным аддзеле Ягелонскай бібліятэкі ў Кракаве запіскі і дзённікі гэтых барацьбітоў за ўнію, прасякнутыя крыўдай і рэлігійным патрыятызмам, лічым удалай даследчыцкай знаходкай. Гэтыя ўспаміны данеслі да нас дух і атмасферу таго часу, калі ішоў наступ на ўнію, настроі сучаснікаў і калег па духоўнаму званню, уражанні саміх аўтараў. Шмат з таго, што зафіксавана ў гэтых помніках, не знайшло адлюстравання ні ў якіх іншых крыніцах.

Нязгоды з палітыкай скасавання царкоўнага адзінства і асуджэннем яе дзеячаў прасякнуты мемуары настояцеля базыльян-

скага Ануфрэйскага манастыра з-пад Віцебска Іллі Андрушкевіча. Рукапіс гэтых успамінаў у шасці сшытках выяўлены намі ў Рукапісным аддзеле Ягелонскай бібліятэкі ў Кракаве [1]. Іераманах-базыльянін апісвае ў іх свае шматгадовыя хаджэнні па пакутах, якія пачаліся пасля адмовы прыняць новыя абрады і даць «падпіску на праваслаўе».

Ілля Андрушкевіч – адукаваны іераманах, настаяцель Ануфрэйскага базыльянскага манастыра на Віцебшчыне, паважаны сваім асяроддзем і царкоўнымі саноўнікамі. Меў добрыя сувязі з духоўным начальствам. Ганарыўся сваёй прыналежнасцю да базыльянскага ордэна. Зразумеўшы, што «пад корань дрэва святога адзінства прыкладзена сякера», Ілля стаў значнай перашкодай яго вырубкі ў гэтым кутку Беларусі і на працягу трох гадоў нейтралізоўваў тут дэўнізацыйныя намаганні епіскапа Васіля Лужынскага. У лістападзе 1836 г. абвінавачаны ў «предосудительной» перапісцы, І. Андрушкевіч быў нейтралізаваны – яго ізалявалі [2].

Цярністы шлях Іллі Андрушкевіча пачаўся 26 верасня 1837 г. У гэты дзень яго гвалтам забралі з манастыра і пад канвоем даставілі да віцебскага губернатара. Той угаворваў, запужваў – не атрымалася. Потым павезлі да Васілія Лужынскага – некалі епіскапа аршанскага, як пісаў Ілля ў сваіх запісках, а цяпер – «уладыкі грэка-маскоўскай царквы» [1, сшытак 1, арк. 14]. Раней міласцівы да ануфрэйскага настаяцеля, В. Лужынскі быў цяпер да яго суровым і няўмольным. Андрушкевіча выслалі пад нагляд у Тадулінскі манастыр, што ў 30 вярстах ад Віцебска [1, сш. 1, арк. 65, 66].

Каб угаварыць парафіян Ануфрэйскай архімандрыі, выкарысталі батальён салдат [1, сш. 3, арк. 101]. Назаўтра пасля выдалення настаяцеля на манастырскі падворак прыгналі акружаных узброенай вартай прыхаджан, якія засталіся ва ўніі. Паколькі ключэй ад царквы (па загаду Андрушкевіча) пратапоп не даў, выбілі дзверы храма і загналі туды люд. Загадалі падняць руку ўверх, зачыталі тэкст прысягі, далі пацалаваць крыж. Потым пераасвяцілі царкву, яе начинне. Сцены акрапілі асвечанай вадой.

70-гадовы базыльянскі манах-старац, які быў духоўным правадыром тутэйшых жыхароў, 12 гадоў спавядаў іх, пачаў публічна гаварыць аб трываласці ў веры. Але камісія ахрысціла яго блюзнерцам і пасадзіла ў астрог, як і пратапопа, што не даў ключоў ад царквы. Старац вытрымаў там некалькі месяцаў У астрогу ён і памёр. Да астатніх святароў прыставілі ваенную ахову [1, сш. 1, арк. 66].

Трохгадовыя намаганні В. Лужынскага схіліць Андрушкевіча да прыняцця праваслаўя поспеху не мелі. Тады базыльянін пачаў прасіць дазволу на пераход у лацінскі абрад, звяртаўся нават да імператара, але ўсюль атрымаў адмову [1, сш. 1, арк. 60]. Не могучы сваімі сіламі і ўладай зламаць уплывовага базыльяніна, аршанскі епіскап перадаў яго Сямашцы. Той у красавіку 1838 г. выклікаў Андрушкевіча ў Пецяярбург, дзе па даручэнню самога Мікалая I «угаворваў яго перавярнуцца да грэка-расійскай царквы» [1, сш. 1, арк. 82–83; сш. 3, арк. 19].

Непахіснага ануфрэйскага настояцеля Сямашка адправіў у распараджэнне брэсцкага епіскапа Антонія Зубко ў Жыровіцы, які стаў папраўчым домам для непакорных уніяцкіх духоўных. Ілля прыбыў туды, ужо будучы гатовым да выгнання за веру.

А. Зубко вымагаў ад яго «падпіску на далучэнне» [1, сш. 3, арк. 19]. Зразумеўшы, «што адбылася здрада», Ілля хацеў пераканаць і брэсцкага епіскапа застацца ў сваёй веры. Меў з ім 4,5-гадзінную тэалагічную сутычку-дыспут. У епіскапа, відаць, не хапіла аргументаў для абгрунтавання курса на ліквідацыю ўніі. Таму на дыспут былі запрошаны іншыя духоўныя асобы, і ён працягваўся яшчэ 4 гадзіны [1, сш. 2, арк. 127, 133].

Тады манастырскі настояцель, якога апрацоўвалі і ад якога так і не змаглі дамагчыся падпіскі тры епіскапы: Васіль Лужынскі, Іосіф Сямашка і Антоній Зубко – стаў манастырскім вязнем. У студзені 1839 г. літоўскі епіскап характарызаваў яго перад обер-пракурорам Сінода наступным чынам: «Сапраўдны фанатык і сваім энтузіязмам робіць на многіх рэзкае ўражанне. Ён распаўсюджае самыя нядобранадзейныя звесткі адносна грэка-уніяцкіх спраў, нібы зробленых ім у Пецяярбургу» (І. Андрушкевіч ездзіў у Пецяярбург хадайнічаць за ўнію). Выслаць яго ў Любарскі манастыр на Валынь – быў прысуд Сінода [3, арк. 1–1 адв.].

Так І. Андрушкевічу акрэслілі поўнае нягод жыццё ў дарозе. Многія гады яго перасылалі з аднаго манастыра ў другі. У кожным яго прымалі нібы на жыхарства. Пераконвалі і, не атрымаўшы вымаганай «падпіскі на праваслаўе», згодна з прадпісаннем І. Сямашкі, з тытулам «нядобранадзейнага» высылалі ў наступны манастыр [1, сш. 2, арк. 137]. Апошняя інстанцыя была вызначана пасяленне ў праваслаўным манастыры.

За першыя 3 гады няволі яго прагналі праз 11 «былых базыльянскіх кляштараў» Беларусі і Украіны: Тадулін, Жыровіцы,

Быцень, Таракань, Любар... Жыццёвымі спадарожнікамі нязломнага іераманаха сталі дарогі, холад, голад, уніжэнне, абразы [1, сш. 3, арк. 19; сш. 4, арк. 103].

І сакавіка 1840 г. імператар выдаў указ, каб упартых духоўных грэка-уніяцкага абраду звальняць у свецкае званне. Жыць ім дазвалялася толькі ў расійскіх губернях. За імі ўстанаўліваўся сакрэтны нагляд паліцыі. Ілля адмовіўся прыняць свецкае званне [1, сш. 3, арк. 57]. Таму яго хаджэнне па пакутах працягнулася. Цяпер яго выслалі ў «грэка-маскоўскі» манастыр у Ноўгарад-Северскі.

І вось ужо ідзе пяты год манастырскага зняволення [1, сш. 4, арк. 153]. Вось ужо восьмы год жыве на кавалку хлеба [1, сш. 4, арк. 379]. У 1846 г. з Ноўгарад-Северска Іллю Андрушкевіча перавялі ў Курск [1, сш. 4, арк. 455]. З году ў год ён старанна рабіў запісы ў сваім, назавём яго так, «дзённіку нявольніка», аплаківаў «канец уніі», ахрысціў яе ліквідацыю «апастазіяй» [1, сш. 4, арк. 142, 162].

Праз многія гады шматпакутнаму манастырскаму вязню ўдалося вярнуцца на Беларусь. Закончыў ён свой жыццёвы шлях у бернардынскім кляштары ў Заслаўі ў 1884 г., ужо будучы глыбокім старцам, але так і застаўшыся не зламаным.

У рукапісным аддзеле Ягелонскай бібліятэцы ў Кракаве намі знойдзены таксама ўласнаручныя кароткія запісы ўрадженца Слонімскага павета базыльяніна Ігнація Іоны Салтанойскага – прапаведніка Ляшчынскага манастыра Пінскага павета Мінскай губерні [4, арк. 3–8 адв.].

У 1837 г., як расказвае ў сваіх запісках І. Салтанойскі, прыехалі ў іх манастыр пінскі гараднічы і страпчы. Прачыталі ўказ губернатара, «каб у нашай царкве з гэтага часу ўсё было, як у рускай праваслаўнай царкве»: каб арган выкінулі, некаторыя абразы павыкідалі, бакавыя алтары знішчылі. Іона праігнараваў гэты ўказ [4, арк. 2 адв.].

Праз месяц гараднічы са страпчым прыбылі зноў, абвінавацілі І. Салтанойскага ў невыкананні распараджэння губернатара, якому пра гэта і данеслі. Яшчэ праз 2 тыдні прапаведніка выклікалі ў Быцень, на суд да правінцыяла І. Жарскага. Зрабілі строгае папярэджанне. І. Жарскі загадаў яму і яшчэ двум такім жа святарам, выкліканым у Быцень на «перавыхаванне», адправіць «мшу з рускага служэбніка цалкам па руску».

Адзін з іх згадзіўся. Тых, хто адмовіўся, заключылі на 5 дзён у манастырскую турму на хлеб і ваду. Заключэнне іх не зламала. Тады І. Сямашка загадаў аднаго з іх пазбавіць святарскага звання і аддаць у салдаты. Іону ж за адмову даць падпіску выслалі ў Любарскі манастыр на Валыні.

У Любары тады знаходзіліся ў выгнанні за адмову даць падпіску 21 «непадпісковы святар». Потым дадаліся яшчэ трое. Усе яны адмаўляліся хадзіць у манастырскую царкву і «адпраўляць набажэнства па-руску». Архімандрыйт паскардзіўся на іх генерал-губернатару Бібікаву. На іх ўздзейнічалі абяцанкамі і пагрозай выслаць на Салаўкі. 12 святароў не ўстаялі – далі сваю згоду. І. Салтаноўскі адказаў: «Сумленне не дазваляе мне быць ліцэдзеем і здраднікам ... прабацькоўскай веры». Тады яго пад канвоем жандара павезлі праз Кіеў нібыта на Салаўкі. У Кіеве пасадзілі ў цёмны каземат, пагражалі расстраляць як бунтаўшчыка. У казематах таміліся тады 12 такіх жа вязняў сумлення. Адзін з іх там і памёр. У 1840 г. іх, так і не зламаных, разаслалі ў праваслаўныя манастыры. І. Салтаноўскага трымалі пад наглядам паліцыі ў розных манастырах як арыштанта аж да 1852 г. У гэтым годзе, пісаў ён, было яшчэ 16 такіх выгнанцаў, рассыпаных па розных губернях [4, арк. 3].

Свае кароткія запіскі пра супраціў і пакуты І. Салтаноўскі завяршае словамі: «Маю веру не вырве ані жорсткі вораг, не спаліць агонь, не забярэ вада, ... а здраднікаў веры чакае пекла» [4, арк. 7 адв. –8.].

Той пераслед нарадзіў шмат пакутнікаў за веру, якім прыйшлося зведаць псіхалагічны, маральны ціск і фізічны здзек. Гэта нікому невядомыя пакутнікі. Сведкамі іх пакутніцтва былі жыхары вёсак і гарадоў, якія ў другой палове 1830-х г. сталі аб'ектамі дэўнізацыі.

1. Рукапісны адзел Ягелонскай бібліятэкі, Кракаў. – Спр. 5916.

2. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў, г. Санкт-Пецярбург. – Ф. 797. – Воп. 6. – Спр. 23039.

3. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў, г. Санкт-Пецярбург. – Ф. 797. – Воп. 7. – Спр. 23489.

4. Рукапісны адзел Ягелонскай бібліятэкі, г. Кракаў. – Спр. 5915.

Марозава Святлана Валянцінаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

МЕМУАРНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ XVIII–XIX ст. ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ШТОДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ ШЛЯХЕЦКАЙ СЯМ’І: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

Раскрыты інфармацыйны патэнцыл беларускай мемуарыстыкі XVIII–XIX ст. для вывучэння штодзённага жыцця тагачаснай шляхецкай сям’і.

Штодзённае жыццё шляхецкай сям’і – гэта, перш за ўсё, лад жыцця яе гаспадароў. Каштоўную інфармацыю пра гэта даюць архіўныя дакументы, але яны адлюстроўваюць больш знешнія падзеі, а прыватнае жыццё чалавека застаецца прыхаваным. Таму ў даследаванні культуры штодзённага жыцця шляхецкай сям’і вялікую ролю адыгрывае мемуарная літаратура, якая спалучае ў сабе аб’ектыўнасць гістарычнага мінулага і суб’ектыўнасць аўтарскага ўспрымання. На думку прафесара А. Мальдзіса, асаблівае мемуараў заключаецца ў адлюстраванні грамадска-культурных працэсаў з шчыльным упляценнем у іх асабістага, сямейнага жыцця [1, с. 12].

На працягу савецкага перыяду больш-менш даследавалі мемуарыстыку XVII ст. беларускія літаратуразнаўцы, што выявілася ў працах А. Коршунава [2]. Мемуарная літаратура XVIII–XIX ст. айчыннай гуманітарнай навукай тады амаль не даследавалася. Лічаныя навукоўцы звярталіся да такой багатай спадчыны. А. Бірала ў кнізе «Философская и общественная жизнь в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII вв.», выдадзенай у Мінску ў 1971 г., разглядае філасофскія погляды М. Матушэвіча. Унёс уклад у вывучэнне мемуарыстыкі вядомы беларускі навуковец В. Грыцкевіч. Асабліва важным было з’ўленне яго артыкула пра Пільштынаву ў кнізе «Путешествия наших земляков», выдадзенай у 1968 г. У 1977 г. А. Чарняева ўпершыню зрабіла агляд мемуарных крыніц, апублікаваны ў працы «Книговедение в Белоруссии» пад назвай «Мемуарные издания в Фундаментальной библиотеке АН БССР» [3, с. 17].

Найбольшы ўнёсак у даследаванне мемуарнай спадчыны XVIII–XIX ст. зрабіў літаратуразнавец, прафесар А. Мальдзіс. Ён адзін з першых пачаў разглядаць мемуары як каштоўную крыніцу даследаванняў не толькі для літаратараў, але і гісторыкаў, этнографіаў. У працах «Беларусь у люстэрку мемуарнай літа-

ратуры», «Як жылі нашыя продкі ў XVIII ст.» і інш. ён увёў ва ўжытак шматлікія мемуары, акрэсліў іх геаграфію, храналогію, тыпалагізаваў, апісаў іх змест. Працы прафесара вызначаюцца глыбінёй навуковага аналізу, арыгінальнасцю вывадаў, наватарскімі падыходамі.

Пачатак 1990-х г. азнаменаваўся ўздымам вывучэння спадчыны Беларусі, у тым ліку мемуарыстыкі. Але на фоне новых прац навукоўцаў з 1991 па 2011 г. асабліва кідаецца ў вочы зноў жа невялікая колькасць адпаведных даследаванняў. Тым не менш, менавіта ў гэты перыяд, дзякуючы прафесарам А. Мальдзісу і В. Грыцкевічу, з'яўляецца шэраг навуковых прац, прысвечаных мемуарам. У гэты перыяд намеціліся наступныя тэндэнцыі і накірункі ў вывучэнні мемуараў XVIII–XIX ст.

Першы этап даследавання мае навукова-даследчы накірунак. Ужо на Міжнародным кангрэсе беларусістаў у 2000 г. у Мінску пытанне аб вывучэнні мемуарнай літаратуры, не толькі напісанай суайчыннікамі, але і іншаземнымі падарожнікамі, набывае гучны характар дзякуючы выступленню даследчыцы М. Банкоўскай (Цюрых, Швейцарыя) на тэму «Шляхі і тупікі аднаго праекта: Беларусь у еўрапейскіх падарожных апісаннях XV–XX стст.». Аўтар, прааналізаваўшы гістарыяграфію і бібліяграфію па дадзенай тэме, прыйшла да высновы, што гэта галіна гістарычнага краіназнаўства і міжкультурнага дыялогу аказваецца да гэтага часу па-за ўвагай даследчыкаў [4, с. 2].

Тым не менш, навукоўцы ўсё часцей выкарыстоўваюць мемуарную спадчыну XVIII–XIX стст. як крыніцу даследавання. Вядомы польскі навуковец Р. Радзiк у сваёй працы «Палякі – Беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX–XX ст. (да 1939 г.)», разглядаючы пытанні, на якія дакументальныя крыніцы не здольныя адказаць, бо не маюць тых вельмі важных для гісторыка кампанентаў, што адлюстравалі б шматлікія нюансы чалавечых узаемаадносін, успрыманне асобаю навакольнага свету, выкарыстаў ужо вядомыя нам мемуары XIX ст.: Е. Woyniłowicz «Wspomnienia 1847 – 1928», J. Jeleńska «Wieś Komarowicze w powiecie mozyrskim», J. Gieysztor «Pamiętniki z lat 1857–1865», А. Kieniewicz «Nad Prypecią, dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości» і інш. [5, с. 23–30].

Звярнуўся да мемуарнай спадчыны вядомы дзеяч культуры Беларусі ў эміграцыі, педагог і навуковец, прыродазнаўца Я. Кіпель. Зроблены ім агляд па тэме «Мінск у мемуарнай

літаратуры» з’яўляецца вельмі цікавым навуковым матэрыялам, апублікаваным ў 1986–2000 гг., дзе апісана жыццё жыхароў Мінска ў канцы XIX – пачатку XX ст. Вядомы гісторык з Гродзеншчыны І. Соркіна выкарыстоўвае мемуарную літаратуру як навуковую крыніцу для даследавання мястэчак Беларусі XIX – першай паловы XX ст.

Аўтар артыкула надае вялікую ўвагу мемуарам. Часта яны з’яўляюцца ці не адзінай крыніцай даследавання побыту і ўзаемаадносін у шляхецкай сям’і, яе штодзённага жыцця, выхавання дзяцей. Аўтарскія артыкулы «Інтэр’ер шляхецкай сядзібы як фактар культуры сям’і ў першай палове XIX ст.», «Патрыятычнае выхаванне дзяцей ў шляхецкіх сем’ях XIX ст. у Беларусі» і інш. напісаны на аснове наступных мемуараў: Gabrjela z Gunterow Puzynia «W Wilnie i dworach Litewskich», E. Pawłowicz «Nowogrodek w XIX w.», E. Felinska «Pamiętniki z życia» (т. 1), J. Erman «Trohee wspomnień», I. Chodźko «Dwie konwercacji z przeszłości», «Obrazy Litewskie», Studnicka-Gizbeir «Z lat dziecinnych w Dieneburgu» і інш. [6, с. 333–340].

У 2000-я г. выходзяць манаграфіі, напісаныя на аснове мемуарыстыкі: А. Мальдзіс «Як жылі нашыя продкі ў XVIII ст.» [3], С. А. Шыдлоўскі «Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. [7]. А. Мальдзіс дае ў сваім творы яскравыя партрэты магнатаў, расказвае пра сямейнае і штодзённае жыццё, матэрыяльную і духоўную культуру тагачаснай Беларусі. С. А. Шыдлоўскі бадай упершыню ў беларускай этналогіі праводзіць комплексны аналіз культуры айчыннай эліты канца XVIII – сярэдзіны XIX ст.

Другі этап даследавання мемуарнай літаратуры XIX ст. можна ахарактарызаваць як «перакладчыцкі». Пэўная хваля зацікаўленасці мемуарнай спадчынай вылілася, пачынаючы з 90-х г., у актыўны іх пераклад з польскай і інш. моў на беларускую. Адно з першых такіх выданняў – «Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану» Л. Патоцкага – пабачыла свет у 1997 г. [8]. Інфармацыю аб штодзённым жыцці Тышкевічаў сёння выкарыстоўваюць навукоўцы, краязнаўцы, экскурсаводы, экалагі і інш. Выдавецтва «Беларускі кнігазбор» у 2003 г. апублікавала «Воспоминания» Ф. Булгарына [9]. 40-ы том «Беларускага кнігазбору» прысвяцілі самаму заслужанаму даследчыку мемуарыстыкі – А. Мальдзісу. У кнігу ўвайшлі яго лепшыя літаратуразнаўчыя і гісторыка-культурныя творы, у

тым ліку скарочаны варыянт даследавання «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст.», а таксама апісанні яго пошукаў і знаходак у бібліятэках і архівах Беларусі, Польшчы і Францыі.

Трэці падыход да мемуарыстыкі ў постсавецкі час выявіўся ў стварэнні навукоўцамі сучасных «мемуараў». «Дзярэчынскі дыярыюш» літаратара М. Скоблы прысвечаны апісання жыцця сям’і Сапегаў і гісторыка-культурнаму развіццю мястэчка Дзярэчын, заснаванаму на ўнікальных матэрыялах з архіваў Беларусі, Польшы, Расіі [10].

У 2011 г. Польскі інстытут у Мінску паклаў пачатак новай кніжнай серыі «Беларуская мемуарная бібліятэка» выданнем дзвюх кніг. У адной з іх, падрыхтаванай гісторыкам А. Пашкевічам, апублікаваны «Успаміны пасла» – дэпутата польскага сейму з Навагрудчыны А. Стагановіча (пачатак XX ст.). Наступная кніга плён працы даследчыцы В. Гарбачовай – «Успаміны», якія датычаць перыяду 1805–1831 гг.

Такім чынам, мемуарыстыка XVIII–XIX ст. сёння актыўна ўваходзіць у навуковы ўжытак. Але гэты працэс мае замаруджаны характар па наступных прычынах. Па-першае, прыкметнай перашкодай з’яўляецца адсутнасць адпаведных бібліяграфічных даведнікаў. Адзіная бібліяграфія беларускай мемуарнай літаратуры – «Савецкая Беларусь ва ўспамінах сучаснікаў: Анатаваны паказальнік мемуарнай літаратуры 1917–1972 гг.» – датуецца 1973 годам. Змястоўны пералік мемуарнай літаратуры, у тым ліку дасавецкага часу, дае артыкул А. І. Мальдзіса і Г. Д. Кнацько «Мемуары» у «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» [11]. Каментаваная бібліяграфія, складзеная Т. Р. Мацвеевай, ахоплівае толькі 16 назваў і таму не можа задаволіць гэтай патрэбы [12, с. 29–32]. Па-другое, знаходжанне вялікай колькасці мемуараў па-за межамі Беларусі сур’ёзна ўскладняе магчымасці іх навуковага асэнсавання. Па-трэцяе, пакуль яшчэ скептычнае стаўленне гісторыкаў да мемуарнай спадчыны як гістарычнай крыніцы.

1. Мальдзіс, А. В. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст.: Нарысы быту і звычаяў / А. В. Мальдзіс. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 287 с.

2. Коршунаў, А. Ф. Дыярыюш Багуслава Казіміра Маскевіча / А. Ф. Коршунаў // Беларускае літаратуразнаўства. – Вып. 3. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975.

3. Мальдзіс, А. В. Як жылі нашыя продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень па-сярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / А. В. Мальдзіс. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2009. – 477 с.

4. Банькоўская, М. Шляхі і тупікі аднаго праекта: Беларусь у еўрапейскіх падарожных апісаннях XV–XX стст. / М. Банькоўская // Кантакты і дыялогі. – 2000. – № 6.

5. Радзiк, Р. Палякі – беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX – XX ст. (да 1939 г.) / Р. Радзiк // Беларускі Гістарычны Агляд. – 1997. – Т. 4, сш. 1–2.

6. Словiк, С. Інтэр’ер шляхецкай сядзібы як фактар культуры сям’і ў першай палове XIX ст. / С. Словiк // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая 2000 г. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001.

7. Шыдлоўскі, С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі; НАН Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя К. Крапівы. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – 167 с.

8. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі; пер. з польск. І. У. Саламевіч. – Мінск: Полымя, 1997. – 270 с.

9. Булгарын, Ф. Выбранае / Ф. Булгарын – Мінск, Беларускі кнігазбор, 2003. – 592 с.

10. Скобла, М. Дзярэчынскі дыярыюш. Гістарычны нарыс, артыкулы, эсэ / М. Скобла. – Мінск, Беларускі кнігазбор, 1999. – 272 с.

11. Мальдзіс, А. І. Мемуары / А. І. Мальдзіс, Г. Дз. Кнацько // Літаратура і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – Т. 3.

12. Мацвеева, Т. Р. Беларусь у мемуарнай літаратуры (вачамі падарожнікаў) / Т. Р. Мацвеева // Новыя кнігі Беларусі (красавік – чэрвень 1992). Рэкамендацыйны бюлетэнь Цэнтр. б-кі імя Я. Купалы. Склад.: В. В. Штоп. – 1992. – № 9.

Словiк Святлана Уладзіславаўна – старшы выкладчык Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

УДК 94(476)

С. П. Марозаў

ІДЭЯ «ЎВАСКРАШЭННЯ ЛІТВЫ», ЯЕ ГРОДЗЕНСКІ ІДЭОЛАГ СТАЖЭНЬСКІ, ПЕЦЯРБУРГСКІЯ І ЗАХОДНЕЕЎРАПЕЙСКІЯ ЗАСТУПНІКІ (ПАВОДЛЕ МЕМУАРАЎ М. МУРАЎЁВА)

Раскрыты інфармацыйны патэнцыял «Успамінаў» віленскага генерал-губернатара М. Мураўёва (1863–1865 г.) для вывучэння праблемы змагання ў першай палове 1860-х г. шляхты Гродзенскай губерні за адбудову Вялікага княства Літоўскага, ролі ў гэтым змаганні губернскага маршалка Стажэньскага, сімпатый да ідэі адраджэння ВКЛ і Рэчы Паспалітай у пэўных расійскіх вышэйшых урадавых сферах і яе падтрымкі ўплывовымі еўрапейскімі дзяржавамі.

Інфармацыйны патэнцыял крыніцы

Расійскі чыноўнік Міхаіл Мураўёў у сваіх «Успамінах» расказаў, як ён на пасадзе віленскага генерал-губернатара два гады (май 1863 – чэрвень 1865 г.) займаўся пацыфікацыйнай «Літвы» (былога Вялікага княства Літоўскага), якая ўзнялася на антырасійскае паўстанне [1; 2], у той час, калі нават афіцыйны Пецяrbург быў недалёкі ад думкі, што з ёй прыйдзеца развітацца. Прызначаны ў разгар паўстання на гэту пасаду імператарам Аляксандрам II «з надзеяй утрымаць пры Расіі паўночна-заходні край», які яму вельмі не хацелася губляць, мемуарыст з пазіцыі душыцеля паўстання і абаронцы правоў імперыі на гэту тэрыторыю адлюстравалі наступныя прынцыпова важныя з пункту погляду заяўленай тэмы пытанні: па-першае, грамадскія настроі ў краі, у прыватнасці, апантанасць у першай палове 1860-х г. мясцовай інтэлігенцыі марай пра адбудову сваёй дзяржавы, страчанай у канцы XVIII ст.; па-другое, факт распрацоўкі маршалкам шляхты Гродзенскай губернскай Стажэньскім праекта ўваскрэшэння Вялікага княства Літоўскага, які быў прадстаўлены міністру ўнутраных справаў і імператару; па-трэцяе, яўную сімпатыю шэрагу прадстаўнікоў расійскіх вышэйшых сфераў да ідэі адбудовы Рэчы Паспалітай; і, па-чацвёртае, падтрымку ўплывовымі еўрапейскімі дзяржавамі «польскай інтрыгі» праз маральны ціск на пецяrbургскі ўрад, якому даказвалі непазбежнасць прызнання ім незалежнасці Польшчы (Рэчы Паспалітай) у межах да 1772 г.

Настроі ў Пецяrburgу ў першай палове 1863 г.: «з Літвой прыйдзеца развітацца»

Ход паўстання ў заходніх губернях імперыі, рашучыя намеры яго ўдзельнікаў «ўваскрэсіць Літву», прэсінг з боку Еўропы моцна непакоілі Пецяrbург. У першай палове 1863 г. там запанавала думка, што «Літвы» яму не ўтрымаць. Далі веры нават нейкім знакам. Пра адзін з іх згадаў у сваіх успамінах М. Мураўёў.

28 студзеня 1861 г. у зале пасяджэнняў Савета міністраў, дзе на абітых пунцовым акасамітам сценах размяшчаліся гербы ўсіх губерняў Расіі, Аляксандр II разам з міністрамі разглядалі апошнія пункты сялянскай рэформы, а таксама мясцовыя палажэнні для заходніх губерняў. У гэты момант звалілася царская карона з літоўскай Пагоні. У 1863 г. гэта здарэнне ўспомнілі як нядобрае прадвесце [2, с. 42].

Усё больш трывожныя звесткі паступалі ў сталіцу імперыі з Беларусі і Літвы. Накіроўваючы на ўціхамірванне «бунта»

М. Мураўёва, Аляксандр II прадставіў яму стан справаў у заходніх губернях і «свае хваляванні, ці ўдасца ўтрымаць Літву пры Расіі, у прыватнасці, у выпадку еўрапейскай вайны, якую належала чакаць пасля пагроз з боку Францыі і Англіі» [2, с. 16]. Імперытрыца, якой прызначаны ўціхамірнік прадставіўся перад ад'ездам у Вільню, пажадала: «Каб мы хоць Літву змаглі ўтрымаць пры сабе» [2, с. 19]. Такім чынам, нават манаршыя асобы гэтыя землі разглядалі як патэнцыйна страчаныя.

М. Мураўёў, калі пазнаёміўся з сітуацыяй на месцы, прыйшоў да высновы: «Калі б бунт у літоўскіх губернях меў найменшы шанец на перамогу, Беларусь з лёгкасцю ўвайшла бы ў склад праектаванай рэвалюцыянерамі Польшчы ў межах 1772 г. «, бо ў 1863 г. памешчыкі, шляхта, ксяндзы «ўсюды яўна і бясстрашна абвяшчалі панаванне Польшчы» і намагаліся пераканаць у гэтым сялян [2, с. 40]. З адкліканнем М. Мураўёва з Вільні і прызначэннем новага генерал-губернатара ў Заходні край у Пецяrbургу зноў устурбаваліся, што адновяцца спробы яго адарвання ад Расіі [2, с. 85].

Гродзенскі маршалак Стажэньскі – аўтар праекта «ўваскрашэння Літвы»

З мемуараў М. Мураўёва вынікае, што ў другой палове 1850-х – пачатку 1860-х г. лідарам патрыятычнай грамадскай думкі на захадзе Беларусі з'яўляўся граф Стажэньскі. Адукаваны, аўтарытэтны і ўплывовы чалавек, ён да таго часу ўжо меў багатую палітычную біяграфію. З'яўляўся ўдзельнікам «палітычных спіскаў» (тайнай арганізацыі), за што быў высланы на Каўказ і служыў там радавым у расійскай арміі. У 1856 г., памілаваны, вярнуўся на радзіму і быў абраны гродзенскай шляхтай павятовым маршалкам – прадвадзіцелем дваранства Гродзенскага ўезда, а ў 1861 г. выконваў абавязкі губернскага маршалка. На гэтых пасадах Стажэньскі знайшоў разуменне і сімпатыі вышэйшых урадавых сфераў у Пецяrbургу, але адначасова падтрымліваў тайныя зносіны з замежнымі «рэвалюцыйнымі агентамі», у прыватнасці, з варшаўскім [2, с. 29–30].

Карыстаючыся даверам міністра замежных справаў імперыі, Стажэньскі, па словах віленскага генерал-губернатара, «прадстаўляў яму праекты ўваскрашэння Літвы, аддзеленай ад Расіі, а злучанай з Польшчай; пераконваў, што толькі такім чынам можна супакоіць ужо тры гады меўшыя месца хваляванні ў краі» [2, с. 30]. Апекаваны міністрам унутраных справаў Валуевым, шэфам жандараў Далгарукавым і шэрагам іншых асобаў з бліжэйшага

акружэння Аляксандра II, Стажэньскі быў прадстаўлены імператару, меў нават вызначанае яму памяшканне ў палацы ў Царскім Сяле, неаднаразова быў прыняты манархам «і чытаў яму свае практы» [2, с. 30].

Зимой 1862 г. кіраўнік гродзенскай шляхты быў запрошаны суправаджаць Аляксандра II у яго паездцы ў Маскву, знаходзіўся пры імператары ўвесь час яго прабывання ў другой расійскай сталіцы і намагаўся яго «ўсялякімі спосабамі пераканаць, што палякаў можна супакоіць толькі мягкасцю, ласкавасцю і вяртаннем межаў 1772 г.» [2, с. 30].

Давер і сімпатыі да Стажэньскага афіцыйнага Пецярбурга, а яшчэ, па словах М. Мураўёва, і «засляпленне ... было такім вялікім, што верылі Стажэньскаму як аракулу; яму нават было дазволена тайна прадставіць міністру ўнутраных спраў свае погляды на справу будучага супакаення краю» [2, с. 30]. Зразумелыя нараканні віленскага генерал-губернатара на тое, што ва ўрадзе былі асобы, «якія на няшчасце лічылі тады, ... што ўвесь Заходні край не ёсць расійскі, але, зразумела, спаконвякоў польскі» [2, с. 30]. З трох ворагаў: бунту, пецярбургскага і варшаўскага урадаў, змаганне з двума апошнімі было для яго найбольш цяжкім [2, с. 32].

Стажэньскі, калі вярнуўся ў 1862 г. з Масквы ў Гродна, перастаў лічыцца з мясцовым губернатарам, выказваў яму яўную непавагу. Акрыяла духам і гродзенская шляхта, слухаючы расказы свайго маршалка пра добры прыём ў імператара, пратэкцыю пецярбургскіх уладаў. «Сваім зачараваннем, – пісаў пра яго М. Мураўёў, – авалодаў усімі розумаі вар’яцкай польскай інтэлігенцыі ў краі; усе палякі бачылі ў ім будучага збавіцеля, цяпер адважна грэбуючы мясцовымі ўладамі» [2, с. 30].

З пачаткам паўстання Стажэньскі разам з маршалкам шляхты Мінскай губерні Лапо арганізаваў дэмарш маршалкаў. У лютым 1863 г. ён напісаў дзёрзкія лісты да імператара і да міністра ўнутраных спраў, у якіх абвінавачваў урад ва ўяўным выкліку дэмакратычных настрояў і падбухторванні сялян супраць памешчыкаў, а таксама ў выкарыстанні жорсткіх сродкаў пераследу польскага элементу ў краі і выкарыстанні супраць яго ўзброенай сілы. Таксама Стажэньскі заявіў, што ў гэтай сітуацыі не лічыць сябе абавязаным служыць ураду як маршалак шляхты, і падаў у адстаўку. Зрабіць такі ж крок ён заклікаў усіх павятовых маршалкаў Гродзенскай губерні, і тыя паследавалі яго прыкладу [2, с. 30–31].

Да такой масавай адмовы маршалкаў ад службы ў пачатку мая 1863 г., да таго ж хутчэй за ўсё па загаду рэвалюцыйнага

ўраду, папярэднік М. Мураўёва, віленскі генерал-губернатар Назімаў не быў падрыхтаваны. Адных ураднікаў ён угаворваў застацца на пасадах, прашэнні другіх чакалі рашэння. Стажэньскі праз прыязнага яму міністра ўнутраных справаў атрымаў згоду імператара на сваё звальненне са службы па ўласнаму жаданню пры ўмове, аднак, не пакідаць Гродна. Але Назімаў, які лепш арыентаваўся ў мясцовых абставінах, палічыў прабыванне Стажэньскага ў Гродна, з улікам яго сувязяў з рэвалюцыянерамі, «шкодным і небяспечным для краю» і намагаўся прыцягнуць маршалка да адказнасці.

Іншы ход гэтай «абуральнай маніфестацыі» ураднікаў даў новы генерал-губернатар. М. Мураўёў звольніў з пасадаў усіх маршалкаў шляхты, якія сваёй падачай ў адстаўку ўсчалі бунт. Шмат каго «з неправамыслных камісараў і маршалкаў шляхты» ён выслаў на пасяленне ў глыб Расіі, а іх маёнткі секвестраваў. Тых, хто ў сваіх паданнях аб адстаўцы ўжыў абразлівыя выразы на адрас ураду або удзельнічаў у тайных антыўрадавых арганізацыях і сходах, загадаў арыштаваць і змясціць у губернскіх гарадах пад пільны нагляд паліцыі, а найбольш вінаватых – трымаць пад моцнай аховай і аддаць ваеннаму суду.

Арганізатарамі і галоўнымі дзеячамі бунту ўраднікаў краю, на думку М. Мураўёва, былі двое губернскіх маршалкаў: мінскі – Лапа і гродзенскі – граф Стажэньскі, які з'яўляўся «адной з найбольш знакамітых асоб польскай прапаганды» [2, с. 29]. За іх заявамі аб нежаданні служыць такому ўраду, які нібыта падбухторвае сялян супраць памешчыкаў, Мураўёў убачыў намер выклікаць агульнае незадавальненне памешчыкаў і схіліць да больш руплівага ўдзелу ў бунце, на чале якога самі і сталі [2, с. 29]. Лапа ў Мінску арыштавалі, прывезлі ў Вільню і выслалі ў Пермскую губерню.

Графа Стажэньскага, чыё прабыванне ў Гродне было прызнана шкодным, па загаду М. Мураўёва пад канвоем даставілі у Вільню і, трымаючы пад арыштам, аддалі пад ваенны суд. Вырак – катарга – у Пецярбургу змякчылі, замяніўшы высылкай ў аддаленую губерню з заключэннем на год у крэпасці. Графу вызначылі крэпасць Бабруйск, а потым выслалі ў Варонежскую губерню [2, с. 31].

Сярод іншых мясцовых ідэолагаў «ўваскрашэння Літвы» і адраджэння Рэчы Паспалітай М. Мураўёў называе ўраджэнца Гродна эмісара Шыманскага [2, с. 52] і «галоўнага агента бунту ў Пецярбургу» Ясафата Агрызка [2, с. 65].

Пецярбургскія пакравіцелі ідэі «ўваскрэшэння Літвы»

Ідэя адбудовы Рэчы Паспалітай, галоўная ў ідэалогіі паўстання, сустрэкала, паводле мемуараў яго душыцеля, яўную сімпатыю шэрагу прадстаўнікоў расійскіх вышэйшых урадавых сфераў. З трох ворагаў: бунту, пецярбургскага і варшаўскага урадаў, змаганне з з двума апошнімі было для яго найбольш цяжкім [2, с. 32]. З яго слоў, пецярбургскі ўрад сам вінаваты, што супраць яго ў заходнім краі адважыліся ўзняць зброю, бо сляпы і бяссільны, а некаторыя яго чыноўнікі яшчэ і аказвалі пратэкцыю «ўваскрэсіцелям польскай айчыны».

Па свярджэнню М. Мураўёва, у грамадскай думцы ў Пецярбургу значную перавагу мелі настроі на наданне Заходняму краю поўнай аўтаноміі, вяртанне яму ўсіх ранейшых ільготаў. «Засляпленне адносна палякаў» існавала ў 1863 – 1866 г. нават у блізкім атачэнні імператара. У такім духу дзейнічаў найперш міністр унутраных справаў Валугеў; яму патакаў шэф жандараў князь Далгарукаў. Старшыня кабінета міністраў Гагарын вагаўся паміж двума пазіцыямі. Міністр поштаў Талстой «шкодзіў расійскай справе, падтрымліваючы настрой, карысны для палякаў». Гэтыя асобы нават «змаглі авалодаць думкай імператара». Міністр замежных справаў Гарчакоў «падтрымліваў сістэму Валугева, г.зн. лічыў патрэбным надаць Каралеўству Польскаму, не выключаючы Заходніх губерняў, поўную аўтаномію». Калі паўстанне пачало згасаць, Гарчакоў звярнуўся да еўрапейскіх дзяржаў з нотамі і даў адпор усім іх жаданням рэстаўраваць Рэч Паспалітую, чым заслужыў прызнанне Расіі. Але потым зноў схіляўся да названых вышэй чыноўнікаў [2, с. 73–75, 77–78]. «Польскай справе» спрыялі таксама расійскія дэмакраты.

Галоўнымі змагарамі з польскімі ўплывамі як ў Пецярбургу, так і ў Заходнім краі М. Мураўёў называе міністра дзяржаўных маёмасцяў Зелянога і ваеннага міністра генерала Мілюціна [2, с. 76].

Пазіцыя заходніх дзяржаў

Палякаў і ліцвінаў у іх змаганні за адбудову сваёй дзяржавы ўзмацняла надзея дапамогі з-за мяжы. Галоўныя еўрапейскія дзяржавы Францыя, Англія і Аўстрыя падтрымлівалі іх дамаганні ў вяртанні межаў 1772 г. і аказвалі дыпламатычны, маральны ціск на Расію. «Уся Еўропа стаіць за палякамі», – абагульняў М. Мураўёў [2, с. 49]. Галоўныя спадзяванні тыя ўскладалі на Францыю, што яна развяза з Расіяй вайну. Рэвалюцыянеры падбухторвалі супраць Расіі еўрапейскую грамадскую думку і ў Францыі мелі асаблівы

поспех. З пачаткам паўстання абурэнне заходніх дзяржаў супраць Расіі ўсё больш нарастала, здавалася, вось-вось распачнуцца ваенныя дзеянні. Пецярбургскі двор азіраўся на Еўропу, вымушаны з ёй лічыцца, і таму вагаўся, быў непаслядоўным у сваёй палітыцы ў заходнім краі [2, с. 12, 15, 48, 49, 50, 54, 90]. Аднак у сярэдзіне ліпеня 1863 г., калі паўстанне ў заходнім краі пачало згасаць, расійскі ўрад сваімі нотамі на адрас заходніх дзяржаў ахаладзіў іх рэстаўратарскія намеры. У сувязі з гэтым і надзеі рэвалюцыянераў на замежную дапамогу пачалі згасаць [2, с. 49].

Высновы

Такім чынам, «Успаміны» віленскага генерал-губернатора М. Мураўёва (1863–1865 г.), усмірыцеля паўстання 1863–1864 г., сведчаць, што палітычна актыўная шляхта Гродзенскай і Мінскай губерняў у першай палове 1860-х г. верыла ў магчымасць і сваю здольнасць рэстаўраваць Вялікае княства Літоўскае, як аўтаномную дзяржаўна-палітычную адзінку ў складзе Расійскай імперыі або ў федэратыўным саюзе з Польшчай. Лідарам грамадскай думкі на захадзе Беларусі (у склад Гродзенскай губерні ўваходзіла таксама тэрыторыя сучаснай Брэстчыны) з’яўляўся «мяцежны маршалак» граф Стажэньскі, які, паважаны афіцыйным Пецярбургам, аздачваў яго сваімі праектамі «ўваскрэшэння Літвы». Ідэя адбудовы Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай знаходзіла разуменне ў шэрагу прадстаўнікоў расійскіх вышэйшых урадавых сфераў, у тым ліку міністраў: унутраных спраў Валюева, замежных спраў Гарчакова. У афіцыйных колах дамінавалі настроі на наданне Заходняму краю поўнай аўтаноміі. Таму «змагання» з пецярбургскім урадам віленскаму генерал-губернатару было цяжэй, чым з «бунтамі». У сувязі з поспехамі паўстанцаў, апантаных ідэяй адраджэння страчанай дзяржавы, і іх маральнай падтрымкай уплывовымі еўрапейскімі дзяржавамі (Францыя, Англія, Аўстрыя) нават манаршыя асобы ў першай палове 1863 г. разглядалі землі Беларусі і Літвы як патэнцыйна страчаныя для Расійскай імперыі.

1. Pamiętniki hr. Michała Mikołajewicza Murawiewa («Wieszatela»): (1863–1865): pisane w roku 1866 / tłumaczone z oryginału rosyjskiego; z przedmową St. Tarnowskiego. – Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1896.

2. Murawiov (Wieszatel), M. Wspomnienia / M. Murawiov (Wieszatel) / Opracowanie, przekład i wstęp Z. Podgórzec. – Warszawa: Wydawnictwo „ZEBRA», 1990. – 107 s.

Сяргей Паўлавіч Марозаў – магістр гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры журналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

УДК 94(476.5) – 057.4

А. В. Сергеев

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО КЛАССА ВИТЕБСКА В 1920-е гг. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Показан информационный потенциал фондов Государственного архива Витебской области для изучения проблемы повседневной жизни рабочего класса Витебска в 1920-е г.

Фонды архивов представляют собой широкое поле для исследования актуальных вопросов новейшей истории рабочего класса, в том числе его условий труда и быта жилищных условий, новых явлений в религиозной и семейной жизни и восприятия новой повседневности.

При изучении повседневности рабочего класса Витебска 1920-х гг. наибольший интерес представляют фонды партийной организации КП(б)Б в Государственном архиве Витебской области: фонды Витебского губкома (10050-п), окружкома (10051-п) и райкомов (10056-п) а также фонды комсомольских ячеек фабрик и заводов, расположенных в Витебске (103-п. – ОАФ) и фонд профсоюзных организаций (3-п), периодической печати (2289) которая всегда является зеркалом социальных проблем, волнующих обывателей.

В делопроизводстве 1920-х гг. не было строгих норм ведения заседаний и составления протоколов и отчетов. Зато в данной документации можно встретить множество примеров непосредственного отражения реалий того времени, бытовых проблем населения, черт нового образа жизни людей.

Одним из важнейших показателей жизненного уровня населения, отражением экономической ситуации в стране являются жилищные условия. Архивные Документы ГАВО ярко свидетельствуют, что в Витебске, как и по всей стране, проблема жилья, вызванная его повсеместной нехваткой, стояла достаточно остро, особенно среди рабочих. По данным Статистического бюро и переписи 28 августа 1920 г., население Витебска, включая Юрьеву Горку, Мар-

ковщину 1 и 2, полосу отчуждения железной дороги, составляло, кроме воинских частей, 86428 человек, временно отсутствующих было 6425 человек. Домовладений насчитывалось 7043, в них квартир – 13390, комнат – 46685. Общую жилищную площадь можно определить в 164027 кв. саж. то есть 1,90 кв.саж. на человека (приблизительно 4 м) [1, л. 2].

Распространенным способом решения жилищной проблемы стала практика совместного проживания в общежитиях и коммунальных квартирах. Для того, чтобы переселение и уплотнение проходило без нарушения интересов рабочих, издавались подробные инструкции о порядке его проведения. В Инструкции по переселению и уплотнению в городе Велиже Витебской губернии рекомендовалось уплотнять буржуазию в те большие дома, которые по своему внутреннему расположению и качеству не подходят для трудящихся. А «рабочим и советским служащим, которым должна быть предоставлена здоровая квартира, предоставлять таковые по возможности в центре города, дабы они могли быть поближе к клубам, читальням, театрам, службе, а их детям – к школам, которые в большинстве случаев будут находиться в центре, ввиду не имеющих пригодных квартир для школ на окраинах». В инструкции оговаривалось, что трудящиеся, отказавшиеся от перемены своих совершенно непригодных для жилья квартир, должны быть выселены принудительным порядком в лучшие квартиры [2, л. 369].

Объяснить нежелание ряда рабочих переезжать в центр можно достаточно просто: в протоколе общего собрания Витебской организации РКП(б) от 9 июня 1919 г., посвященного жилищной политике, приводились доводы, доказывавшие сложность и неоднозначность данного мероприятия. Во-первых, «переселив рабочего в буржуазную квартиру, мы должны будем обеспечить его топливом и освещением, иначе нет смысла переезжать. Зимой ему легче обогреть маленькую комнату с меньшим количеством окон». Во-вторых, «как вы можете переселять рабочего, живущего при фабрике в центр, если ему там к ней ближе» [2, л. 34–35]. Таким образом, поскольку фабрики находились на окраинах города, переселение рабочих в центр не являлось для них неоспоримым благом. Но нельзя не признавать тот факт, что проводимое уплотнение и переселение позволило значительному числу рабочих улучшить свои жилищные условия.

В том же Велиже была разработана «норма домашней обстановки, разрешаемая к получению выселяемой из своих квартир

буржуазии». Семье из 4-х человек разрешалось забрать 8 стульев, 5-ти человек – 9, 6-ти – 10 и т.д. [2, л. 371]. Однако, на собрании Витебской организации РКП(б) от 9 июня 1919 г., посвященного жилищной политике, звучали предложения о том, чтобы вообще не позволять семьям буржуазии вывозить свою мебель и обстановку [2, л. 34–35].

Как свидетельствуют протоколы заседаний Президиума Марковщинского райисполкома за 1923 г., на каждом крупном предприятии, при фабрично-заводских комитетах существовали жилищные секции, которые занимались непосредственным решением жилищных проблем своих рабочих [3, л. 53]. Секции вели учет нуждающихся в квартирах, планировали оказание помощи по ремонту имеющихся помещений. Однако ввиду недостаточного финансирования результаты работы секций были более чем скромными.

Так, в докладе квартирной секции фабрики «Двина» отмечалось, что работа шла трудно, «администрация фабрики не шла навстречу работе секции и не предоставляла проводить даже мелкого ремонта. Но за последнее время ситуация улучшилась, проведен ремонт в 50% квартир. С июня по сентябрь 1923 г. квартирами удовлетворено 5 семейств». Постановили «выделить уполномоченных при каждом бараке для соблюдения чистоты как около, так и внутри. Замеченным в плохом отношении к казенному имуществу решено объявлять выговор, а при повторении нарушения – выселять из помещения» [3, л. 93]

На районных партконференциях рабочие обращали внимание на свои тяжелые жилищно-бытовые условия, и их каждодневные проблемы отражены в протоколах. Чернорабочим на стекольном заводе Новка (Витебская губ.) почти не предоставлялись квартиры, и они вынуждены были жить в деревне на расстоянии 5–7 верст от места [4, л. 84].

Документы содержат информацию и о примерах антисанитарных условий, в которых вынуждены были проживать рабочие. Обследование быта рабочих завода «Красный металлист» (1926 г.) зафиксировало комнаты 8 кв. саж. на 13 человек, темные, сырые, холодные помещения, потолок, «грозящий опасностью» [5, л. 26]. У ряда рабочих отсутствовала кровать и постельное белье, подушки: иногда на кровати спали по очереди. Часто рабочие не имели смены белья и рабочей одежды, поэтому и бани посещали редко: 2–3 раза в месяц. Это приводило к повышенной заболеваемости, развитию эпидемий и увеличению смертности.

В партийной и советской печати проблема жилья фигурировало постоянно. Квартплата в СССР в 1920-е гг. носила социально-классовый характер, как и вся жилищная политика советского правительства. Существовали различные ставки оплаты в зависимости от социального положения и зарплаты. Рабочие имели 50%-ную скидку за пользование водой и электроэнергией. С возобновлением квартплаты газеты регулярно информировали обывателей об изменении стоимости услуг. Витебская газета «Заря Запада» в номере от 17 декабря 1926 г. опубликовала новые ставки оплаты. Для рабочих и служащих, зарабатывавших до 20 руб. в месяц, ставка составляла 24 коп. за саж. кв.; при зарплате от 20 до 30 руб. – 32 коп.; от 91 до 100 руб. – 1 руб.44. коп. за кв. саж, до 125 руб. – 1 руб. 60 коп. [6, с. 6].

Документы ГАВО дают возможность составить достаточно полную картину нововведений в социальной жизни в 1918 – 1919 гг. Для постепенной политической социализации населения газеты регулярно публиковали информацию о новых революционных праздниках [1, л. 11], так праздниках и религиозных. Специфика Витебска заключалась в том, что были как христианские, так и иудейские праздники, ибо в городе было значительное число еврейского населения. 22 января – День 9 января 1905 г., 12 марта – День низвержения самодержавия, 18 марта – День Парижской коммуны, 1 мая – День труда, 7 ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции.

Религиозность оставалась характерной чертой сознания трудового населения, особенно среди женщин. Как свидетельствуют письма в ЦК КП(б)Б и окружком от райкомов партии за 1924–1925 гг., «даже молодежь в связи с удешевлением мануфактурных изделий, хорошо одеваясь, идет в церковь молиться и проводить праздничное время»; «по сравнению с прошедшими годами экономическое положение зажиточного элемента несравненно улучшилось, они оказывают поддержку попу» [7, л. 248].

Но поспешенно усиливалась критика религии. На собраниях рабочих Витебской чулочной-трикотажной фабрики в 1925 г. подчеркивали, что комсомольцы должны изучать религию, чтобы дать сознательный отпор своим родителям. В 1925 г., когда Пасха совпало с праздником 1 мая, от комсомольцев и пионеров потребовали обставить праздник 1 мая так, чтобы показать всю разницу между ним и религиозным праздником [8, л. 32].

В 1928–1929 гг. ужесточается борьба с религией. На комсомольских собраниях предприятий Витебска в 1928 г. обсуждали во-

прос «Об участии комсомольцев в религиозных обрядах». Утверждалось, что в церкви «делать нечего комсомольцу и вообще молодежи, это ничего не дает ни уму, ни сердцу, а лишь отражается на его материальном положении... и подрывает авторитет комсомольской организации». Однако собрание вынуждено было признать, что комсомолец не может отказать просьбам верующих родителям об участии в обрядах и участвует в них не потому, что он сам верит в «религиозную ерунду», а только из-за нежелания огорчать родителей [9, л. 2].

Крещения детей заметили «красными крестинами», или октябринами. Газета «Известия» в 1924 г. писала: «Старый быт дает трещину. Несколько месяцев назад услышать про новые советские крестины было диковинкой. Теперь это становится повседневным, почти заурядным явлением. Правда, эти крестины-октябрины покамест – только внешнее проявление нового быта, советизации нашей личной, частной жизни. Но факт, что старый быт, традиции дают трещину. От октябрин, от коллективных яслей и общежитий, – к полной перестройке внутренней жизни – вот путь, на который уже стали и уверенно идут трудящиеся» [10, л. 6].

Внедрение «красных крестин» поддержали. Ребёнка могли зачислить членом профсоюза, освободив от уплаты членских взносов до поступления на работу, начислять пособие наравне с безработными – в течение 5 месяцев по 1 товарному рублю [11, л. 30].

Проводились коллективные «красные свадьбы» рабочих, которые рассматривались как «частичка нового быта, на началах товарищеского отношения брачующихся, без участия попов» [13, л. 24]. Эти мероприятия сопровождались докладами о новом быте, спектаклями.

В протоколе торжеств по случаю коллективной свадьбы рабочих завода Новка (Витебский округ, 1925 г.) отмечалось: «Октябрь отделил церковь от государства, раскрепостил женщину. Религиозный дурман с глаз рабочих начал спадать. Обряды стали иметь формы привычки, то же самое можно сказать и об иконах.

Семейный старый быт трещит по швам, хотя он и отстал от движения социализма на 3–4 года, но есть надежда, что с ростом хозяйственных отношений быстрыми шагами вперед пойдет и быт. Правда наша республика теперь не настолько богата, чтобы отпустить на улучшение быта большие средства, но тем не менее кое-что дает.

...Количество присутствующих здесь много говорит за движение масс на новые рельсы нашей повседневной жизни» [12, л. 24].

«Красные свадьбы» 1920-х г. пропагандировали новые взгляды на семью и коммунистические нормы морали. Но этот ритуал не сумел прочно укрепиться среди молодых рабочих республики. В докладе «О комсомольской этике», прочитанном в 1920 г. на собрании ячейки ЛКСМБ частных предприятий пищевиков Витебска, говорилось: «Если взять старую семью, то она пропитана буржуазным духом. Рабочий класс не имеет собственности, но отношение к семье ничего общего с буржуазными отношениями не имеет. Законы, как религия, мораль, нравственность, все это для пролетариата – буржуазный предрассудок и является ширмой, за которой скрываются те или другие интересы.

Что мы имеем у нас? Вместо того, чтобы семья являлась ячейкой содействия, ячейкой партии по строительству нового быта, мы наблюдаем совсем обратное. Вместо согласованности жизни, какая-то раздвоенность меж собою. Вместо влияния на стариков, влияние последних на членов комсомола. Все это нужно учесть и изжить» [13, л. 13].

Таким образом, партийные документы фондов ГАВО являются важными и высокоинформативными источниками по истории повседневной жизни рабочего класса в 1920-е гг. Они содержат свидетельства реалий того времени и отражают насущные проблемы людей. Наличие широкой источниковой базы способствует интенсивному развитию данного исследовательского направления.

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 87.

2. ГАВО. – Ф. 10050-п. – Оп. 1. – Д. 24.

3. ГАВО. – Ф. 10056-п. – Оп. 1. – Д. 28.

4. ГАВО. – Ф. 10051-п. – Оп. 1. – Д. 338.

5. ГАВО. – Ф. 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 1845.

6. ГАВО. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 64.

7. ГАВО. – Ф. 10051-п. – Оп. 1. – Д. 26.

8. ГАВО. – Ф. 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 2240.

9. ГАВО. – Ф. 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 2255.

10. ГАВО. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 93.

11. ГАВО. – Ф. 10056-п. – Оп. 1. – Д. 30.

12. ГАВО. – Ф. 10051-п. – Оп. 1. – Д. 125.

13. ГАВО. – Ф. 103-п. – ОАФ. – Оп. 11. – Д. 2654.

Сергеенко Анна Вячеславовна – магистрант Учреждения образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова».

Е. А. Фиристова

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДЕТСКИХ ДОМОВ БССР
1940–1960 ГГ. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Дан обзор комплекса источников Государственного архива Гродненской области для изучения проблемы детских домов БССР в 1940–1960 гг.

История детских домов является новой и мало изученной проблемой в белорусской историографии. Решение проблемы беспризорности, охраны детей-сирот и воспитания в детских домах в БССР в послевоенные годы широкого освещения в литературе не получило. В постсоветское время на историографической ниве Беларуси так и не появилось обобщающего научного труда о судьбе детей сирот во время, и после войны, об их жизни в детских домах и о роли самих детских домов по возвращению детей к нормальной жизни. Несмотря на малую изученность данного вопроса, интерес к нему все возрастает. Несомненно, это связано с тем, что острота проблемы беспризорности и воспитания в детских домах в наше время только возрастает. На современном этапе в Беларуси много сделано для ликвидации этой негативной тенденции и тем ценнее для нас советский опыт, спрятанный от широкого круга заинтересованных в фондах архивов.

Государственный архив Гродненской области богат документами и материалами, которые касаются обозначенной темы, причем ареал не ограничивается только Гродненщиной, а касается всей республики. Большинство документов, в статье проанализированные, впервые использованы и введены в научный оборот.

Все документы, относящиеся к тематике детских домов БССР 1940–1960 гг., можно отнести к следующим видам письменных источников: законодательные акты, материалы делопроизводства, статистические материалы и источники личного происхождения (мемуары и переписка). Обратимся к ним подробнее.

А. Законодательные акты:

Законодательные акты, относящиеся к обозначенной теме, находятся в фонде 1171 (фонд Гродненского облисполкома). Здесь содержатся обширные материалы по партийному и государственному руководству процессом искоренения беспризорности в Со-

ветском государстве в целом и в Гродненской области, в частности. Особый интерес представляют Постановление СНК БССР от 17 января 1945 г. «Об утверждении сети детских приемников распределителей НКВД БССР» [1], Постановление СНК СССР от 10 ноября 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшения медицинского обслуживания женщин и детей» [2], Постановление от 20 сентября 1945 г. «О детских домах при промышленных предприятиях» [3], Постановления от 25 сентября 1945 г. «О переводе на государственный бюджет колхозных детских домов» [4]. Именно эти документы регламентировали вплоть до конца 1950-х гг. действия местных государственных и партийных органов по ликвидации беспризорности.

Позднее силу законодательного акта имели распоряжения Совета Министров СССР; эти документы выходили за подписью И. В. Сталина. Следует отметить следующие распоряжения, касающиеся педагогических работников детских домов. Распоряжение совета Министров СССР от 23.01.1951 г. освобождало культурно-просветительские учреждения и учебные заведения, к коим были приравнены детские дома, от сокращения 5 % штатов административно-управленческого персонала, предусмотренного Постановлением Совета Министров СССР от 31.01.1950 г. [5].

Распоряжение совета Министров СССР от 24.02.1951 г. сохраняло непрерывность педагогического стажа и все льготы учителям начальных классов, освобожденным от работы в школе ввиду временного уменьшения числа учащихся и переведенным в качестве пионервожатых в детские дома [6]. Распоряжение совета Министров СССР от 26.09.1951 г. повышало ставки старших пионервожатых школ и детских домов, расположенных в сельских местностях, на 10%, а также распространяло на них льготы и преимущества учителей начальных и семилетних школ [7].

Законодательные акты составляли правовую основу деятельности детских домов в Советском союзе в целом и в областях.

Б. Материалы делопроизводства – самая обширная группа источников, поэтому целесообразно её структурировать. Выделим следующие группы материалов делопроизводства, которые доступны для исследователя:

1. Организационная документация определяет порядок деятельности детских домов, их структуру, компетенцию, задачи, фор-

мы и методы работы и пр. К этому виду можно отнести положения, уставы, правила и др. Например, положение о дошкольном детском доме, положение о детском доме смешанного типа, положение о школьном детском доме, памятка инспектора ОблОНО по детским домам [8] и т.п.

2. Распорядительная документация служит для реализации управленческой деятельности. По сути, она выполняет функцию уточнения, пояснения и дополнения к документации организационной. Сюда можно отнести решения, приказы, инструкции, распоряжения и пр.

В данном случае интерес представляют решения и распоряжения Министра Просвещения (до 1946 г. Народного Комиссара), постановления Коллегии Министерства Просвещения БССР, областного совета депутатов трудящихся, касающиеся народного образования, а также распоряжения и приказы заведующего ОблОНО. Рассмотрим их подробнее.

Приказы Министра Просвещения касались различных вопросов: радиофикации колхозов силами школьников и детдомовцев [9], мероприятий по борьбе с травматизмом [10], участии школ и детских домов в насаждении и охране садов и лесов [11], норм обмундирования и постельного белья [12], порядка питания сотрудников [13] и т.п.

Важнейшим документом является Постановление Коллегии Министерства Просвещения БССР от 19 сентября 1952 года «О ходе выполнения Постановления Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б от 11.06.1952 г. «О ликвидации детской беспризорности в БССР» [14] в Гродненской области. Документ ценен тем, что он является единственным в своем роде, комплексно оценивающим работу ОблОНО по данной проблематике на столь высоком уровне. Следует отметить, что аналогичные документы по другим областям БССР приходили и в Гродненский ОблОНО для ознакомления руководителей. Важно отметить, что при сравнении этих документов наблюдается явное превосходство Гродненского ОблОНО по качеству выполнения Постановления Совета Министров. Однако документ также вскрывает и множество недостатков в работе, особенно в сфере вывода и трудоустройства воспитанников детских домов.

Решения областного совета депутатов трудящихся, касающиеся народного образования, – достаточно обширная и неоднород-

ная группа документов, поэтому она требует своей классификации. Можно выделить несколько типов решений и распоряжений исполкома относительно народного образования, напрямую связанных с решением проблемы сиротства и беспризорности. Назовем их в произвольном порядке; первую условную группу составляют документы об организации областной комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей (иногда она именовалась как комиссия по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью). Такая комиссия созывалась ежегодно, обновлялся и ее состав.

Ко второй группе можно отнести решения об учреждении новых детских домов и детских приемников-распределителей, о закрытии, расформировании, смене прежнего статуса и переводе существующих.

К третьей группе можно отнести документы, касающиеся хозяйственной работы детских домов. Например, распоряжение Гродненского областного совета депутатов трудящихся от 07.07.1948 г. «О земельных участках при детских домах» [15] или распоряжение от 07.09.1948 г. «О подготовке детских домов к зиме» [16].

В состав четвертой группы можно включить решения по личным делам, связанные с воспитанниками или работниками детдомов. Например, решение исполкома Гродненского областного совета депутатов трудящихся от 29 сентября 1951 г. «О бездушно-бюрократическом отношении к воспитаннику спецдетдома Головину со стороны специального ремесленного училища №14» [17]. Следует отметить, что эта группа документов достаточно малочисленная, а подобные решения принимались редко и в исключительных случаях.

Распоряжения и приказы заведующего ОблОНО появлялись либо в связи с приказами вышестоящих органов (Облисполкома, Народного комиссариата Просвещения, а с 1946 г. – Министерства Просвещения и др.), либо в связи с результатами проверок и ревизий подчиненных им учреждений. Чаще всего это приказы о назначении на должность либо снятии с работы, о наложении взысканий, разрешении на трудовой отпуск, об объявлении выговора и т.п.

3. Своеобразный вид организационно-распорядительной документации составляют протоколы и стенограммы заседаний коллегий, собраний, совещаний, конференций и пр.

Особый интерес представляют протоколы производственных совещаний работников ОблОНО и протоколы совещаний директоров детских домов, работников детских домов и т.п.

Протоколы производственных совещаний работников ОблОНО и протоколы совещаний директоров детских домов – ценнейшая группа источников по изучаемой проблематике, т.к. она наиболее реалистично отражает проблемы, с которыми сталкивались непосредственные участники борьбы с беспризорностью, – руководство ОблОНО и детских домов. По этим документам можно проследить, какие вопросы были наиболее актуальными и выносились на повестку дня. Если в 1944–1946 гг. остро стоял вопрос снабжения продуктами и топливом, своевременности финансирования, то в 1947–1949 гг. он уступил главенствующее место кадровой проблеме. В 1951–1954 гг. на первый план выходят вопросы, связанные непосредственно с педагогической работой детдомов, с нехваткой методических пособий, с борьбой против антипедагогических методов воспитания, а также с выводом из детдомов их выпускников; в 1954–1960 гг. основная тема – повышение благосостояния детских домов, ликвидация детских домов и организация школ-интернатов.

4. Текущая переписка детских домов, райгорОНО, облОНО и Министерства Просвещения (письма, телеграммы, радиограммы, телефонограммы и пр.). Сюда же относятся и письма трудящихся в государственные и общественные органы.

Переписка ОблОНО с Министерством Просвещения и другими учреждениями является интереснейшим и довольно многочисленным типом делопроизводства. По ней видно, сколько усилий тратили заведующие ОблОНО для того, чтобы добиться бесперебойного финансирования на улучшение условий жизни детей-детдомовцев. Гродненский ОблОНО часто посылал письма в Министерство с просьбой увеличивать ассигнования на капитальный ремонт и другие нужды. К этой же группе можно отнести распоряжения, позволяющие ОблОНО вносить коррективы в распределение бюджетных средств.

Отдельное дело в фонде 730 составляют возражения ОблОНО к Министерству по народно-хозяйственному плану.

Со стороны Министерства приходили письма о проведении всесоюзных и республиканских конкурсов (на лучшего юного садовода [18], ловца грызунов [19], опытника – растениевода [20], на

лучшего юного мичуринца [20]), о привлечении воспитанников детских домов к радиофикации колхозов [21] и к сбору дикорастущего лекарственно-технического сырья [22]. Также указывалось на необходимость борьбы с детским травматизмом среди дошкольников, школьников воспитанников детских домов [23], согласовывался проект народно-хозяйственного плана и т.п. Главснабпрос (главная база по снабжению учреждений Министерства Просвещения) доводил до сведения об изменениях в законодательстве (например, о снабжении детских домов, находящихся в сельской местности всеми промышленными товарами наравне с городскими [24]).

От Министерства просвещения ОблОНО часто получал телеграммы чаще по срочным вопросам: ускорить отправку отчета, отменить решение, внести изменение, предупредить о допущенных в других областях ошибках.

Активная переписка велась также с финансовым отделом Облисполкома, председателем Облисполкома, с гор/райОНО области.

Имели место и письма с просьбами или жалобами от частных лиц. Например, сохранилось трогательное письмо от воспитанниц Больше-Можейковского детского дома заведующему Гродненского ОблОНО Жуковскому М.Г. с просьбой перевести их в другой детский дом [25]. Жалобы в ОблОНО посылали воспитательница детского дома в Озерах Алантьева [26], повар Новогрудского детдома Свиридович и др. Дети из Поречского детского дома жаловались на антипедагогические меры воздействия со стороны воспитателей, и эти факты были подтверждены. Писали люди, разыскивающие в детских домах своих родственников, например, письмо старшего лейтенанта Костина [27] и др.

5. Плановая документация.

При существовавшей плановой экономике советского государства не удивительно, что деятельность государственных органов и учреждений была подчинена всевозможным планам. Это планы мероприятий, проверок, долгосрочные планы деятельности и т.п. Планы мероприятий позволяют рассмотреть не только намеченную работу, но и проанализировать, какое место занимали руководство и контроль над детдомами в структуре деятельности ОблОНО. Наиболее интересными документами такого типа являются «Основные показатели плана по Гродненской области БССР на 1945 год и 1 квартал», которые устанавливали сеть детских домов и ко-

личества детей в них. Планы мероприятий по проведению летнего оздоровительного отдыха пионеров и школьников дают сведения о жизни детских домов в условиях летних каникул [28]. План проведения проверок работы детских домов и ревизии финансово-хозяйственной деятельности на различные годы позволяет оценить деятельность детских домов и контроля над этой деятельностью [29] и т.п.

6. Учетная документация

Учетная документация представляет большой интерес, но такие документы малочисленны, ввиду ограниченности их срока хранения. Однако некоторые документы все же сохранились.

«Акт сдачи дел сектора детских домов Гродненского ОблОНО от 18.04.1952 г.» [30] позволит исследователю оценить, сколько дел сохранилось в архиве, из тех, что были созданы за время работы сектора с 1944 по 1952 г. К сожалению, в архиве не сохранились самые ранние дела за 1944–1945 гг.

Целое дело посвящено «Акту передачи Больше-Можейковского детского дома и подсобного хозяйства от бывшего директора Чертова Д.Т. вновь назначенному директором Бобко П.С. по состоянию на 1 апреля 1950 г.» [31]. Это дело позволяет посмотреть на детский дом сквозь призму вещей, запасов и продуктов, хранившихся в кладовых. Оценить материальные условия воспитания детдомовцев и обстановку, в которой работали педагоги.

Кроме того, в закрытом доступе находятся личные дела воспитанников, доступны лишь обезличенные сведения. Например, сведения на воспитанников детских домов Гродненской области по состоянию на 1.11.1951 г. [32]; сведения о польских детях, родители которых находятся в Польше, по детским домам Гродненской области [33] и т.п.

7. Контрольная документация.

К приказам заведующего ОблОНО и постановлениям областного совета депутатов трудящихся обычно прилагались акты по итогам проверок и ревизий учебно-воспитательной и хозяйственной работы детских домов, а также докладные инспекторов детдомов. Чаще всего, они объективно показывают ситуацию на местах, успехи и недочеты в хозяйственной и учебно-воспитательной работе. Нередко, а особенно в первые послевоенные годы (1944–1948 гг.) они выявляют ужасающие подробности воровства и злоупотребле-

ний со стороны руководства детдомов, но со временем такие кадры были заменены, и ОблОНО удалось взять ситуацию в свои руки.

Особую группу составляют документы по итогам проверок и ревизий финансовой, хозяйственной и других видов деятельности ОблОНО. Чаще решения по отношению к заведующему ОблОНО были достаточно мягкими: им «рекомендовали», «указывали», но выговоров не выносили и с работы не снимали.

8. Отчеты, справки, в том числе статистическая документация.

Справки об итогах работы и статистические отчеты составлялись ежегодно, а также по запросу вышестоящих инстанций. В них содержится ценные сведения о проделанной работе, о количестве воспитанников, работников детдомов, о площади, занимаемой детскими домами, о количестве книг в детдомовских библиотеках и т.п.

Помимо упомянутых выше документов, исследователям доступны титульные списки школьной сети за разные годы, своды расходов на просвещение Гродненской области, справки об итогах работы школ области, сетевые показатели по детским домам и детским садам, сводные отчеты о выполнении плана по численности работников и расходованию заработной платы по учреждениям Наркомпроса, сводки данных годовых отчетам по детским домам за 1945–1948 гг., сети и контингенты на просвещение, штаты ОблОНО, сводные ведомости тарификации работников детских домов Гродненской области и т.п.

Государственный архив Гродненской области богат документами и материалами по истории детских домов, однако, ввиду их разбросанности по различным фондам и некачественному научному описанию их выявление значительно затруднено. Глубокое и всестороннее изучение массива архивных материалов ГАГО по данной теме исследователями представляется автору далекой перспективой будущего.

1. Постановление СНК БССР №40 от 17.01.1945 г. «Об утверждении сети детских приемников-распределителей НКВД Белорусской ССР // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 20.

2. Постановление СНК БССР №1571 от 10.11. 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшения медицинского обслуживания женщин и детей» // ГАГО. – Ф.1171. – Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

3. Постановление СНК СССР №2394 от 20. 09.1945 г. «О детских домах при промышленных предприятиях» // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 223.

4. Постановление СНК СССР №2455 от 25.09.1945 г. «О переводе на государственный бюджет колхозных детских домов» // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 246.

5. Распоряжение Совета Министров БССР №711р от 23.01.1951 г. // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 12.
6. Распоряжение Совета Министров СССР № 2075р от 24.02.1951 г. // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 34.
7. Распоряжение Совета Министров СССР №18038р. от 26.09.1951 г. // ГАГО. – Ф. 1171. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 142.
8. Памятка инспектора ОблОНО по детдомам // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 33.
9. Приказ №290/197 Министерства Просвещения и Уполномоченного Министерства Связи СССР при Совете Министров БССР от 08.12.1947 г. (об участии школьников в радиофикации колхозов и сел) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 254.
10. Приказ № 309 Министра Просвещения БССР от 24.12.1947 г. «О мероприятиях по борьбе с травматизмом среди учащихся начальных, семилетних и средних школ, воспитанников детских садов и детских домов» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 262.
11. Приказ №103 Министра Просвещения Белорусской ССР «Об участии школ, детских домов, внешкольных учреждений, педучилищ и педвузов БССР в насаждении и охране садов и лесов» от 09.04.1947 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 46.
12. Приказ №2 Министра Просвещения Белорусской ССР «О нормах обмундирования и постельных принадлежностей для воспитанников детских домов, направляемых в средние и высшие учебные заведения и выводимых на трудоустройство от 06.01.1953 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 22.
13. Приказ № 331 Министра Просвещения Белорусской ССР от 11.11.1952 г. «О порядке питания сотрудников детских домов» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 643. – Л. 220–221.
14. Постановление Коллегии Министерства Просвещения Белорусской ССР от 19 сентября 1952 г. «О ходе выполнения Постановления Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б №800 от 11.06.1952 г. «О ликвидации детской беспризорности в БССР» в Гродненской области // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 6–9.
15. Распоряжение №99 Гродненского Областного Совета Депутатов Трудящихся от 07.07.1948 г. «О земельных участках при детских домах» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 14.
16. Распоряжение №140 от 07.09.1948 г. «О подготовке детских домов к зиме» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 20.
17. Решение №809 исполкома областного совета депутатов трудящихся от 29 сентября 1951 г. «О бездушно-бюрократическом отношении к воспитаннику спецдетдома Головину со стороны директора специального ремесленного училища №14» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 182.
18. Письмо зав. Гродненскому ОблОНО тов. Куриленко от Министерства Просвещения БССР от 09.04.1947 г. «О всесоюзном конкурсе на лучшего юного садовода» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 91.
19. Письмо зав. Гродненскому ОблОНО тов. Куриленко от Министерства Просвещения БССР от ?.05.1947 г. (о ловцах грызунов) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 107.

20. Письмо зав. Гродненскому ОблОНО тов. Куриленко от Министерства Просвещения БССР ... второй всесоюзных конкурс на лучшего опытника растениевода... // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 147.

21. Приказ №290(197) Министерства Просвещения и Уполномоченного Министерства Связи СССР при Совете Министров БССР от 08.12.1947 г. (об участии школьников в радиофикации колхозов и сел) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 254.

22. Телеграмма заведующему Гродненским ОблОНО от начальника управления начальных и средних школ Министерства Просвещения Водейко (об итоговом отчете по сбору дикорастущего лекарственно-технического сырья силами школьников Гродненской области) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 174.

23. Приказ № 309 Министра Просвещения БССР от 24.12.1947 г. «О мероприятиях по борьбе с травматизмом среди учащихся начальных, семилетних и средних школ, воспитанников детских садов и детских домов» // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 262.

24. Письмо Главснабпроса №1/40 от 23.01.1953 г. заведующему Гродненским ОблОНО Жуковскому М.Г. (копия зав. базы ОблОНО Прадкину) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 3.

25. «Письмо из Больше-Можейковского детского дома» (письмо воспитанниц Больше-Можейковского детского дома заведующему ОблОНО Жуковскому М.Г.) // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 651. – Л. 6.

26. Докладная инспектора ОблОНО Казьминой К.М. заведующему Гродненским ОблОНО «О результатах проверки фактов, изложенных в заявлении воспитательницы Озерского детского дома Алантьевой» от 08.12.1954 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 662. – Л. 4–5.

27. Письмо старшего лейтенанта Костина (ВЧ №12956) заведующему Гродненским ОблОНО БССР от 24.02.1954 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 649. – Л. 99.

28. План работы сектора детских домов и дошкольных учреждений на II квартал 1951 года // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 27.

29. План проведения проверок работы детских домов и ревизии финансово-хозяйственной деятельности на 1952 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 37.

30. Акт сдачи сектора детских домов Гродненского областного отдела народного образования от 18 апреля 1952 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 648. – Л. 1–6.

31. Акт передачи Больше-Можейковского детского дома и подсобного хозяйства от бывшего директора Черткова Д.Т. вновь назначенному директором Бобко П.С. по состоянию на 1 апреля 1950 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 639. – Л. 1–15.

32. Сведения на воспитанников детских домов Гродненской области по состоянию на 1 ноября 1951 г. // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 644. – Л. 197.

33. Сведения о польских детях, родители которых находятся в Польше по детским домам Гродненской области // ГАГО. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 635. – Л. 25.

Фиронова Елена Алексеевна – магистр исторических наук, аспирант УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы».

ЧАСТКА 2

СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦА ГІСТАРЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ. ІНАВАЦЫЙНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ. СУЧАСНЫ ПАДРУЧНІК ГІСТОРЫІ

УДК 378(930)

Ю. У. Іваноўскі

МЕМАРЫЯЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦА ВІРТУАЛЬнай ПАМЯЦІ Ў АДУКАЦЫЙнай ПРАСТОРЫ

Аналізуецца працэс узаемадзеяння адукацыйнай прасторы і мемарыяльнай культуры, пры якім віртуальная памяць робіцца сродкам захоўвання інфармацыі.

Стратэгічнае мадэляванне накірункаў развіцця сеткавай супольнасці мае перадумовай значнае пашырэнне сучаснай адукацыйнай прасторы, яе патэнцыйных магчымасцей як ладу жыцця, навучання і выхавання, спалучанага з сукупнасцю формаў па захаванні і ўзнаўленні памяці пра дзейнасць людзей, пра падзеі іх жыцця. Мультымедыйныя тэхналогіі праз мемарыяльны досвед, які мае сацыяльную значнасць і перадаецца ад пакалення да пакалення, механізмы спажывання новых ведаў, фармуюць новыя аспекты педагогікі. Памяць (тэмогія), растаючы у гістарычным часе пачатку XXI ст., віртуалізуецца праз інфармацыйныя і камунікацыйныя кампаненты электроннага навучання, пачынае выступаць у якасці атрыбуцыйнага фона штодзённасці адукацыйнай прасторы. Віртуальная мемарыяльная рэальнасць, якая генеруецца і мадэлюецца у працэсе навучання, фактычна з'яўляецца мадэрнізаваным варыянтам ажыццяўлення фундаментальнай патрэбы чалавека ў спасціжэнні мноства невядомых мемарыяльных светаў.

Ментальны профіль тэхнічнай і дыдактычнай базы электроннага навучання вылучаецца намі ў якасці трохабрыснай мадэлі, якая складаецца з калабарацыянісцкага, інтэгратыўнага і ансінхраністычнага абрысаў. Кожны абрыс адпавядае розным мемарыяльным кампанентам навучальных дысцыплін, выкарыстанню віртуальнай памяці адукацыйнай прасторы. У вучэбным працэсе аб'екты і суб'екты навучання, пераходзячы па гэтых

абрысах, імкнучца да таго, каб большую частку часу знаходзіцца на больш эфектыўным абрысе. Якісныя адрозненні ў ментальных кампанентах адукацыйных абрысаў вядуць да існавання мемарыяльнага профіля усей адукацыйнай прасторы, з якой звязаны інфармацыйны складнік педагагічнай дзейнасці. Менавіта гэтая якасць мемарыяльнай культуры аднаўляе асновы логікі развіцця спалучэння асабова-арыентаванай канцэпцыі адукацыі, якая накіраваная на фармаванне суб'ектам навучання яго уласнай інавацыйнай траекторыі, выступае ў якасці перадумовы, умовы і важнага паказчыка яе выніковасці.

Калабарацыянісцкае (лат. collaborate – супрацоўнічаць) абрыснае навучанне (КАН) – рэалізуецца праз адначасную прысутнасць суб'екта навучання і выкладчыка ў адукацыйнай прасторы, дзе рэалізуецца іх пастаяннае ўзаемадзеянне, заснаванае на прынцыпах традыцыйнага навучання і досведа педагагічнай практыкі, набытых ў працэсе эвалюцыі чалавека. Выкладчык аперацыйна рэагуе, ацэньвае, адаптыўна кіруе рэакцыяй суб'екта навучання, выкарыстоўвае розныя педагагічныя прыёмы, аперацыйныя схемы («пытанне-адказ-пытанне»), выбар тэмпарытму навучання, рэгуляванне вучэбнай актыўнасці і г.д. Да асноўных тэхналогіяў КАН, якія арганізуюць адукацыйную прастору, варта, відавочна, у першую чаргу адносіць:

- **дыстанцыйнае навучанне**, дзе працэс засваення ажыццяўляецца на адлегласці ад месца непасрэднай прысутнасці спажыўца новых ведаў;

- **відэаканферэнцыю**, якая дазваляе трансляваць «выяву» розных формаў навучання, заняткаў з іншых вучэбных і вытворчых памяшканняў, каб непасрэдна разглядаць розныя праблемы адукацыйных дысцыплін;

- **віртуальную аудыторыю**, калі той, хто навучае, перадае дыдактычны матэрыял, канкрэтныя веды, адказвае на пытанні, ацэньвае рэзультаты засваення ведаў пад час віртуальнага ўзаемадзеяння з аб'ектамі навучання;

- **школьную дошку**, каб змясціць на экран камп'ютэра розныя статычныя матэрыялы, якія дынамічна змяняюць візуалізацыю фарматаў інфармацыйных вучэбных блокаў у рэальным часе для кожнага з суб'ектаў навучання і выканання маніпуляцыйных дзеянняў з віртуальным кантэнтам ў мэтах дынамічнага ўсвядомленага ўдзелу ў навучанні;

- **віртуалізованя вучэбных памяшканні** для размяшчэння індывідуальных заданняў або ў групах (3–8 асобаў), дзе вучэбныя тэставыя і відэаматэрыялы з ўдзелаў выкладчыка робяцца асновай мадэлявання ўзаемадзеяння з аднім ці некалькімі «пакоямі», аб’яднанымі на аснове сесій для сумеснага віртуальна-вербальнага ўзаемадзеяння па абмеркаванні ў рэжыме дыялогу сумесна прынятых стратэгий, вынікаў выканання вучэбных заданняў;

- **каментар у інтэрактыўным рэжыме** ўзаемадзеяння, калі кожны з удзельнікаў-карыстальнікаў віртуальных мемарыяльных кампанентаў дэманструе неабходныя веды;

- **інтэрактыўнае інтэрв’ю** для абагульнення меркаванняў удзельнікаў адукацыйнага працэса па тэме, якая вывучаецца, праз апэратыўнае стварэнне анкетнага масіву, яго рэдагавання, размяшчэння на маніторах віртуальных вучэбных класаў;

- **пераход па вэб-сайтам** міжнародных, урадавых, грамадскіх арганізацый і сацыяльных сетак дазваляе выкладчыку і навучэнцу адсочваць апэратыўную інфармацыю праз кропкавы доступ;

- **прэзентацыі ў фармаце Power Point**, якія прадугледжваюць адначасную індывідуальную ці групавую сумесную работу;

- **чатавае ўзаемадзеянне** праз месенджэры (ICQ, SKYPE, чаты) для падтрымання выкладчыкам пастаяннай сувязі і апэратыўнага рэагавання на пытанні выкладчыка праз іх убудаванасць у віртуальную адукацыйную прастору вебінараў.

Ансіхраністычны (гр. an... – пачатковая частка слова са значэннем адмаўлення; *syn* – разам + *chronos* – час) абрыс навучання (ААН) мае перадумовай адсутнасць адначаснага ўзаемадзеяння аб’екта і суб’екта навучання ў віртуальных мемарыяльных контурах з аўтаматызаванымі праграмамі вучэбных дысцыплін без рэжыму доступа выкладчыка да іх матэрыялаў і заданняў. Камунікацыйна-інфармацыйныя тэхналогіі ААН маюць перадумовай наяўнасць электронных вучэбных курсаў з рознымі спосабамі іх дастаўкі, правядзення, веб-форумаў і падкастынга, электроннай пошты з наяўнасцю асабістых або групавых паштовых скрынак. Дыдактычны матэрыял абрысу дазваляе ажыццяўляць навучанне з выкарыстаннем відэа- і аудыёкантэнта пры дапамозе Інтэрнэт-правайдэраў і праз стварэнне падкастаў, дзе актыўны

пошук новых матэрыяльных ведаў, іх стварэнне мае навучальны характар з выкарыстаннем разнародных фарматаў прэзентацыі інфармацыйных блокаў, фармавання здольнасці вербальна ці эпістэлярна фармуляваць асноўныя пастулаты вынікаў аналітычнай практыкі тэкстаў, якія вывучаюцца сінтэзавана.

Асаблівасцю ААН з'яўляецца магчымасць выкарыстоўваць шэраг тэхналогій з КАН (вебінары, сацыяльныя сеткі і інш.) Напрыклад, калі навучэнец удзельнічае ў вебінары паводле прынцыпу «тут і зараз», слухае выкладчыка ў рэжыме рэальнага часу, мае магчымасць задаваць яму пытанні непасрэдна праз чат, тады гэта рэжымная пляцоўка КАН. Выкананне вучэбнага задання з мінулага вебінара з дапамогай скачанага запісу, безумоўна, ААН. Акрамя таго, вебінарныя кампаненты адукацыйнай прасторы, якія рацыянальна выкарыстоўваюцца ў працэсе навучання за кошт наяўнасці копіі, мэтазгодна перыядычна ўжываць у якасці дыдактычнага матэрыялу, для правядзення кансультацый.

І, нарэшце, трэці інтэграцыйны (лат. *integratio* – аднаўленне, запаўненне) абрыс навучання (ІАН), ключавы ў сучаснай адукацыйнай прасторы, заснаваны на выкарыстанні разнастайных камбінацый першага і другога абрысаў. Сучасныя задачы, звязаныя з патэнцыйным развіццём адукацыйнай прасторы, усё больш актыўна знаходзяць сваё вырашэнне ў найбольш эфектыўнай плоскасці менавіта праз ІАН, дзе ўсе суб'екты ўзаемадзейнічаюць, дапаўняючы адзін аднаго. Выкарыстанне, напрыклад, віртуальнага сілабуса (гр. *Sillabikos* – складовы) з аднім «пакетам», які ўтрымлівае ва ўпарадкаваным складзе, са зместам паводле раздзелаў і тэмаў, рэlevantную літаратуру для вырашэння адукацыйных задач вучэбнага курсу, навуковыя даследчыя распрацоўкі выкладчыка, стварае магчымасць плённай сумеснай адукацыйнай і навуковай дзейнасці.

Такім чынам, аналіз кампанентаў інавацыйнага развіцця віртуальнай памяці ў адукацыйнай прасторы дазваляе сцвярджаць, што яна выступае ў якасці сродка трансляцыі мемарыяльнай культуры¹, якой уласцівая высокая здольнасць да мадэлявання. У працэсе ўзаемадзеяння адукацыйная прастора і мемарыяльная культура выяўляюць падобныя рысы, застаючыся самастойнымі

¹ Аўтар разглядае мемарыяльную культуру ў якасці феномена грамадскай практыкі, дзе адзінства ладу жыцця, навучання і выхавання, якое звязанае з сукупнасцю формаў па захаванні, трансляцыі і ўзнаўленні памяці пра дзейнасць людзей, падзеі іх жыцця, набытых ў працэсе эвалюцыі чалавека, а таксама мемарыяльны досвед, які мае сацыяльную значнасць і сістэмна перадаецца ад пакалення да пакалення.

сістэмамі. Супрацьлеглыя узаемнаальтэрнатыўныя структурныя прынцыпы, уведзеныя ў адукацыйную прастору, дзе віртуальная памяць робіцца сродкам захоўвання інфармацыі, структуруюць спарадкаванасць навучальных сэнсаў змястоўна-працэсуальных аспектаў інавацыйнай дзейнасці педагога.

Юрый Уладзіміравіч Іваноўскі – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.

УДК 371.016:94:004

Г. І. Станіслаўчык

ВЫКАРЫСТАННЕ ІНФАРМАЦЫЙНЫХ ТЭХНАЛОГІЙ НА ЎРОКАХ ГІСТОРЫІ

Разглядаецца актуальнасць прымянення інфармацыйных тэхналогій на ўроках, якія ўключаюць ў вучэбны працэс магчымасці ўсіх тэхнічных навінак, дазваляюць настаўніку арганізаваць розныя формы вучэбна-пазнавальнай дзейнасці. Асветлены пытанні тэхналогіі работы ў праграме Power Point, выкарыстання інфармацыйных магчымасцей Інтэрнэта, праграмы Windows Movie Maker, мультымедычных распрацовак, электронных падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, падрыхтоўкі тэстаў.

Сёння цяжка назваць сферу дзейнасці чалавека, не закранутую інфармацыйна-камп'ютарнай рэвалюцыяй. Інфармацыйныя тэхналогіі на ўроках гісторыі дазваляюць па-новаму выкарыстоўваць тэкставую, гукавую, графічную і відэаінфармацыю. Галоўнай задачай адукацыі з'яўляецца не толькі атрыманне вучнямі пэўнай сумы ведаў, але і фарміраванне ў іх уменняў і навыкаў па самастойнаму навучанню [2].

Вопыт работы паказаў, што ў тых вучняў, якія актыўна працуюць з камп'ютарам, фарміруецца больш высокі ўзровень самаадукацыйных навыкаў, уменняў арыентавацца ў бурным патоку інфармацыі, вылучаць галоўнае, абагульняць і рабіць высновы. Тут вельмі важная роля настаўніка ў раскрыцці магчымасцей новых камп'ютарных тэхналогій з улікам патрэбнасцей вучэбнага прадмета.

Зрукі адчуваюцца ўжо сёння, калі школьнікам неабходна быць дасведчанымі на конт ўсіх тэхнічных навінак. Гэта і відэатэхніка,

і мабільныя тэлефоны, і камп'ютары. Становіцца ўсё цяжэй зацікавіць вучняў на ўроку, каб кожны з іх на самай справе хацеў вучыцца. Думаю, кожнаму настаўніку прыемна пачуць пасля звання з урока: «Дзякуй, сёння быў такі цікавы ўрок, шкада, што ён так хутка закончыўся». А зрабіць такі ўрок дапамогуць інфармацыйна-камунікатыўныя тэхналогіі. Уключэнне іх у вучэбны працэс дазваляе настаўніку арганізаваць розныя формы вучэбна-пазнавальнай дзейнасці на ўроках гісторыі і зрабіць актыўнай і мэтанакіраванай самастойную работу вучняў.

Фарміраванне камп'ютарнай граматысці патрабуе вялікай працы, якая ўключае авалоданне навыкамі карыстання тэкставым працэсарам, графічным рэдактарам; арганізацыю захавання тэкстаў у знешняй памяці і вывад іх у друк. Веданне тэхналогіі работы ў праграме Power Point дазваляе распрацаваць і правесці ўрок-прэзентацыю, якая складаецца са слайдаў. Прэзентацыя дазваляе настаўніку ілюстраваць свой расказ [4].

У маёй практыцы вучні з задавальненнем працуюць над стварэннем прэзентацыі і самі яе прадстаўляюць. Для таго, каб стварыць прэзентацыю, вучням трэба самастойна арганізаваць пошук неабходнага матэрыялу і звярнуцца да дадатковых крыніц. Пры падрыхтоўцы яе вучань павінен правесці значную даследчую работу, выкарыстаць шмат крыніц інфармацыі, што дазваляе пазбегнуць шаблонаў і ператварыць кожную работу ў прадукт індывідуальнай творчасці. Вучань пры стварэнні кожнага слайда ператвараецца ў камп'ютарнага мастака (слайд павінен быць прыгожым і адлюстравать унутранае стаўленне да пытання). Дадзены від вучэбнай дзейнасці дазваляе развіваць у вучняў лагічнае мысленне фарміруе адпаведныя ўменні і навыкі.

Тэхнічнымі вартасцямі праграмы з'яўляецца хуткасць, манеўранасць, апэратыўнасць, магчымасць прагляду і праслухоўвання фрагментаў, стварэнне дынамічных алгарытмаў па тлумачэнню новага матэрыялу і шмат іншых мультымедычных магчымасцей. Дыдактычнай вартасцю праграмы з'яўляецца стварэнне эфекта прысутнасці («я гэта бачыў!»), узнікае зацікаўленасць у навучанні, жаданне больш ведаць і бачыць. Пры выкарыстанні дадзенага метаду могуць праяўляцца і адмоўныя якасці навучання, але ў гэтым выпадку, калі настаўнік не будзе выконваць метадычныя патрабаванні і ўмовы для дасягнення эфектыўнасці выніку.

Акрамя стварэння ўрокаў-прэзентацый прапаноўваю вучням выкарыстоўваць інфармацыйныя магчымасці Інтэрнэта. Інфармацыя сеткі Інтэрнэт – гэта інфармацыя віртуальная, якая пастаянна абнаўляецца і дапаўняецца. Школьнік вучыцца працаваць з камп’ютарнымі каталогамі, банкамі даных і іншымі праграмнымі сродкамі, даведачнымі і энцыклапедычнымі выданнямі. Пошукова-даследчая дзейнасць з выкарыстаннем Інтэрнэт-тэхналогіяй дае станоўчую матывацыю школьнікам пры вывучэнні не толькі гісторыі, але і іншых прадметаў. Урокі гісторыі, арганізаваныя на самастойнай рабоце з інфармацыяй, з’яўляюцца больш паспяховымі, бо тут прысутнічае зацікаўленасць вучня ў сваёй дзейнасці. У час падрыхтоўкі над планам-канспектам урокаў я часта звяртаюся за інфармацыяй у Інтэрнэт [1].

На ўрока гісторыі важнае месца займае творча-пошуковы від дзейнасці вучняў. У гэтым таксама дапамагаюць інфармацыйна-камунікатыўныя тэхналогіі. Напрыклад, выкананне творчых работ з выкарыстаннем сканера, лічбавага фотаапарата або нават мабільнага тэлефона. Вучань максімальна рэалізуе асобасныя магчымасці, выяўляе свой пункт погляду.

У педагагічнай дзейнасці інфармацыйна-камп’ютарныя тэхналогіі выкарыстоўваю ўжо не першы год. З дапамогай праграмы Power Point да ўрокаў рыхтавала прэзентацыі, спачатку для вучняў пятага і шостага класаў (лічу, што для вучняў гэтага ўзросту нагляднасць вельмі неабходна), а пазней і для астатніх. Інфармацыйна-камунікатыўныя тэхналогіі выкарыстоўваю ў пазакласнай рабоце і ў выхаваўчай дзейнасці. Калі на ўроку запланавалася выступленне вучня з паведамленнем, прапаную яму самастойна падрыхтаваць прэзентацыю, але даю неабходны матэрыял. Самастойна падрыхтаваць прэзентацыю могуць вучні 7–11 класаў. Вучням падабаюцца ўрокі прэзентацыі, асабліва калі ёсць устаўкі кінахронікі, музыкі, запісы галасоў выдатных гістарычных асоб. Ужо два гады выкарыстоўваю праграму Windows Movie Maker, з дапамогай яе можна зрабіць фільм са слайдаў, выкарыстоўваючы ілюстрацыі. Выкарыстанне інфармацыйна-камунікатыўных тэхналогій дазваляе зацікавіць вучня да навучання прадмета [3].

Зыходзячы з выкарыстання інфармацыйна-камп’ютарных тэхналогій, урок можна падзяліць на 4 групы:

1. Урокі дэманстрацыйнага тыпу. На іх інфармацыя дэманструецца на вялікім экране і можа быць выкарыстана на любым этапе ўрока.

2. Урокі камп'ютарнага тэсціравання. Тэставыя праграмы дазваляюць вельмі хутка ацаніць вынік работы вучняў, вызначыць, па якіх пытаннях ёсць прабелы ў ведах. Яны замацоўваюць зваротную сувязь у сістэме настаўнік – вучань.

3. Урокі трэнінга або канструявання. На такіх ўроках вучні індывідуальна або ў групах канструктыўна і плённа працуюць з мэтай дасягнення пэўнага выніку.

4. Інтэграваныя урокі. Такі ўрок праводзяць настаўнік гісторыі і настаўнік інфарматыкі або іншага прадмета.

Пры тлумачэнні новага матэрыялу я выкарыстоўваю на камп'ютары графікі, схемы, малюнкі, разнастайныя ілюстрацыі. Разам з класам расшыфроўваем абазначэнні, разгадваем крыжаванкі, параўноўваем дакументы. Дзеці самастойна могуць пазнаёміцца з прапанаваным тэарэтычным матэрыялам, выбраць галоўнае, а пасля адказаць на вусныя пытанні настаўніка.

Асабліва зручна выкарыстоўваць камп'ютар для кантролю ведаў. Дзеці атрымліваюць магчымасць заняць месца ля машыны, і ім прапануюцца заданні: адказаць на пытанні тэста, расшыфраваць абазначэнні на малюнку і г. д. Занятка для іх атрымліваецца вельмі цікавы, навучанне ажыццяўляецца больш хутка. Вучні замацоўваюць веды, правяраюць сябе і пры гэтым удасканальваюць свае навыкі работы на камп'ютары. А для настаўніка выгадна і зручна, бо ёсць магчымасць хутка праверыць набытыя веды.

Выкарыстанне камп'ютарных тэхналогій на ўроку гісторыі дазваляе актывізаваць пазнавальную дзейнасць вучняў; забяспечыць высокую ступень дыферэнцыяцыі навучання (амаль індывідуальнага); паскорыць работу на ўроку; удасканальваць кантроль ведаў; фарміраваць навыкі сапраўды даследчай дзейнасці; забяспечыць доступ да разнастайных даведачных сістэм, электронных бібліятэк і іншых інфармацыйных рэсурсаў: змяніць да лепшага ўзаемадзеянне настаўніка з тымі вучнямі, якія не цікавяцца гісторыяй, а захпляюцца камп'ютарамі.

У цяперашні час у Беларусі фарміруецца рынак спецыяльных праграм, створаных для выкарыстання ў якасці сродкаў навучання (дыдактычнага інструмента) на ўроках гісторыі. Існуе некалькі

распрацаваных праграм вучэбнага прызначэння, размешчаных на персанальных камп'ютарах, капакт-дысках (CD) або ў Інтэрнеце [2].

Магчымасці выкарыстання камп'ютэра на ўроках вялікія. Гэта не толькі падрыхтоўка прэзентацый і пошу інфармацыі ў Інтэрнеце, але і электронныя падручнікі, вучэбныя дапаможнікі, тэсты.

Вось на тэстах або тэсціруючых сістэмах я спынюся больш падрабязна. Існуюць камп'ютарныя праграмы, пры дапамозе якіх можна ствараць тэсты самастойна, а па некаторых прадметах ёсць гатовыя тэсты на кампакт-дысках. Гэта дазваляе ажыццявіць дыферэнцыраваны падыход да вучняў з розным узроўнем падрыхтаванасці. Можна ствараць тэсты да канкрэтнага ўрока, а можна да тэмы, да раздзелаў.

Выкарыстанне мультымедыйных распрацовак дазваляе павысіць нагляднасць (фатаграфіі, відэаролікі, схемы, карты); зрабіць больш разнастайнымі крыніцы інфармацыі, уводзіць дадатковую інфармацыю, надаваць больш выразную сістэму вывучаемаму матэрыялу. Дзякуючы ім вучэбны матэрыял прадстаўлены ярка і захапляльна ў выглядзе разнастайных носьбітаў інфармацыі: ілюстрацый, відэафрагментаў, камп'ютарнай анімацыі, тэкстаў, якія суправаджаюцца словамі дыктара і музыкай, - усё гэта павышае матывацыю вучэбнай дзейнасці школьнікаў.

У залежнасці ад мэт урока інфармацыйна-камунікатыўныя тэхналогіі прымяняю на ўроках: вывучэння новага матэрыялу; абагульнення і сістэматызацыі ведаў; пры выкананні творчых работ; пры кантролі ведаў.

Можна выдзяліць тры асноўныя формы прымянення інфармацыйна-камунікатыўных тэхналогій настаўнікам гісторыі:

- па-першае, у вучэбным працэсе на ўроку; па-другое, для арганізацыі самастойнай работы вучняў па гісторыі на пазашкольных занятках; па-трэцяе, для забеспячэння пазнавальнага вольнага часу (выкарыстанне развіваючых гульніў, электронных энцыклапедый і г. д.).

Навучанне з выкарыстаннем камп'ютэра мае шэраг пераваг: абягчае працу настаўніка; вучань замест пасіўнага слухача становіцца актыўным удзельнікам навучання; дазваляе ажыццявіць дыферэнцыраваны падыход да вучняў.

Пры ўмове сістэматычнага выкарыстання камп'ютэра ў вучэбным працэсе ў спалучэнні або з традыцыйнымі метадамі,

або з новими педагогічними технологіями можна значна павысіць эфектыўнасць навучання [3].

Нягледзячы на пэўныя цяжкасці, «сусветная сетка павуціны» захапляе ўсё больш і больш настаўнікаў і вучняў. Усе ўжо зразумелі, што выкарыстанне новых інфармацыйных тэхналогій у вучэбным працэсе – гэта наша будучыня. Цяпер вучні ўжо засвоілі інфармацыйную прастору Інтэрнет, і кепскі той настаўнік, які не імкнецца вучыцца ў сваіх выхаванцаў і навучыць іх ведаць яшчэ больш.

Школа будучага – гэта школа «інфармацыйнай эпохі». Галоўным у ёй становіцца засваенне кожным вучнем навыкаў самастойнага авалодвання ведамі, здольнасці творчага самавыказвання. Новыя інфармацыйныя тэхналогіі, мультымедыйныя прадукты – гэта крок да павышэння якасці навучання школьнікаў і ў канчатковым выніку да выхавання новай асобы – адказнай, здольнай вырашаць новыя задачы, якія стаяць перад нашым грамадствам.

Прымяненне камп'ютарных праграм у выкладанні гісторыі дазваляе арганізаваць індывідуальную работу, выкарыстоўваючы дыферэнцыраваны падыход у навучанні, работу у групах, самастойную работу вучняў, а таксама розныя педагогічныя метады: рэпрадуктыўны, тлумачальна-ілюстрацыйны, праблемна-пасуковы.

Яшчэ раз адзначым, што ў вучняў, якія працуюць з камп'ютарам, фарміруецца больш высокі ўзровень самаадукацыйных навыкаў, уменняў арыентавацца ў вялікім патоку інфармацыі, аналізаваць і параўноўваць факты, аргументаваць пазіцыю, абагульняць веды, рабіць высновы.

Пры стварэнні вучнямі камп'ютарных прэзентацый фарміруюцца важныя ў сучасных умовах навыкі: крытычнае асэнсаванне інфармацыі, вылучэнне галоўнага, сістэматызацыя і абагульненне матэрыялу, узорнае прадастаўленне інфармацыі.

Інфарматызацыя адукацыйнага працэсу – гэта рэальнасць сённяшняга дня, інфармацыйна-камунікцыйныя тэхналогіі ўпэўнена заваёўваюць сабе месца не толькі ў навучальным, але ў выхаваўчым, метадычным і ўпраўленчым працэсах. Працаваць па-новаму цікава, захапляльна – гэта верны шлях у будучыню школьнай адукацыі [4].

Выкарыстанне камп'ютарнай тэхнікі і інфармацыйных тэхналогій значна павышае эфектыўнасць працэсу навучання дзякуючы яго індывідуалізацыі, наяўнасці зваротнай сувязі, пашырэнню нагляднасці. Тое, што немагчыма зрабіць пры дапамозе традыцыйнага навучання на ўроках гісторыі, дазваляюць ажыццявіць інфармацыйныя тэхналогіі. Яны даюць магчымасць аперыраваць вялікім аб'ёмам інфармацыі, спрыяюць лепшаму засваенню вучэбнага матэрыялу і аптымізацыі вучэбнага працэсу, а таксама падштурхоўваюць вучняў да вучэбнай дзейнасці.

Прымяненне інфармацыйных метадаў навучання садзейнічае павышэнню інтэлектуальнай актыўнасці вучняў, а значыць – эфектыўнасці ўрока.

1. Карніцкая, Л. І. Выкарыстанне ІКТ і Інтэрнэт-тэхналогій на ўроках гісторыі / Л. І. Карніцкая.
2. Шылава, Г. Г. Выкарыстанне ІКТ на ўроках гісторыі / Г. Г. Шылава.
3. Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 7.
4. Дарожкіна. Сучасны ўрок гісторыі: выкарыстанне мультымедычных прэзентацый. – М., 2009.

Станіслаўчык Гражына Іванаўна – магістр гістарычных навук, педагог (ЦТiКДЗiМ г. Ваўкавыска) .

УДК 378(930.5)

**А. М. Балыкіна, В. Л. Ліпніцкая,
А. Э. Папова, Дз. М. Бузун**

ГІСТАРЫЧНАЯ ІНФАРМАТЫКА: ВОПЫТ СПЕЦЫЯЛІЗАЦЫІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ НАПРАМКУ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ ЁНІВЕРСІТЭЦЕ

Раскрыты досвед укаранення інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій у падрыхтоўку спецыялістаў на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Упершыню ў СНД у 1995 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (БДУ) была адкрыта спецыялізацыя «Гістарычная інфарматыка», а укараненне

інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій (ІКТ) адбываецца ўжо трэці дзясятак гадоў.

За мінулы перыяд па спецыялізацыі Гістарычная інфарматыка падрыхтавана больш за 100 студэнтаў, змянілася тры пакаленні навучальных планаў і праграм, змяніліся структура і змест асноўных навучальных курсаў і спецкурсаў, удасканалены метады выкладання, пашырылася матэрыяльна-тэхнічная база, папоўніўся кадравы склад прафесарска-выкладчыцкага корпуса.

БДУ стаў з 1984 г. адным з першых цэнтраў кампутарызацыі выкладання гуманітарных і сацыяльна-палітычных дысцыплін. Былі распрацаваны першыя электронныя вучэбныя выданні і рэсурсы па айчыннай гісторыі, абаронены дыпломныя працы з двума кіраўнікамі: выкладчыкам-гісторыкам і праграмістам.

Назапашаны вопыт і агульныя задачы інфарматызацыі вызначылі неабходнасць увядзення спецыяльных дысцыплін па ІКТ. У 1992 г. на гістарычным факультэце БДУ была ўведзена новая дысцыпліна «Гістарычная інфарматыка». На распрацоўку вучэбнай праграмы дысцыпліны, якая фарміравалася, вялікі ўплыў аказалі вучоныя і педагогі з МДУ, Днепропетровскага і Уральскага ўніверсітэтаў, таксама з універсітэтаў Лондана, Глазга, Зальцбурга, Утрэхта.

У выніку намаганнямі кафедры крыніцазнаўства і музеязнаўства ў БДУ была распрацавана тыпавая вучэбная праграма па Гістарычнай інфарматыцы для студэнтаў ВНУ [4]. Адначасова былі знойдзены аптымальныя варыянты зместу прадметнай інфарматыкі, арыентаваныя на канкрэтныя спецыяльнасці (прасунутыя курсы) і спецыялізацыю (спецыяльныя курсы). Такая дыферэнцыяцыя стала магчымай ва ўмовах больш выразнага вызначэння самога прадмета Гістарычнай інфарматыкі як самастойнага напрамку ў сусветнай гістарычнай навуцы.

Тады ж склалася структура Гістарычнай інфарматыкі як вучэбнай дысцыпліны: ўводны курс – «Асновы інфарматыкі і інфармацыйныя тэхналогіі»; базавы курс – «Гістарычная інфарматыка», паглыбленыя і спецыяльныя курсы, разлічаныя як на канкрэтныя гістарычныя спецыяльнасці студэнтаў, так і на іх спецыялізацыю ў галіне Гістарычнай інфарматыкі.

Найбольш поўна праграма была рэалізавана ў БДУ і ў Полацкім дзяржаўным універсітэце, дзе таксама была адкрыта спецыялізацыя студэнтаў па Гістарычнай інфарматыцы. Част-

кова яна была ўкаранёная ў Гродзенскім [7] і Магілёўскім [6] дзяржуніверсітэтах.

Выход у свет першага ў СНД падручніка па Гістарычнай інфарматыцы, створанага ў МДУ, актывізаваў і беларускіх аўтараў, якія, працуючы над стварэннем навучальнага дапаможніка [5] і крытычна ацэньваючы набыты вопыт, распрацавалі новы варыянт праграмы па Гістарычнай інфарматыцы [1; 4].

Асноўнай часткай новага варыянту праграмы сталі два раздзелы [9]:

1. Базавы курс з пяці глаў (колькасныя метады аналізу гістарычных дадзеных, базы даных і электронныя табліцы ў гістарычных даследаваннях, штучны інтэлект і развіццё гістарычнай навукі, кампутарныя тэхналогіі навучання);

2. Прасунутыя і спецыяльныя курсы (рэалізацыя кампутарных праграм кантролю ведаў і навучання, кампутарнае мадэляванне гістарычных працэсаў і з'яў, архіўная і музейная інфарматыкі, мультымедыя сістэмы і іх выкарыстанне ў гістарыяграфіі і навучанні гісторыі, будучыня гістарычнай інфарматыкі).

Змены, якія адбываюцца ў XXI ст. у сістэме адукацыі Рэспублікі Беларусь, у тым ліку дыферэнцыяцыя і ўпарадкаванне тэрмінаў падрыхтоўкі спецыялістаў па ўсіх спецыяльнасцях вышэйшай адукацыі, прывялі да неабходнасці стварэння новых навучальных планаў і праграм, змене метадаў і тэхналогій навучання.

Змест новых пакаленняў навучальных планаў і, адпаведна, навучальных і рабочых праграм па дысцыплінах спецыяльнасці, адбіўся на колькасці і суадносінах вучэбных гадзін спецыялізацыі. Нягледзячы на тое, што адзначана тэндэнцыя да зніжэння агульнай колькасці гадзін па дысцыплінах спецыялізацыі, іх недахоп кампенсуецца за кошт павелічэння гадзін агульных ІТ-курсаў і выкарыстання інавацыйных метадаў і тэхналогій навучання.

Зыходзячы з шматгадовага вопыту выкладання дысцыплін напрамка «Інфарматыка і інфармацыйныя тэхналогіі» на факультэце распрацаваны чатыры ўзроўня навучальных праграм:

I узровень – Асновы інфармацыйных тэхналогій (уводны курс, 50 гадзін: AC Windows, MS Word, ABBYY Fine Reader, Internet, E-mail, Adobe Photoshop, MS PowerPoint);

II узровень – Асновы інфармацыйных тэхналогій (базавы курс, 50 гадзін: MS Excel, MS Access);

III узровень – паглыбленыя курсы для гісторыкаў (Гістарычная інфарматыка, 68 гадзін), архівістаў (Архіўная інфарматыка, 68 гадзін), музеязнаўцаў (Музейная інфарматыка, 68 гадзін);

IV узровень – спецыяльныя курсы для гісторыкаў і архівістаў ў рамках спецыялізацый «Гістарычная інфарматыка» і «Архіўная інфарматыка» па 466 гадзін кожная.

Змест вучэбных праграм быў ўвасоблены ў вучэбна-метадычных комплексах (ВМК) [10, 11], курсах і канспектах лекцый, матэрыялах да лекцый, вучэбна-метадычных дапаможніках [2, 3, 6, 8], электронных падручніках, вучэбных комплексах кантролю ведаў, прадстаўленых у электронным выглядзе на серверы факультэта, на базе сеткавай адукацыйнай платформы eUniversity, лакальна на CD, традыцыйна на папяровым носьбіце і камбінавана. Пры працы з комплексамі задзейнічаны міжпрадметныя сувязі, што дае магчымасць замацоўваць і паглыбляць веды, атрыманыя па іншых курсах. Дзеянне ВМК падтрымліваецца распрацаванай тэхналогіяй навучання, у аснове якой найноўшыя метады навучання, кантролю ведаў і самастойнай працы студэнтаў.

Аўтарамі распрацавана канцэнтрычная мадэль спецыялізацыі, згодна з якой на першым этапе чытаюцца спецкурсы па асновах прымянення ІКТ у гістарычным даследаванні і адукацыі, на другім – спецкурсы па выкарыстанні канкрэтных метадаў і на трэцім – студэнты ўжываюць атрыманыя кампетэнцыі для дыпломнага даследавання.

Змястоўны бок мадэлі ўключае спецкурсы па апрацоўцы і аналізу гістарычных тэкставых, структураваных масавых і выяўленчых крыніц; па асновам алгарытмізацыі, праграмавання, кампутарнага картаграфавання; па выкарыстанні матэматыка-статыстычных метадаў у гістарычным пазнанні; па мадэляванні гістарычных аб'ектаў у прастору і часе; аб'ектна-арыентаванаму праектаванню, па выкарыстанні ІКТ у гістарычнай адукацыі.

Укараненне новых ІКТ у навуку і адукацыю стварыла перадумовы для абнаўлення змястоўна-мэтавых і тэхналагічных бакоў навучання будучых спецыялістаў. Сучасныя мэты і каштоўнасці адукацыі вызначылі новыя падыходы да распрацоўкі і прымянення тэхналогій навучання. Для падрыхтоўкі студэнтаў, якія спецыялізуюцца па Гістарычнай інфарматыцы, выкарыстоўваюцца

наступныя метады і тэхналогіі: модульна-рэйтынгавае і рознаўзроўневае навучанне; практныя і гульнявыя тэхналогіі; індывідуальны і дыферэнцыраваны падыход да навучання; сістэма поўнага засваення ведаў; партфоліо; элементы дыстанцыйнага навучання.

Такім чынам, ствараюцца ўмовы, якія набліжаюцца да рэальных, мадэлююцца сістэма адносін, якая ўласцівая для будучай прафесійнай дзейнасці. Больш за тое, веды і ўменні засвойваюцца ў прафесійным кантэксце, што спрыяе актывізацыі і ўдасканаленні самастойнай працы студэнтаў, ініцыюе іх творчую дзейнасць, развівае прафесійную накіраванасць асобы будучага спецыяліста.

Так, яшчэ ў 1990 г. на гістарычным факультэце БДУ былі абаронены дыпламы па кампутарных тэхналогіях навучання гісторыі; распрацаваны і ўкаранёны ў навучальны працэс электронныя навучальныя дапаможнікі. З 1991 г. плённа працуе студэнцкая навукова-даследчая лабараторыя (СНДЛ) «Гісторыя і кампутар». Калі ў 1991 г. упершыню з'явіліся апублікаваныя работы па Гістарычнай інфарматыцы студэнтаў гістарычнага факультэта, то за 2002–2011 гг. колькасць публікацый студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў на разнастайных канферэнцыях і ў навуковых зборніках перавысіла лічбу 150.

У групе студэнтаў, якія спецыялізуюцца па Гістарычнай інфарматыцы, рэалізоўцца практнае навучанне. Дзякуючы практам складзена калекцыя, у аснову якой увайшлі электронныя адукацыйныя практы (ЭАП) – дыпломныя працы.

Лепшыя ЭАП былі ўкаранёны на гістарычным і на іншых факультэтах БДУ, школах і ВНУ рэспублікі і за яе межамі, апрабаваны на разнастайных канферэнцыях, майстар-класах, дэманстрацыях і прэзентацыях ад студэнцкай аўдыторыі да курсаў падрыхтоўкі рэктарскага рэзерву ў Рэспубліканскім інстытуце вышэйшай школы [12, с. 160].

Студэнты, магістранты, аспіранты, што ўдзельнічалі ў курсах, сталі: прызёрамі конкурсу на лепшыя працы студэнтаў – Грант БДУ за 2005–2010 гг.; пераможцамі рэспубліканскага конкурсу навуковых работ студэнтаў ВНУ Рэспублікі Беларусь 2007–2009 гг.; лаўрэатамі рэспубліканскіх конкурсаў навуковых работ студэнтаў па гуманітарных, сацыяльна-эканамічных навуках; лаўрэатамі Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па сацыяльнай падтрымцы адораных навучэнцаў і студэнтаў;

дыпламантамі Міжнародных моладзевых навукова-практычных канферэнцый.

Імі распрацаваны звыш 130 ЭАП, больш за 300 – укаранёны ў навучальны працэс школ і ВНУ Беларусі, Расіі і Украіны; лепшыя праекты ўвайшлі ў Рэспубліканскую электронную БД студэнцкіх навукова-даследчых работ.

У цэлым, студэнтамі-выпускнікамі па спецыялізацыі Гістарычная інфарматыка абаронена больш за 100 дыпламаў. Што тычыцца тэматыкі дыпломных даследаванняў, то на працягу ўсяго перыяду самымі папулярнымі тэмамі былі: выкарыстанне Інтэрнэт-тэхналогій, стварэнне электронных падручнікаў, тэхналогіі БД, распрацоўка тэставых кантралюючых комплексаў; менш папулярная група тэм, звязаных з электроннымі табліцамі, колькаснымі метадамі і тэарэтычнымі выкладкамі, вучэбна-метадычнымі комплексамі, мультымедыя-тэхналогіямі, мадэляваннем і ГІС-сістэмамі.

Шэсць студэнтаў, якія спецыялізаваліся па Гістарычнай інфарматыцы, сталі кандыдатамі гістарычных навук, працягваюць даследаванні 5 аспірантаў і 4 магістранта. Выпускнікі працуюць у БДУ, Інстытуце гісторыі НАНБ, у Беларускім навукова-даследчым цэнтры электроннай дакументацыі, архівах і музеях Рэспублікі Беларусь.

Безумоўна, у рамках гістарычнага факультэта БДУ немагчыма ахапіць усе напрамкі развіцця Гістарычнай інфарматыкі. Але з вышэйсказанага ясна, што беларуская Гістарычная інфарматыка мае трывалы падмурак, на аснове якога праводзіцца змена адукацыйнай парадэгмы, мадыфікуецца склад і змест курсаў па ІКТ, адкрываецца новы напрамак спецыяльнасці. Упершыню ў СНД у ліпені 2011 г. Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь у рамках спецыяльнасці Гісторыя (па напрамках) ўведзены напрамак — гістарычная інфарматыка (1-21 03 01-07) з дзвума спецыялізацыямі «Інфармацыйныя сістэмы і тэхналогіі ў гістарычнай адукацыі» (1-21 03 01-07 01) і «Інфармацыйныя сістэмы і тэхналогіі ў гістарычных даследаваннях» (1-21 03 01-07 02). Па дадзеным напрамку ўжо змогуць навучацца студэнты, што паступяць у 2012 г. Па выніках навучання будзе прысвойвацца кваліфікацыя «Гісторык-аналітык. Выкладчык гісторыі і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін».

Вывучэнне ІКТ дазваляе будучым спецыялістам у належнай меры падрыхтавацца да працэсу атрымання, назапашвання і пера-

дачы гістарычных ведаў. Прыцягненне ІКТ для аналізу гістарычных дадзеных дае ім магчымасць ўкараніць і ў будучую навуковую, і ў выкладчыцкую дзейнасць у гістарычнай навуцы разнастайныя тэхналогіі, метады і прыёмы.

1. Балыкіна, Е. Н. Историческая информатика. / Е. Н. Балыкіна/ Праграмы агульных курсаў: Для студэнтаў гіст. фак. Спец. 1 -21 03 01 «Гісторыя». У 3 ч. Ч. 3 / Рэд. савет: А. А. Яноўскі, С. М. Ходзін, В. В. Сяргеенкава. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 192–206.

2. Балыкіна, Е. Н. Компьютерное педагогическое тестирование: теория и практика : учеб.-метод. пособие (с приложением CD) / Е. Н. Балыкіна, Д. Н. Бузун. – 2-е изд. – Минск : РИВШ, 2011. – 104 с.

3. Балыкіна, Е. Н. Историческая информатика. Вводный курс: учебно-метод. пособие для лабораторных занятий по историческим специальностям высших учебных заведений / Е.Н. Балыкіна, Т. С. Петрушина, В. Н.Сидорцов. – Мн.: БГУ, 1994. – 62 с.

4. Балыкіна, А. М. Гістарычная інфарматыка. Праграма для вышэйшых навучальных устаноў / А.М. Балыкіна, Ё.Н. Сідарцоў// Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 3. – С. 113–120.

5. Историческая информатика (Информатика для исторических специальностей): учеб. пособие/ В. Н. Сидорцов [и др.]; под ред. Бородкина Л. И. и Сидорцова В. Н. – Минск: ЗАО «Веды», 1998. – 316 с.

6. Колеснева, О. В. Историческая информатика. Обработка и анализ текстовых, статистических и структурированных исторических источников: учебно-метод. пособие для студентов 4 курса исторического факультета / О. В. Колеснева, О. Л. Липницкая. – Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова, 2002. – 58 с.

7. Коляго, О. В. Практика использования гипертекстовых систем на факультете истории и социологии Гродненского государственного университета / О. В. Коляго // Информационные ресурсы, технологии и модели реконструкции исторических процессов и явлений: [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.aik-sng.ru/node/261>. – Дата доступа: 10.10.2011.

8. Липницкая, О. Л. Историческая информатика. Базовый курс: учебно-метод. пособие для лабораторных занятий по историческим специальностям высших учебных заведений / О. Л. Липницкая, Е. Н. Балыкіна. – Мн.: БГУ, 1994. – 64 с.

9. Липницкая, О. Л. Основы информатики и информационные технологии / О. Л. Липницкая, Е. Н. Балыкіна, Е. Э. Попова // Праграмы агульных курсаў: Для студэнтаў гіст. фак. Спец. 1-21 03 01 «Гісторыя». У 3 ч. Ч. 1 / Рэд. савет: А. А. Яноўскі (старш.), С. М. Ходзін, В. В. Сяргеенкава. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 393–402.

10. Липницкая, О. Л. Обработка и анализ статистических и структурированных исторических источников средствами электронных таблиц и систем управления базами данных. Базовый курс: учебно-метод. комплекс по исторической информатике / О. Л. Липницкая, Е. Э. Попова. – Мн.: БГУ, 2002. –168 с.

11. Основы информатики и информационные технологии: учебно-метод. комплекс для студ. ист. фак.: в 2 ч. Ч. 1 / Е. Э. Попова, Ю. Ю. Тагирова, Н. Н. Садова; Ч. 2 / Е. Н. Балыкіна, Е. Э. Попова, Д. Н. Бузун. – Минск: БГУ, 2008. – 96 с.

12. Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 16—17 нояб. 2006 г., Минск / редкол. В. В.Сергееenkova (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Изд. Центр БГУ, 2006. – 351 с.

Балыкіна Алена Мікалаеўна, Ліпніцкая Вольга Львоўна (дацэнт),
Папова Алена Эдуардаўна, Бузун Дзмітрый Мікалаевіч – Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт.

УДК 378(930.5)

А. М. Балыкіна, І. Л. Грыбко

ВЫКАРЫСТАННЕ МЕТАДА ІТ-ПРАЕКТА Ў АДУКАЦЫІ І ВЫХАВАННІ СТУДЭНТАЎ-ГІСТОРЫКАЎ

Раскрыты магчымасці і аўтарскі досвед выкарыстання метада ІТ-праекта ў падрыхтоўцы спецыялістаў-гісторыкаў.

Адна з галоўных задач вышэйшай школы – «навучыць вучыцца», што азначае не толькі прапанаваць веды студэнтам, але заахвоціць да самаўдасканалення, выклікаць зацікаўленасць у набыцці ведаў. У адукацыі ўсё больш заўважны тэндэнцыі перамяшчэння акцэнта з метадаў, якія забяспечваюць рэпрадукцыйнае засваенне ведаў, да метадаў і тэхналогій, дазваляючых здабываць веды самастойна, фарміраваць кампетэнцыі, спрыяць развіццю асобы ў сучасным інфармацыйным грамадстве. Прыярытэты сучаснай сусветнай педагогікі накіраваны на фарміраванне адукацыйнай мадэлі, арыентаванай на развіццё асобы з улікам існуючых інтарэсаў і духоўных каштоўнасцяў грамадства.

Мадэль адукацыі, арыентаваная на асобу, патрабуе адаптацыі новых ідэй, новых тэхналогій і практык да навучальнага працэсу. На першае месца паступова выходзіць непасрэдна дзеянне вучэння, а не дзеянне выкладання ведаў. У новых умовах выкладчыку адводзіцца іншая роля, але ад таго не менш значная, чым раней. Задача выкладчыка – арганізаваць самастойную пазнавальную дзейнасць студэнтаў, навучыць здабываць веды і ўжываць іх на практыцы. Для вырашэння гэтай задачы неабходны тэхналогіі, якія дазваляць атрымаць самастойна веды з разнастайных крыніц, сістэматызаваць атрыманыя веды, сфарміраваць уласную пазіцыю, аргументавана адстойваць яе, выкарыстоўваць раней набытыя веды ў якасці метада для атрымання новых ведаў.

Засваенне і абагульненне гатовых ведаў пры такой мадэлі выступае не мэтай, а адным з сродкаў інтэлектуальнага развіцця

асобы. Інтэлектуальнае і маральнае развіццё моладзі набывае ўсё большае значэнне для нашага грамадства, якому неабходны самастойныя, творчыя, крытычна думачыя асобы. Такім чынам, усё выступае за тое, каб рабіць студэнта цэнтральнай дзеючай асобай навучальнага працэсу.

Сярод разнастайных педагагічных інавацый, якія спрыяюць паспяховаму вырашэнню гэтых задач, вылучаюцца наступныя:

- модульнае навучанне;
- тэхналогія фарміравання крытычнага мыслення;
- практны метад;
- групавая дзейнасць (collaborative or cooperative learning);
- навучэнне праз тэхналогію «кейсаў» (пакет задач для прыняцця рашэнняў);
- адукацыя на падставе сацыяльнага ўзаемадзеяння і некаторыя іншыя [12, с. 15].

Сярод адукацыйных тэхналогій, якія спрыяюць раскрыццю творчага патэнцыялу студэнтаў, фарміраванню ўласнай грамадскай пазіцыі, набыццю навыкаў навуковай працы, станючым чынам вылучаецца метад праектаў [3, с. 194].

Метад праектаў узнік у другой палове XIX ст. у ЗША і спачатку выкарыстоўваўся ў сельскагаспадарчых школах, а пазней быў пераняты агульнаадукацыйнымі ўстановамі. Вытокі метада праектаў звязаны з вучэннем амерыканскага філосафа і педагога Дж. Д'юі і яго вучня і паслядоўніка В. Х. Кілпатрыка. Падмуркам адукацыйных праграм яны лічылі вопыт, практычную дзейнасць вучня, заснаваных на яго інтарэсах і існуючай рэчаіснасці. У пачатку XX ст. аб метадазе праектаў ужо ведалі і ў Расійскай дзяржаве. Так, у 1905 г. група даследчыкаў пад кіраўніцтвам педагога С. Т. Шацкага пачала актыўна выкарыстоўваць метад праектаў у практычнай дзейнасці. Некаторы час у 1920-я г. гэты метад прымяняўся і савецкай адукацыйнай сістэмай, але потым ад яго адмовіліся. У сучасных умовах інфармацыйнага грамадства цікавасць да метада праектаў павялічылася. Работа з праектамі займае значнае месца ў сістэме вышэйшай адукацыі, дазваляе студэнту атрымаць веды, якія ён не можа набыць традыцыйнымі метадамі навучання. З пункту гледжання педагагічных тэхналогій праект павінен мець практычную запатрабаванасць, вырашаць у той ці іншай ступені актуальныя праблемы, дазваляць студэнту

вучыцца ў адпаведнасці са сваімі здольнасцямі, садзейнічаць развіццю творчай дзейнасці [5, с. 120].

Асновай адукацыйнага праекта з'яўляецца самастойная мэтанакіраваная даследчая дзейнасць студэнта. У выніку такой тэхналогіі студэнт атрымлівае навыкі планіравання навуковай дзейнасці і выканання задач праблемнага характара, выкарыстоўвання агульнанавуковых метадаў пазнання.

Метад праектаў выступае перспектыўнай адукацыйнай тэхналогіяй з пункту гледжання арганізацыі самастойнай і каманднай працы студэнтаў у межах асобнай тэмы, праблемы вывучаемай дысцыпліны. Пашыраецца поле дзейнасці студэнтаў: праектаванне, кіраванне, арганізацыя, праграмаванне і інш [11, с. 6]. Метад праектаў можа выступаць альтэрнатывай, а можа дапаўняць традыцыйную лекцыйна-семінарскую сістэму адукацыі.

Метад ІТ-праектаў, сярод іншых інавацый, шырока і даволі паспяхова прымяняецца на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Метад ІТ-праектаў – адукацыйная тэхналогія, якая ўяўляе сістэму прыёмаў і спосабаў авалодання пэўнымі практычнымі і тэарэтычнымі ведамі праз дэталёвую распрацоўку праблемы. Завяршае гэту дзейнасць пэўны практычны вынік (праект), які афармляецца тым ці іншым чынам [7, с. 15].

Сярод іншых інфармацыйных тэхналогій метады ІТ-праектаў для падрыхтоўкі будучых гісторыкаў вылучаюцца шэрагам прывабных характарыстык. Па-першае, ён спрыяе яркаму, эмацыянальнаму ўспрымання інфармацыі. Па-другое, значна пашырае кола гістарычных крыніц (у тым ліку відэа, аўдыякрыніц), якія вывучае студэнт. Па-трэцяе, істотна паглыбляе веды студэнтаў па асобным тэмам, праблемам курса, робіць атрыманыя такім шляхам веды больш устойлівымі і асэнсаванымі.

У паспяховасці вынікаў прымянення гэтага метады вялікую ролю адыгрывае ўзровень узаемадзеяння выкладчыка і студэнтаў на розных этапах падрыхтоўкі і рэалізацыі праектаў. Акрамя таго, неабходна ўлічваць ступень аб'яднання, з'яднанасці малой групы студэнтаў, іх здольнасць да калектыўнай працы, а таксама асабістую зацікаўленасць студэнтаў у будучых выніках працы, што ў нейкай меры можа стымулявацца з боку выкладчыка.

Працяглы вопыт прымянення ІТ-праектаў ў адукацыйным працэсе на гістарычным факультэце дазваляе зрабіць пэўныя

высновы. Большасць ІТ-праектаў, выкананых студэнтамі, з'яўляецца калектыўнымі. Індывідуальныя праекты, тым больш паспяхова рэалізаваныя, сустракаюцца даволі рэдка. У асноўным гэта з'ява абумоўлена неабходнасцю вылучыць шмат часу на пошук інфармацыйнага матэрыялу, ілюстрацый і інш., іх сістэматызацыю, афармленне самога праекта. Калектыўная дзейнасць дазваляе студэнтам не толькі скараціць час выканання праекта, але выканаць заданне больш грунтоўна, творча, а таксама суаднесці сваё бачанне тэмы з меркаваннямі іншых ўдзельнікаў творчай групы. Пераважная частка праектаў, выкананых студэнтамі, мае інфармацыйны ці даследчы характар. З прадметна-змястоўнага боку асноўную частку складаюць манапраекты, прысвечаныя розным гістарычным тэмам, але сустракаюцца і міждысцыплінарныя праекты па гуманітарным навукам.

Важным этапам практнай дзейнасці з'яўляецца выбар тэмы і вызначэнне мэты праекта. Поспех будучай працы шмат у чым залежыць ад удалага спалучэння навуковых захапленняў студэнтаў і зместу вучэбнай дзейнасці. Практыка паказала ўстойлівую цікавасць студэнтаў да выканання ІТ-праектаў ваеннай і героіка-патрыятычнай тэматыкі. Сярод эфектыўна рэалізаваных праектаў гэтай тэматыкі варта ўзгадаць Flash-дэманстрацыю «Грунвальдская бітва», даследчы праект «Беларусь в годы Первой мировой войны» [10, с. 138], электронныя вучэбныя дапаможнікі «Минское гетто», «Беларусь в Великой Отечественной войне» [1, с. 20; 6, с. 152], «Брестская крепость – страницы истории» [15], электронныя адукацыйныя рэсурсы «Политика геноцида немецких оккупационных властей на территории Беларуси» [8, с. 159], «Антыфашысцкі супраціў на Беларусі (1941 – 1944 гг.)», «Операция Багратион», электронны каталог «Герои Советского Союза. Партизаны и подпольщики Беларуси» і іншыя.

Дэталёвая распрацоўка кожнай тэмы дазваляе студэнтам знайсці, вылучыць, сістэматызаваць вялікі інфармацыйны і даведачны матэрыял, стварыць візуальнае эмацыянальнае ўспрыманне праекту. Напрыклад, у Flash-дэманстрацыі «Грунвальдская бітва» прадстаўлены схемы і карты розных этапаў знакамітай бітвы, змешчаны інфармацыйны матэрыял з розных крыніц аб падзеях Вялікай вайны з Ордэнам. У праекце змешчаны цікавы і разнастайны ілюстрацыйны матэрыял, у тым ліку, аб рэканструкцыі бітвы.

Аб магчымасцях ІТ-праектаў у ажыццяўленні навукова-даследчай дзейнасці і ваенна-патрыятычным выхаванні студэнтаў яркая сведчыць электронны навучальны дапаможнік «Брестская крепость – страницы истории». Праект дае магчымасць пазнаёміцца з вялікім і разнастайным інфармацыйным матэрыялам аб абароне і гісторыі крэпасці. У дапаможніку прадстаўлена 16 карт, інтэрактыўная карта крэпасці, змешчана 12 дакументальных крыніц. Істотна ўзбагацілі праект шматлікія фатаздымкі ўдзельнікаў гераічнай абароны, а таксама 427 розных ілюстрацый па тэме праекта. Узмацняюць эмацыянальнае ўспрыманне праекта 7 відэафрагментаў, відэафільм, успаміны абаронцаў крэпасці і відавочцаў гэтых падзей. Такое шматмернае вывучэнне тэмы істотна пашырыла веды студэнтаў аб Вялікай Айчыннай вайне, акрамя таго студэнты атрымалі навыкі работы з разнастайнымі гістарычнымі крыніцамі. Рэалізаваны праект, безумоўна, яркая сведчыць аб асабістай грамадзянскай пазіцыі аўтараў да разглядаемай праблемы.

Вывучэнне гісторыі немагчыма без выхавання пачуцця павагі да мінулага свайго народу, яго культурных і маральных каштоўнасцяў. Прыемна адзначыць, што побач з гераіка-патрыятычнай і ваенна-патрыятычнай тэматыкай значную цікавасць сярод студэнцкай моладзі выклікаюць ІТ-праекты, прысвечаныя розным аспектам нацыянальнай гісторыі. Вызначальнымі рысамі такіх праектаў выступаюць багаты ілюстрацыйны матэрыял, арыгінальныя ідэі ў афармленні праекта, заўважнае пазітыўнае стаўленне да разглядаемай праблемы. У такіх праектах выкарыстоўваецца шмат матэрыялаў, падрыхтаваных непасрэдна самімі студэнтамі: ўласныя фатаздымкі архітэктурных аб'ектаў і рэчаў інтэр'ера, запісаныя аўдыа- і відэаматэрыялы. Тэматыка ІТ-праектаў па нацыянальнай гісторыі вельмі разнастайная. Яна ахоплівае пытанні этнічнага, сацыяльнага і эканамічнага жыцця народа, канфесійную і палітычную гісторыю Беларусі, развіццё мастацкай культуры, музыкі.

Вялікую цікавасць уяўляюць выкананыя па тэхналогіі ІТ-праектаў электронныя вучэбныя дапаможнікі «Шедевры иконописи Беларуси XII–XVIII вв.», «Развитие железных дорог в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.» [4, с. 183], «Кірмашы Беларусі», «Замковое строительство Беларуси XIII–XVII вв.» [2, с.

397], адукацыйна-асветніцкія праекты «Православная архітэктура Беларусі», «Роль одежды в обрядах белорусов (конец XIX – начало XX вв.)», «Вытворчасць шкла на Беларусі ў XVIII ст.», мультымедычныя даведачнікі «Мужской костюм высших слоев общества ВКЛ», «Костелы Западной Беларусі», «Гатычная архітэктура Вялікага княства Літоўскага», «Культурное наследие Минска: история и современность» [13, с. 28]; электронны каталог «Дворцовая архитектура Беларусі» [9, с. 401], электронная калекцыя гарадской сімволікі «Гражданская геральдика Беларусі», электронны адукацыйны рэсурс «Беларуская культура: «нашаніўскі» перыяд (1906–1915 гг.)», электронныя дапаможнікі «Гісторыя і літаратура Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст.», «Живопись Беларусі XIX в.», электронны адукацыйна-забаўляльны праект «Батлейка» і іншыя.

Маляўнічы праект «Шэдэўры іконописи Беларусі XII–XVIII вв.» дае магчымасць візуальнага знаёмства з 75 абразамі – выбітнымі помнікамі беларускай школы іканапісу. Акрамя таго, ён прапаноўвае грунтоўны тэрміналагічны слоўнік, імяны паказальнік, альбом карт цудадзейных абразоў і датаваных помнікаў жывапісу. У мэтах замацавання ведаў, атрыманых ад праекта, былі падрыхтаваны звыш 500 чатырохузроўневых тэставых заданняў.

Междысцыплінарны праект «Кірмашы Беларусі» гаворыць не толькі аб гісторыі кірмашовага гандлю ў Беларусі, але таксама аб фарміраванні і стане купецкага саслоўя, гандлёвых шляхах і абаротах, прадметах гандлю. Кірмашы разгледжаны таксама як сацыяльны і культурны феномен у жыцці беларускага народу. Матэрыялы праекта красамоўна распавядаюць аб кулачных бойках, выступленнях скамарохаў і прадстаўленнях вярцепаў, што адбываліся пад час кірмашоў. У праекце змешчаны інтэрактыўная карта кірмашоў Беларусі, шмат табліц і ілюстрацый, літаратурныя і мемуарныя крыніцы аб развіцці гандлю. Праект багата аздоблены. Асноўны матэрыял удала дапоўнены відэафрагментамі, тэматычным музычным афармленнем. У мэтах самакантролю і замацавання матэрыялу прапанаваны заданні рознай складанасці, у тым ліку, у форме гульні.

Падобныя праекты выклікаюць добрыя ўражанні, задавальненне вынікамі працы саміх студэнтаў. Трэба адзначыць, што ІТ-праекты па нацыянальнай гісторыі выклікаюць зацікаўленасць, і

лепшыя з іх шырока выкарыстоўваюцца ў арганізацыі вучэбнага працэсу ў школах, на розных факультэтах БДУ, а таксама ў іншых вузах. Шэраг праектаў, у тым ліку створаных студэнтамі, паспяхова дэманстраваліся на рэспубліканскіх адукацыйных выставах, міжнародных семінарах і канферэнцыях.

Вялікая ўвага ў БДУ накіравана на фарміраванне пачуцця павагі да гісторыі роднага ўніверсітэта і яго традыцый. Да 90-годдзя БДУ калектывам выкладчыкаў і супрацоўнікаў быў падрыхтаваны навучальны дапаможнік «Універсітэцкае мастацтва», да якога метадам ІТ-праектаў зроблены электронны дадзатэк [16]. Электронны рэсурс складаецца з некалькіх раздзелаў: электронны вэб-паказчык персаналій, стужка часу (электронная стужка часу), вэб-галерэя (інтэрактыўны паказ слайдаў у фарматах HTML і 3D), замацаванне і кантроль (230 тэставых заданняў і 18 картаграфічных заданняў), электронны вэб-даведнік сістэмы вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь, тэматычная прэзентацыя па ўніверсітэтах Еўропы, электронная кніга з вучэбным матэрыялам. Таксама быў створаны дыдактычны модуль сайта Музея гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Ён складаецца з тэматычнага матэрыяла залаў музея з графічным суправаджэннем, адукацыйнага модулю-гульні з элементамі рэлаксацыі (адукацыйныя скрыжаванкі, інтэрактыўная тэст-мазаіка і іншыя) [14, с. 179].

Метад ІТ-гістарычных праектаў мае некаторыя рызыкі і абмежаванні. Да гэтага неабходна аднесці ступень авалодання сучаснымі інфармацыйнымі тэхналогіямі выкладчыкаў і студэнтаў. Другім абмежаваннем для грунтоўнага раскрыцця тэмы і рэалізацыі праекта можа выступіць недастатковы ўзровень тэарэтычнай падрыхтоўкі студэнтаў. Негатыўным фактарам пагражае стаць нізкі ўзровень камунікатыўных сувязяў унутры малай студэнцкай групы, створанай для выканання праекта. Між іншым, папярэдняя прапрацоўка гэтых рызыкаў, дакладнае вызначэнне тэмы і зместу праекта, выкарыстоўванне творчага патэнцыялу студэнтаў дае шырокія магчымасці прымянення метада ІТ-праектаў як у адукацыйнай, так і выхаваўчай дзейнасці.

У вывучэнні гістарычных дысцыплін ІТ-тэхналогіі павялічваюць магчымасці эфектыўнага дасягнення дыдактычнай мэты, а таксама садзейнічаюць станаўленню асобы. Сучасныя адукацыйныя тэхналогіі дазваляюць паспяхова спалучаць паз-

навальную дзейнасць і выхаванне студэнтаў. Метад праектаў патрабуе ад выкладчыка не толькі высокай кваліфікацыі, але і творчага падыходу да праграм, зместу курса, добрых арганізацыйных здольнасцяў, сістэматычнай індывідуальнай працы са студэнтамі.

1. Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин). Материалы II (Второй) Международной научной конференции, 1–2 декабря 2011 г. – Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2011. – 480 с.

2. Ананевич, Е. А. Кейс–технологии дистанционного обучения (на примере исторических дисциплин) / Е. А. Ананевич, М. Д. Ахрамович // Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века: Материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., 10–12 нояб. 2004 г. – Мн.: БГУИР, 2004. – С. 396–398.

3. Балыкина, Е. Н. Проектные технологии – ведущие технологии становления профессиональной компетентности историка-педагога / Е. Н. Балыкина // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», № 34: Материалы X конф. АИК, Москва, 12–14 мая 2006 г. / Изд-во Тамбовского ун-та; редкол.: Л. И. Бородкин [и др.]. – М., 2006. – С. 194–196.

4. Балыкина, Е. Н. Электронное учебное пособие «Развитие железных дорог Беларуси»: психолого-педагогические аспекты / Е. Н. Балыкина, И. Л. Грибко, О. Н. Боровская // Технологии информатизации и управления: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: П. А. Мандрик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 182–187.

5. Балыкина, Е. Н. Электронные учебные материалы СНИЛ «История и компьютер» Белгосуниверситета в контексте проектного обучения / Е. Н. Балыкина, Д. Н. Бузун // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» / Москов. гос. ун-т; редкол.: Л. И. Бородкин, И. М. Гарскова. – М.: Азбука, 2006. – № 33. – С. 118–139.

6. Высшая школа: проблемы и перспективы: Материалы 10-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 10 нояб. 2011 г. В 2 ч. Ч. 2. – Минск: РИВШ, 2011. – 318 с.

7. Горлицкая С. И. Проектно-компьютерное обучение / С. И. Горлицкая // Компьютерные инструменты в образовании. – 2001. – № 5. – С. 15–25.

8. Докунова, Е. Н. Методы устной истории на примере опроса бывших детей-узников фашизма в электронном образовательном проекте «Политика геноцида германо-фашистских оккупационных властей на территории Беларуси (1941–1944 гг.)» / Е. Н. Докунова // Состояние и развитие методологических исследований в исторической науке Республики Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: А. Н. Нечухрин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – С. 159–162.

9. Кандыба, И. А. Электронные учебные материалы для дистанционного обучения (на примере темы «Дворцовая архитектура Беларуси») / Кандыба И. А., Докунова Е. Н. // Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века: Материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., 10–12 нояб. 2004 г. – Мн.: БГУИР, 2004. – С. 401–403.

10. Кандыба, И. А. Электронный ресурс «Беларусь в годы Первой мировой войны» как пример использования методологического подхода при создании образовательных проектов / И. А. Кандыба // Состояние и развитие методологиче-

ских исследований в исторической науке Республики Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: А. Н. Нечухрин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – С. 138–144.

11. Метод проектов: сб. науч.-метод. ст. / Центр проблем развития образования БГУ; РИВШ БГУ; редкол.: М.А.Гусаковский (общ. ред.), Ю. Э. Краснов (автор-составитель) и др. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. – 240 с.

12. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат [и др.]; под ред. Е. С. Полат. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.

13. Скакун, Л. С. Модель содержательного и программного элементов электронного путеводителя «Культурное наследие Минска: история и современность» / Л. С. Скакун [и др.] // Новые технологии в образовании – 2005 – № 4. – С. 28–32.

14. Скакун, Л. С. Обучающий ресурс сайта музея исторического факультета белорусского государственного университета / Л.С. Скакун // Применение новых технологий в образовании: Материалы XVI Междунар. конф., 28–29 июня 2005 г. / МОО Фонд новых технологий в образовании «Байтик». – Троицк, 2005. – С. 179–180.

15. Трусов, А. М. Электронное средство обучения «Брестская крепость – страницы истории» / А. М. Трусов // Информационные технологии в общем среднем образовании [Электронный ресурс]: материалы Республ. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 дек. 2008 г. – Электрон. дан. и прогр. (330 Мб). – Минск, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

16. Яновский, О. А. Университетоведение / О. А. Яновский [и др.] [Электронный ресурс]: электронное приложение к учебно-методическому пособию. – Электрон. дан. и прогр. (256 Мб). – Минск: БГУ, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); цв.

Грыбко І. Л., Балыкіна А. М. – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

УДК 378.14

Т. М. Прудко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Описаны современные воспитательные технологии в героико-патриотическом воспитании студенческой молодежи. Предлагаются новые подходы в использовании материала по истории Великой Отечественной войны. Содержится опыт применения этих технологий в ГрГУ им. Я. Купалы.

Условия жизни молодого поколения сегодня определяются демократизацией общества, свободой мнений, реформированием

правовой системы, расширением сети общественных объединений. Вместе с тем на становление и развитие их взглядов оказали и оказывают значительное влияние негативные процессы социально-экономических потрясений последних десятилетий, слепое копирование западного образа жизни и культуры, появление деструктивных организаций, сект. Учитывая это, важно правильно выбрать пути формирования условий для гражданского становления, духовно-нравственного, патриотического воспитания подростков и молодежи, поскольку именно становление патриотической культуры ведет к достижению стабильности в обществе, упрочению правового государства. Однако сокращение часов по педагогическим дисциплинам привело к тому, что студенты педагогических специальностей не имеют возможности приобрести навыки методически грамотно собрать и подготовить материал для проведения воспитательных мероприятий в школе. Педагоги-воспитатели школ испытывают дефицит в методическом обеспечении воспитательного процесса в целом и в методике проведения воспитательных мероприятий на современном уровне, как требует сегодня «Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи 2011–2015 г.». Школьники остро нуждаются в формировании патриотических знаний, чувств, поступков.

О важности приобщения учащихся к культуре своего народа написано много, поскольку обращение к отеческому наследию воспитывает уважение, гордость за землю, на которой живешь. Поэтому молодежи необходимо знать и изучать культуру своих предков. Именно акцент на знание истории народа, его героическом и трагическом прошлом поможет в дальнейшем с уважением и интересом относиться к историческим традициям своего Отечества.

Патриотическое воспитание сегодня рассматривается как специально организованный и управляемый целенаправленный процесс развития патриотических чувств, формирования патриотического сознания и поведения детей и учащейся молодежи. Патриотическими ценностями являются любовь к своей земле, своему народу, своему языку, гордость за отечественную историю, народных героев, память человечества о безымянных героях, дань уважения им. В интеллектуальной сфере перед педагогами стоит задача сформировать объем, глубину действенность знаний о войне, мире, Родине, долге, справедливости, об ответственности за себя и судьбу

страны, о смерти как прекращении жизни, о ценности жизни, предназначении мужчины как воина-защитника, о поступке одного человека в контексте общественных событий. Необходимо наиболее точно передать воспитаннику и закрепить в его сознании информацию об исторических событиях военного времени и сформировать у него необходимое отношение к этой информации. Твердую уверенность в правильности, истинности предлагаемой информации он почувствует только тогда, когда будет сам изучать и опираться на научные, проверенные факты, подтвердит ее у авторитетных людей, выяснит в процессе анализа документов, мемуарной литературы, активном общении, обмене мнениями.

Но одних знаний недостаточно, чтобы воспитать патриота. Необходимо обеспечить и мотивационную сферу, т.е. правомерность и обоснованность отношения к моральным нормам: бережное отношение к человеку, смысл жизни, правдивость. Этот процесс возможен, когда он соприкасается с эмоциями. В эмоциональной сфере необходимо формировать характер нравственных переживаний, связанных с нормами или отклонениями от норм и идеалов: жалость, сочувствие, благодарность, стыд, возмущение, негодование, гордость, доброту, честь, совесть, уверенность в справедливости поступков защитников Родины.

Здесь важно воспитателю уметь воздействовать на психику слушателя, обращать некоторые факты, доводы, выводы к чувствам. Логически правильные аргументы могут оказаться недостаточными, если не затронут чувства, не остановят внимания, не заденут интересов воспитанников. Чтобы учащиеся слушали воспитателя внимательно и с интересом, размышляли, мысленно искали под его руководством собственные решения проблем и приходили к верным выводам, деятельность самого педагога должна быть очень эмоциональной. В волевой сфере важны нравственно-волевые устремления в реализации нравственных поступков: мужество, смелость, выносливость, честь, самоотверженность. Здесь нужно использовать систему положительных примеров, призванных служить им образцом для подражания, основой для формирования идеала.

История Великой Отечественной войны сохранила для потомков огромное количество таких примеров героизма во время оккупации и освобождения Белоруссии от коричневой чумы. В предметно-практической сфере участникам педагогического про-

цесса необходимо развивать способность совершать нравственные поступки – в данном случае помощь ветеранам, уход за могилами и памятниками воинам, изготовлении подарков, участие в акциях «Милосердие», «Поиск», содействие благу Родины, участие в акциях против войн и насилия как элементу жизни современного человека. Общеизвестно, что правильно организованная деятельность педагога: ее направленность, характер, построение, организация – оказывает большое воспитательное влияние на формирование будущего патриота. Данная деятельность должна быть правильно дозирована, достаточно длительной, стабильной. Организация воспитательной работы данного направления призвана вестись на протяжении всей учебы, быть разнообразной по содержанию и формам. Она должна быть доступной для учащихся, чтобы занятие ею приносили удовлетворение, и в то же время характеризоваться нарастающей трудностью.

Для решения этих задач в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы реализуется проект «Патриотическая молодежь – процветающее государство». Целью данного проекта является следующее.

Для студентов: создание условий для повышения интереса к педагогической профессии; включение в процесс осознанного формирования патриотических чувств, сознания и поведения студенческой молодежи; приобретения навыков работы с историческим материалом; развитие умений методически грамотно использовать научную литературу, художественное творчество, музыкальное сопровождение, технические и наглядные средства в рекомендациях по подготовке и проведению воспитательных мероприятий; совершенствование умений в правильном выборе форм организации воспитательных мероприятий.

Для педагогов-воспитателей: получения качественного информационного и методического материала, помогающего на практике осуществлять задачи патриотического воспитания.

Для учащихся школ: участие в проведении мероприятий патриотического содержания по предлагаемым методикам помогут им стать активными гражданами республики Беларусь. История Великой Отечественной войны сегодня неоднозначно привлекает молодое поколение, ориентированное жизнью на совершенно другие темы. Чтобы обратить ее внимание на значимость изучения

военного исторического прошлого своего народа, необходимо усиленное педагогическое взаимодействие, взаимовлияние участников педагогического процесса через призму своей индивидуальности, личного опыта жизнедеятельности. Иначе говоря, использование интерактивных методов организации воспитательной деятельности, позволяющих активно использовать и диалог, и самостоятельную деятельность, совместную кропотливую работу в поисках желаемого и создания оригинального творческого продукта. Для этого необходимо создать возможность для каждого участника иметь свою индивидуальную точку зрения при любой рассматриваемой проблеме (полилог).

Это достигается правом выбора всеми воспитанниками интересующего материала из арсенала истории военных событий и явлений огненных, героических и трагических лет. Для этого студентам предлагается большое многообразие исторических источников, исследований, мемуаров. Из них они выносят на рассмотрение актуальные сегодня темы, такие как: помощь поработленным фашизмом странам в освобождении от захватчиков, «Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну», цена Победы над врагом «В земле солдат намного больше, чем на Земле», история трагических судеб участников событий тех лет «Герои без звезд», «Городам как людям от войны досталось», «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...», грамотная оценка роли личности в истории «Гитлер – это не прикольно!», возможных последствий войны, «Пространство без народа» «Верните награбленное, господа!» «Пусть идет народ со всех сторон, кому учиться ненависти надо!», галерея памяти 1941 году «Глубокие страдания безмолвны» и другие.

Для того, чтобы заинтересовать студентов таким непривычным для них видом творчества, необходимо использовать методы создания благоприятной атмосферы. Помогает коммуникативная атака, где честно высказываются все аргументы «за» и «против» в выборе той или иной проблемы, обсуждается ее воспитательная ценность, авторская оригинальность своего видения той или иной формы подачи материала.

В процессе создания работ предлагается активный диалог педагога с авторами разработок. В проведении консультаций специалистов предполагается помощь в формировании своего образа мысли, видения проблемы, своего пути решения задачи, преодоления конформизма в суждении.

Важным на этом этапе становится организация мыслитель-ной самостоятельной деятельности, самостоятельное применение научных методов исследования проблемы, знаний психологии и пе-дагогике. Результатом этих действий является рождение собствен-ного взгляда на предмет изучения и применения для создания своей творческой работы. Важным в подготовке методических разработок является и полная свобода выбора, а порой и рождение новых форм организации предлагаемых воспитательных мероприятий.

В совместной творческой деятельности родились такие актив-ные формы как мужской разговор, всенародный оплот, интеллекту-альная дуэль, боевой десант, шокотерапия, движение в защиту «Со-храним награды деда», режиссерская мастерская, театр контраста, откровенный разговор, типография славных дел, героический ка-лендарь, музей разрушенных городов, героическая фамилия, и дру-гие. Качество создаваемой разработки зачастую зависит от актив-ного использования методов организации обмена деятельностями, сочетании индивидуальной и совместной работы.

Для создания ситуации успеха студентам ежегодно предла-гается выступление перед ветеранами войны, офицерами воору-женных сил, педагогами, студентами на межвузовской научно-практической конференции, посвященной проблемам изучения истории Великой Отечественной войны на секции «Патриотиче-ской воспитание на материалах истории Великой Отечественной войны» с презентациями своих работ. Лучшие работы удостоены памятных подарков, награждены дипломами, денежными премия-ми, возможностью публикации. Все это создает оптимистичный на-строй и желание продолжить свою творческую работу по созданию новых разработок. Такая усиленная работа мысли, чувства, души и воли имеет свои воспитательные результаты. Активное участие молодежи в проекте позволяет формированию у них устойчивых патриотических качеств, появлению качественных методических разработок воспитательных мероприятий нового поколения. Но главным достижением является создание условий для развития па-триотических качеств будущих специалистов.

Этапами проекта стали разработка положения конкурса [1, с. 202], подготовка памятки для студента, работающего над методической разработкой, уточнение ресурсов и затрат на ор-ганизацию и проведение конкурса, совещание с заместителями

деканов по идеологической и воспитательной работе по проведению конкурса; инструктаж с кураторами студенческих групп по повышению мотивации и интереса у студентов в данном проекте; проведение конкурса на факультетах; работа членов жюри; выступление победителей факультетского конкурса на студенческой научно-методической конференции в секции «Патриотическое воспитание молодежи на материалах истории Беларуси», публикация разработок.

Прежде чем браться за разработку, необходимо выявить совместно со студентами, какие воспитательные цели и задачи будет преследовать разрабатываемое воспитательное мероприятие. От правильно сформулированной цели зависит содержание материала, который ляжет в основу сценария. Для того, чтобы выбрать тему, необходима кропотливая работа со студентами. Следует изучить их креативные возможности, их уровень образованности, их умение «видеть» будущее мероприятие со стороны.

Первый шаг – выбор темы. Предлагая темы, следует обратить внимание, насколько актуальна данная проблема, которая будет подниматься, как пошагово можно ее решать, какие источники информации помогут им в поисках материала, какое количество воспитанников будет задействовано в вашем планируемом мероприятии, какие средства можно и реально использовать в достижении цели. Важным в предстоящей работе является найти и предложить удачные для данной формы методы воспитательного воздействия на молодежь. Предложить поразмышлять, как изменится на их взгляд ситуация после проведения данного мероприятия в школе, вузе? В подготовительной работе по созданию разработки необходимо четко знать, для какого возраста собирается данный материал. Это заставит студентов еще и еще раз обратиться к имеющимся знаниям по психологии и педагогики возраста. Важным в создании разработки явится и выбор формы организации воспитательного мероприятия. Итак, проблема обозначена, цель и задачи определены, возраст ясен, форма вырисовалась. Следует приступать к содержательной части. Современному студенту намного проще обратиться к услугам Интернета, но здесь существует опасность шаблона, поверхности материала. Следует нацелить будущих специалистов на словари, монографии, журнальные статьи, художественную литературу, кино и видеоматериалы. Этот этап самый трудный в

создании разработки, но когда материал собран, можно приступить к следующему шагу.

Второй шаг – распределение материала. Здесь важно соблюдать логику изложения, помнить, что содержание имеет свою фабулу, кульминацию, финал. На данном этапе продумывается, кто будет потенциальным участником, в каких они предстанут ролях, какие виды деятельности им придется выполнять.

Третий шаг – шлифовка материала. Материал расставлен. Проверяем, насколько он убедителен, ярок, нет ли перегрузок или повторов. При необходимости нужно добавлять или убирать лишний материал (рассказы, песни, стихи, вопросы к конкурсам, просмотр киноматериала и т.д.). Здесь важно учесть продолжительность проведения Вашего мероприятия.

Четвертый шаг – тщательно планируем ресурсы данного мероприятия. На этом этапе предстоит пофантазировать, какие костюмы и другой реквизит нужен, как необходимо оформить то помещение, где планируется мероприятие, какое видео и аудиосопровождение будет решать воспитательные задачи по формированию чувств воспитанников. Пришло время всесторонне продумать, какие рисунки, схемы, фотоматериалы могут быть предложены в методической разработке.

Пятый шаг – оформление. Автором предложен алгоритм оформления данных разработок с учетом форм, возраста, содержания материала. Методическая разработка оформляется в соответствии с требованиями. После этого осуществляется работа по созданию ее презентации.

Результатом проекта являются готовые разработки, помогающие классным руководителям, кураторам студенческих групп в проведении мероприятий патриотического характера. В 2000 г. было опубликовано учебное пособие «Грамадзянскае выхаванне», полностью состоящее из лучших студенческих методических разработок. Сборник был рекомендован как учебное пособие для системы образования. Это единственное пока издание, подготовленное силами самих студентов, так высоко оцененное Министерством образования. Лучшие методические материалы данного проекта активно использовались в учебном пособии «Система патриотического воспитания в вузе», изданном в 2010 г. коллективом педагогов ГрГУ им. Я. Купалы [1].

1. Прудко, Т. М. Система патриотического воспитания студентов в вузе / О. М. Дорошко, Т. М. Прудко, Т. А. Бадюкова, А. К. Гецевич, Е. С. Потько. – Гродно: ЧПУП «Издательство «Ламарк», 2010. – 352 с.

Прудко Татьяна Михайловна – доцент Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

УДК 94 (4) (075)

Г. В. Васюк

ПЕРВОЕ БЕЛОРУССКОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В статье проведено исследование первого национального учебного пособия по истории средних веков для средних общеобразовательных школ Республики Беларусь. Главное внимание обращено на его концептуальные основы и содержательную сторону. В выводах отмечается, что, несмотря на ряд недостатков, это пособие соответствовало тогдашнему уровню знаний по истории средних веков.

Важное место в работе белорусских медиевистов занимает проблема школьного учебника по истории средних веков. Она носит широкий характер и волнует не только учёных-историков, педагогов, но широкие слои педагогической общественности. На протяжении последних двух десятилетий проведено много «круглых столов», написано множество статей и рецензий на учебники и учебные пособия. Однако до настоящего времени отсутствуют крупные обобщающие исследования по проблеме школьного учебника по истории и истории средних веков, в частности. Это можно объяснить тем, что ещё не устоялись оценки и современные подходы к содержанию школьного учебника и методике его написания.

До начала 90-х г. XX в. Беларуси не было собственных учебников по истории средних веков для школ и вузов. Школьные учителя и вузовские преподаватели использовали советские учебные издания. В частности, в средних общеобразовательных школах по истории средних веков использовался многократно переиздаваемый в Советском Союзе, получивший Государственную премию в 1973 г. учебник Е. В. Агибаловой и Г. М. Донского [1]. Он был безальтернативным учебником для школ и в целом соответствовал тогдашнему уровню развития медиевистики и методики препода-

вания истории средних веков. Данный учебник в его новом издании по-прежнему используется в школах (особенно сельских) в Российской Федерации.

Для вузов в советское время был издан целый ряд учебников и учебных пособий различных авторов. Среди них наибольшей популярностью у студентов и преподавателей пользовался учебник под редакцией С. Д. Сказкина. Советские учебники для школ и вузов были построены в соответствии с марксистско-ленинской методологией исторического процесса. Средние века рассматривались как период господства феодальной социально-экономической формации. Период средневековья охватывал время от падения Западной Римской империи (476 г.) до начала Английской революции (1640 г.).

Следует отметить, что в советское время истории средних веков более повезло, чем другим историческим дисциплинам. Связано это с достаточно большой дистанцией между ними и современностью. Кроме того, о средних веках в значительно меньшей степени писали классики марксизма-ленинизма, особенно В. И. Ленин. Историки-медиевисты в советское время в отличие от историков, занимавшихся отечественной историей, работали с зарубежными источниками и исторической литературой. Это давало им возможность знакомиться с западноевропейскими и мировыми тенденциями в медиевистике, иметь более свободы для концептуального маневрирования, хотя и в рамках марксистско-ленинской идеологии.

Создание независимого белорусского государства, формирование национальной системы образования требовало разработки собственной учебной и методической литературы, которая должна была соответствовать европейским и мировым стандартам, учитывать традиции и национальное своеобразие.

Современный школьный учебник – это массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных и иных особенностей. Школьный учебник должен выполнять четыре традиционные функции: информационную, систематизирующую, обучающую, воспитательную.

Каким станет современный учебник истории, зависит от целей и задач преподавания этого предмета в школе. Ученики должны не только знать даты и факты, но и иметь навыки работы с источни-

ками, анализировать, описывать, объяснять, сравнивать исторические версии и оценки, аргументировать свою точку зрения, уметь работать с различной информацией. Значит, современный учебник надо рассматривать именно с этих позиций. Школьный учебник является сегодня и источником знаний, и важнейшим средством, с помощью которого учитель развивает мышление, учит анализу, осмыслению материала, самостоятельному поиску доказательств, помогает вырабатывать собственную точку зрения. Учебники сегодня – не только носители информации, знаний. Надо учить, как с ними учиться. Для будущего детей приобретение этого навыка имеет решающее значение.

Как же в свете вышесказанного смотрятся белорусские школьные учебники по истории средних веков? Первые учебные пособия по истории средних веков для школ в Республике Беларусь были выпущены в 1993 г. [2]. Подготовлены были два варианта пособия – на русском и белорусском языках. Разработали данные пособия преподаватели исторического факультета БГУ В. А. Федосик, И. О. Евтухов, Л. П. Сушкевич, О. А. Яновский. Концептуально первое белорусское пособие по истории средних веков отличалось от советских учебников. В его основу был положен цивилизационный подход. В обращении авторов к учащимся было отмечено, что «в 6 классе вы будете изучать историю средневековых цивилизаций, это значит историю общества, каждое с которых имело свою религию (или религии), язык (или языки), материальную и духовную культуру, государственный строй» [2, с. 3].

Цивилизационный подход исключал столь характерный для предыдущего времени примат экономики над так называемыми «надстроечными явлениями». Для формационного подхода характерна жесткая привязка любых исторических явлений к способу производства, системе экономических отношений. Исторический процесс рассматривается, прежде всего, под углом зрения становления и смены способа производства: решающее значение в объяснении исторических явлений отводится объективным, неличностным факторам, а основному субъекту истории – человеку – отводится второстепенная роль. Человек предстает в той теории лишь как винтик мощного объективного механизма, движущий историческое развитие. Таким образом, принижается человеческое, личностное содержание исторического процесса, а вместе с ним – и духовных факторов исторического развития.

Экономический фактор авторами первого белорусского пособия по истории средних веков не игнорировался. Однако он стал всего лишь одной из равноправных составляющих исторического процесса. Это позволило разработчикам пособия более глубоко и всесторонне охарактеризовать средневековье. Исторический процесс в данную эпоху приобрел антропологическую направленность. Средневековая история рассматривается сквозь призму деятельности людей, а не отвлечённых «измов» и «народных масс».

Формационный подход абсолютизирует роль конфликтных отношений, в том числе и насилия, в историческом процессе. Исторический процесс в этой методологии описывается преимущественно через призму классовой борьбы. В советских учебниках по истории средних веков значительное место отводилось истории социальных движений, религиозной борьбы, которые, согласно материалистическому пониманию истории, постепенно подтачивали феодальное общество и готовили почву для его смены другим, более прогрессивным, буржуазным.

В первом белорусском пособии по истории средних веков рассматриваются наиболее значительные восстания в истории средневековой Европы XIV в.: Жакерия и восстание Уота Тайлера. Они даются в рамках темы по истории Франции и Англии XIV–XV вв. Авторы пособия основную причину данных восстаний связывают с ухудшением положения населения Англии и Франции в период Столетней войны. В учебном пособии также указывается на ряд восстаний в Китае («жёлтых повязок», восстание сарбердаров в Иране и Средней Азии XIV в., восстание в Делийском султанате.

Важным изменением в подходе к историческому процессу в первом белорусском учебном пособии по истории средних веков было включение истории России во всеобщую историю. Таким образом, средневековая история стала рассматриваться как единый поток возникновения, развития и смены цивилизаций, она действительно стала всемирной.

С начала 90-х г. XX в. в Республике Беларусь изменилась периодизация истории средних веков. В советское время средние века начинались с 476 г., падения западной Римской империи, и оканчивались 1640 г. – началом Английской революции. Авторы учебного пособия изменили данную периодизацию. Они стали понимать под средними веками для Западной Европы период с 476 по 1492

г. Таким образом, произошло возвращение к периодизации истории средних веков, которая существовала до 1917 г.

Однако в отношении истории России и восточных цивилизаций окончание средних веков относится к середине XVII в. На наш взгляд, это вполне оправданно. Например, в странах Востока на рубеже XVI–XVII вв. **никаких существенных изменений не произошло**. Это же касается и истории России. Известно, что она значительно отставала в развитии от передовых стран Европы (Англии, Франции, Италии). Например, в России в середине XVII в. только оформилась личная зависимость крестьянства, а в данных странах Западной Европы её уже не существовало. Мануфактуры в России также возникли позже, чем в Западной Европе.

Подход к периодизации истории средних веков для стран Востока и России с точки зрения «долгого средневековья» представляется вполне обоснованным. В таком случае удаётся хотя бы частично избежать «европоцентризма» в изучении истории средних веков. В то же время авторы не подчеркнули, что дата 476 г. как начало средних веков весьма условно может быть применима к истории Китая, Индии и других стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Подчёркивая некоторые проблемы в периодизации средневековья в пособии 1993 г., невозможности её создания в глобальном масштабе, необходимо признать, что завершение средних веков для стран и народов Западной Европы в конце XV в. **возвращало белорусскую медиевистику в общеевропейскую**, где всегда доминировала данная точка зрения.

В соответствии с концепцией пособия и принятой периодизацией учебный материал разделён на 41 параграф. Первому периоду истории средних веков (раннему средневековью – конец V–IX вв.) отведено 11, второму (высокое средневековье – X–XIII вв.) – 19, **третьему** (позднее средневековье – XIV–XV вв.) – 11 параграфов. По объёму материала параграфы в достаточной степени соизмеримы. В начале каждого раздела даются общие характеристики периода, а затем идёт страноведческий материал. Он охватывает ряд стран западноевропейского региона (Францию, Англию), Византию, некоторые славянские страны (Польшу, Киевскую Русь и Московское

царство), Китай, Японию, Иран. Начинается характеристика стран с франкского государства Меровингов и Каролингов.

Выдвижение на первое место Франции – давняя традиция. В российской медиевистике она берёт начало от «Лекций по истории средневековья» Т. Н. Грановского [3]. Данная традиция перешла и в советские школьные и вузовские учебники. Именно на материале северной Франции она демонстрировала классическую феодальную систему средневековья, будь-то в политико-юридической форме или форме социально-экономической формации. Однако нигде за исключением северной Франции не существовало так чётко выраженной системы вассально-ленных отношений в форме иерархии земельных владений и иерархии титулов.

Каждый параграф в учебном пособии по истории средних веков завершается вопросами для повторения. После каждого раздела даётся обобщающий материал в форме «Заключения». В конце пособия приводятся основные даты по истории средних веков.

Первое белорусское пособие по истории средних веков имело ряд недостатков. В основном они вызваны краткими сроками его подготовки. Это в первую очередь касается слабости учебно-методического аппарата, что проявилось в отсутствии рисунков, карт, схем, ссылок на документальный материал, хронологических таблиц, словаря терминов и понятий и т.д. К недостаткам можно также отнести перегруженность фактами, излишний сциентизм.

В целом, первое белорусское пособие по истории средних веков для общеобразовательных школ соответствовало тогдашнему уровню развития медиевистики, возвращало нашу школу к европейским научным и научно-методическим традициям, деидеологизировало учебный процесс по истории средних веков, делало его плюралистическим.

1. Агибалова, Е. В. История средних веков: учебник для 6 класса / Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. – 24-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 285 с.

2. Гісторыя сярэдніх вякоў / І. А. Еўтухоў, Л. П. Сушкевіч, В. А. Фядосік, А. А. Яноўскі. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 271 с.

3. Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский. – М.: Издательство «Наука», 1986. – 428 с.

Васюк Геннадий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализируется подача и трактовка истории Польши в польской учебной литературе конца XX – начала XXI в.

Для любого государства история своей страны – важнейшая составляющая идеологии и воспитательной политики в отношении молодежи, фактор, способствующий консолидации общества. То есть предмет, являющийся одним из важнейших, как в школьной программе, так и на последующих этапах образования. В Польше помимо этого в силу сложившихся исторических условий история Польши и её изучение стали частью менталитета польской нации.

На особое отношение поляков к собственной истории не смогло повлиять даже изменившееся положение предмета в рамках школьной программы. Хотя и здесь наблюдается падение значимости предмета истории, ведущее к снижению уровня знаний учащихся. В тоже время на самых разных уровнях образования как историки, методологи, авторы учебников, так и другие лица, ответственные за школьные программы и учебники по истории лица делают всё возможное, чтобы ученики могли получить как можно более полные, разносторонние и качественные знания по истории своей страны.

Если взять практически каждый учебник по истории на любом уровне школы, то простейшим доказательством вышесказанного послужит процентное соотношение материалов между историей Польши и всемирной. На историю Польши отводится не менее 50 % от общего объема материала, а часто означенная выше цифра превышает, доходя до отметки в 55–60 %. Простые числа доказывают, что история Польши превалирует над всемирной, занимая главенствующую позицию [5, с. 117].

Содержательная сторона по истории Польши также выгодно отличается от всемирной. Польская история остаётся тем разделом, который излагается последовательно, в нем освящаются все периоды и в том объёме, который позволяет говорить о возможно-

сти получения учениками целостной картины истории своей страны. Выпадает из этого только первый этап изучения истории, в начальной школе (4–6 классы). Связано это с тем, что с 1999 г., после проведения реформы, на этом уровне образования предмет история был заменен на интегрированный курс «История и общество». В результате такого изменения история оказалась в подчиненном по отношению к обществоведению положении. Этот курс призван не рассказывать об исторических событиях, персоналиях и эпохах, а скорее примерами из истории иллюстрировать обществоведение.

Возьмем учебники авторства А. Волосик для пятых-шестых классов. Цельной исторической картины в них нет, есть её отдельные эпизоды. В учебнике за 6 класс излагается история XIX–XX вв. На XIX в. отведено 10 параграфов, из них на историю Польши – 6 (очередное подтверждение её главенствующего положения над всемирной историей). В тоже время сказать о том, что такое привилегированное положение снимает с повестки дня вопрос о качестве получаемого образования, нельзя. Максимум, на что можно рассчитывать, используя данное пособие при обучении учащихся, – получение ими общих представлений об истории Польши XIX в. Помимо этого, учитывая особенности периода, это будет политическая история (войны Наполеона, восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг., борьба поляков за свои политические права в составе других государств) [9, с. 3].

Интересен с точки зрения подбора тем учебник У. Махницкого для 5 класса начальной школы по истории древнего времени. Он состоит из 42 параграфов, из них 16 тем, или 38 % материала отведено на историю древней Польши (до конца правления династии Пястов, а это уже, бесспорно, – средние века). Учебник издан в 1999 г., соответственно является переходным вариантом в условиях начавшейся реформы, где хорошо видна необходимость сократить количество часов по предмету. Была урезана даже история древнего мира, которую потеснила история Польши. В то же время хорошо видны признаки учебного пособия 1990-х гг. Политическая история всё ещё преобладает над всеми другими направлениями, в том числе историей повседневности, микроисторией (набравшими популярность и потеснившими впоследствии политическую историю). Плюсом этого учебного пособия было качественное изложение истории – политической, в первую очередь, несмотря на получение учащимися

одностороннего представления об исторических событиях [3]. Учащиеся, обучавшиеся по книгам такого типа, в большинстве своём получали хорошие систематические знания по истории и имели целостную историческую картину.

Т. Мауковски в своём учебном пособии для второго класса гимназии, изданном в конце 2000-х гг., рассматривает историю Польши от появления первого государства на польских землях в VIII в. и до разделов Речи Посполитой. Начальный этап развития польского государства представляет собой стандартный вариант, излагающийся в большинстве исторической литературы, хотя есть и особенность – особый акцент делается на историю повседневности, которая завоёвывает в Польше всё большую популярность.

Интересна интерпретация на страницах книги Кревской унии. Помимо простого описания событий, там есть и их анализ. Автор оговаривает, что от союза Польша получила лишь помощь в возврате ранее утраченных в пользу Тевтонского ордена земель, зато ВКЛ – помощь в спасении от крестоносцев, в войне с Москвой и толчок в превращении литовской культуры в европейскую [4, с. 90–91]. Любому ученику остаётся лишь сделать вывод о том, что Польша спасла ВКЛ от верной гибели и прозябания во мраке бескультурья. Дальнейшие события, в том числе и Грюнвальдская битва, изложены с той же позиции. Войско ВКЛ во главе с Витовтом представлено как вспомогательное, не сыгравшее серьёзной роли в исходе битвы. Всё, что было отведено автором на долю войска ВКЛ на страницах учебника, – первая атака лёгкой конницы и её последующее отступление. Зато действия польского войска и даже молебен Ягайло перед началом битвы описаны красочно и многословно [4, с. 94].

Более нейтрально описывается автором история Польши времен Возрождения и первого периода нового времени, хотя и здесь, даже в разделе культуры, есть свои вопросы. Особое внимание при рассмотрении деятельности гуманистов и других людей науки уделяют открытиям Н. Коперника, говоря о его открытиях в контексте общецивилизационных достижений. Несколько другую картину можно увидеть, когда речь заходит о культуре Польши в этот период. Для автора культура Речи Посполитой – это прежде всего культура Польши [4, с. 214–215]. Такая позиция не удивляет. Описывая Люблинскую унию и события, ей предшествовавшие, то есть присоединение Украины к Польше, говорится не иначе как о наибольшем бла-

ге для украинского народа, так как до этого обширные территории были «пустынны и дики», а после 1569 г. и начала их колонизации туда пришла цивилизация и культурная жизнь [4, с. 208].

Похожая интерпретация истории Польши средних веков и нового времени дана в учебном пособии Г. Войчеховского для второго класса гимназии, хотя между временем их написания прошло 10 лет. Автор также рассматривает период расцвета, «золотого века» и упадка Речи Посполитой исключительно с польской точки зрения, забывая о своих же словах о том, что это государство многих культур и народов. Учебник написан в начале 2000-х гг., что объясняет наличие отдельных нюансов. Помимо стандартного изложения материала, особое место отводится таким темам как «Шляхетская демократия» и «Речь Посполитая – государство многих культур и народов» [8, с. 4]. Параллельно с этим, только вскользь упоминается о существовавшей тогда негласной политике колонизации, несмотря на официальное равенство культур и религий. На проблему колонизации из целого параграфа отведено всего три строчки. В этом контексте также очень интересно рассмотреть, как представлена в книге Люблинская уния и события, ей предшествовавшие. Как следует из текста учебника и выводов, сделанных автором, уния была полностью добровольным союзом, заключённым двумя государствами. При этом, что интересно, Г. Войчеховски говорит о том, что депутатов со стороны ВКЛ вынудило вернуться на сейм и согласиться на унию присоединение Украины к Польше [8, с. 52–54]. Подводя итоги правления династии Ягеллонов, Люблинская уния и создание Речи Посполитой подаются как один из самых больших успехов Польши наряду с ликвидацией Ордена и завоеванием Ливонии. Обращает на себя внимание, что присоединение украинских земель к Польше к успехам не относится, воспринимаясь скорее как само собой разумеющееся воссоединение исконно польских земель. Помимо прочего автор преподносит как очевидный минус для польского государства помощь, оказывавшуюся им ВКЛ на восточном направлении, преподнося её как спасение от гибели слабого, ничемного, мало на что годного соседа, от которого поляки не видели для себя никакого проку [8, с. 55].

Особое место в истории Польши занимала и до настоящего времени продолжает занимать история России и её взаимоотношения с Польшей. Такое пристальное внимание объяснить не трудно,

ведь с конца XVIII в. и более чем на столетие большая часть территории Польши оказалась частью Российского государства, да и в XX в. их исторические пути пересеклись, так как Польша входила в сферу влияния СССР.

В освещении истории во второй половине XX в. основное внимание уделяется истории Польской Народной Республики и современной Республики Польша. Во времена ПНР многие темы, аспекты взаимоотношений, отдельные исторические персоналии были закрытыми темами («белыми пятнами» в истории) или освещались только под определенным, строго выверенным и одобренным партийным руководством углом зрения. После падения в 1989 г. коммунистического режима и прихода в Польшу к власти демократических сил ситуация в изложении истории России и ее отношений с Польшей резко изменилась [5, с. 112–114]. История двух государств в отдельности, их взаимоотношения – тема всегда актуальная, пользующаяся большим вниманием как в среде профессионалов, так и у массового читателя.

История Польши, как и любого другого государства, имеет свои взлёты, периоды расцвета и падения. Для большинства поляков история XIX–XX вв. – **особый период, который является неоднозначным и связывается как с наиболее страшными и печальными, так и героическими страницами истории государства.**

Хорошо проиллюстрировать выше сказанное можно на примере учебника автора Р. Шнеготского для второго класса лицеев и техникумов, где излагается история Польши и её взаимоотношения с Россией на протяжении XIX – **начала XX в.** Автор отличается сдержанным подходом в освещении этого периода истории, не давая ему однозначной отрицательной оценки. События восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг., безусловно, преподносятся как героические, сыгравшие в развитии и становлении поляков большую роль. В тоже время подход к рассказу о событиях совершенно объективный. Да, не умалчивается об отрицательной роль России и царя в судьбе многих поляков, но это не повествование о крови, пролитой русскими или поляками, восставших в едином порыве против угнетателей. События излагаются Р. Шнеготским последовательно на должном качественном уровне и, что немаловажно, без перегибов. К примеру, читая о восстании 1830–1831 гг., можно узнать об итогах восстания для поляков, когда многие были вынуждены эми-

грировать на Запад, а те, кто не сделал этого, оказались сосланы на многие годы в Сибирь [7, с. 63, 70–71]. Вместе с тем, в разделе, где речь идет о самом восстании и его начале, автор рассказывает о том, что далеко не все поляки поддерживали его как в начале, так и в дальнейшем. Значительная часть шляхты не просто заняла нейтральную позицию, но зачастую вставала на сторону царской России, не говоря уже о крестьянах, которые практически не принимали участия в этом восстании [7, с. 52–53]. С той же объективностью описаны и события в Польше в 1830-е гг., в период реакции и восстания 1863–1864 гг. Можно сделать вывод, что данному автору удалось придерживаться принципа объективности, при написании данного учебника.

Учебное пособие авторов М. Мильчарчыка и А. Шольца для седьмого класса базовой школы, изданное еще в 1990-е гг., можно охарактеризовать, как промежуточный вариант между двумя полюсами. Рассматривая восстание 1863–1864 гг., авторы, безусловно, освящают его как героический эпизод своей истории, имевший, несмотря на подавление восстания, положительный итог, так как восстание стало символом единения нации перед лицом врага и осознанием возможности борьбы с ним. Вместе с тем внимание уделено российским революционным силам, которые оказывали поддержку полякам, борющимся за независимость, как во время восстания, так и после его подавления (к примеру, помогая сбежать им с каторги и переправиться за границу). Авторы, таким образом, проводят своеобразную разграничительную черту между русским народом и Российским государством, негативно оценивая его карательную мощь, но не отождествляя с простыми людьми [6, с. 178, 180, 182].

Авторы обоих учебников по истории XIX в. не ограничивали рассмотрение своей страны только территорией, находящейся в составе Российской империи. История земель, вошедших в состав Пруссии и Австрии после разделов Речи Посполитой, не забыта. Учащимся предоставляются общие сведения об условиях жизни людей на тех территориях, но они очень краткие. Соотношение материалов в среднем колеблется в промежутке 1 к 7, 1 к 10. Фактически о территориях в составе Пруссии и Австрии не забыли, но они не вызывают такого интереса, как история польско-российских взаимоотношений.

Не все школьные пособия отличаются такой сдержанностью в оценках и нейтральным эмоциональным фоном. Доказательством

служит учебник автора Р. Хабельского для третьего класса гимназии, изданный в 2007 г. Внимание на год издания было обращено не случайно. Перегибы, допускавшиеся в изложении истории Польши XIX–XX вв., в 1990-е гг. легко объяснимы – страна только смогла выйти из сферы влияния интересов Москвы и их желание выплеснуть на страницы книг многие, так долго замалчиваемые «белые» пятна в истории Польши или же донести до учащихся более объективную картину событий были понятны. Учебник же Р. Хабельского несмотря на то, что был выпущен уже во второй половине 2000-х гг., никак нельзя назвать нейтральным в отражении событий в XX в. Личная оценка и отношение автора ко многим событиям очевидны. Возьмём историю Второй мировой войны, на неё из 27 параграфов учебника отведено 5 (в целом, в большинстве школьных пособий Вторая мировая война является одной из немногих тем, которой, несмотря на проблемы с нехваткой часов, уделено достойное внимание). Первый параграф под заглавием «Оборонительная война Польши 1939 г.» стандартно делится на подразделы. Очень интересно, какие названия они получили. Самый первый, рассказывающий о начале войны, – «Взрыв» войны, а вот третий – о вторжении Красной армии на территорию страны – Агрессия СССР против Польши [2, с. 96]. Ещё один красочный элемент – это иллюстрации, которыми так богаты современные учебники. В первом подразделе фотография польской армии, немецкого бомбардировщика и цветная сравнительная таблица по польским и немецким людским и техническим ресурсам. В третьем подразделе фото радостно улыбающихся советских и немецких солдат во время их встречи в Бресте, а также карикатура, где на немецкой свастике Гитлер распинает поляка, а Сталин снизу подает ему для этого молот и подпись: «Młotek? Proszę bardzo...» [2, с. 97, 99]. Ну и как последний штрих, сам текст, несущий на себе почти ощутимый негативный эмоциональный фон в подразделе об агрессии СССР. В отличие от подраздела, описывающего развязывание войны Гитлером, где о начале Второй мировой войны говорится как о свершившемся историческом факте, не более.

В том же учебнике, о котором речь шла выше, хотелось бы рассмотреть четвертый параграф по теме войны, рассказывающий о роли и месте поляков во Второй мировой войне. Основной текст параграфа насыщен информацией о польском лондонском прави-

тельстве, катынском деле, деятельности польских коммунистов и Армии Краёвой, варшавском восстании. Несмотря на это хотелось бы особо выделить задания на закрепление пройденного материала в конце темы. Одно из них, анализ исторического источника, которым выступает написанное ещё в 1944 г. Юзефом Шчепаньским стихотворение «Красная зараза», состоящее из четырнадцати четверостиший и целого ряда вопросов к нему, помогающих ученику в анализе. По своему характеру произведение является показательным в отношении поляков к России. С одной стороны, каждый варшавянин, от лица которых написано стихотворение, не забыл и хорошо помнит все беды, несчастья и унижения, которым они подвергались в период вхождения Польши в состав Российской империи. С другой стороны, они, хорошо помня об этом, готовы встречать своих «палачей, убийц и мучителей» хлебом и солью, ради тех раненых, детей и женщин, которых Красная армия еще может спасти, оказав помощь восставшей Варшаве. Подводя итог, автор говорит «смерть нам не страшна – умеем умирать», но память о таком равнодушии к судьбе города не забудется. Эти слова и стали своеобразной характеристикой отношений между двумя государствами во второй половине XX в. В отдельности эти факты, возможно, и не создают мрачную картину, но когда ими насыщены тексты всего учебника, Россия воспринимается исключительно как враг польского государства, а, как известно, такие вещи детьми воспринимаются легко [2, с. 132 – 133].

Как мы видим, единого мнения по вопросу изложения и интерпретации истории Польши в школьной учебной литературе нет. На протяжении уже более чем 20 лет идет поиск и попытки выработать оптимальный вариант подхода к такой сложной проблеме. Не способствует её быстрому разрешению и отсутствие единых программ и учебных пособий. Результат такой ситуации – возможность поиска каждым учебным заведением или даже преподавателем истории своего оптимального варианта.

1. Edukacja w perspektywie integracji Europy: Praca zbiorowa / pod red. M. Ochmanska. – Warszawa: WSiP TWP, 2001. – 24 s.

2. Habielski, R. To dopiero historia! Podręcznik dla gimnazjum. Klasa 3 / R. Habielski. – Warszawa: Nowa Era, 2007. – 263 s.

3. Machnicki, J. Dawne dzieje. Historia dla klasy 5. Podręcznik / J. Machnicki. – Kielce: Kielecka Oficyna Wydawnictwa PW «MAC» SA, 1999. – 144s.

4. Małkowski, T. Historia. Podręcznik dla klasy II gimnazjum / T. Małkowski, J. Rzeźniowiecki. – Gdańsk: GWO, 2010. – 277 s.

5. Maternicki, J. Edukacja historyczna młodzieży. Problemy i kontrowersje u progu XXI wieku / J. Maternicki. – Toruń: INOK, 1998. – 186 s.

6. Milczarczyk, M. Historia 7. W imię wolności / M. Milczarczyk, A. Szolc. – 7-e wyd. – Warszawa: WSiP, 1998. – 320 s.

7. Śniegocki, R. Historia od kongresu wiedeńskiego do I wojny światowej. Podręcznik dla II klasy liceum ogólnokształcącego, liceum profilowanego i technikum część 2 / R. Śniegocki. – Warszawa: Nowa Era, 2008. – 256 s.

8. Wojciechowski, G. Historia: Podręcznik do gimnazjum klasa II / G. Wojciechowski. – Poznań: ARKA, 2000. – 240 s.

9. Wołosik, A. Historia: opowiem ci ciekawą historię. Podręcznik dla uczniów klasy 6 szkoły podstawowej / A. Wołosik. – Warszawa: Wydawnictwo Edukacyjne Zofii Bobkowskiej, 2001. – 137 s.

Сукова Людміла Аляксандраўна – Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы» (г. Минск).

ЧАСТКА 3

МЕХАНІЗМ ФОРМУВАННЯ ІСТОРИЧНОЇ СВІДОМОСТІ ГРАМАДСТВА. ШЛЯХІ ПОПУЛЯРИЗАЦІЇ І ПРАКТИЧНЕ ПРИМАНЕННЯ ІСТОРИЧНИХ ВЕДЬ

УДК 930.1

М. В. Мартен

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭПОХИ

Раскрыты воспитательный потенциал исторического сознания, обусловленность сознания реалиями нашей эпохи и вытекающие из этого задачи историков.

Важнейшей функцией истории является функция социальной памяти. Ценность знаний о прошлом осознавалась уже в древнем мире. Древневосточные правители увековечивали свои деяния в многочисленных надписях. Для римского гражданина считалось достойным занятием написание исторических трудов наряду с занятиями политикой, правом, сельским хозяйством, т.е. с важнейшими сферами жизни общества. Гордость за великое прошлое и необходимость ему соответствовать была неотъемлемой частью «римских ценностей», римского патриотизма.

Давно замечено, что интерес людей к прошлому возрастает в кризисные, переломные моменты развития общества. Формируется специфическая форма общественного сознания, основанная на знаниях, их интерпретации и связанных с ними убеждениях, отношении к историческому прошлому; рассматриваются его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможное влияние на будущее. Достаточно полное определение исторического сознания дано членом-корреспондентом РАН Ж. Т. Тощенко: «...совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присутствующем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [1, с. 3–4].

Наряду с понятием «историческое сознание» употребляется понятие «историческая память». Что объединяет эти понятия и что различает? Историческое сознание основывается как на систематизированных знаниях, получаемых в системе образования, так и на неупорядоченных, случайных (получаемых через средства массовой информации, художественную литературу, окружающих). Представления о прошлом в историческом сознании могут быть весьма размыты, не систематизированы, более традиционны. Историческая память представляется более высоким уровнем исторического сознания. Прежде всего, она четче и точнее выделяет отдельные, воспринимаемые как наиболее важные, исторические события. Выбор этих событий или процессов часто связан с современными событиями и процессами, и таким образом осуществляется актуализация истории.

В такой избирательности исторической памяти заложена оценка событий, ценностный подход к ним, который формируется на основе современной ценностной системы. И если в деятельности ученого-историка ценностный подход должен сочетаться с научным принципом объективности, то в коллективной исторической памяти оценочные суждения преобладают. Более того, на их основе часто формируется эмоциональное отношение к прошлому, которое помогает достигать поставленных целей, воспитывать историю.

В этой связи представляет интерес процесс формирования средневекового рыцарского романа. Многие ранние романы – еще не рыцарские, так как в них отсутствует важнейший компонент – описание взаимоотношений героя и его возлюбленной. Они относятся к античному циклу, т.е. отражают сюжеты, почерпнутые из античных легенд, мифов, событий древней истории. Излюбленный персонаж таких романов – Александр Македонский. Во второй половине XII в. после нескольких вариантов сложился наиболее законченный и совершенный образец франкоязычной «Александрии». Однако интересно заметить, что во всех версиях романа об Александре не было почти ничего от судьбы реального царя Македонии. В соответствии с формирующейся в то время куртуазной культурой перед читателем предстал не полководец и правитель древности, а утонченный рыцарь. Появляется ряд подобных произведений, в которых мифологизируется история: «Роман о Фивах», «Роман о Трое», «Роман об Энее». Это служило самоутверждению

рыцарского сословия, отражало его претензии на преемственность со славным прошлым. Причем эта преемственность устанавливалась как бы вне религиозного идейного пространства, без учета того, что восхваляемые герои являлись язычниками.

В эпоху Возрождения авторитет истории был общепризнанным. Величие прошлого представало в деяниях знаменитых мужей древности. Как отметил известный немецкий исследователь культуры эпохи Возрождения Якоб Буркгардт, «...все мысли итальянцев настойчиво устремляются к высоким подвигам, достойным похвалы современников и вечной славы в потомстве» [2, с. 140]. Жажда славы нарушала одну из главных христианских заповедей смирения, покаянного сознания собственного ничтожества. Но, вопреки предписаниям религии, творцы Возрождения стремятся к мирской славе. Создается новый символ почитания – увенчание поэта лаврами. Слава, признание становятся неотъемлемой частью полноты земной жизни. Ренессансный индивидуализм сопровождался повышенным вниманием к историческим личностям. В исторических хрониках и географических сочинениях авторы сообщали о выдающихся людях. Ученые того времени были проникнуты местным патриотизмом и не упускали случая доказать права своего родного города на какую-нибудь древнюю знаменитость. Именно тогда получила развитие биографическая литература [2, с. 144].

Во времена Шекспира занятия историей рассматривали как проявление интеллектуальных способностей и почетное гражданское служение обществу. В начале нового времени зарождающаяся ранняя буржуазия – «новое дворянство» – видела в истории прикладную, практическую ценность. Она представлялась школой политики, сокровищницей опыта, открывающей универсальные принципы власти, суверенитета. Исторические знания считали почти обязательной предпосылкой человеческого преуспеяния и счастья. Объективные причины такого обращения общественно-го сознания к истории – переломный, кризисный характер эпохи, острые социальные конфликты.

В Англии XVI в. к истории обращались и верхи, и бюргерство, третье сословие. Дворяне подчеркивали, что их родовое право было историческим правом. Исторические знания рассматривались как необходимая предпосылка изучения всех других наук и искусств, как условие нерушимости привилегий. Джентльмен мог

мало смыслить во всех других науках, но его будущая карьера члена парламента, оратора, мирового судьи требовала хотя бы общих знаний по истории. На историю он ссылался, находил необходимые примеры, выражения и т. п. [3, с. 15–20].

«Средний класс», городские слои, в недрах которых формировалась буржуазия, считали историю лучшим средством для овладения политическим опытом правящего класса, для воспитания гражданственности, сословного и индивидуального воспитания.

В разные времена историческое сознание отражалось в творчестве писателей и драматургов, которые, даже владея историческими фактами, отбирали и интерпретировали их в соответствии со своими собственными или традиционными представлениями. Тем не менее, им удавалось воссоздать дух эпохи, реконструировать прошлое часто полнее и ярче, чем историкам, которые опирались на исторические источники. В чем причина этого? В литературных произведениях внутри грандиозных исторических событий действуют люди со своими надеждами, целями, привязанностями. Это могут быть и короли, и их слуги. Но именно происходящее с ними и в их душе, показанное автором, помогает глубже представить значение исторических событий.

Показательны исторические хроники Шекспира. Как великий драматург обходился с историческими фактами? За основу пьес он брал не столько факты, сколько устойчивое представление об этих фактах, исторических событиях и деятелях. Шекспир точен, если речь идет о тенденциях времени, о том, куда и как движется английская история. В его пьесах разворачивается картина подъема Англии, роста ее державной мощи и величия. Особенной правды и выразительности Шекспир достигает в типах прошлого, в изображении характеров минувших времен. Это художественный историзм [3, с. 122].

В поисках нового ракурса исторического знания современные историки ставят задачу высвободиться из-под груза политико-экономических и социологических теорий, чтобы сделать историю наукой об общественном человеке, который изменяется во времени. По словам Жака Ле Гоффа, историка должны интересовать не только намерения Цезаря, но и настроения солдат его легионов, и не одни лишь планы Колумба, но и надежды моряков на его каравеллах. Именно в таком направлении развиваются история повседневности, гендерная история, устная история. Антропологически

ориентированная история способствует формированию более глубоких, многомерных знаний о прошлом, развивает историческое сознание.

Персонафикация истории является неоспоримой особенностью исторической памяти. Она концентрируется как на отдельных событиях, так и на отдельных личностях, формируя оценку их деятельности в соответствии с тем, что представляется наиболее важным в данный период. Показательна в этом отношении оценка личности Юлия Цезаря. Культ Цезаря сложился главным образом в средние века. Наибольшее впечатление производила мученическая смерть Цезаря и его последующее обожествление (появление кометы над Римом). На воображение людей сильно действовала аналогия с Христом. Однако позже, в **XVII и XVIII веках, в европейской публицистике** господствовали идеи республики, и Цезарь не пользовался симпатией. Возрождению цезарианского культа в XIX в. способствовало преклонение перед сильными личностями – Наполеоном и Бисмарком. После поражения революций 1848–1849 гг. в европейских странах надеялись на стабильность под эгидой популярного монарха. С целенаправленной деятельностью выдающегося политика – Бисмарка – немцы связывали надежды на объединение Германии. Не случайно наиболее восторженную оценку личности и деятельности Цезаря дали немецкие историки Друман и Моммзен.

Значение исторического сознания для формирования общественных настроений и убеждений в кризисные периоды хорошо представляли себе власть предержащие. Яркий пример из новейшей истории – возвращение в суровые годы Великой Отечественной войны в историческую память народа по воле Сталина Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Федора Ушакова и др. В знаменитом фильме «Иван Грозный» царь-тиран предстает как радетель государственных интересов, что оправдывает его беспощадные расправы с корыстными боярами. Аналогия очевидна: оправдание политических процессов и расправ над оппонентами Сталина.

В 1990-х г. в Российской Федерации проводились социологические исследования, направленные на анализ состояния исторического сознания. Опрашиваемые должны были определить наиболее значительные исторические события для судеб народа, важнейшие события XX в., предмет (эпоху) национальной гордости и т.п. Опро-

сы проводились в 1990 г. и 1996 г. Сравнение их результатов показало, что историческое сознание весьма устойчиво, несмотря на определенные колебания в официальной политике российской власти в этот период и многочисленные попытки пересмотреть историю России. В сознании и исторической памяти населения продолжают оставаться как наиболее значительные одни и те же исторические периоды – период реформ Петра I и Екатерины II, **отмена крепостного права**, русские революции XX в. [1, с. 4–5]. Не изменились и основные параметры массовых установок по отношению к важнейшим событиям XX в., несмотря на резкие колебания в официальной пропаганде. Октябрьская революция в историческом сознании и в 1990 г., и в 1996 г. представлена как знаменательная веха, как поворот в мировой истории. Однако ее оценка по оси «положительно – отрицательно» серьезно изменилась.

Интересно сопоставить историческое сознание разных народов при оценке одних и тех же событий, определявших их судьбу. В таких случаях нередко одни и те же факты интерпретируются по-разному, налицо переплетение рационального и эмоционального восприятия прошлого. Часто из таких эмоциональных убеждений рождаются исторические мифы, которые очень трудно преодолеть. Так, обычные войны средневековых княжеств и государств за приграничные территории выдавались некоторыми историками чуть ли не за факты национально-освободительной борьбы, преувеличивалось их историческое значение. Битва под Оршей 1514 г., несмотря на свой значительный масштаб, так и не привела ВКЛ к успеху в войне за Смоленск с Московской державой. Однако она стала для некоторых деятелей Белорусского народного фронта символом национальной гордости в силу того, что в ней русское войско потерпело поражение. Более того, эта победа ВКЛ использовалась для формирования антирусских настроений в современной политической борьбе. В то же время эмоционально положительно оценивается территориальная экспансия ВКЛ – походы Ольгерда на Москву, расширение территории государства в южном направлении и т.п.

Апелляция к истории широко используется в политических целях. Так, «голодомор» на Украине в 1933 г. некоторыми политиками и историками представляется как геноцид украинского народа, хотя жестокие меры сталинского режима осуществлялись тогда вовсе не по национальному признаку. Известно, как всколыхнула

польское общество трагическая катастрофа самолета с правительственной делегацией на борту, происшедшая в 2010 г. под Смоленском. Многие консервативно настроенные политики и обычные граждане в Польше называли эту катастрофу «второй Катынью» и усматривали в ней злую волю российских служб госбезопасности.

В последние десятилетия появилась возможность по-новому взглянуть на многие события прошлого. Преодолевается подход к истории белорусских земель как некой периферии более сильных государств. Утверждается право белорусского народа на равноправие в семье европейских народов, значимость его вклада в общее историко-культурное наследие.

В связи с этим большой интерес представляет анализ исторического сознания населения Беларуси. Одна из центральных проблем истории белорусских земель – создание ВКЛ. Существует несколько концепций, в том числе традиционная трактовка образования ВКЛ литовскими князьями в результате завоевания и подчинения местного населения. Доказано, что до середины XV в. литовские феодалы играли решающую роль в жизни державы. В конце XIV в. в высшем государственном органе – паны-раде ВКЛ литовцев было 84 %, белорусов – 9 %; во второй четверти XV в. литовцев – 67 %, белорусов – 17 %. Все князья ВКЛ были литовского происхождения. Государственной религией был католицизм, который литовцы приняли после заключения Кревской унии, в то время как славяне были православными [1, с. 4–5]. Однако в исторической памяти народа не сохранилось никаких впечатлений о литовских князьях как о завоевателях, о насилии и борьбе с врагами. Литовцы являлись в ВКЛ национальным меньшинством, составляя ¼ часть населения. Соотношение территориального и этнического компонентов в пользу древнерусской народности (которая постепенно трансформировалась в белорусскую, русскую и украинскую народности) стало главным аргументом для части историков, считающих ВКЛ белорусско-литовской державой. Согласно концепции М. Ермаловича, не литовская знать захватила русские земли, а наоборот, белорусские княжества присоединили к себе Литву и основали ВКЛ. Эта концепция приобрела много сторонников в момент получения Беларусью государственной независимости. Однако большинство ученых-специалистов с ней не согласны, так как ей противоречат многие исторические факты. Тем не менее, общепризнано, что в объединении литовского и белорусского на-

родов в единое государство существовал взаимный политический интерес. Вхождение в состав ВКЛ не воспринималось белорусскими княжествами как результат литовской агрессии. Трудно предположить относительно более ранних правителей, но Витовт сегодня воспринимается как выдающийся деятель национальной истории, а не как завоеватель. Он был свой, местный, защищал интересы местного населения, отстаивая самостоятельность ВКЛ, в котором этническое большинство составляла формирующаяся белорусская народность.

Внимание историков оправданно привлекает и период Реформации, распространения идей ренессансной культуры, когда белорусские земли развивались в общем контексте европейской истории. Уроженцы Беларуси оказывали заметное влияние на распространение новой культуры в Российском государстве (первопечатник Петр Мстиславец, позднее – Симеон Полоцкий, Илья Копиевич и многие другие).

В условиях современных кризисных тенденций в мировой экономике усиливается внимание белорусского государства к защите экономического суверенитета, развитию промышленного потенциала страны. Приоритетное развитие приобретает подготовка специалистов прикладного направления, связанных с инновационными технологиями, и это правильно. Однако нельзя забывать, что без чувства своих исторических корней такие специалисты могут искать работу по принципу «Отечество там, где лучше». Нельзя не согласиться с академиком Российской академии наук Ю. А. Поляковым, что «любое государство, общество, этнос не могут существовать без духовных скреп. Память о прошлом, традиции, выработанные большей частью на протяжении длительного времени и передающиеся из поколения и поколение, или новые, быстро развивающиеся социальные тенденции, составляют важную часть национального сознания. Они сплавляют общество...» [5, с. 21].

Крупные исторические события оказывают воздействие на судьбу каждого населенного пункта, каждой семьи. Наша причастность к истории ощутима наиболее полно тогда, когда мы знаем, что было с нашими дедушками и бабушками в годы Первой мировой войны, индустриализации и коллективизации, в Великую Отечественную войну и т. д. К сожалению, в бывших советских республиках традиции составления родословных были или утраче-

ны (для дворянских и купеческих семей), или не культивировались (для крестьянских и мещанских семей). Как заметил российский историк, доктор исторических наук Р. Г. Пихоя, «для исторического сознания свойственна не только преемственность, не только осознание непрерывности истории – ему присущи своего рода «разрывы», обусловленные революционными событиями или политическими тенденциями, порождавшими стремление представить с «чистого листа» очередной этап истории. ... Попытки построить в России в XX в. коммунистическое общество... привели к радикальному переосмыслению истории страны» [6, с. 15]. Поэтому столь важно развитие краеведения, пробуждение интереса молодых людей к прошлому своих предков. История семей, история населенных пунктов – необходимые «миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти» [1, с. 11].

Каковы задачи профессиональных историков? Беларусь – суверенное государство со сложной историей. Назрела необходимость путем социологических исследований сделать срез исторического сознания. Это позволит более конкретно определить его состояние и направления его развития. Уровень исторического сознания можно и нужно повышать, и возможно это только на основе исторических знаний. Необходимо бороться с историческими мифами, определить свои предметы (эпохи) национальной гордости.

Историческое сознание – мощный источник воспитания патриотизма. Однако нельзя допускать, чтобы прошлое разъединяло людей, разжигало старые обиды и порождало новые конфликты. Поэтому правильная расстановка акцентов в толковании исторических событий должна способствовать взаимопониманию и дружественному сосуществованию народов. Это особенно важно для многонациональной Беларуси, бывшей ареной стольких войн и потрясений.

1. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

2. Буркгардт, Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркгардт. – Смоленск: Русич, 2002. – 448 с.

3. Барг, М. А. Шекспир и история / М. А. Барг. – М.: Наука. – 1976. – 195 с.

4. Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: падручнік / Я. К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Вышэйшая школа, 2007. – 398 с.

5. Поляков, Ю. А. Почему история нас не учит? / Ю. А. Поляков // Вопросы истории. – 2001. – № 2. – С. 20–31.

6. Пихоя, Р. Г. О некоторых аспектах «историографического кризиса», или о «непредсказуемости прошлого» / Р. Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. С. 15–28.

Мартен Майя Владимировна – заведующая кафедрой всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы).

УДК 37.017.4

Г. А. Гусарова, А. М. Куницкая

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА-ГРАЖДАНИНА

Рассмотрены проблемы воспитания человека и гражданина через историко-культурные традиции. Определены некоторые аспекты формирования гражданственности и патриотизма в вузе.

Современная реальность постиндустриального мира заставляет задумываться о сути тех нравственных трансформаций, которые происходили ранее и происходят теперь в сознании как конкретного индивида, так и человечества в целом. Если предыдущий исторический путь человека был главным образом связан с изменением окружающей среды и естественных условий проживания, то ныне этот процесс подошел к другой критической отметке: делается глобальная попытка изменить самого человека.

Общеизвестно, что развитие культуры предполагает наличие определенных элементов, среди которых особое место отводится традициям. Традиции можно понимать как социальное и культурное наследие, воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, стили и т.д.

Вместе с тем, традиции можно рассматривать и как коммуникации, связывающие современность с прошлым: они фиксируют закономерности человеческого поведения, возникшие в ходе исторического процесса, выступают воплощением исторической памяти.

ти, так как для индивида важны не столько подлинные знания о событиях прошлого, сколько их современная интерпретация. В числе приоритетных традиций белорусов – сохранение, укрепление, а не разрушение своего государства. Именно будучи таковым, оно может обеспечить народу достойное место в глобальных мировых изменениях.

Основные теоретические и практические подходы к современному воспитанию молодежи суверенной Беларуси получили свое отражение и закрепление в нормативно-правовых документах: Законе Республики Беларусь «Об образовании», Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Республиканской программе патриотического воспитания детей и молодежи и др. Сегодня приоритетным становится гражданско-патриотическое воспитание, что объясняется необходимостью возрождения у молодежи гражданской чести и ответственности, формирования готовности к созидательной деятельности на благо Родины, к ее защите. Образованный человек является главной ценностью государства, поскольку будущее страны, ее успехи в области экономики, решение социальных вопросов все в большей степени определяются достижениями не только в области науки и техники, но и зависят от интеллектуального потенциала.

Не случайно, основными задачами проекта «Мы – белорусы» стали: привитие глубокого уважения к национальному наследию, традициям, родному языку; забота об интересах Родины; защита ее свободы и независимости; воспитание чувства гордости за свою страну, готовность к выполнению социальной роли гражданина Республики Беларусь; привитие уважения к Государственному флагу и Государственному гербу Республики Беларусь, основанное на героической истории белорусского народа; воспитание понимания, что под этими флагом и гербом новое поколение будет строить Республику Беларусь, и др.

Решая эти жизненно важные задачи, преодолевая трудности, сегодня наше общество движется по пути демократизации, социальной справедливости, построения правового социального государства и в своем развитии руководствуется национальной идеей, которая базируется на таких ценностях, как патриотизм, социальная справедливость, суверенитет, гражданственность.

Судьба каждого человека – это дорога, которая пройдена один раз и на которой, оглянувшись, можно увидеть следы. А можно и не

увидеть. Да и не только следов, но и самой дороги можно не увидеть. Войны и репрессии, суэта миграций и переездов, природные катастрофы, пожары и многое другое перекручивают судьбы, бросают человека с одной стороны в другую. Но все должны пройти свою дорогу. Один может объехать весь мир, а другой проживет свой век в одной деревне, в одном доме. И кто из них более счастлив? Помочь найти ответ на этот вопрос – задача педагогов и общества в целом, чтобы воспитать достойного гражданина, патриота и человека.

Гражданско-патриотическое воспитание должно быть ориентировано на формирование чувства любви и уважения к своей Родине, гордости за достижения Беларуси, приумножение авторитета страны через собственные достижения в обучении, труде, спорте, общественной жизни. Это связано с тем, что драма распада СССР посеяла в начале 90-х годов не только хаос в экономике, но и сумятицу в головах и душах молодежи. Вот почему для суверенной Беларуси особенно актуально, чтобы ее завтрашний день определяли не инертные Иваны, не помнящие родства, а думающие, инициативные люди, ценящие историю и культуру своего народа, сознающие собственную ответственность за будущее страны.

Не секрет, что у части белорусской молодежи девальвированы такие понятия, как гражданственность и патриотизм, искажены нравственные ориентиры, отсутствуют социально-значимые устремления. Вакуум в сознании таких молодых людей заполняется сиюминутными эгоистическими интересами, завышенными материальными притязаниями. Пытаться бороться с этим одними призывами или хуже того – окриком, – бесперспективно. В тонком деле воспитания патриота и гражданина куда продуктивнее сформировать у молодого человека нужное мировоззрение, привить политическую культуру, а главное – создать реальные условия для того, чтобы потенциал юношей и девушек развивался и реализовался в сознательном труде на благо Беларуси, в практическом вовлечении в общественную жизнь.

Общество все более остро осознает необходимость для каждого человека знать культуру, историю и природу родного края. Понятия Отечество, Родина, патриотизм имеют высокий смысл, поэтому воспитать гражданина-патриота без глубокого уважения к национальному наследию, традициям, истории и культуре Беларуси невозможно. Постигание человеком своей Родины, воспитание патриотических чувств – сложный процесс. Неслучайно, 38,4 % студентов аграрных вузов при проведении социологического опроса в

2010 г. среди приоритетных ценностей называли гражданственность, патриотизм, национальное достоинство [2, с. 15].

В системе высшего образования гуманитарным наукам отводится особое место, т.к. задача высшей школы всегда предполагала не только освоение обучающимися знаний и способов деятельности, но и формирование у них мировоззренческих ориентаций, усвоение ими богатства культуры. И это не случайно, поскольку именно система ценностей и смыслов является основой для развития и саморазвития личности. Она помогает человеку определить направления и цели своей деятельности, а также обрести смысл жизни и позитивное социальное самочувствие. Забота о сохранении и приумножении духовных ценностей обеспечивает нравственное здоровье нации и гарантирует стране будущее. У каждого молодого человека должно быть глубокое понимание того, что Родина воспринимается в двух органично взаимосвязанных аспектах: как место рождения и проживания и как родная страна, Отчизна – Беларусь. Патриотизм не должен быть наблюдательным, а предполагает проявление социальной активности личности, которой не все равно, что происходит сегодня и что будет завтра на родной земле.

Важная роль в этом процессе, на наш взгляд, принадлежит использованию краеведческого материала, который выступает как действенное средство воспитания личности через изучение истории своего края, его этнографических, географических, исторических особенностей.

Основными методами и направлениями патриотической и поисково-краеведческой деятельности стали: возвращение забытых имен национальных героев, проведение работы по изучению культуры отдельных регионов Беларуси, сбор и обработка информации о национальных традициях, изучение фольклора и этнографии родного края, проведение походов и экскурсий по знаменательным уголкам Беларуси, создание музеев и стендов. Все это дает возможность соприкоснуться с историей своей Родины, познакомиться с замечательными людьми.

На кафедре истории и культурологии БГСХА в процессе преподавания истории Беларуси, идеологии белорусского государства, культурологии широко используются экспонаты и материалы музея революционной, боевой и трудовой славы вуза, Горецкого районного историко-этнографического музея, этнографической композиции «Народны быт беларусаў», оформленной студентами и преподавателями кафедры из материалов, собранных по всей Беларуси.

Это является хорошей формой идейно-нравственного воспитания студенческой молодежи, одним из факторов активизации их познавательной деятельности, приобщения к историческому наследию белорусского народа.

Использование материалов музейных экспонатов в преподавании дает широкие возможности педагогу, помогая обогатить учебный процесс яркими, запоминающимися, доступными, научно достоверными знаниями, образами; облечь теоретическое, абстрактное знание в материальную форму, придать ему эмоциональную окраску; улучшить качество усвоения нового материала за счет включения в работу различных видов памяти (зрительной, слуховой, ассоциативной). Занятия в музее позволяют решать и воспитательные задачи, знакомить студентов с жизнью и деятельностью поколений, способствуют воспитанию чувства причастности к истории, своему прошлому.

Издревне все важнейшие вопросы государства решались на народном собрании – вече. Неслучайно сегодня в нашей стране стало доброй традицией проведение всебелорусских народных собраний, на которых обсуждаются главные направления развития страны. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании отмечал, что уважение к прошлому Отечества, неразрывная связь и преемственность поколений – вот те традиционные устои, на которых держались и держатся стабильность и благополучие Беларуси. Патриотизм, уверенность в будущем своей страны и желание сделать ее лучше – вот главное, что должно быть у сегодняшней молодежи [1, с. 9].

Каждое новое поколение сильно тем, что оно опирается на опыт предыдущих поколений, продолжает и совершенствует его. Важно вернуть традиции, обряды наших предков, возродить интерес к наследию прошлого, привить любовь к истории, национальной культуре, родному языку.

Воспитание человека-гражданина может дать положительные результаты при условии использования различных форм работы в сочетании с традициями, которые были накоплены многими поколениями. Союз инноваций и традиционализма дает нам возможность выстроить определённую систему, основными сторонами которой являются: духовное воспроизводство через подготовку интеллектуальной элиты общества; выработка образцов и идеалов обеспечения жизненного самоопределения личности, в том числе, мировоззренческого и социокультурного.

На наш взгляд, формированию положительных социальных ценностей и идеалов, гражданственности, патриотически подготовленных профессионалов будут способствовать:

1) сохранение традиций и поиск новых форм воспитания, где главными должны стать гражданственность, чувство любви к Родине, патриотизм, социальная активность;

2) формирование системы общечеловеческих ценностей с учетом менталитета белорусского народа; организация краеведческой, поисковой и туристической деятельности;

3) использование таких апробированных форм работы, как создание мемориальных, историко-краеведческих музеев в учебных учреждениях, летописей родного края, оформление наглядных стендов, проведение тематических конференций и олимпиад, конкурсов творческих работ.

1. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь: доклад Президента А. Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании // Советская Белоруссия. – 2010. – 7 декабря. – С. 1–9.

2. Социально-гуманитарная подготовка студентов в аграрных вузах; информационное издание / Белорусская государственная сельскохозяйственная академия; Сост. В.С. Щур, В.В. Ивчик. – Горки, 2010. – 31 с.

Гусарова Галина Александровна – кандидат исторических наук, доцент;
Куницкая А. М. – Учреждение образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» (г. Горки).

УДК 94(476)|15|

Д. Ю. Камінскі

РЭКАНСТРУКЦЫЯ ЁЗБРАЕННЯ РЫЦАРА ВКЛ XV СТ. І ТАМПЛІЕРАЎ

Апісаны комплект даспехаў і ёзбраення рыцара Вялікага княства Літоўскага XV ст., а таксама тампліераў – членаў сярэднявечнага каталіцкага духоўна-рыцарскага ордэна.

Рэканструкцыя ёзбраення рыцараў ВКЛ праводзіцца на падставе гістарычных крыніц, якімі з’яўляюцца пячаткі вялікіх князёў

літоўскіх, гравюры, гістарычныя ілюстрацыі герба Пагоня. Пасля Крэўскай уніі ВКЛ устанаўлівае больш цесныя сувязі з краінамі Заходняй Еўропай і засвойвае ўзбраенне заходняга тыпу, хоць мае месца таксама і ўплыў з усходу. У камплект рыцарскай экіпіроўкі ўваходзілі наступныя элементы.

Ахова галавы. Бацынеты (асноўны шалом, які ахоўваў галаву рыцара) часта фігуруюць на пячатках вялікіх князёў ВКЛ канца XIV – першай паловы XV ст., а таксама ў спісах узбраення, высылаемага ў ВКЛ з Польшчы ў межах падрыхтоўкі да вайны з Тэўтонскім ордэнам. У другой палове XIV ст. з’явіліся прылбіцы з заслонай-забралам, што цалкам закрывала твар, і адтулінамі для дыхання і для вачэй. У мэтах павышэння трываласці заслона набывала выцягнутыя абрысы і атрымала назву «псіная пыса» [1, с. 6–7].

Ахова корпуса. Кальчуга, кальчужны даспех на землях ВКЛ быў вядомы пад назвай «панцыр». Даспех сплятаўся з жалезных калец, якія зварваліся ці заклёпваліся. Кальчуга з кольцамі, якія заклёпваліся індывідуальна, мела лепшую трываласць. Такі даспех быў больш распаўсюджаны, бо валодаў добрай эластычнасцю. У XV ст. было тры віды кальчужнага даспеха: 1) даўжынёй да пояса і з кароткімі рукавамі, 2) да сярэдзіны сцягна і з доўгімі рукавамі, 3) поўная ахова цела з кальчужнымі нагавіцамі [1, с. 22–23].

Брыгандына – даспех з пласцін, наклепаных пад суконную аснову, якая нярэдка пакрывалася аксамітам і выявамі гербаў, а заклёпкам надавалася дэкаратыўная форма. У ВКЛ вядома два тыпы брыгандын: у першым пласціны размяшчаліся па прынцыпу лускі «Карацэна», у другім – пласціны аб’ядноўваліся ў доўгія вертыкальныя рады «крыты бахцер». Дарэчы, сучасныя рэканструктары сярэднявечнага узбраення, калі ідуць у бугурт, ці ў турнір, надзяюць адну брыгандыну, без кальчугі, бо яна добра вытрымлівае удар [1, с. 12–14].

Ахова канечнасцей. У камплект аховы ног уваходзілі набедранікі, накаленнікі, нагалёначнікі і фольгавыя чаравікі. Нагалёначнікі і набедранікі мелі выгляд двухчастковых труб, якія адчыняліся на завесах і зачыняліся спражкамі. Гэткая канструкцыя была таксама поўнай аховай рук – наплечнік верхняй і ніжняй трубы наладотніка, які ахоўваў руку ад локця да кісці. Металічныя рукавіцы, у асноўным з раздзельнымі пальцамі, а дзе асобнае прыкрыццё ад усёй кісці меў вялікі палец. Рукавіцы мелі кароткія і шырокія манжэты.

Шчыт – від вайсковай амуніцыі, прызначаны для адбіцця атак халоднай ці агнястрэльнай зброі, важны элемент засцерагальнага ўзбраення. У ВКЛ шчыты выкарыстоўваліся рознай формы. Адна з формаў шчыта-трохкутніка з плаўна закругленымі бакавымі краямі ў асноўным выкарыстоўвалася кавалерыяй. На аснове трохкутных шчытоў з’явіліся тарчы з закругленым ніжнім краем; яны выглядалі паўкруглымі, што забяспечвалася вертыкальнай гранню. Таксама былі распаўсюджаны шчыты «павеза», якія характарызаваліся падоўжанай формай, цэнтр падзяляўся вертыкальным жолабам, надаваўшы шчыту трохчасткавы характар [1, с. 24–25]. Для лепшага выкарыстання шчыта была распрацавана сістэма прымацавання яго да рукі ручкамі і пражкамі, а таксама доўгага рэменя, каб наवेशваць шчыт праз плячо і шыю.

Зброя. Меч – двухлязовы клінок даўжынёй больш за 60 см. У Еўропе было тры тыпы мячоў: аднаручныя, палутараручныя і двухручныя. У ВКЛ найбольш выкарыстоўвалі доўгія мячы з масіўным клінком і палутараручнай ці двухручнай рукайцаю, а аднаручныя сустракаліся рэдка. Не менш папулярнымі за мячы былі корды і цесакі, хоць цяпер пра іх мала ўспамінаюць. Корд – сякучая і колючая халодная зброя часцей з кароткім клінком (64–72 см) і шырокім (прамым ці скрыўленым двухбаковавострым ці аднабаковавострым) клінком і эфесам (ручкай з крыжавінай ці клямкай або без іх). Прамежкавае месца паміж мячамі і кордамі займалі цесакі. Корд ВКЛ быў вельмі падобны на цесак, цесак быў даўжэйшы за корд, аднак саступаў некаторым выглядам мячоў. Клінкі цесака і корда былі падобнымі, але пры гэтым сіметрычнасць ручкі цесака цалкам паўтарала ручку мяча, у той жа час ручка корда была не сіметрычнай і больш падобнай на ручку шаблі. Дзякуючы сваёй прастаце, адналязовай заостранасці і прамале клінка корд меў шырокае выкарыстанне ў ваяроў ВКЛ і ўжываўся як у рыцарскіх фармаваннях, так і ў пяхотных. Сярод археалагічных знаходак клінкавай зброі корды і цесакі займаюць другое месца пасля мячоў. Яны былі ў большай ступені прыстасаваны для колючых удараў, за што шанавалася рыцарамі, але і рубячы эффект мелі лепшы, чым мячы [2]. Дзіды – дрэўковая зброя ў асноўным для колючых удараў, вельмі папулярная ў войску ВКЛ. Дзіда складалася з драўлянага дрэўка і насаджанага на яго металічнага калючага, часцей сіметрычнага наканечніка – «ггота». Наканечнікі з утулкай насаджваліся на дрэўка, а з ча-

ранка убіваліся. Сякера – абуховая зброя, якая мае функцыю паражэння праціўніка ці прадмета сваёй масай, узмоцненай шляхам асаджэння на карацейшай ці даўжэйшай рукайцы. Від сякеры ў асноўным залежаў ад даўжыні рукайцы: ці яна будзе аднаручнай, ці двухручнай. Сякера – адзін з відаў самай старажытнай зброі. Яна «ўвайшла у моду» з развіццём латнага даспеха дзякуючы выдатнай магчымасці прабіваць гэты даспех (у адрозненне ад мяча).

Узбраенне тампліераў. Тампліеры, храмоўнікі – члены сярэднявечнага каталіцкага духоўна-рыцарскага ордэна, заснаванага ў Іерусаліме пасля Першага крыжовага паходу (каля 1118 або 1119 гг.) французскімі рыцарамі для абароны паломнікаў, умацавання і пашырэння дзяржаў крыжакоў у Палесціне і Сірыі.

Даспех тампліераў нічым не адрозніваўся ад еўрапейскага сярэднявечнага даспеха, бо прышоў з Еўропы. На той час у тампліераў быў самы дасканалы даспех – па еўрапейскай модзе. Лацінскі ўстаў рэкамендаваў, каб усё адзенне братаў-тампліераў было аднаго колера: белага, чорнага, бурага.

Устаў, што датычыць паводзін, паўсядзённага жыцця, пакаранняў тампліераў і г.д., распаўсюджваўся на ўсіх братаў ордэна: капеланаў, рыцараў, сяржантаў [4]. З уступленнем у ордэн рыцар-тампліер атрымліваў камплект адзення: дзве кашулі, дзве пары портак, двое падпортнікаў, а таксама камзол, менцік, накідку, два плашчы (летні і зімовы), туніку і шырокі скураны пояс (ці рамень), шапку-каўпак (з баваўнянай матэрыі), фетравы капялюш. Да гэтага адзення дадаваліся два абрусы: абедзенны і туалетны. За гэтыя рэчы рыцар нёс адказнасць перад ордэнам [3, с. 87–88]. Мініяцюры ў манускрыптах XIII ст. сведчаць, што адзенне мірнага часу братаў-тампліераў нагадвала адзежу простых манахаў.

Паддаспешнае адзенне шылася плотна з воўны або з вярблюда жага войлака. Сцягач апранаўся пад кальчугу. Братам Ордэна належала заўсёды хадзіць цалкам апранутымі. Абарона бёдраў і ног – кувісы. Вёсць даспех быў кальчужны. Кальчугу дапаўнялі кальчужныя чулки – іх часта блытаюць з кальчужнымі порткамі. Паверх корпуса надзяваўся халберк, або обер – поўнарукавая кальчуга да кален з доўгімі рукавамі і прыплеценымі рукавіцамі. Кальчугу захоўвалі ў скураным мяшку ці ў сетцы, таксама сплеценай з жалезных кольцаў. Прыплецены да халберка кальчужны капюшон ці аддзельны кальчужны падшлемнік – «коіф». Шаломы выкарыстоўваліся адкры-

тыя, але бліжэй да XIII ст. у большасці выпадкаў выкарыстоўваліся Топхельмы – шалома гаршковага тыпу. Напечнікі – «эпалеты» – дазвалялася апранаць толькі пры надзетых рукавах оберта і нельга было насіць без оберта. Рукавіцы былі звычайныя ці трохпалыя. Паверх кальчугі апранаўся кадарм, ці акітон, каб не сапсаваць кальчугу, якая вельмі дорага каштавала і цяжка выраблялася. Па кадарму можна было судзіць аб статусе брата ў ордэне: белы кадарм – рыцар, чорны – паслушнік.

Рыцар быў абавязаны клапаціцца пра бездакорны стан узбраення. Ён не меў права нічога змяняць: ні ўкарочваць свае страмёны; пояс, на якім вісеў яго меч; не мог паменшыць даўжыню шнурка ў сподніку, каб утрымаць іх на таліі, хіба толькі з асабістага дазволу свайго камандора.

Штандар «босеан» таксама быў баявым клічам, які ўжывалі, калі перамагалі. Са зброі тампліеры больш выкарыстоўвалі двухлязовыя мячы. Акрамя таго, браты ўзбройваліся доўгай дзідай, трыма нажамі рознай даўжыні (кінжал, хлебны нож і малы нож) і «турэцкай» булавой. Дрэўка дзіды выраблялася з ясеня, бо гэта драўніна адрознівалася трываласцю і гнуткасцю. Таўшчыня і даўжыня дрэўка вагалася; сярэдняя даўжыня складала каля чатырох метраў.

Устаў ордэна дазваляў братам-тампліерам узбройвацца арбалетам і турэцкай зброяй, трафейнай ці набытай у Палестыне. Паколькі турэцкая конніца была значна лягчэй за еўрапейскую, то і турэцкая зброя таксама было лягчэйшая.

1. Бохан, Ю. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385–1576 / Ю. Бохан. – Мінск: Беларусь, 2003.

2. Корды и тесаки в Великом Княжестве Литовском и соседних странах // Зброевы фальварак [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.zbroevy-falvarak.com/article-kordy.html> – Дата доступу: 29.12.2011.

3. Бордонов, Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке / Ж. Бордонов. – Москва, 2004.

4. Вооружение и снаряжение братьев рыцарей и братьев сержантов Ордена тамплиеров во второй половине XIII века. – Рэжым доступу: <http://www.13c.ru/texts/templiers.html> – Дата доступу: 29.12.201.

5. Доспехи и вооружение рыцарей ордена Храма XII – XIII вв. // Орден Храма [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://rusbars2002.narod.ru/Hdospehi.htm> – Дата доступу: 29.12.2011.

Камінскі Дзяніс Юр’евіч – студэнт Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭПИЗОДОВ СРАЖЕНИЙ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН КАК СРЕДСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИИ

Статья посвящена движению военно-исторической реконструкции наполеоновских войн в России и Беларуси от его зарождения в 1970-е г. до современности и роли этого движения в популяризации истории и исторических знаний.

Эпоха наполеоновских войн... Это было время живописных (если можно так выразиться о сражениях) масштабных и немного манерных с современной точки зрения войн, которые велись, образно говоря, по правилам игр в солдатики.

Почти все монархи Европы были в родстве друг с другом, и войны в основном велись во имя династических споров (либо прикрывались таковыми).

Другой, по сути, была война, которую начал Наполеон. Державы Европы, которые он присоединил к своей империи, также вели с ним междусобойно-династическую войну, справедливо полагая, что смена монарха вряд ли сильно повлияет на положение дворян и устройство их мира – светская жизнь будет идти своим чередом после нескольких перестановок на троне, и вновь наступит время скрытых интриг.

Придерживался этих правил и император Наполеон. Ему, вышедшему из низов, так хотелось быть монархом, богом, отцом народов – и он играл по правилам ...сначала. Народы (и знать) Европы приняли его, и все было бы иначе, если бы Наполеон не наметил для себя гибельный путь – через Россию к британским колониям.

Война 1812 года стремительной волной прокатилась по значительной территории современной Беларуси, на долгое время оставив рубцы в исторической памяти населения. И сегодня эта война привлекает к себе не меньше внимания, чем новейшие события. И дело не в исключительном значении событий 1812 г. для отечественной истории. По большому счету эта война мало чем выделяется из смутного перечня разрушительных войн, прокатывавшихся по белорусской земле. Однако, с большой долей уверенности можно ска-

зять, что это – белорусская глава в истории наполеоновской эпохи, т.к. многие значительные эпизоды той войны связаны с нашей территорией. Это и рискованные маневры армии Багратиона на пути от Волковыска до Могилева, и оборона Бобруйской крепости, и действия корпуса Витгенштейна под Полоцком, и полная трагизма переправа через Березину, ставшая концом «Великой армии». Из-под Сморгони Наполеон бежал во Францию, бросив жалкие остатки своей армии.

В 70-е г. XX в. в европейских странах стали спонтанно зарождаться небольшие группы любителей истории, которые, желая восстановить облик армий давно ушедших эпох, стали шить мундиры, изготавливать оружие и амуницию, почти точно соответствовавшие историческим образцам. Стали проводиться театрализованные реконструкции эпизодов сражений. Не осталась без внимания и наполеоновская эпоха.

Движение военно-исторической реконструкции имеет глубокие корни в разных странах. Известно, что еще в Древнем Египте, Риме, Греции проводились костюмированные представления в честь великих побед. В 1687 г. английский король Яков II разыграл в Лондонском саду осаду Будапешта. В эпоху наполеоновских войн британские войска и полиция проводили учения в Гайд-парке для развлечения публики. К представлениям такого рода можно отнести в определенной степени и «потешные баталии» молодого царя Петра I.

На территории бывшего Советского Союза движение военно-исторической реконструкции начинает свою историю с 1976 г. Именно тогда студентом Политехнического института Олегом Соколовым и его друзьями было создано общество «Империя», которое стало заниматься реконструкцией наполеоновской армии. Хотя это общество по большому счету было подпольным, о нем узнавали люди, интересующиеся историей. А через пару лет возник клуб, занимавшийся реконструкцией русской армии.

«Подпольное» существование этих клубов продолжалось до 1987 г., хотя первое выступление советских реконструкторов на международной арене произошло в 1986 г. под Лейпцигом в реконструкции «Битвы народов». В то время это была территория Германской Демократической Республики, где располагались советские войска. Офицеры А. Новиков, А. Крылов, В. Семченко из

воинской части, дислоцированной в Лейпциге, решили реконструировать форму и снаряжение одного из полков русской армии и принять участие в том празднике. Эту идею они и воплотили в жизнь.

По возвращении из ГДР А. Новиков познакомился с О. Соколовым и, рассказав ему о европейском движении военно-исторической реконструкции, предложил выйти из подполья. За поддержкой они обратились в ЦК ВЛКСМ, и летом 1988 г. состоялась первая открытая акция – поход по местам боев 1812 г. от Москвы до Березины, в котором участвовало около 30 человек в униформе того времени. Это событие всколыхнуло общественность, произошел информационный прорыв, о реконструкторах стали писать в газетах и сделали несколько передач по телевидению. И сразу же по всей стране стали возникать военно-исторические клубы.

В феврале 1989 г. под эгидой ЦК ВЛКСМ был проведен первый съезд военно-исторических клубов и создано их всесоюзное объединение «Федерация военно-исторических клубов» (при ЦК ВЛКСМ). Именно с этого года начинает проводиться реконструкция эпизодов сражения на Бородинском поле и ежегодный праздник «День Бородина». Сейчас на территории России военно-историческая реконструкция осуществляется также и в других местах, связанных с событиями 1812 г.

На территории Беларуси первый военно-исторический клуб «Минский пехотный полк» был официально зарегистрирован в декабре 1996 г., в 190-летний юбилей создания такого полка. В следующем году клуб уже принимал участие в военно-исторической реконструкции на Бородинском поле и в церемонии открытия памятника воинам «Великой армии» на Брилевском поле под Борисовом.

Сегодня в Беларуси движение военно-исторической реконструкции эпохи наполеоновских войн включает девять клубов, представляющих русскую армию, и два клуба, представляющих войско ВКЛ в составе «Великой армии». Участники клубов постоянно участвуют в реконструкции эпизодов сражений наполеоновской эпохи в России, Литве, Польше, Чехии, Германии, Франции. Беларусь, с которой связаны многие события войны 1812 г., в этом списке представлена двумя военно-историческими фестивалями, проведенными в 2002 и 2007 г.

Движение военно-исторической реконструкции наполеоновских войн является важным средством популяризации истории и

исторических знаний. Участники реконструируют форму одежды, вооружение, снаряжение, тактику действий армии соответствующего периода, а для этого надо вначале изучить довольно обширную историческую информацию. Кроме того проводимые мероприятия вызывают неподдельный интерес и собирают массы зрителей, что тоже способствует популяризации истории той эпохи, а нередко стимулирует и интерес к событиям других периодов. Многие из нынешних членов военно-исторических клубов пришли в это движение после того, как увидели реконструкцию эпизодов сражений в реальных условиях. Движение военно-исторической реконструкции должно развиваться и найти поддержку у республиканских и местных органов государственной власти.

Сергей Леонидович Вилейко – кандидат культурологии, доцент кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

УДК 94(476)

А. М. Весялуха

ПОСТАЦЬ К. КАЛІНОЎСКАГА Ў ВУЧЭБНАЙ ЛІТАРАТУРЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1990-я – 2000-я гг.)

У артыкуле на аснове аналізу вучэбнай літаратуры па гісторыі Беларусі 1990-х – 2000-х гг. як прадукта сучаснай беларускай гістарыяграфіі прадстаўлены актуальны вобраз К. Каліноўскага.

Вучэбная літаратура разлічана на лёгкае ўспрыманне і ўзнаўленне яе матэрыялу школьнікамі, студэнтамі і ўсімі тымі, хто ўключаны ў навучальны працэс. Змест падручнікаў па айчыннай гісторыі ўяўляе сабой сістэматызаваны, даступны, сціслы і інфармацыйна насычаны тэкст, у якім улічаныя навейшыя гістарыяграфічныя распрацоўкі і ідэалагічныя задачы прадмета «Гісторыя Беларусі» і які канцэптуальна перадае ход падзей у мінулым краіны.

У вучэбнай літаратуры недапушчальная варыятыўнасць трактоўкі ролі фактаў і асоб у гісторыі, паколькі галоўнай мэтай навучальных курсаў з'яўляецца фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці і цвёр-

дай грамадзянскай пазіцыі вучняў/студэнтаў. Расстаўляе асноўныя акцэнтны і размяркоўвае тэматычную нагрузку вучэбная праграма, у якой і адлюстраваны сацыяльны заказ дзяржавы. Суб'ектыўнасць аўтараў у падручніках максімальна зніжана з прычыны супадзення іх поглядаў з ідэалогіяй вучэбнай літаратуры па айчынным гісторыі

1990-я гг. у гістарыяграфіі адзначыліся зменай падыходу да вывучэння мінулага: даследчыкі пачалі актыўна працаваць ў межах беларускай нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі і трансліраваць атрыманыя веды на шырокую грамадскасць, у першую чаргу, на моладзь. Першае навукова-папулярнае выданне Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі – двухтомныя «Нарысы гісторыі Беларусі», якія можна назваць падручнікам (не школьным, і не для ВНУ, але агульнанародным) і якое напісана ў духу «Кароткай гісторыі Беларусі» В. Ластоўскага, выйшла ў 1994–1995 гг. У ім пададзена гісторыя Беларусі ад старажытных часоў да канца XX ст. з нацыянальнага пункту гледжання, які грунтуецца на прызнанні факта шматвяковага існавання беларускага этнасу як суб'екта гісторыі.

Аўтары «Нарысаў», пераасэнсоўваючы гістарычны шлях беларускага народа [16], надаюць увагу і паўстанню 1863 г., а ў сувязі з ім характарызуць К. Каліноўскага. У параграфі «Паўстанне 1863 г. на Беларусі» змясцілі яго кароткія біяграфічныя звесткі: дату і месца нараджэння, сацыяльнае паходжанне («бацька на той час быў безземельным шляхціцам, уладальнікам невялікай мануфактуры» [16, с. 320–321]), адукацыю (Свіслацкая гімназія і юрыдычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта) і рэвалюцыйна-прапагандыскую дзейнасць.

Гісторыкі лічаць яго рэвалюцыянерам-дэмакратам, які ў сваіх поглядах па важнейшых пытаннях, нацыянальным і аграрным, салідарызаваўся з праграмай герцэнаўскага «Колокола». У якасці доказу цытуюць афіцыйнага гістарыёграфа паўстання 1863 г. у беларуска-літоўскіх губернях В. Ратча, які сцвярджаў, што К. Каліноўскі ў Літоўскім правінцыйным камітэце прапагандаваў ідэю далучэння сялян да ўзброенай барацьбы праз надзяленне іх зямлёй, а таксама «настойліва праводзіў ідэю самастойнасці Літвы» [16, с. 321] у супрацьвагу варшаўскаму ЦНК.

Складальнікі падручніка адзначылі публіцыстычны талент К. Каліноўскага і добрае валоданне ім народнай гаворкай і мясцовым дыялектам. Гэтыя рысы, на іх думку, праявіліся ў «Мужыцкай праўдзе». Аднак прааналізаваўшы яе тэксты, гісторыкі прыйшлі да высновы, што яна насіла рэвалюцыйна-дэмакратычны характар, але не заклікала да захопу

памешчыцкіх зямель, як і не згадваецца ў ёй пабуджэнне да барацьбы за дзяржаўную самастойнасць Літвы і Беларусі [16, с. 323]. Атрымліваецца, што К. Каліноўскі разлічваў на рэалізацыю сваіх рэвалюцыйна-дэмакратычных ідэй праз паўстанне і спадзяваўся на падтрымку яго кіруючых цэнтраў.

Аўтары падручніка лічылі К. Каліноўскага ахвярай паўстання і закладнікам абставінаў, бо існуючыя супярэчнасці паміж «белымі» і «чырвонымі» не далі магчымасці разгарнуцца яго таленту кіраўніка. Разам з тым, была выдзелена яго перакананасць і вера ў свае ідэалы, мужнасць і высакароднасць: «на следстве, якое працягвалася да канца лютага, трымаў сябе мужна, з высокай годнасцю, нікога не выдаў» [16, с. 328]. Аўтарам падручніка з цяжкасцю ўдаецца схваць сімпатыю і спагаду да К. Каліноўскага і ўстрымацца ад закліку лічыць яго нацыянальным героем.

Вучэбны дапаможнік «История Беларуси» пад рэдакцыяй А. Каханоўскага, выдадзены ў 1997 г., лаканічна апісаў выдавецкую і паўстанцкую дзейнасць К. Каліноўскага. Аўтары ахарактарызавалі яе рэвалюцыйна-дэмакратычнай і антыцарскай, а ў самім Каліноўскім бачылі цалкам не рэалізаванага кіраўніка паўстання і зацятага змагаара за свае ідэі [11, с. 143–147].

Вучэбны дапаможнік «Гісторыя Беларусі з 1795 да вясны 1917 г.» пад рэдакцыяй прафесара І. Крэня і дацэнта І. Коўкеля (Мінск, 2001), складзены калектывам гродзенскіх гісторыкаў, на чатырох старонках апісаў К. Каліноўскага і яго рэвалюцыйную дзейнасць. Былі згаданы дата, месца яго нараджэння, саслоўная прыналежнасць: «нарадзіўся ...у многадзетнай сям’і беззямельнага шляхціца, уладальніка невялікай фабрыкі льяняных вырабаў» [9, с. 160]. Навукоўцы мяркуюць, што ён рос на ўлонні прыроды, меў цесныя стасункі з сялянамі. Гэта акалічнасць, на іх думку, паўплывала на фарміраванне Каліноўскага-рэвалюцыянера, як і навучальныя ўстановы, дзе ён атрымліваў сярэднюю і вышэйшую адукацыю: Свіслацкая гімназія і Пецярбургскі ўніверсітэт.

Свіслацкая гімназія яшчэ з пачатку XIX ст. была вядомым асяродкам вальнадумства і тайных таварыстваў. Гісторыкі перакананыя, што такая рэпутацыя гімназіі на падсвядомым узроўні аказала вялікае ўздзеянне на юнака. Пецярбург садзейнічаў канцэптуальнаму афармленню ідэй будучага кіраўніка паўстання, пазнаёміў з рэвалюцыйнай публіцыстыкай, зрабіў удзельнікам рэвалюцыйных гурткоў. Так, К. Каліноўскі становіўся «перакананым прыхільнікам рэвалюцыйна-дэмакратычных ідэй, непахісным ворагам самадзяржаўя і прыгону» [9, с. 161].

Нягледзечы на яго бунтарскія схільнасці, К. Каліноўскі паказаны як асветнік і абуджальнік цікавасці да беларускай культуры: этнаграфіі, фальклору, літаратурнай творчасці. Ён садзейнічаў стварэнню рэвалюцыйных гурткоў на Гродзеншчыне, удзельнікі якіх практыкавалі «хаджэнне ў народ» дзеля агітацыі сялян. Так, ён становіцца сапраўдным народным (сялянскім) героем. Аўтары падручніка залічылі К. Каліноўскага да сялянскіх дэмакратаў і прыхільнікаў сялянскай рэвалюцыі. Аднак як кіраўнік паўстання ён адрозніваўся радыкалізмам загадаў і жорсткасцю дзеянняў.

У вучэбным дапаможніку адлюстраваны яго погляды на дзяржаўна-палітычнае ўпарадкаванне беларускіх земляў у выпадку перамогі паўстання і вызвалення ад панавання самадзяржаўя, адзначана яго імкненне да нацыянальна-тэрытарыяльнага прымірэння Літвы, Беларусі і Польшчы. Тут прасочваецца думка аб першынстве К. Каліноўскага ў абвешчэнні раўнапраўя народаў. Гродзенскія навукоўцы ўбачылі ў К. Каліноўскім знаўцу беларускіх фалькларыстаў, мовы і літаратуры, адзначылі яго з'яднанасць з народамі і яго традыцыямі. У заключэнні параграфу сцвярджаецца думка аб вялікім значэнні для беларусаў і перемнасці ідэй К. Каліноўскага, на аснове якіх будзеца жыццё незалежнай Рэспублікі Беларусь.

У другой частцы курса лекцый аўтарскага калектыву Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам тагачаснага міністра адукацыі краіны П. Брыгадзіна, «якая адпавядае асноўнаму зместу вучэбнай праграмы па гісторыі Беларусі для студэнтаў гістарычных факультэтаў ВНУ» [8], дзейнасць К. Каліноўскага апісваецца толькі ў рэчышчы паўстання. Ён бегла прадстаўлены яго кіраўніком, выдзелена выдавецкая дзейнасць і асноўныя палажэнні «Мужыцкай праўды», аднак асобна яго рэвалюцыйна-дэмакратычныя погляды не разглядаюцца, а згадваюцца толькі ў звязцы «К. Каліноўскі і яго паплечнікі». Галоўнай мэтай яго паўстанцкай дзейнасці лічыцца аднаўленне Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Пры гэтым асабліва падкрэсліваецца яго забытанасць ў этнапапімах: «сваю краіну К. Каліноўскі называў то Беларуссю, то Літвой, ён не змог удакладніць гэтыя паняцці» [8, с. 141]. У дадзенай вучэбнай кнізе відавочнай з'яўляецца антыпатыя ў адносінах да гэтай гістарычнай постаці.

Магілёўскі гісторык Я. Трашчанок прадставіў свой пункт погляду на асобу К. Каліноўскага ў выдадзенай у 2003 г. «Истории Беларуси». Параграф «Польское восстание 1863 г. на белорусских землях» пазбаўлены храналогіі і факталогіі, а ўяўляе сабой аўтарскую інтэрпрэтацыю яго

мэтаў і характару. Навуковец перакананы, што сцвярджэнне яго беларускага нацыянальна-вызваленчага характару, як і «беларускага характару» К. Каліноўскага – гэта міф, які не мае пад сабой факталагічнай аргументацыі. Менавіта для стварэння «нацыянал-экстрэмісцкага міфа» Вікенцій Канстанцін Каліноўскі быў перайменаваны ў Кастуся Каліноўскага. Для Я. Трашчанка ён – паляк па самаідэнтыфікацыі і па паходжанні, таму «ніякіх аб’ектыўных асноў пераўтвараць В. Каліноўскага ў «нацыянальнага героя беларускага народа» не існуе» [20, с. 133].

Аўтары «Истории Беларуси с древнейших времен до нашего времени» І. І. Коўкель і Э. С. Ярмусік каратка, адным абзацам растлумачылі, хто такі Каліноўскі: узначальваў «левае» крыло паўстанцаў у Беларусі, паходзіў са збяднелай шляхты, скончыў Пецябургскі ўніверсітэт, а падчас вучобы ў ім актыўна ўдзельнічаў у рэвалюцыйным гуртку З. Серакоўскага, выдаваў «Мужыцкую праўду», тлумачыў сялянам на зразумелай ім простаай мове грамадска-палітычнае становішча ў краіне, выступаў за ўзнаўленне царкоўнай уніі [13, с. 134–135]. Гісторыкі не дазволілі сабе ацэньваць дзейнасць К. Каліноўскага, акрамя характарыстыкі: «мужны рэвалюцыянер».

У «Гісторыі Беларусі» пад рэдакцыяй Я. Новіка і Г. Марцуля К. Каліноўскі – кіраўнік радыкальнага крыла паўстання са збяднелай шляхты, які меў званне кандыдата па сканчэнні ўніверсітэта ў Пецябургу і дапамагаў у стварэнні тайных рэвалюцыйных групавак на Гродзеншчыне. Ён выказваў свае ідэі на старонках выдаванай ім самім газеты «Мужыцкая праўда». Яна была насычана рэвалюцыйнымі ідэямі: «заклікала беларускі народ да ўзброенай барацьбы супраць самадзяржаўя і паноў, ідэалізавала мінулае беларускага народа, беларускіх сялян заклікала падтрымаць польскі нацыянальна-вызваленчы рух», заклікала да барацьбы супраць праваслаўя» [7, с. 325–326]. Аднак аўтары-складальнікі падручніка не бачылі ні ў «Мужыцкай праўдзе», ні ў дзейнасці К. Каліноўскага таго, што варта было б узвялічваць і шанаваць, – увагі і пашаны можа заслугоўваць хіба толькі той факт, што ўпершыню да беларускага народа звяртаўся на яго мове.

Апошнія дзве кнігі дапушчаныя Міністэрствам адукацыі ў якасці вучэбнага дапаможніка для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў, а значыць, у іх выражана афіцыйная дзяржаўная пазіцыя адносна ролі К. Каліноўскага ў гісторыі Беларусі.

У навучальным дапаможніку аўтарства П. Чыгрынава «История Беларуси с древности до наших дней» К. Каліноўскі паказаны, у першую чар-

гу, рэвалюцынерам, дзейнасць якога будзіць сярод навукоўцаў дыскусіі. Аўтар умоўчае аб сваёй прыналежнасці да нейкага з дыскусуючых бакоў. Разам з тым, ён адмаўляе арыгінальнасць сфармуляванай К. Каліноўскім ідэі «не народ для ўрада, а ўрад для народа» і сцвярджае, што яна была запазычана ў дзекабрыста Пестэля. У дапаможніку адзначаны спецыфічны стыль «Мужыцкай праўды» і яе сацыяльная адрасаванасць – сялянам, уніятam, носьбітам беларускай мовы; а таксама антыцарскі характар газеты, у якой аднак не было прамых заклікаў да захопу памешчыцкіх земляў і да барацьбы за дзяржаўную самастойнасць [21, с. 304–305].

Са старонак кнігі І. Саракавік «Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі» К. Каліноўскі паўстае старшынёй Літоўскага правінцыйнага камітэта, прыхільнікам ідэі перадачы зямлі сялянам, адэптам сялянскай рэвалюцыі і ліквідацыі саслоўнай няроўнасці [17, с. 204–208].

Падручнік па гісторыі Беларусі для восьмага класа М. Біча (1998 г.) падаваў К. Каліноўскага носьбітам рэвалюцыйных ідэй па змене сацыяльнага ладу і дзяржаўнага ўладкавання беларускіх земляў, таленавітым публіцыстам і стратэгам. Адзначалася складанасць яго становішча падчас паўстання, бо прыхільнікі рэвалюцыйна-дэмакратычных ідэй не атрымалі моцнай падтрымкі ў кіраўніцтва паўстання. Кніга знаёміць школьнікаў з кароткай біяграфіяй К. Каліноўскага, прыводзіць фрагменты з успамінаў аб ім Я. Гейштара, з «Маніфеста Часовага ўрада Літвы і Беларусі». Усё гэта сведчыць аб высокай ацэнцы М. Бічом дзейнасці кіраўніка паўстання. Адно з пытанняў у канцы параграфу прапаноўвае вучням вызначыцца ў сваім стаўленні да К. Каліноўскага [3, с. 114–123].

У школьных падручніках па гісторыі Беларусі, што выйшлі з-пад пера У. Сосны, С. Марозавай і С. Панова, для вучняў восьмага і дзевятага класаў (2005, 2011 гг.) К. Каліноўскаму нададзена менш ўвагі ў параўнанні з ранейшымі вучэбнымі кнігамі. Лаканічна, але выразна ён паказаны «прыхільнікам ідэй усталявання народнай улады шляхам сялянскай рэвалюцыі і надання прыгнечаным народам права на самавызначэнне свайго лёсу» [19, с. 86]. Цытата з успамінаў паўстанцаў, прыведзеная ў кнізе, паказвае К. Каліноўскага патрыётам, прыкладам высакароднасці, адзначанае яго адукаванасць і спагаду да народа (сялян) [14, с. 79].

Падручнік па гісторыі Беларусі для дзясятага класа пад рэдакцыяй Я. Трашчанка змяшчае падпараграф «Гістарыяграфічны міф пра Вікенція Кастуса Каліноўскага» і ў ім заяўляе, што «аніякіх аб'ектыўных падставаў для ператварэння Кастуса Каліноўскага ў нацыянальнага героя беларускага народа не існуе». Літаральна на той самай старонцы сцвярджаец-

ца, што «славуты генерал Міхаіл Мураўёў» быў не толькі вешальнікам, але і «таленавітым адміністратарам і арганізатарам». Такім чынам, вучні павінны засвоіць наступнае: герой – не Каліноўскі, герой – Мураўёў [18].

Дадатковым матэрыялам да тэкстаў падручнікаў з’яўляюцца метадычныя распрацоўкі ўрокаў, якія дапамагаюць настаўнікам расставіць акцэнты ў выкладанні той ці іншай тэмы. Так, Г. Галуза, настаўніца вышэйшай катэгорыі, прапанавала пры вывучэнні ў восьмым класе тэмы «Паўстанне 1863–1864 гг. на Беларусі» выдзеліць канцэпцыі К. Каліноўскага па звяржэнні самадзяржаўя, знішчэнні прыгонніцтва і дасягненні нацыянальнай самастойнасці Беларусі [6, с. 62]. Настаўніца-метадыст рэкамендуе ўзяць за эпіграф да ўрока выслоўе: «Не народ для ўрада, а ўрад для народа», а самім урокам сфарміраваць у вучняў уяўленне аб К. Каліноўскім як нацыянальным героі Беларусі [6].

Вялікі дакументальны матэрыял, прысвечаны К. Каліноўскаму і паўстанню 1863 г. на Беларусі, быў змешчаны ў вучэбна-метадычным дапаможніку для настаўнікаў гісторыі і геаграфіі «Мінулае Гродзеншчыны». Гэта падборка дакументаў мае на мэце фарміраванне становага вобразу К. Каліноўскага і высновы аб яго вялікай ролі для Беларусі [1].

Такім чынам, у вучэбнай літаратуры па гісторыі Беларусі жыццё і дзейнасць К. Каліноўскага трактуецца ў межах дзвюх узаемавыключных гістарыяграфічных плыняў, адна з якіх бачыць кіраўніка паўстання нацыянальным героем Беларусі, а другая – дзеячам польскага нацыянальна-вызваленчага руху.

«Мужыцкая праўда», якая выдавалася К. Каліноўскім разам з аднадумцамі, а таксама «Лісты з-пад шыбеніцы» пераўтварылі яго ў аднаго з пачынальнікаў беларускай дэмакратычнай публіцыстыкі. Таму творчая спадчына гэтага дзеяча вывучаецца і на ўроках беларускай літаратуры. Вучэбная праграма па гэтым прадмеце прадугледжвае разгляд вучнямі дзявятага класа другога нумара «Мужыцкай праўды», яго «Пісьмо з-пад шыбеніцы», а таксама верш «Марыська чарнаброва, галубка мая». На настаўнікаў ускладаецца задача даць школьнікам веды аб жыццёвым і творчым шляху К. Каліноўскага, аб яго поглядах на гісторыю і асобу ў «Мужыцкай праўдзе», аб вобразе Беларусі ў яго творах, а таксама разабраць верш «Марыська чарнаброва, галубка мая» як заповіт нашчадкаў [5, с. 70].

Падручнік па беларускай літаратуры для дзясятага класа трактуе К. Каліноўскага як нацыянальнага героя, жыццё і дзейнасць якога былі прасякнуты верай у беларускі народ і яго творчыя сілы: яго «жыц-

цё – подзвіг у імя народа» [12, с. 190]. Аўтары дапаможніка лічаць яго творы «ўзорам бескампраміснага выкрыцця антынароднай палітыкі царызму, крытыкі сацыяльнай несправядлівасці» і сцярджаюць, што яны валодаюць «высокай мастацкай вартасцю» [12, с. 190]. На думку літаратуразнаўцаў, у іх сканцэнтраваліся ўсе крыўды і няшчасці народа, якія назапасіліся за многія стагоддзі.

Беларускі літаратуразнаўца У. Навумовіч прапанаваў вывучаць К. Каліноўскага як нацыянальнага героя Беларусі, свядомага рэвалюцыйнага змагара за свабоду і незалежнасць, народнага заступніка. Аўтар асабліва падкрэслівае, што ён валодаў «сакавітым беларускім словам», пісаў на ім вершы і таму яго можна лічыць таленавітым і адораным чалавекам [15, с. 118–119].

Метадысты, якія працавалі над рэкамендацыямі для настаўнікаў беларускай літаратуры, раюць пры вывучэнні жыццёвага і творчага шляху К. Каліноўскага ставіць на ўроку наступныя задачы: шляхам аналізу творчай спадчыны К. Каліноўскага дапамагчы асэнсаваць яго погляды; на прыкладзе самаадданага служэння К. Каліноўскага роднай зямлі і людзям выходзіць пачуццё гонару за выдатных сыноў Бацькаўшчыны, адказнасць за лёс Радзімы і актыўную жыццёвую пазіцыю [4, с. 37]; дапамагчы вучням усвядоміць месца і ролю К. Каліноўскага ў гісторыі беларускага народа і яго культуры [10, с. 27].

Вырашаць гэтыя задачы прапаноўвалася праз правядзенне на працягу акадэмічнай гадзіны ідэі ахвярнасці і патрыятызму К. Каліноўскага, за што яго можна назваць нацыянальным героем, яго набліжанасці да сялян, праз стварэнне вобразу змагара за шчасце і свабоду [4, с. 38, 40], які любіў Беларусь і жадаў бачыць яе вольнай [10, с. 27]. Метадысты прапаноўваюць розныя тыпы урокаў: урок-прэзентацыя, тэатралізаваны ўрок [2] і ўрок засваення новага матэрыялу, праз якія, на іх думку, можна больш эфектыўна вывучаць творы К. Каліноўскага і фарміраваць у вучняў вобраз нацыянальнага героя Беларусі.

Такім чынам, навейшыя вучэбныя і вучэбна-метадычныя працы па беларускай літаратуры фарміруюць вобраз К. Каліноўскага як выдатнага дзеяча культуры Беларусі, таленавітага пісьменніка і публіцыста, якога безумоўна можна назваць нацыянальным героем. Літаратуразнаўцы, не ўцягнутыя ў дыскусію гісторыкаў аб месцы і ролі гэтай асобы ў гісторыі Беларусі, кансалідаваныя вакол адной ідэі Каліноўскага-героя.

1. 6 февраля 1838 г. – Выписка из метрической книги Яловского парафиального костёла о крещении К. Калиновского // Мінулае Гродзеншчыны: вучэб. метады. дапам. для настаўнікаў гісторыі і геаграфіі. – Гродна, 2004. – Вып. 10. – С. 46.

2. Абрамчык, А. Кастусь Каліноўскі – нацыянальны герой: Тэатралізаваны ўрок у Х класе / А. Абрамчык // Роднае слова. – 1999. – № 9. – С. 65–79.
3. Біч, М. Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1917 г.: Вучэб. дапам. для 8-га кл. агульнаадукац. шк. / Пад рэд. Я. М. Бабосава / М. Біч – Мінск: Нар. асвета, 1998. – 288 с.
4. Босы, І. Жыццёвы і творчы шлях Кастуся Каліноўскага / І. Босы // Беларуская мова і літаратура. – Серыя «У дапамогу педагогу». – 2010. – № 1. – С. 37–41.
5. Вучэбная праграма для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання. Беларуская літаратура V – XI класы. – Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2012. – 127 с.
6. Галуза, Г. Паўстанне 1863 – 1864 гг. у Беларусі / Г. Галуза // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 12. – С. 61–66.
7. Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: падручнік / Я. К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 2007. – 398 с.
8. Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 2. XIX – XX стагоддзі: Курс лекцый / П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладзьсеў, П. І. Зялінскі і інш. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – 656 с.
9. Гісторыя Беларусі: з 1795 г. да вясны 1917 г.: Вучэбны дапаможнік / І. І. Коўкель, І. П. Крэнь, Л. У. Бярэзін і інш.; Рэд. кал.: І. П. Крэнь, І. І. Коўкель. – Мінск: «Аверсэв», 2001. – 400 с.
10. Згрудно, І. «Каго любіш? Люблю Беларусь!» / І. Згрудно // Роднае слова. – 2008. – № 2. – С. 27–30.
11. История Беларуси: Учебн. пособие / Е. Л. Абецедарская, П. И Бригадин, Л. А. Жилунович и др.; Под ред. А. Г. Кохановского и др. – Минск: «Экоперспектива», 1997. – 339 с.
12. Івашын, В. Беларуская літаратура: Падруч. для 10 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / В. Івашын, М. Лазарук. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – 414 с.
13. Ковкель, І. І. История Беларуси: древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – 5-е изд. – Минск: «Аверсэв», 2005. – 605 с.
14. Марозава, С. Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэб. дапам. для 9-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання / С. Марозава, У. Сосна, С. Паноў; пад рэд. У. Сосны. – 2-е выд., дап. і перагледж. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. – 199 с.
15. Навумовіч, У. Кастусь Каліноўскі. Газета «Мужыцкая праўда» / У. Навумовіч / Беларуская літаратура: вучэбны дапаможнік для сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў. – Мінск, 2007. – 478 с. – С. 118–119.
16. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч.1 / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
17. Саракавік, І. Грамадска-палітычны рух у другой палове XIX ст. Паўстанне 1863–1864 гг. [пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага] / І. Саракавік / Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі – Мінск, 2006. – 405 с.
18. Скобла, М. Ці застанецца Каліноўскі на п'едэстале нацыянальнага героя? / М. Скобла [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.svaboda.org/content/transcript/1839934.html> – Дата доступу: 10.01. 2013
19. Сосна, У. Гісторыя Беларусі (XIX ст. – 1917 г.): вучэб. дапам. для 8-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. і рус. мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання / У. Сосна, С. Марозава, С. Паноў; пад рэд. М. Сташкевіча. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. – 167 с.

20. Трещенок, Я. И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: Учебное пособие / Я.И. Трещенок – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 176 с.

21. Чигринов, П. Г. История Беларуси с древности до наших дней: Учеб пособие / П. Г. Чигринов – Минск: Книжный Дом, 2004. – 672 с.

Всялуха Анастасія Міхайлаўна – магістр гістарычных навук, настаўніца гісторыі УА «Дзяржаўная гімназія № 1 г.п. Зэльва».

94(476) |XX-пач. XXI|

А. А. Кайрыс

КАСТУСЬ КАЛІНОЎСКІ Ў ПАМЯЦІ БЕЛАРУСАЎ (XX – пачатак XXI ст.)

У артыкуле разглядаецца працэс трансфармацыі вобраза К. Каліноўскага ў гістарычнай навуцы і ў народнай памяці з пачатку XX ст. да сучаснасці. Закранаецца праблема адлюстравання асобы кіраўніка паўстання 1863–1864 гг. у гістарыяграфіі, літаратуры і мастацтве, вучэбнай літаратуры, памяці беларусаў. Прадстаўленыя вынікі сацыялагічных апытанняў, зробленых аўтарам.

Асоба Кастуся Каліноўскага непарыўна звязана з Беларуссю. На працягу канца XIX – пачатку XXI ст. памяць пра гэтага чалавека жыве. Яго ацэнка гісторыкамі, аднак, мянялася. Ён быў то нацыянальным беларускім героем, то польскім рэвалюцыянерам, то няўдачнікам, то самаадданым барацьбітом за ідэю. Бясспрэчна, такія ваганні ў ацэнках Каліноўскага тлумачацца спробай прыставаць яго асобу да ідэалогіі таго ці іншага перыяду.

Першы артыкул пра К. Каліноўскага, аўтарства В. Ластоўскага, быў надрукаваны 15 сакавіка 1916 г. у віленскай беларускай газеце «Гоман». Гэта быў пачатак беларускай гістарыяграфіі, прысвечанай нашаму герою [7].

Падчас правядзення беларусізацыі ў БССР (1920-я гг.) беларуская гістарычная навука ўпершыню сур’ёзна закранае шмат прынцыповых пытанняў, адным з якіх была роля К. Каліноўскага ў рэвалюцыйнай барацьбе. Першы грунтоўны навуковы аналіз падзеяў паўстання і асобы яго кіраўніка быў зроблены ў артыкулах і манаграфіі У. Ігнатоўскага. Ён ахарактарызаваў паўстанне як

буржуазна-дэмакратычнае, а самага Каліноўскага – як беларускага рэвалюцыянера-дэмакрата, ідэолага левых «чырвоных», які па некаторых пытаннях быў змушаны ісці на кампраміс з правым крылом «белых» [4].

Нацыянальная палітыка беларусізацыі спрыяла стварэнню вобраза нацыянальнага беларускага героя. Асоба Кастуся ідэальна пасавала гэтаму. Пра К. Каліноўскага пачалі шмат пісаць ў навуковых выданнях У. Ігнатоўскі, М. Доўнар-Запольскі, А. Цвікевіч, у газетах. Паэты-маладнякоўцы ўзялі асобу Кастуся, як сімвал народнага гневу і помсты. Напрыклад, верш Алеся Дудара «Не сягоння было і не ўчора». А. Міровічам была пастаўлена п’еса «Кастусь Каліноўскі», а рэжысёрам У. Гардзіным быў зняты фільм пад назвай «Кастусь Каліноўскі» (1928 г.). У фільме Кастусь паказаны як сімвал народнага гневу перад палякамі-прыгнятальнікамі і як змагар з царскім рэжымам. Нацыянальныя моманты ў дзейнасці Каліноўскага апускаліся [16]. У фільме Каліноўскі больш падобны на няўлоўнага мсціўца з шабляй у руках, чым на рэвалюцыянера-падпольшчыка. Змест фільма зусім не адпавядае рэчаіснасці. Тым не менш, Каліноўскі ў 1920-я гг. паўстае як беларускі герой, шырока вядомы грамадству.

Актыўна вывучаецца роля Каліноўскага ў Заходняй Беларусі ксяндзом і сябрам партыі БХД А. Станкевічам [9]. Да цяперашняга часу гэтыя працы, на жаль, не запатрабаваныя гісторыкамі. Падчас грамадзянскай вайны ў Іспаніі дабраахвотнікі з Заходняй Беларусі арганізавалі атрад імя Каліноўскага [8]. Гэта сведчыць аб тым, што памяць пра яго жыла.

З пачатку 1930-х г. у СССР беларускі рэвалюцыянер Каліноўскі, з моцнай нацыянальнай афарбоўкай, не адпавядаў патрабаванням камуністычнай ідэалогіі. Яго асоба ў гістарыяграфіі БССР пачала ацэньвацца як рэакцыйная, а ранейшае ўзвялічванне было ацэненае як «нацыяналістычная фальсіфікацыя беларускай гісторыі». (у прыватнасці, гісторыкам Перцавым, якога прадстаўнікі НКУС прымусілі абвясціць самага сябе) [18].

У час Вялікай Айчыннай вайны ў ацэнцы зноў пачынаюць пераважаць гераічныя рысы. К. Каліноўскі, дзякуючы вершу Пятруся Броўкі (1943 г.) зноў робіцца зборным вобразам беларускага змагара і народнага мсціўцы. «На Беларусі па вёсках ідуць пагалоскі – З’явіўся Кастусь Каліноўскі», – пісаў паэт [14]. У другой палове

1943–1944 гг. на Гродзеншчыне і Беласточчыне дзейнічала партызанская брыгада імя К. Каліноўскага.

У пасляваенны перыяд асобу К. Каліноўскага даследавалі беларускія гісторыкі У. Перцаў, А. Смірноў, І. Лушчыцкі, Г. Кісялёў, С. Самбук. Былі зробленыя высновы пра варожаць К. Каліноўскага польскаму шляхецкаму нацыянальна-вызваленчаму руху і непрызнанне ім вярхоўнай ролі Варшаўскага камітэта. Каліноўскі быў ахарактарызаваны як стваральнік вольнага беларускага друку і выбітны прадстаўнік перадавой грамадскай думкі Беларусі XIX ст. [6]. У рамане знакамітага пісьменніка У. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» (1968 г.) К. Каліноўскі быў адным з галоўных герояў [5]. У гэты перыяд Каліноўскаму прысвяцілі свае творы М. Танк («Каліноўскі»), А. Куляшоў («Хамуціўс»), А. Мальдзіс («Восень парсярод вясны»), І. Капыловіч («Пісьма Караліне»), С. Яновіч («Сярэбраны яздок»).

Узнікненне гераічнага вобразу ў савецкія часы было абумоўлена барацьбой Каліноўскага з самадзяржаўем. Гісторыкі і літаратары звярталі ўвагу найперш на сацыяльна-рэвалюцыйную дзейнасць Каліноўскага і замоўчвалі яго антыімперскі настрой і дзеянні. Такім чынам, у савецкі час Каліноўскаму надавалі рысы сацыяліста і рэвалюцыянера.

Адна са складовых частак нашага даследавання – аналіз вобраза Каліноўскага ў школьных падручніках. У кнізе для чытання, выдадзенай ў 1989 г. (пад рэдакцыяй У. Антонава), Каліноўскі характарызуецца як «...пламенный революционер-демократ, враг царизма, помещиков, всей крепостной системы» [10]. У савецкія часы замоўчваўся антырасійскі накірунак зваротаў К. Каліноўскага. Каб даказаць гэты тэзіс, параўнаем адзін і той жа сказ з «Лістоў з-пад шыбеніцы» у варыянце гэтай кнігі і арыгінальным тэксце. У першым варыянце зварот Каліноўскага выглядае так: «*Братья мои, мужики родные. Из-под виселицы царской приходится к вам писать*» [10]. А вось цытата з «Лістоў з-пад шыбеніцы»: «*Браты мае, мужыкі родныя. З-пад шыбеніцы маскоўскай прыходзіць мне да вас пісаці*» [13]. Як бачна, у тэкście кнігі для чытання аўтары змянілі «*шыбеніцу маскоўскую*» на «*виселицу царскую*». Антырасійскі настрой К. Каліноўскага замоўчваўся.

З пачатку 1990-х г. у Беларусі асобу К. Каліноўскага пачалі асвятляць у іншым рэчышчы – як нацыянальнага героя, які

ўпершыню заявіў аб самастойнасці Беларусі, у тым ліку ў школьных падручніках.

К. Каліноўскі яскрава прадстаўляецца як беларускі нацыянальны герой у кнізе В. Голубева, У. Крука і П. Лойкі *«Ці ведаеце вы гісторыю сваёй краіны?»* (1994 г.) [3]. У дапаможніку 1998 г. для 8 класа (пад рэдакцыяй М. Біча) падрабязна апісана паўстанне 1863 г. і яго ўдзельнікі, узаемаадносіны Каліноўскага з ЦНК і змест «Мужыцкай праўды»; прысутнічаюць успаміны Я. Гейштара аб К. Каліноўскім [1].

У 1990-я гг. шмат ўвагі постаці Каліноўскага надаў даследчык В. Шалькевіч ў працах «Невядомыя старонкі з жыцця Кастуся Каліноўскага», «Бібліятэка братоў Каліноўскіх», у зборніку «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» [2].

З пачаткам ХХІ ст. увага да асобы кіраўніка паўстання ўзмацняецца. У шэрагу школьных падручнікаў ён губляе рысы, уласцівыя яго «партрэтам» папярэдніх перыядаў. Так, у вучэбным дапаможніку па гісторыі Беларусі для 10 класа адзначаецца: *«По этнической самоидентификации, он был, безусловно, поляком и никогда не называл себя белорусом»*. І далей ідзе выснова: *«Никаких объективных оснований превращать В.Калиновского в «национального героя белорусского народа» не существует»* [11].

Гісторык А. Гронскі ў працы «Конструирование героя: Кастусь Калиновский» піша пра Каліноўскага як пра «рэвалюцыянера-фанатыка», які хацеў бачыць Літву краінай сялянаў, што спавядаюць утапічны сацыялізм. Каліноўскі, на яго думку, выкарыстоўваў выразна сялянскія, антыпрыгонныя матывы выключна ў сваіх дэмагагічных мэтах [17].

Даводзячы «польскасць» Каліноўскага, сучасныя аўтары зусім не ўлічваюць яго ацэнкі расійскім карнікам генерал-маёрам В. Ратчам: *«Константин Калиновский с настроением герценовской школы во главе честолубивейших личностей из красных литвинов настойчиво проводил идею о самостоятельности Литвы»* [6]. Прыводзяць цытату з «Лістоў з-пад шыбеніцы»: *«І да нашага кутка даляцела ваша Газэтка, і мы яе з увагай прачыталі; вельмі яна ўсім спадабалася, бо праўда напісана. Прыймеце для таго нашу падзяку, а пiсьмо адрэдукуйце, каб знаў свет Божы, як мужыкі Беларусы глядзяць на маскалёў і паўстанне польскае, чаго яны хочуць і чаго па сваёй сіле дабіваюцца будуць»* [6]. Вось што казаў пра Кастуся сакра-

тар Варшаўскага ўраду Юзэф Яноўскі: *«Каліноўскі не жадаў мець ніякага адношання да шляхты, а абаніраўся толькі на народ. Сувязь Літвы з Польшчай разумеў толькі як фэдэратыўную – з поўнай незалежнасцю Літвы. Не вызнаваў спаўна ўладу Цэнтральнага камітэту, не жадаў прымаць адтуль ніякіх загадаў або даручэнняў. Гэтая пазіцыя Каліноўскага, якую не ўсе ў Камітэце цалкам падзялялі, была падставай для непаразуменняў»* [6]. Лідэр літоўска-беларускіх «белых» Якуб Гейштар пісаў: *«Гэта была натура запальчывая, але справядлівая, без аніякага ценю крывадушнасці. Addаны душою і сэрцам народу, аднак прыхільнік крайніх рэвалюцыйных тэорыяў, які не спыняўся нават перад развязаннем грамадзянскай вайны і думаў, да таго ж пра самастойнасць Літвы. Быў непараўнальным, узорным канспіратарам, душою Камітэту... Пры першым знаёмстве давёў мне, што ўдзел шляхты і абшарнікаў у паўстанні не толькі не патрэбны, але і шкодны. Народ сам заваёвае сабе волю і запатрабуе ўласнасць у абшарнікаў»* [1].

Такім чынам, сучаснікі сведчаць, што К. Каліноўскі лічыў сябе літвінам і выступаў за самастойнасць і незалежнасць Беларусі-Літвы ад Польшчы і Расіі. Лічу спробу «расправы» з Каліноўскім на старонках сучасных школьных падручнікаў па гісторыі Беларусі і гістарычнай літаратуры памылкай, адмовай ад гістарычных, патрыятычных і вайсковых традыцый, бо К. Каліноўскі – найлепшы прыклад патрыятызму і адданасці сваёй ідэі і справе.

Як сёння жыве памяць аб рэвалюцыянеры і змагары ў Рэспубліцы Беларусь? У Мінску і Гродна ў гонар Каліноўскага названы вуліцы. Верыцца, неўзабаве з'явіцца і помнік. На чыгуначным вакзале ўсталявана шылда ў памяць аб паўстанцах, якія на цягніку спрабавалі прарвацца ў Парэчча, але з-за здрады трапілі ў засаду. Каментар гродзенскага краязнаўца У. Хільмановіча: *«Прарвацца ўдалося толькі невялікай купцы людзей: па розных дадзеных ад 8 да 15 чалавек, якія здолелі выехаць на станцыю «Парэчча». Астатнія рассяліся па горадзе, пасля невялікага бою, дзе было паранена некалькі чалавек з гродзенскай моладзі, пачаліся рэпрэсіі. Шукалі ўдзельнікаў – усіх вядома знайшлі не ўдалося, але да тых, каго расійскім уладам удалося вылавіць, былі прымененыя высылкі, звальненні з працы і гэтак далей»* [15]. Кожны год некаторыя гродзенцы адзначаюць гэтую дату (14 сакавіка) ўскладаннем кветак да шылды. Капліцу-шыльду на пачатку 90-х выканалі сумесна

скульптар Уладзімір Панцалееў і каваль Юрась Мацко. Гэта адзіны напамін у Гродне пра паўстанне 1863 г. Надпіс на шыльдзе наступнага зместу: *«Тут на чыгуначным вакзале 14 сакавіка 1863 г. адбыўся бой паміж атрадам «гродзенскай рэвалюцыйнай арганізацыі» і царскім войскам»*. У 2004 г. гродзенцамі была высунута прапанова ўшанаваць каліноўцаў перайменаваннем плошчы Леніна [15].

У Гродна шмат цікавых месцаў, звязаных з асобай К. Каліноўскага. У музеі Максіма Багдановіча прадстаўлены матэрыял як пра паўстанне 1863 г. і яго кіраўніка: партрэты Каліноўскага, фатаздымкі, фрагмент «Мужыцкай Праўды».

У 2011 г. гарадзенскія гісторыкі прэзентавалі зборнік «Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі» у двух частках: Кастусь Каліноўскі і яго час, Кастусь Каліноўскі як гістарычны міф» [12]. Было адзначана, што мы да сённяшняга дня не ведаем, дзе знаходзіцца магіла Каліноўскага, аднак 2 гады таму мы знайшлі перапіску віленчукоў, дзе можна ўбачыць імя «Канстанцін Каліноўскі»; неабходна глыбей зразумець яго светапогляд.

У доме аптэкара Фукса на Савецкай вуліцы, дзе неаднаразова бываў К. Каліноўскі, яшчэ ў 1990 г. вырашылі павесіць памятную шыльдзу, але да сённяшняга дня яна так і не ўстаноўлена. У Гродзенскай вобласці помнік К.Каліноўскаму ёсць толькі ў Свіслачы.

На жаль, не ўсе жыхары вобласці ведаюць, хто такі Каліноўскі. У 2010 г. аўтар праводзіў апытанне на гэты конт сярод вучняў старэйшых класаў і настаўнікаў. Са 119 чалавек 87 адказалі: нацыянальны герой, кіраўнік паўстання, герой Беларусі. 32 чалавекі далі няправільны адказ: пісьменнік; калабарант, тэрарыст; герой рамана Васіля Быкава; беларускі паэт; польскі паўстанец; кандыдат у прэзідэнты.

Апытаныя былі таксама мінакі на вуліцы. Толькі 9 чалавек згадзіліся паразмаўляць аб Каліноўскім. 3 чалавека далі адказы: беларускі герой, кіраўнік нацыянальна-вызваленчага паўстання, рэвалюцыяне». Астатнія адказы былі ізноў нечаканымі: кіраўнік БНФ; знакамiты партызан; спявак; вялікі князь літоўскі і да т.п.

Што чакае памяць аб Каліноўскім? Гераічнай асобе Кастуся ў беларускай гісторыі нічога не пагражае. Ён застаецца для грамадства і гісторыі рамантычным героем, які змог першы і адзіны ў сваім часе сказаць пра мужыцкі народ, беларускі народ. Ён заявіў пра беларусаў, як пра людзей з гісторыяй, гонарам і мовай.

Гісторыя К. Каліноўскага, які адзін з першых выступіў за самастойнасць Беларусі, яе мову і культуру, нясе вялікі выхаваўчы патэнцыял. Для нас, беларусаў, вельмі важнымі застаюцца словы паролу паўстанцкай арганізацыі на чале з К. Каліноўскім:

- *Каго любім?*

- *Люблю Беларусь.*

- *Так узаемна!*

1. Біч, М. В. Гісторыя Беларусі. 8 клас / М.В.Біч. – Мінск: Народная асвета, 1998. – С. 114–123.

2. Гілеп, У. А., Грыцкевіч, А. П., Кушнер, В. Ф., Басава, В. А. Славутыя імёны Бацькаўшчыны. – Мінск: Беларускі фонд культуры, 2003. – С. 192–218.

3. Голубеў, В. Ф., Крук, У.П., Лойка, П. А. Ці ведаеце вы гісторыю сваёй краіны? – Мінск: Народная асвета, 1994. – С. 92–100.

4. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – Мінск: Беларусь, 1992 – С. 169–170.

5. Караткевіч, У. // Каласы пад сярпом тваім / У.Караткевіч. – Мінск: Ураджай, 2002. – С. 256, 314, 422.

6. Кісялёў, Г., Янушкевіч, Я. Кастусь Каліноўскі. За нашу вольнасць. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999.

7. Ластоўскі, В. Ю. Памяці справядлівага // Гоман. – 1916. – 16.02. – № 1.

8. Станкевіч, А. Да гісторыі палітычнага вызвалення. – Вільня, 1934.

9. Станкевіч, А. Кастусь Каліноўскі «Мужыцкая праўда». Ідэя незалежнасці Беларусі. – Вільня, 1933.

10. Антонов, В. С., Огнянов, М.Б., Пирумова, Н. И. Книга для чтения по Истории СССР. XIX век. – Москва: Просвещение, 1989. – С. 121–126.

11. Трещенок, Я. И., Воробьёв, А. А., Волженков, В. В. История Беларуси. 10 класс. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2008. – С. 191.

12. Гародня: Каліноўскі — спрэчная асоба [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу— <http://www.arche.by/by/39/30/6190/Гародня-Каліноўскі-—спрэчная-асоба.htm> [Апошні зварот] – 06.10.2011.

13. «Мужыцкая праўда». «Лісты з-пад шыбеніцы» [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу <http://www.bielarus.net/archives/2005/02/04/166> – [Апошні зварот] –29.01.2011.

14. Пятрусь Броўка. Верш «Кастусь Каліноўскі» [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу <http://brouka.ru/vershy/kastus-kalinouski> – [Апошні зварот] –09.02.2011.

15. У Гродне ўшанавалі Каліноўцаў [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу— <http://new.racyja.by/news/u-grodne-ushanavali-kalinoutsau> [Апошні зварот] – 06.10.2011.

16. Кастусь Калиновский. Информация о фильме [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/9305/annot/> – [Апошні зварот] –29.01.2011.

17. Конструирование героя: Кастусь Калиновский. Александр Гронский [Электронны рэсурс] // Рэжым доступу http://beldumka.belta.by/ru/issues?author_id=22 – [Апошні зварот] –29.01.2011.

18. Три источника о трех историках в трех периодах одной эпохи: В. И. Пичета, В. Н. Перцев, Л. М. Шнеерсон / В. В. Яновская, О. А. Яновский» [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.rsijournal.net/tri-istochnika-o-trex-istorikakh-v-trex-periodakh-odnoj-epoxy-i-picheta-v-n-percev-l-m-shneerson-v-v-yanovskaya-o-a-yanovskij-sost-predisl> // – [Апошні зварот] –13.02.2011.

Кайрыс Аляксей Алегавіч – студэнт Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

УДК 94 (476) | 20

А. М. Весялуха

РОЛЯ «КАРОТКАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ» ВАЦЛАВА ЛАСТОЎСКАГА Ў ФАРМІРАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАСВЯДОМАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Паказана вырашэнне В. Ластоўскім адной з галоўных задач беларускага нацыянальна-вызваленчага руху з дапамогай апісання ў «Каротай гісторыі Беларусі» (1910 г.) гістарычнага шляху беларускага народа і размежавання катэгорый «мы» і «яны», што паспрыяла фарміраванню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў.

Нацыянальная самасвядомасць – сукупнасць уяўленняў, пачуццяў і ведаў чалавека аб сваёй прыналежнасці да пэўнай нацыі, а таксама аб сваім месцы і ролі ў жыцці роднага народа. Першасныя элементы нацыянальнай самасвядомасці пачынаюць складвацца яшчэ ў першабытным грамадстве, калі людзі праяўляюць схільнасць мысліць у катэгорыях супрацьпастаўлення «мы» – «яны». Звычайна прадстаўнікі сваёй этнічнай супольнасці («мы») па шэрагу антрапалагічных, псіхалагічных, культурных, моўных прыкмет ацэньваюцца адназначна пазітыўна, а сябры іншаэтнічных груп, наадварот, найчасцей яўна негатыўна. Канчатковае фармаванне нацыянальнай самасвядомасці адбываецца ў працэсе ўтварэння нацыі на аснове ўсведамлення людзьмі свайго агульнага паходжання і непарыўнай звязанасці з роднай зямлёй, адчування самабытнасці сваёй культуры, мовы, нацыянальнага характару, менталітэту, пачуцця агульнанацыянальнай салідарнасці [1].

Пачатак XX ст. адзначыўся ўздымам беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, які суправаджаўся фарміраваннем бе-

ларускай нацыянальнай ідэі, нацыянальнай самасвядомасці. Гэта ў сваю чаргу патрабавала іх навуковага абгрунтавання, папулярнага тлумачэння для народных мас, каб мабілізаваць іх актыўнасць з мэтай дасягнення нацыянальнага дабрабыту. Акрамя таго неабходна было паказаць супрацьпастаўленне «мы» – «яны», хто ёсць «мы», а хто «яны», даказаць нятоеснасць гэтых паняццяў. На тагачасную беларускую інтэлігенцыю ўскладвалася скаладаная задача: узняць беларуса з узроўню «тутэйшасці» – прывязанасці непасрэдна да малой радзімы, да ўзроўню нацыянальнай самаідэнтыфікацыі.

У той жа час Вацлаў Ластоўскі, напісаўшы «Кароткую гісторыю Беларусі», выступіў як «носьбіт асобаснай свядомасці» (па выразу С. Лур'е). Носьбіты асобаснай свядомасці ў адрозненне ад носьбітаў свядомасці традыцыйнай – гэта людзі, у крытычны момант для этнасу вызначаючыя іерархію каштоўнасцей, без якой культура занепадае, а пазней і знікае, асімілюючыся з больш моцнай [5]. Ён разумеў, што шукаць гэтыя каштоўнасці неабходна ў гісторыі краю, як і вытокі нацыянальнай самасвядомасці, тым больш, калі разглядаць яе «з становішча карысцей і шкод беларускага народа» [3, с. 5].

У пачатку XX ст. актуалізавалася праблема гісторыі Беларусі як нацыянальнай гісторыі, як фундамента для пабудовы далейшага жыцця народа, «які, згубіўшы ў векавой спячцы свядомасць свайго нацыянальнага я, разам прачнуўся і яшчэ няпэўнымі крокамі кіруецца да яснай будучыны: смеласць і веру ў гэтую будучыну дасць яму толькі пачуццё, што ён мае пад сабой моцны, вякамі будаваны фундамент, і знанне, хто ён такі, чаму займае непачэснае месца пасынка ў сям'і зродных плямён, як дайшоў да такога палажэння» [2, с. 598]. Менавіта такія задачы вырашаліся Вацлавам Ластоўскім у яго «Кароткай гісторыі Беларусі»: абагульніўшы вядомыя звесткі аб мінулым краіны, ён раскрывае сутнасць катэгорый «мы» і «яны», паказвае іх несінанімічнасць, адрозненні амаль ва ўсіх сферах жыццядзейнасці грамадства. Прычым, сваёй працай ён спрыяе не толькі фарміраванню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, але і абуджэнню іх нацыянальнай годнасці.

Пад катэгорыяй «мы» Вацлаў Ластоўскі разумее беларусаў, аднак не звяртаецца да этымалогіі гэтага этноніма, таму яшчэ блытаецца ў выкарыстанні іншых: русіны, ліцвіны – не атаясамліваючы іх: «у Літоўскіх землях жылі і беларусы ў перамешку з літвінамі»

[3, с. 11]. Ліцвіны не выступалі ў якасці ворагаў і таксама далучаюцца да «нас». Пад катэгорыяй «яны» гісторык падае палякаў і «расейцаў», якія ўвесь час прыносілі толькі шкоду беларусамі, распаўсюджваючы сярод іх свае культуры, уключаючы ў свае дзяржавы. Складанасць тагачаснага грамадскага становішча заключалася ў тым, што «яны» не ўспрымаліся чужынным элементам ў свядомасці народа, таму «Кароткая гісторыя Беларусі» ламала дадзеныя стэрэатыпы.

«Мы» не «яны» па паходжанні: на землях паміж Заходняй Дзвіной, Дняпром і Прыпяццю жылі вельмі падобныя паміж сабой славянскія плямёны крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў, якія з-за сваёй падобнасці і «зліліся ў адзін беларускі народ» [3, с. 7].

«Мы» не «яны» па дзяржаўных вытоках і традыцыях: «на абшары беларускй зямлі яшчэ да прызвання князеў у Ноўгарад пачалі складацца свае княжствы» [3, с. 7]. Самым моцным княствам В. Ластоўскі называе Полацкае, якое, на яго думку, з'яўляецца народатворчым цэнтрам. Яно мела дэмакратычныя пачаткі – ім кіраваў народ праз усеагульны сход веча, дзе выбіраўся князь.

Паколькі літвіны ўспрымаліся добранадзейнымі і сяброўскімі суседзямі, то створаная супольная дзяржава «Літоўска-Рускае княства» (Вялікае княства Літоўскае) разглядаецца як свая ў значнай меры таму, што беларуская культура дамінавала над літоўскай, а панаваўшыя літоўскія роды, як адзначае В. Ластоўскі, узніклі ў выніку шлюбных саюзаў з беларускімі [4, с. 264]. У гэты час быў дасягнуты росквіт ва ўсіх грамадскіх сферах, сфарміравана палітычная эліта, сярод якой ідэальным кіраўніком паказаны Вітаўт, які меў на мэце «заснаваць незалежнае зусім гасударства» [3, с. 27].

Польская дзяржава ад пачатку да заняпаду Рэчы Паспалітай бачыцца як чужынны арганізм і нават – з нацыянальнага пункту гледжання – у вялікай ступені варожы. Карысці ў саюзе з Польшчай не бачыцца зусім. Польшча асуджаецца за тое, што саюзы з ёй выклікалі культурнае, ў тым ліку моўнае спялячванне, з якога паўставалі рэлігійныя сваркі і палітычнае размежаванне ў літоўска-беларускім грамадстве [4, с. 264].

Расійская дзяржава, а менавіта Маскоўскае княства, ужо ў пачатку XVI ст. выступае як адкрыты вораг і агрэсар, грунтуючыся на тэорыі даўняй прыналежнасці беларускіх земляў Маскве, што ў сваю чаргу не адпавядала гістарычнай рэчаіснасці. Цяжкія

войны прынеслі вялікія эканамічныя страты, што ў сваю чаргу падштурхнула Вялікае княства Літоўскае да збліжэння са сваім заходнім суседам. Маскоўскае княства малоецца як дзяржава, што ваюе з Беларуссю, вынішчае яе, як грамадства з нізкім культурным узроўнем, якое часам пераймае дасягненні беларусаў [4, с. 268]. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і ўключэння беларускіх земляў у склад Расійскай дзяржавы, апошня, каб апраўдацца перад сусветнай супольнасцю, зноў вярнулася да міфа аб роднаснасці беларускага народа з рускім.

Для В. Ластоўскага, безумоўна, суседнія дзяржавы, якія даказвалі сваё права на кіраванне і панаванне на Беларусі, з'яўляюцца зусім чужыннымі арганізмамі, не маючымі ніякіх гістарычных правоў на перанясенне іх палітычных традыцый на дадзеную тэрыторыю.

«Мы» не яны і ў культурным плане. Гісторык перш за ўсё звяртае на моўнае адрозненне: беларусы маюць сваю, беларускую, мову, якая на працягу доўгага перыяду была дзяржаўнай, на якой напісаны заканадаўчыя дакументы, стаўшыя ўзорам для расійскіх. Прыводзіцца нават той факт, што беларуская друкарня была адкрыта ў Кракаве на 22 гады раней, чым польская. Па ўзроўню адукацыі беларусы таксама аспярэджвалі сваіх суседзяў, друкаваных кніг па-беларуску выходзіла ў некалькі разоў больш, чым у бліжэйшых народаў.

Разам з тым, «Кароткая гісторыя Беларусі» змяшчае апісанне гераічных падзей і выбітных асоб, накіраванае на абуджэнне пачуцця нацыянальнай годнасці і гонару. Разбуральныя войны з Маскоўскім княствам XVI ст., доўгае супрацьстаянне злучэнню з Польшчай, барацьба казакоў, сялян супраць мясцовай шляхты і магнатаў, вайна 1654–1667 гг. адлюстроўваюць няпросты шлях беларусаў да прызнання іх як нацыі. Ізяслаў, Усяслаў (Чарадзеі), Кейстут, Вітаўт, Канстанцін Астрожскі – паітычныя дзеячы, якія імкнуліся да велічы сваёй Радзімы.

Такімі чынам, В. Ластоўскі ў 1910 г. вырашыў адну з галоўных задач беларускага нацыянальна-вызваленчага руху з дапамогай апісання гістарычнага шляху беларускага народа, размежаваўшы катэгорыі «мы» і «яны», што паспрыяла фарміраванню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў.

1. Нацыянальная самасвядомасць [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://slounik.org/154395.html> – Дата доступу: 16. 09. 2011.

2. Г. Б. // Наша ніва. – 1910. – № 39.

3. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1993. – 126 с.: іл.

4. Радзiк, Р. Погляд на Польшчу і Расію ў «Кароткай гісторыі Беларусі» Вацлава Ластоўскага / Р. Радзiк / Скарыназнаўства, кнігазн-ва, літаратур-ва: Мат-лы III Міжнар. кангрэса беларусістаў; Бел. к-ра ў дыялогу цыв-цый (Мінск. 21–25 мая, 4– снежня 2000 г.) / Рэдкал.: У. Конан (гал. рэд.) і інш. – Мн.: Беларус. кнігазбор, 2001. – 364 с. = (Беларусіка – Albaruthenica; Кн. 20). – С. 262–270.

5. Чернявская, Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов / Ю. Чернявская [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://old.belintellectuals.eu/discussions/?id=88> – Дата доступу: 16.09. 2011.

Весялуха Анастасія Міхайлаўна – магістр гістарычных навук, настаўніца гісторыі УА «Дзяржаўная гімназія № 1 г.п. Зэльва».

УДК 173-398

С. І. Марцынкевіч, Г. Я. Каданчык

АДРАДЖЭННЕ, ЗАХАВАННЕ І ПРАПАГАНДА НАРОДНЫХ ТРАДЫЦЫЙ СЯРОД СТУДЭНЦКАЙ МОЛАДЗІ (З ВОПЫТУ РАБОТЫ СТУДЭНЦКАГА НАВУКОВАГА ГУРТКА «СПАДЧЫНА» БДСГА)

Раскрыты вопыт навучальнай і выхаваўчай працы са студэнтамі гуртка «Спадчына» ў Беларускай дзяржаўнай сельскагаспадарчай акадэміі, які далучае моладзь да засваення беларускіх нацыянальных традыцый і каштоўнасцей.

Дынамічнае развіццё сучаснага свету патрабуе ад сістэмы нацыянальнай адукацыі адпаведнага рэагавання, паколькі на гэтым шляху наша краіна можа ажыццявіць навукова-тэхналагічны прарыв і забяспечыць годнае месца ў еўрапейскай і сусветнай супольнасці. Асноўнай творчай сілай на кожным этапе ажыццяўлення гэтай задачы ёсць і будуць высокаадукаваныя кадры, якія пастаянна папаўняюцца маладымі выпускнікамі ВНУ. Менавіта для поўнага раскрыцця творчага патэнцыялу беларускага студэнцтва мы абавязаны стварыць неабходныя ўмовы ў навучальнай установе.

У сучасных умовах глабалізацыі культурнай і інфармацыйнай прасторы гэта набывае асаблівае значэнне. Дэструктыўная форма глабалізацыі, жорсткае працівастаянне духоўна-каштоўнаснай арыентацыі прыводзяць да аслаблення патрыятычных пачуццяў і размывання паняцця нацыянальнай годнасці. Таму пралікі і ўпушчэнні ў навучальным і выхаваўчым працэсах могуць прывесці да негатыўных наступстваў у фарміраванні маладой асобы.

Паколькі толькі нацыянальная духоўнасць умоцоўвае патрыятычныя пачуцці і вучаць любові да роднай зямлі, то заканмерна звярнуцца да яе выхаванчага патэнцыялу. Бо ўсе, што перажыў народ на розных этапах сваёй гісторыі, ён так ці інакш зафіксаваў у сваёй нацыянальнай культуры. Таму задача захавання і памнажэння культурных і духоўных традыцый нашага народа з'яўляецца сапраўды прыярытэтнай ў фарміраванні светапогляду сучасных студэнтаў.

Зразумела, што ў сучасных ўмовах няпроста прывіць маладым людям, гаворачы словамі Д. С. Ліхачова, пачуцця «духоўнай аседласці», прывязаннасці да родных мясцін, да нацыянальных культурных каштоўнасцей. Глобальная эканоміка паглынае, інтэгруе мясцовую, а традыцыйная культура адчувае ўсе большы ўціск праз спробы яе ўніфікацыі. І гэтыя памкненні ўплыву праз інакультурныя уздзеянні набываць усё больш агрэсіўны характар. Нездарма, як рэакцыя на гэту небяспеку, быў прыняты спецыяльны міжнародны дакумент – «Дэкларацыя культуры».

Што чакае на гэтым шляху моладзь, якая безумоўна з'яўляецца галоўным аб'ектам уздзеяння? Калі не супрацьстаяць гэтым разбуральным памкненням – страта духоўных каранёў. Адбудзецца збой, які няхай і не адразу, дасць аб сабе знаць. Выхаванне моладзі ўключае ў сябе шмат складнікаў. Калі ў гэтым сваеасаблівым ланцугу выпадзе хоць адно звяно, то непроста парушаецца наладжаная сувязь пакаленняў, а ўзнікае сапраўдная пагроза самаўсведамленню сябе як носбіта культурнага вопыта свайго народа.

Калі свет рухаецца ў напрамку глабальнага аб'яднання, то гэта так ці інакш закранае жыццё большасці людзей на зямлі. Зараз жыхары планеты з легкасцю пералятаюць з адной часткай света ў другую. А мабільная сувязь, спутнікавае тэлебачанне і інтэрнет хутка даносяць інфармацыю аб падзеях і культуры на розных кантынентах. Перш за ўсё гэта закранае моладзь, якая дзякуючы су-

часным сродкам масавай камунікацыі, аказваецца ўцягнутай у вялікую колькасць культурных феноменаў, сэнсаў і каштоўнасцей. Аднак збліжэнне людзей розных культур, нацый і поглядаў праз інфармацыйную сетку не павінны невіліраваць і ўніфіцыраваць асобу, пазбаўляючы яе пачуцця грамадзянскасці і патрыятызма.

І адзіны шлях, каб дапамагчы нашай моладзі набыць светапоглядную устойлівасць, – гэта далучыць яе да нацыянальнай культуры, да засваення нацыянальных традыцый і каштоўнасцей. Бо як слухна на конт гэтага сказаў А. Р. Лукашэнка на цырымоніі ўручэння прэміі прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне» у студзені 2011 г.: «Нацыянальная культура набывае ўсе большую палітычную сілу і значэнне як надзейны гарант захавання ідэнтычнасці і самабытнасці народа, каштоўнейшая перавага ва ўмовах глабалізацыі».

Прышоў час арганізаваць і накіраваць імкненне навучэнцаў да самапазнання, дапамагчы ім атрымаць як мага больш поўныя веды аб нашай гісторыка-культурнай спадчыне, паказаць яе значнасць не толькі для нацыянальнай, але і агульначалавечай культуры. На наш погляд, у большай ступені тут можа быць выкарыстаны культуралагічны патэнцыял краязнаўства. Адметнай рысай краязнаўства з'яўляецца вывучэнне прадметаў і з'яў культурна-гістарычных працэсаў не наогул, а праз іх тыя асаблівасці, якія вызначаюцца знаходжаннем у межах пэўнага рэгіёна Беларусі. Дзеля яе важна выдзеліць тыпавое, характэрнае для дадзенага раёна, стварыўшы цэлую карціну ўзаемаадносін і сувязей у межах дадзенай культурнай прасторы. Культурны ландшафт (прырода, мова, архітэктура, традыцыі народнага мастацтва і г.д.), які складаўся на пэўнай тэрыторыі, – гэта не выпадковы агламерат прадметаў і з'яў, а гарманічнае цэлае.

Беларуская культура шмат чаго незваротна страціла за стагоддзі сваёй нялегкай гісторыі. Тым не менш кожны куток нашай Радзімы не згубіў яшчэ сваю самабытнасць і непаўторнасць, захаваў моўныя, фальклорныя, этнаграфічныя і іншыя асаблівасці. А менавіта адметнасць культурнай прасторы стварае своеасаблівы мікракосмас, у якім фарміруюцца духоўныя арыенціры маладой асобы.

Для фарміравання пачуцця патрыятызму надзвычай важна, каб чалавек ужо змалку адчуваў і ўсведамляў сябе носьбітам і спадкаемцам культурнай традыцыі, якая склалася ў народа на працягу

вякоў. А гэта стане магчымым толькі тады, калі маладое пакаленне беларусаў будзе спасцігаць веды пра сваю гісторыю і культуру не толькі праз падручнікі і кнігі, але і само займацца пошукавай і даследчыцкай працай па вывучэнні адметнасці і самабытнасці культурнага асяроддзя, што іх акружае. Гэта безумоўна дапаможа выхаванню грамадзянскасці і адказнасці за захаванне гісторыка-культурнай спадчыны.

Сення, калі Беларусь перажывае новы этап свайго дзяржаўнага і культурнага адраджэння, час патрабуе абудзіць у студэнтаў жаданне бліжэй пазнаёміцца з лепшымі традыцыямі беларускага народа. Цікавы вопыт ў пошуках сучасных форм навучальнай і выхаваўчай працы са студэнцкай моладдзю назапашаны ў гуртку «Спадчына», які больш двух дзесяцігоддзяў працуе на кафедры гісторыі і культуралогіі БДСГА. Кожны год выпускнікі акадэміі папаўняюць шэрагі сельскай інтэлігенцыі і, акрамя праяўлення ўзроўня прафесійнай падрыхтоўкі, яны павінны стаць і актыўнымі носьбітамі традыцыйных каштоўнасцей беларускага народа. Таму прыкладаюцца значныя намаганні, каб са сцен ВНУ выходзілі не толькі сучасна адукаваныя спецыялісты, але і патрыятычна выхаваныя грамадзяне сваёй краіны. Апошнія гады гурток «Спадчына» акцэнтаваў сваю цікавасць на традыцыйнай культуры. Адметнай рысай работы «Спадчыны» з'яўляецца самастойная і практыкаарыентаваная праца студэнтаў. Тым самым ствараецца матывацыя не толькі да паглыблення ведаў, але і для набывання вопыту краязнаўчага даследвання.

Гэта найбольш датычыцца ўзмацнення патэнцыялу навучальнага і выхаваўчага працэсаў праз стварэнне беларускай культурнай прасторы ў памяшканнях дзеля семінарскіх заняткаў. З дапамогай выкладчыкаў студэнты займаліся зборам, сістэматызацыяй і вывучэннем рэчаў з традыцыйнага народнага побыту і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва беларусаў. Гэты напрамак працы знайшоў водгук у ўдзельнікаў гуртка і іншых навучэнцаў, якія прынялі самы актыўны ўдзел у краязнаўчай працы па пошуку экспанатаў. Пад час пошуку і збору прадметаў побыту і народнага мастацтва студэнты змаглі пановаму зірнуць на нашу спадчыну, спасцігаючы не толькі гатовыя веды, але і трымаючы ў руках рэчы народнага побыту з розных рэгіёнаў Беларусі. Праз вынікі сваёй працы мелі магчымасць бачыць новае і цікавае ў даўно знамым, вызначыць адметнасць і

самабытнасць культурнага асяроддзя той ці іншай мясцовасці. Добра, калі есць магчымасць не проста ўбачыць экспазіцыю ў краязнаўчым музеі, але і падтрымаць рэчы народнага побыту ў руках.

Пры зборы артэфактаў матэрыяльнай культуры ставілася на мэце адбіраць найбольш тыповыя рэчы сялянскага побыту і мастацкіх рамёстваў. Стараліся збіраць прадметы комплексна, аддаючы перавагу найбольш старажытным, якія потым сталі галоўнымі пры падрыхтоўцы экспазіцыі. Вынікам працы студэнтаў і выкладчыкаў з'явілася афармленне ў адной аўдыторыі ў цікавай экспазіцыі сялянскага побыту, у другой – комплексаў народнага адзення і вырабаў дэкаратыўна – прыкладнога мастацтва беларусаў.

Менавіта для пашырэння ўяўленняў моладзі аб беларускай мінуўшчыне, аб культурных традыцыях народа і былі створаны гэтыя аўдыторыі. Зараз яны выкарыстоўваюцца не толькі дзеля правядзення заняткаў: тут праводзіць пасяджэнні гурток «Спадчына», праходзяць алімпіяды і канферэнцыі, адбываюцца сустрэчы з народнымі майстрамі, праводзяцца экскурсіі і мерапрыемствы для замежных студэнтаў. Па водгуках навучэнцаў, тут існуе асаблівая атмасфера, якая ўражвае і пакідае эмацыйны след, набліжае да мінулага, дае адчуць павязь часоў.

Цяперашні час патрабуе, каб падрыхтоўка маладых спецыялістаў адпавядала сучасным інавацыйным тэхналогіям. Але ці выключае гэта выкарыстанне выхаваўчага патэнцыялу скарбніцы народнай культуры?

Ва ўмовах глабалізацыі і уніфікацыі побыту многім маладым людзям недастае ведаў і аб традыцыйнай беларускай абраднасці. Мы перакананы, што веданне гэтай духоўнай спадчыны з'яўляецца важным фактам нацыянальна-дзяржаўнай самаіндэнтыфікацыі маладога чалавека яго самапазнання і самавызначэння як грамадзяніна і патрыота.

Традыцыйныя абраднасць – гэта не толькі частка побыту, а і спрадвечная крыніца народнай памяці. Замацаваныя ў ей маральныя ўстаноўкі, мадэлі паводзінаў вызначаюць паспяховае развіццё асобы. Веданне нацыянальных традыцый, пашырэнне ўяўленняў аб беларускай мінуўшчыне мае на мэце таксама і дапамогу студэнтам ва ўсведамленні сваёй адказнасці за лёс і будучыню нашай бацькаўшчыны.

На жаль, апошнім часам досыць бачна абазначылася тэндэнцыя насычання свядомасці навучэнцаў пераважна прафесійнай інфармацыяй ва ўрон засваенню нацыянальна-культурнага вопыту.

У такой сітуацыі існуе пагроза адарвацца ад сваіх духоўных першаасноў, паколькі нацыянальная і гістарычная свядомасць не перадаюцца генетычна, а засвойваюцца кожным новым пакаленнем пад уздзеяннем мэтанакіраванага патрыятычнага выхавання. Невыпадкова, выступаючы на Першым з'ездзе навукоўцаў, кіраўнік дзяржавы падкрэсліў, што ў сучасных умовах узнікае неабходнасць забеспячэння духоўнай бяспекі народа і абароны яго духоўнай самабытнасці.

Таму варта клапаціцца пра тое, каб захаваць студэнцкую моладзь, акрамя авалодання сучаснымі прафесійнымі ведамі спасцігнуць і багацце нацыянальнай культуры. Яе магутнае ўздзеянне на развіццё грамадства тлумачыцца тым, што традыцыі кожнага народа складваюцца вякамі і перадаюцца з пакалення ў пакалення як неад'ёмная частка менталітэту народа, як яго найдаражэйшая спадчына. З гэтага вынікаюць і тыя формы працы са студэнтамі, якія на працягу двух апошніх дзесяцігоддзяў замацаваліся ў працы гуртка «Спадчына» кафедры гісторыі і культуралогіі БДСГА. Яны складаліся з улікам адметнасці акадэміі, прафесійная падрыхтоўка ў якой звязаны з сельскай гаспадаркай, а самі навучэнцы пераважна з'яўляюцца выхадцамі з вёсак, дзе яшчэ захавалася ў побыце традыцыйная народная культура.

Паказальна, што ў пошуках форм працы, якія б зацікавілі студэнтаў, мы абапіраліся на ўлік іх меркаванняў і прапаноў. Гэта асабліва праявілася тады, калі на базе вывучэння тэарэтычнага матэрыялу кіраўнік гуртка разам са студэнтамі актыўна ўзяліся за адраджэнне і прапаганду народнай спадчыны. Вынікамі гэтай працы сталі разнастайныя конкурсы беларускіх святаў і абрадаў: «Незабытая спадчына», «З бабулінага куфэрка», «Хто ў хаце гаспадар», «Са скарбніцы народнай», «Беларускія калядкі» і іншыя. Творчая ініцыятыва саміх удзельнікаў, жаданне ўдзельнічаць, устойлівая цікавасць да падрыхтоўкі і правядзення конкурсаў, сведчаць аб эфектыўнасці такіх форм работы, як у навучальным, так і ў выхаваўчым працэсах.

Напрыклад, конкурс «Смачна есці – доўга жыць» прысвечаны беларускай народнай кулінарнай спадчыне, стаў настолькі папуляр-

ны, што памяшканне не заўсёды здольна памясціць усіх гледачоў. Ён ператварыўся ў сапраўднае святочнае прыгожае відовішча, якое застаецца надоўга ў памяці яго ўдзельнікаў, аб чым сведчаць водгукі выпускнікоў акадэміі.

У апошнія гады на факультэтах (дзе выкладаецца курс культуралогіі) набылі папулярнасць «Беларускія калядкі». У час гэтага конкурса вялікае кола студэнтаў прачыняецца да беларускіх песень, карагодаў і танцаў. Калі гучаць старажытныя песні, дастаюцца з куфэркаў бабуліны пасцілкі і рушнікі, апранаюцца народныя касцюмы – ствараецца асаблівы эмацыйны настрой свята. Адчуванне яго ахоплівае не толькі ўдзельнікаў конкурса, але і гасцей, што заўсёды прысутнічаюць у зале.

Пра выхаваўчы патэнцыял удзелу ў традыцыйнай народнай абраднасці, сведчыць і той факт, што гэта спрыяе яднанню групы, узаемадапамозе, калектывізму. Калі рыхтуецца конкурс, студэнты старэйшых курсаў даюць парады, дзеляцца сваім вопытам з малодшымі. Гэта пераемнасць традыцыі таксама мае выхаваўчы ўплыў, спрыяе добразычлівай атмасферы свята, якая заўсёды была ўласцівая народнаму менталітэту.

Праз пошукі сцэнарнага матэрыялу, падрыхтоўка і правядзенне свята адбываецца не проста знаёмства нашых навучэнцаў з традыцыямі і звычаямі продкаў, але і непасрэдна далучэнне да скарбніцы народнага складу жыцця. Як нам вядома, цікавасць студэнтаў да народных традыцый не абмяжоўваецца толькі гэтымі вынікамі – апытанні сведчаць аб абуджэнні пачуцця гонару за наш народ, нашу Беларусь. Больш таго, гэта стымулюе жаданне пазнаёміцца з цудоўнымі куткамі нашай радзімы, яе багатай гісторыка-культурнай спадчыны.

Кожны год выпускнікі акадэміі папаўняюць шэраг сельскай інтэлігенцыі. На сваім будучым месцы працы, акрамя выкарыстання сваёй прафесійнай падрыхтоўкі, яны могуць стаць і актыўнымі носьбітамі нацыянальнай культуры, непарыўна звязанай з традыцыйнымі каштоўнасцямі народа.

Такім чынам, назапашаны вопыт дае падставы сцвярджаць, што ў свеце сучасных тэхналогій навучання традыцыйная культура можа эфектыўна выкарыстоўвацца ў працэсе фарміравання пачуцця грамадзянскасці і патрыятызму ў студэнцкай моладзі. Невыпадкава вопыт працы гуртка «Спадчына» быў заслуханы на абласным

семінары 15 сакавіка 2010 г., які быў прысвечаны патрыятычнаму
выхаванню моладзі.

Марцынкевіч Сяргей Ігаравіч – студэнт, **Каданчык Галіна Яўгеньеўна**
– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт (Установа адукацыі «Беларуская дзяржаўная
сельскагаспадарчая акадэмія», г. Горкі).

УДК 63.09

М. А. Коршак, М. В. Стрелец

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ
Д. Е. МЕЛАМИДА (МЕЛЬНИКОВА)**

Раскрыто познавательное значение работ Д. Е. Меламида, посвященных гитлеровскому режиму и оппозиции ему в Третьем рейхе, существовавшей до и во время Второй мировой войны.

6 июня 2011 г. исполнилось бы 95 лет выдающемуся российскому учёному Даниилу Ефимовичу Меламиду, который на протяжении ряда десятилетий публиковал свои труды под псевдонимом Мельников. Это вполне удобный повод для того, чтобы очередной раз осмыслить значение его многогранного наследия. Прожив 76 лет, доктор исторических наук, профессор Д. Е. Меламид смог фундаментально освоить ряд проблемных комплексов в области исторической науки.

Военно-историческое наследие учёного можно широко использовать в процессе преподавания спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Его публикации базируются на гигантском количестве источников, почерпнутых в советских и зарубежных архивах, и большая часть их впервые введена им в научный оборот.

В работах Д. Е. Меламида исчерпывающе постигнут феномен гитлеризма, реконструированы все этапы политической биографии Гитлера, убедительно распознана анатомия нацистского режима. Профессор объясняет, почему Гитлер пришёл к власти; показывает,

как воспринимался его режим на уровне массового общественного сознания; прослеживает, как формировались подходы гитлеровской клики к ключевым аспектам внутренней и внешней политики [1].

Д. Е. Меламид оригинален и убедителен в своих выводах и оценках на предмет оппозиции нацистскому режиму. Он показывает, что в армейских кругах и в разведывательном сообществе «Третьего рейха» ещё до Второй мировой войны были реалистически мыслящие люди, которые считали, что война, которую намерен развязать Гитлер, будет иметь катастрофические последствия для Германии. Эти люди были настроены на новую Германию – без Гитлера и агрессии, создали специальные группы, которые действовали в данном направлении (были расформированы после Мюнхенской конференции).

Ученый открыл для советского читателя имя полковника Хеннинга фон Трескова, который занимал ответственный пост в штабе Группы армий Центр на Восточном фронте. Полковник установил доверительные отношения с офицерами этого штаба, разделявшими его антигитлеровские взгляды, и в итоге была образована новая группа, стремившаяся осуществить государственный переворот. В работах Д.Е. Меламида подробно раскрыты обстоятельства, связанные с попыткой государственного переворота 20 июля 1944 г.

Эта попытка чаще всего персонифицируется с именем графа Клауса фон Штауффенберга, имевшего чин армейского полковника. Бомба, которую этот человек оставил в ставке Гитлера, только ранила фюрера, но при ином стечении обстоятельств могла и физически уничтожить. Учёный скрупулёзно анализирует контакты Штауффенберга с высокопоставленными военными и гражданскими лицами, вовлечёнными в заговор. Д. Е. Меламид также предельно чётко и ясно отвечает на вопрос: «Почему Клаус фон Штауффенберг и его единомышленники потерпели поражение?» Он абсолютно прав, считая, что не надо заикливаться на том, что Гитлер в нужное время оказался не на том месте. Профессор показал, что немало высокопоставленных чинов на словах поддерживали заговор, а в действительности заняли выжидательную позицию. Отнюдь не единицами исчислялись участники заговора, которые совершив определённые действия в данном качестве, затем не проявляли готовности доводить начатое дело до конца. Учёный пишет и о том,

что при разработке сценария переворота не были учтены моменты, которые никак не назовёшь маловажными [2 – 4].

Д. Е. Меламид фундаментально исследовал политику геноцида, которую осуществляла нацистская империя смерти. Он основательно разобрал ключевую структуру, которая занималась этой политикой, известную под названием «гестапо». Исследователь воссоздал подлинные портреты архитекторов данной политики: Гиммлера, Гейдриха, Кальтенбруннера, Шелленберга, Мюллера. Учёным убедительно показаны масштабы геноцида и его этнические особенности. Наиболее удачным получилось освещение генерального плана «Ост» [5; 6].

Таким образом, военно-историческое наследие Д. Е. Меламида имеет большое познавательное значение.

1. Мельников, Д. Е. Преступник №1 Нацистский режим и его фюрер / Д. Е. Мельников, Л. Б. Чёрная. – М.: Новости, 1991. – 464 с.

2. Мельников, Д. Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность / Д. Е. Мельников. – М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 302 с.

3. Мельников, Д. Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: причины и следствия / Д. Е. Мельников. – 2-ое изд. – М.: Международные отношения, 1965. – 300 с.

4. Мельников, Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: история и современность // Д. Е. Мельников // Новая и новейшая история. – 1986. – № 2.

5. Мельников, Д. Е. Тайны Гестапо: Империя смерти / Д. Е. Мельников, Л. Б. Чёрная. – М.: Вече, 2001. – 480 с.

6. Мельников, Д. Е. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии, 1939 – 1945 / Д. Е. Мельников, Л. Б. Чёрная. – М., 1987.

Коршак Михаил Антонович – кандидат исторических наук, доцент; **Стрелец Михаил Васильевич** – доктор исторических наук, профессор (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина).

ЧАСТКА 4

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АЙЧЫННАЙ І СУСВЕТНАЙ ГІСТОРЫІ

УДК 94(367)

Е. П. Нарижная

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ И НАЧАЛО РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНИЗАЦИИ БАЛТОВ

В статье рассматриваются конкретно-исторические условия, основные направления расселения и этническое происхождение древнейшего населения белорусских земель в контексте славянизации балтов.

Актуальность изучения проблемы расселения славян обусловлена потребностью современного белорусского социума в самосознании и осмыслении своего прошлого, настоящего и будущего. Эта потребность сформирована разноплановостью исторического сознания белорусов, появившейся вследствие взаимодействия на нашей территории разных социально-экономических и этнокультурных сообществ под влиянием евразийских цивилизационных и геополитических факторов. Историческая наука предоставляет сегодня знания об общесистемных закономерностях и региональных особенностях процессов государственно-политического, социально-экономического, конфессионального, культурного развития белорусского народа в контексте восточнославянской и общеевропейской истории с учетом цивилизационных характеристик. Однако четких и однозначных ответов при решении проблемы начала расселения славян на белорусских землях, равно как при рассмотрении этнической структуры древнейшего населения нет. Трудности создает доминирование археологической информации, наличие множества подходов к данной проблеме, зачастую противоречащих друг другу, отсутствие исторических работ комплексного характера. Учитывая низкую степень развитости аналитических навыков у студенческой молодежи и обилие научной информации, все это закономерно приводит к низкой степени эффективности усвоения данной темы в учебной программе. Для получения более

высокого уровня знаний по указанному разделу отечественной истории необходимо использовать синергетический подход при изучении исторического материала. В результате определяются следующие позиции.

Первые люди на Беларуси появились в эпоху мустье (в среднем палеолите), остатки культуры которых в виде кремневых изделий архаического типа археологи выявили в Поднепровье около д. Светловичи (Ветковского р-на), д. Обидовичи (Быховского р-на), д. Клеевичи (Костюковичского р-на) и д. Подлужье (Чечерского р-на). Вероятно – это были палеоантропы – *неандертальцы*, жившие здесь около 100–35 тысяч лет назад. Стоянок людей неандертальского типа пока не обнаружено, возможно, они были снесены ледниковыми массами, а, кроме того, первобытные люди часто мигрировали, потому стоянки были кратковременными, а количество людей на них крайне малочисленным (от 25 до 35 человек). Следует отметить, что в приледниковье выживали, в первую очередь, те, кто имел густой волосяной покров и небольшую поверхность оголенного тела, более выраженные жировые отложения, что позволяло уменьшить теплоотдачу. У первобытного человека был мощный торс, длинные до колен руки, широкие плечи, выступающие надбровные дуги, низкий скошенный лоб, рост приблизительно в 160 см. На севере Беларуси стоял ледник, климат был арктический, растительность скудная, характерная для арктической тундры. В позднем палеолите люди научились добывать и сохранять огонь, строить примитивные жилища. Белорусские ученые выделяют пять известных для нашей территории оледенений. Первое – наровское – отмечалось 600 тыс. лет назад и покрыло территорию всей Беларуси. Далее шли березинское, днепровское, сожское, а поозерское началось примерно 95 тыс. лет назад и прерывалось относительными потеплениями. Самое значительное из них произошло приблизительно 35–25 тысяч лет назад. Именно тогда была постепенно заселена южная и центральная часть Беларуси *кроманьонцами* – людьми современного типа. В 1926 г. белорусским археологом К. Поликарповичем были открыты две первые и пока единственные в Беларуси стоянки позднего палеолита. Это стоянка возле д. Юровичи Калинковичского р-на, существовавшая 26 тысяч лет назад, и д. Бердыж Чечерского р-на Гомельской области, существовавшая 23 тысяч лет назад. Однако и вторая попытка первобытного человека закрепиться на территории Беларуси была

неудачной, так как 19–18 тысяч лет назад ледник достиг районов Гродно, Вилейки, Орши и климат стал наиболее суровым.

Примерно 15 тысяч лет назад началось потепление, и ледник постепенно покинул белорусскую территорию. Климат становился все более теплым, и в период мезолита происходило новое, более интенсивное заселение территории Беларуси людьми, которых относят к *племенам охотников на северных оленей*. Одно из направлений заселения шло с юго-востока со стороны Русской равнины, в результате чего была освоена в основном Восточная Беларусь (Верхнее Поднепровье). Второе направление – с юга по Днепру, в результате люди появились в Средней Беларуси и Восточном Полесье. Третье направление сформировали миграции из Южной Польши, направленные в юго-западные районы Беларуси. Четвертая волна пришла из Западной Европы через Польшу в Западную Беларусь и Литву. Таким образом, заселение территории Беларуси осуществлялось разными группами людей, преимущественно мигрантами, следовавшими за охотничьей добычей и пришедшими на белорусскую территорию из разных мест. Они относились к *разным этносам*, говорившим, скорее всего, на разных языках, но каких – мы не знаем.

Для эпохи неолита археологами выделяются на белорусских землях четыре ареала расселения людей: неманский, нарвенский, верхнеднепровский и днепро-донецкий. Носителей неманской археологической культуры на западе Беларуси можно считать *автохтонным населением*, потому что эта культура была местного происхождения. Восточное Полесье являлось ареалом днепро-донецкой археологической культуры, представителей которой относят к *северным европеоидам* с широким лицом. Могилевщина и север Гомельщины относились к территории заселения верхнеднепровских племен местного происхождения. На севере Беларуси, в Поозерье господствовали носители нарвенской культуры (названа по стоянке около г. Нарва в Эстонии).

Эти археологические культуры распространялись и на соседние территории: юго-восточную Польшу, северную и центральную Украину, южную Прибалтику, некоторые области запада европейской России. Этнические и культурные сообщества данных археологических культур существовали на территории Беларуси вплоть до появления первых племен угро-финнов и шнуровиков, и впо-

следствии смешались с ними. В результате образовался ряд культур шнуровой керамики, среди которых выделялась среднеднепровская археологическая культура. Ее племена заселяли белорусское Поднепровье и соседние районы Украины. Кроме того, были племена шнуровой керамики Полесья, висло-неманской и северо-белорусской археологических культур.

Появление *племен шнуровой керамики* или боевых топоров знаменовало конец эпохи неолита и открывало следующую эпоху – раннего бронзового века. Эти племена имели огромный ареал распространения: от р. Рейн на западе до Урала на востоке, от Швеции и Финляндии на севере до центральной Украины. Расселяющиеся воинственные племена активно использовали боевые лодкоподобные кремниевые топоры и керамику, обильно украшенную оттисками шнура, таким образом, нам *известны их культурные особенности, чего нельзя сказать об их этнической характеристике.*

Этническое происхождение яснее у *угро-финнов*, проникших на территорию Беларуси в конце неолита в III тыс. до н.э. Угро-финские племена сформировались в Сибири и заселили побережье Северного Ледовитого океана. Антропологически ранее они имели сходные черты с монголоидами, а сегодня представляют собой широкий спектр народностей от близкого к монголоидным (ханты и манси) до европеоидных (венгры, финны и эстонцы). Начав миграцию из-за Урала в Восточную Европу, угро-финны прошли по лесной зоне до Балтики и заселили Финляндию, а впоследствии дошли до белорусских земель. По пути миграции они освоили слабо населенные регионы. Ареал расселения угро-финнов в Беларуси по-разному определяется исследователями. Одни считают, что мигранты из Сибири заселили только север Беларуси, другие, что они занимали и Посожье, третьи – всю территорию, однако общей для них всегда выступала гребенчато-ямочная керамика.

Период неолита и бронзового века был также чрезвычайно важным для становления *древних индоевропейских племен*. На протяжении всего этого времени шел процесс консолидации отдельных групп индоевропейцев, выделения их языковых отличий. Проживали индоевропейские племена вероятнее всего в Малой Азии (срединная Турция), где оформились как отдельный этнос. Эту территорию, на которой они жили до начала своей миграции, принято называть их прародиной. Собственной территории после демогра-

фического взрыва индоевропейцам стало не хватать, и в поисках новых земель, пригодных для выпасов большого количества животных круглый год, индоевропейцы в IV–III тыс. до н.э. начали миграцию и проникли в Европу. Первоначально они заселили Северное Причерноморье, степи между Дунаем, Днепром, Доном и Волгой. Эта территория стала прародиной западной группы индоевропейцев. Здесь они задержались, а часть из них – скифы и сарматы – расположились здесь навсегда, дожили до новой эры и исчезли в период нового этапа «великого переселения народов». Другая часть индоевропейцев волнами, одна за другой, двинулись на Балканы и Центральную Европу. Осваивая новые территории, индоевропейцы смешивались с местными племенами и образовывали новые этносы. В результате освоения Европы индоевропейцами во II тыс. до н.э. возникли такие крупные индоевропейские этнические общности как *кельты, германцы, балты, славяне, италики*.

Разрастание и взаимодействие племен в бронзовом веке происходило на фоне возникновения имущественного неравенства между соплеменниками, родами и племенами. Началось разрушение кровнородственной основы объединения соплеменников, одной из причин стала традиция умыкания чужих женщин. Проникновение темноглазых и темноволосых представителей индоевропейских племен в пределы Европы привело к многовековому взаимодействию с местным европеоидным и финно-угорским населением. Однако наличие среди белорусов значительного количества светловолосых, русоволосых и светлоглазых людей свидетельствует о том, что *доиндоевропейское население Беларуси* имело доминирующей основой *светлопигментированный европеоидный тип*.

Первая волна индоевропейской миграции обошла территорию Беларуси с юга. Беларусь начала заселяться индоевропейцами на рубеже III–II тыс. до н.э. со среднего Поднепровья (современная Киевщина), которое стало прародиной одного из разветвлений индоевропейцев – *балтов*. Начался балтский этап этнической истории Беларуси (III–II тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). В результате интенсивной миграции балты заселяют территорию Беларуси и выходят к побережью Балтийского моря. По мере расселения в некогда единой балтской общности начинается дифференциация в связи контактами с местным доиндоевропейским населением. В результате выделилось три ветви балтов: западные, которые составили

основу племен пруссов; восточные – основа современных литовцев и латышей; и *днепровские балты*, заселившие почти всю территорию Беларуси. Балты не вытесняли и не уничтожали местное население. Основная его масса осталась на прежних местах, но под влиянием балтов – носителей более высокой культуры – местные племена ускоренно переходили к земледелию и животноводству.

В VII в. до н.э. племена, заселившие Беларусь, научились добывать и обрабатывать железную руду. Материальная культура населения железного века Беларуси изучена хорошо, более сложно решаются вопросы его этнической принадлежности. Известно только, что, во-первых, смешение, ассимиляция индоевропейцев и местного населения во II–I тысячелетии до н.э. в бассейнах Немана, Западной Двины, Верхнего Приднепровья привели к образованию балтских групп племен и народов. Так, в V – II вв. до н.э. на западе Беларуси сложились племена ятвягов и дайнова, на севере сформировалась лотва, а на востоке – голядь и латыгола. Во-вторых, доказано, что на земли Брестчины с запада переселились *позднелужицкие племена восточнопоморской культуры*, которых *нередко относят к первым славянским племенам на Беларуси*.

Археологическая карта расселения племен железного века следующая. На юге доминировали племена милоградской археологической культуры, в средней и северной Беларуси распространились племена штрихованной керамики и днепро-двинской археологической культур. Указанные племена контактировали между собой и постепенно смешивались. На рубеже новой эры в Поднепровье зародилась зарубинецкая археологическая культура. Однако в отличие от археологической, *этническая карта данных племен до сих пор спорная – балты или славяне?*

В VI–VII вв. начинается славянский этап этнической истории Беларуси, что было связано с проникновением славянских племен на белорусские земли из обширных территорий между Карпатами и Балтийским морем. Это объясняется тем, что ранние славяне расширяли зону проживания в восточной части Европейского региона из-за демографического роста и давления германских племен.

Римские ученые I–II вв. н.э. Плиний Старший, Тацит, Птолемей называли среди славянских племен *венетов* (проживали по Одеру, Днепру, в районах Карпат и в приморье Балтики), а в VI в. византийские авторы Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег

упоминали *антов* (занимали Причерноморье от Днестра до Днепра) и *склавинов* (дислоцировались совместно с балтами на польских землях).

Современные археологи относят к IV–VII вв. три *культурно-племенные группы славян, сложившихся на основе венетов*: повисленскую полиэтническую, состоявшую из венетов и склавинов, появившихся в результате смешения венетов с балтами (пшеворская археологическая культура), подольско-днепровскую *антов* (черняховская археологическая культура) и среднеднепровскую венетов (позднезарубинецкая и киевская археологические культуры).

На Волыни и правобережье Среднего Поднепровья прагочорчажская археологическая культура *антов и венетов* V–VIII вв., примером которой являются остатки поселения V–VI вв. на окраине г. Петрикова, эволюционировала в луко-райковецкую VIII–IX вв. К наиболее известным городищам этого периода относится Хотомель (р. Горынь) с курганным типом захоронения, где фиксируются первые пяти – или семилучевые височные кольца, ставшие позже столь характерными для женского убранства на нашей территории. Появление височных колец чаще всего их делали серебра у восточных славян связывают с аваро-славянскими древностями, попадавшими к ним по волго-донскому пути.

Существует несколько версий местонахождения прародины славян и истории их этногенеза. Первая, «дунайская» версия основана на древнейшем письменном памятнике – летописи «Повесть временных лет» XII в. **монаха Нестора. Нестор выдвигает мифологическую версию происхождения славян от младшего сына библейского Ноя – Иафета, который после раздела земель с братьями получил в удел Северные и Западные страны. Нестор поселяет славян в римской провинции Норик, расположенной между верховьями Дуная и Дравы. Отсюда, теснимые волохами (т.е. римлянами) славяне вынуждены были переселиться на новые места – Вислу и Днепр. В XX в. популярной стала другая версия прародины славян, которую теперь располагали гораздо севернее, в Среднем Поднепровье и по Припяти. В настоящее время ученые придерживаются версии *местонахождения прародины славян между реками Эльба, Одер, Висла и Неман.***

В середине I тыс. н.э. славяне под натиском воинственных племен готов и гуннов начинают расселяться со своей прародины. В VII–VIII вв. они заселили Балканский полуостров и в результате

ассимиляции местного населения появились *южные славяне* (современные представители – сербы, хорваты, словенцы, македонцы и т.п.). Часть славян осталась на своей прародине, составив ветвь *западных славян* (поляки, чехи, словаки и сербы-лужичане). Третья часть славян двинулась на восток и в VI–VII вв. на территории запада и юго-запада Беларуси, Среднего Поднепровья и украинской Волины в результате ассимиляции пришельцами местных балтских племен сформировалось ядро еще одной ветви славян – *восточных*.

Вхождение земель белорусского Понеманья и верховий р. Припять в ареал формирования восточнославянской общности доказывается широким распространением здесь древних славянских гидронимов – Стырь, Стубла, Своротовка, Рубча и др. Первоначально балты и славяне жили рядом, однако потом начали постепенно смешиваться и происходит *славянизация днепровского балтского населения*. В то же время и балты оказали значительное влияние на славян, что заметно сказалось на внешнем облике славян. С VIII в. славянское население постепенно продвигалось на север Беларуси, большими группами славяне поселились в районах севернее Припяти, а именно в верховьях рек Случь и Ореса, на правом берегу Днепра и по Березине. В IX в. они заселили Посожье и Подвинье, приступили к освоению огромных территорий Восточной Европы, став основой формирования современного белорусского, украинского и русского этносов. В результате славяно-балтского синтеза, продолжавшегося вплоть до XIII в., сформировались в VIII–X вв. крупные славянские племенные объединения *дреговичи, кривичи, радимичи*, просуществовавшие до середины XII в.

Кривичи представляли самое большое объединение племен, ассимилировавшее балтов, с характерными длинными курганами, которое жило в верховьях Днепра, Западной Двины, Волги, на юге Чудского озера. Их отличают по височным украшениям браслето-подобного типа с завязанными концами, что носили на кожаных ремешках по одному или по два-три в головном уборе кривичские женщины, и по амулетам в виде коньков (сегодня российскими археологами доказано, что это рыси). Кривичскую культуру ярко представляет Гнездовский курганный могильник IX–X вв. Название «кривичи» историки выводят по-разному: от имени старейшего рода Криво, от слова «крэўныя» (близкие по крови), от языческого первосвященника Криво-Кривейте, от холмистой местности, «кри-

визны» ее поверхности. Из летописных источников вытекает, что в конце I тысячелетия объединение кривичей распадается на три группы – полоцкую, смоленскую и псковскую (по названию их главных племенных центров). В конце X в. на основе племенного княжения кривичей-полочан сложилось крупное Полоцкое княжество, которому принадлежали города Полоцк, Витебск, Минск, Лукомль, Браслав, Изяславль, Логойск, Орша, Копысь, Борисов. Название «кривичские земли» в некоторых случаях сохранялось за территорией северной Беларуси до первой четверти XIV в., что ярко отражают средневековые карты.

Дреговичи жили между Припятью и Западной Двиной, рядом с древлянами, их курганы содержат пепел и угли выше слоя захоронения умерших. Это связано с тем, что ритуальный костер разжигался уже после захоронения. Курганы XI–XII вв. содержат свойственные только дреговичам типы украшений в виде крупных металлических ожерелий, покрытых зернью, перстнеподобных височных колец, фактически отсутствуют шейные гривны, нагрудные подвески. Считается, что название дреговичи происходит от слова «дрыгва» (болото). Дреговичи долгое время сохраняли независимость, однако северные районы дреговичских земель, там, где они жили по соседству с кривичами, рано вошли в состав Полоцкой земли и позднее здесь образовалось Минское княжество. На территории расселения дреговичей находились города Туров, Пинск, Брест, Минск, Слуцк, Клецк, Рогачев, Мозырь.

Радимичи занимали Посожье, земли юго-восточной части Беларуси (восток Гомельской и Могилевской областей), а также западные районы Брянской и юго-западные районы Смоленской областей. Придя из Верхнего Поднестровья, где сохранилось большое количество схожих гидронимов, здесь они столкнулись с днепровскими балтами, постепенно ассимилировали их за три столетия. Вот почему курганы радимичей так богаты предметами и остатками обрядности с балтскими элементами, даже в сравнении с кривичскими. Для них характерны височные семилучевые кольца (перешедшие к XI–XII вв. в семилепестные), петлеподобные и кистеобразные подвески, шейные гривны, звездообразные лучистые пряжки, костяные подвески в виде уточек, бронзовые спиральки, змееголовые браслеты. Радимичские курганы в основании имеют слой угля от больших костров, так называемых «огненных колец», разводимых перед на-

сыпкой курганов в процессе погребения. Согласно легендарным версиям, название этого племенного объединения происходит от слова Радим, имени человека, во главе с которым радимичи пришли из пропольских (ляшских) земель. Однако лингвисты склоняются к тому, что этноним «радимичи» балтского происхождения, означает нахождение (здесь, тут, в этой местности). Радимичи почти до конца X в. жили самостоятельно, но выплачивали дань хазарам, а потом Киеву. С XI в. территория радимичей вошла в состав Черниговского княжества, а с начала XII в. ее северная часть попала под власть Смоленска. Летописные сведения о городах на землях радимичей – Гомеле, Кричеве, Славгороде, Чечерске – относятся к XII в.

Нарижная Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент УО «Белорусский торгово-экономический университет» (г. Гомель).

УДК 930. 1

Т. Т. Кручковский

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ ПОЛЬШИ ПЕРИОДА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НА РОССИЮ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Рассмотрены оценочные подходы известного русского либерального историка В. О. Ключевского по проблематике польского цивилизационного влияния на Россию.

В данной статье автор ставит целью, рассматривая наиболее известную историческую концепцию истории России конца XIX – начала XX в. В. О. Ключевского, выделить и показать в ней характеристику цивилизационного влияния Польши периода Речи Посполитой на Россию в интерпретации этого историка.

В. О. Ключевский признавал принадлежность католической Польши к западной цивилизации: «Церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой» [1, с. 258]. В Польше он признавал «политическую свободу высших классов» по европейскому образцу, а в негативном плане оценивал «раннее и несдержанное развитие крепостного права» [1, с. 258]. Историк отмечал и отличия Польши от Европы в доминации одного

сословия, «пользовавшегося исключительным господством в государстве» [1, с. 259]. В целом эта характеристика не столь негативна, как в русской консервативной или даже части либеральной историографии (С. М. Соловьев, В. И. Герье и др.). Общая оценка устройства Речи Посполитой показывала коренные отличия ее от России: «При избирательных королях Речи Посполитой законодательство, как и направление всей политической жизни страны, стало под непосредственное влияние польско-литовской шляхты, господствующего класса в государстве» [1, с. 97].

В. О. Ключевский рассматривал Речь Посполитую, как своеобразный славянский католический вариант западноевропейской цивилизации, оказывавший западное влияние и на Беларусь, Украину [1, с. 259]. Более того, он считал: «Национальная и религиозная борьба западнорусского православного общества с польским государством и римским католицизмом заставляла русских борцов обращаться к оружию, которым была сильна противная сторона, к школе, к литературе, к латинскому языку» [1, с. 259].

В. О. Ключевский стал в ряд немногих русских историков, признающих польское цивилизационное влияние на Россию и, прежде всего, на белорусско-украинские земли. Этот вопрос ученый связывал с общей проблемой иностранного влияния на Россию. Самым значительным внешним фактором влияния на Россию он считал ее культурный диалог с Византией и Западом. Исходя из этого, историко-культурный процесс в стране ученый делил на два крупных периода в соответствии с тем, какое влияние русская культура испытывала: в первом периоде – византийское (греческое), во втором, начавшемся в XVII в., – западноевропейское. Византийское (восточное, греческое) влияние, по его мнению, было церковным. Оно охватило все общество сверху донизу, придавая ему духовную цельность. Но оно не захватывало государственного устройства, народного хозяйства, будничных привычек и понятий народа [1, с. 244]. Западное влияние, по утверждению ученого, – «государственное». В отличие от византийского западное влияние «захватывает всего человека», но при этом оно в России «не успело захватить всего общества, но только его поверхностный, тонкий и подвижный слой» [1, с. 244]. Он отмечал, что приблизительно с XVI в. русское общество стало входить в прямое соприкосновение с жизнью Западной Европы. «Сначала слабое по действию и ограниченное по

размерам, – писал он, – это западное влияние постепенно усиливалось и расширялось, захватывая всё новые сферы русской народной жизни, проникая всё глубже в состав русского общества» [2, с. 388]. Ученый считал, что русское общество уже было подготовлено к восприятию западного влияния: «Семена западноевропейской культуры в России тех веков падали на почву, которую давно уже нельзя было назвать нетронутой» [2, с. 388].

При этом историк разделял понятия «влияние» и «культурное общение» [1, с. 241]. По мнению ученого, до XVII в. неправомерно говорить о западном, в том числе и польском влиянии. В XV–XVI в. Россия была знакома с Западной Европой: «вела с ней дипломатические и торговые дела, заимствовала плоды ее просвещения [...] Это было общение, а не влияние. Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться» [1, с. 241]. Он, в отличие от российской историографической традиции, не ставил вопрос о стремлении Запада, в том числе и Польши, не допустить Россию к берегам Балтики, чтобы не дать ей возможности пользоваться западными техническими и культурными достижениями. Однако этот вопрос ученый отметил уже позже: «Петр писал [...] все народы особенно усердно старались не допустить нас до света разума во всем, особенно в военном деле; но они проглядели это, точно у них в глазах помутилось [...] Петр считал этот недосмотр чудом Божиим» [3, с. 196].

Отмечая причины допущения западного влияния правительством, ученый писал: «в XVII веке она оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI в. [...] западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических сношениях [...] скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к сознанию своей отсталости» [1, с. 243]. Среди этих причин историк отмечал религиозно-культурную обособленность Москвы: «Русь вступила в век XVII с убеждением в том, что «пять столетий она стояла под непосредственным влиянием православного Востока и так сроднилась с ним, что всё оттуда заимствованное привыкла считать доморощенным, а всё доморощенное – истинно православным» [2,

с. 389]. Среди причин принятия западного влияния ученый отмечал и фактор проигранной войны с Польшей, и необходимость подготовки к реваншу: «Понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерства. В Москве решили, что все эти предметы безопасны для душевного спасения [...] Зато в заветной области чувств, понятий, верований [...] решено было не уступать иноземному влиянию ни одной пяди» [1, с. 247]. Именно в этом особенно больно, продолжал он, чувствовалась отсталость. Заведение полков иноземного строя привело к необходимости устраивать металлургические, оружейные и другие заводы, искать руду и прочее [1, с. 249]. Именно так же, по Ключевскому, воспринимал первоначально Запад и Петр: «искал на Западе техники, а не цивилизации» [3, с. 21]. Таким образом, ученый указывает две группы причин начала западного влияния: объективные (более быстрое развитие стран Запада и нарастание отставание России) и субъективные («уныние» правящих кругов, не способных опереться на «родную старину»). Для складывания последних особое значение имела, по его мнению, Смута: «Тягостное настроение народа, общее чувство недовольства, вынесенное народом из царствования Грозного» и все время нараставшее, послужило почвой для Смуты» [1, с. 224].

Влияние Запада, столь важное явление для русской жизни XVII в., ученый рассматривал также в тесной связи с Польшей. Некоторые элементы польского цивилизационного влияния историк отмечал еще раньше. Особенно он подчеркивал важность влияния цивилизационных образцов Речи Посполитой на Москву в период Смутного времени [4]. В результате, считал он, правительства решилось допустить свой ограниченный вариант западного влияния. Исходя из осторожного и дозированного подхода, считал историк, Москва подходила к усвоению новых ценностей: «она не решалась заимствовать западное образование прямо, [...] а искала посредников, которые могли бы передать ей это образование в обезвреженной переработке» [1, с. 258]. Заключение исследователя весьма нетипично для русской науки: «Эта Польша и была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь: западноевропейская цивилизация в XVII веке приходила в Москву, прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде» [1, с. 259].

Ученый отмечал причины, по которым в Москве решили, что таким посредником может стать старый враг: «Между старой Московской Русью и Западной Европой лежала страна славянская, но католическая – Польша [...] в связи с политической свободой высших классов сделало польское дворянство праздной и восприимчивой почвой для западного образования; но особенности страны и национального характера сообщили своеобразный местный пошиб заимствованной культуре [...] она воспитывала живое и веселое, но узкое и распущенное миросозерцание» [1, с. 258–259].

Историк отмечал, что этому влиянию подверглись высшие московские круги, включая царскую семью: «Алексей подавал пример в этом [] велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Полоцкого, знакомого и с польскими школами [...] Старшие сыновья царя Алексея, обучены были языкам польскому и латинскому [...] «царский синклит польского языка не гнушался, но читал книги и истории ляхские в сладость» [3, с. 263–264]. «Царь Алексей считался некоторое время кандидатом на польский престол, продолжал ученый, и старался устроить придворную жизнь у себя наподобие польского королевского двора» [1, с. 254].

Таким образом, ученый рассматривал такое важное явление для русской жизни XVII в., как влияние Запада, в тесной связи с историей Польши.

1. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987–1990. – Т. 3. – 415 с.

2. Ключевский, В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) / В. О. Ключевский // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. – М.: Типография П. П. Рябушинского, 1913. – 515 с.

3. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987–1990. – Т. 4. – 447 с.

4. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1. – 2014 – № 3. – С. 53–66.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич – кандидат исторических наук, доцент УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы».

И. Ю. Уваров

**ХАРАКТЕР ТРЕБОВАНИЙ ДЕПУТАТОВ
ОТ СОСЛОВИЯ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО НА ЛЮБЛИНСКОМ СЕЙМЕ 1569 Г.**

Раскрыта позиция на Люблинском сейме 1569 г. шляхты ВКЛ в вопросе унии с Польшей. Показано, что польская дипломатия натолкнулась на противостояние великокняжеской стороны и не имела результативного успеха. Однако в дальнейшем великокняжеская магнатерия и шляхта потерпели полное политическое поражение, не проявив решительности сохранить интересы своего государства.

К середине XVI в. между Великим Княжеством Литовским и королевством Польским вновь возник вопрос о необходимости объединения этих государств.

Среди крупных политических причин, приведших к унии с Польшей, следует выделить наиболее значимые из них – это стремление великого князя Московского Иван IV установить господство в пределах территории бывшей Киевской Руси на так называемое «Мономахово наследство». В рамках этой политики осложнились отношения между Вильно и Москвой. Другой причиной был факт прекращения династии Ягеллонов, так как Сигизмунд-Август не имел потомства [1, с. 177]. При таких условиях развития событий даже возникло предложение со стороны правительства Ивана IV поставить в Вильно своего человека из царского рода [2, с. 5]. Московский монарх Иван Васильевич имел намерение вступить в брак с сестрой Сигизмунда-Августа II Еленой. Но несмотря на всю остроту полемики на этот счет, переговоры об этом союзе, которые велись в период 1560–1561 гг., зашли в тупик. Сам Сигизмунд-Август тоже был занят поиском преемника на великокняжеский престол, даже если он будет из польской среды [3, с. 86–87; 4, с. 54]. Сигизмунд-Август даже был вынужден терпеть оскорбительные речи в свой адрес от архиепископа Гнезненского, который упрекал его в отсутствии наследника престола. Вопрос о престолонаследии был настолько актуальным (основная причина – слабость здоровья Сигизмунда-Августа), что эта тема должна была обсуждаться сена-

торами будущего польско-литовского сейма. Но кроме этих, была еще главная причина – постоянные набеги татар, приходивших на земли ВКЛ в промежутке с начала XVI в. до принятия Люблинской унии 45 раз. Это истощило силы государства, подорвало систему финансов и пагубно отразилось на боеспособности шляхетского ополчения. Достаточно сложной оставалась религиозная обстановка. В ВКЛ полным ходом шло наступление католицизма на православный восточно-христианский мир. Было и много других причин, приведших к необходимости заключить союз двух государств.

На Люблинском сейме шляхта ВКЛ выступила с рядом предложений административно-управленческого характера. Из выступления королевского подскарбия Синицкого видно, что станы сейма требовали от короля замены государевых подскарбиев в Пруссии и эконома в Мазовии. Шляхта просила господаря назначать на должности королевских подскарбиев людей почетных и благородных. Кроме этих и других вопросов, возникших на сейме, широко обсуждалась проблема, связанная с отменой королевского суда, который выносил постановления в ущерб представителям военнослужилого сословия шляхты [5, с. 338]. Однако добиться решения этой проблемы шляхта смогла только в 1578 г.

Шляхтичи категорически выступали против того, чтобы государь унаследовал имения от своей матери королевы Боны [5, с. 541]. Сигизмунду-Августу были представлены доказательства, что на прежних сеймах 1561–1562 гг. именитая шляхта подтвердила свое решение о редукции королевских имений с дальнейшей их передачей в пользование людей, которые имеют определенные заслуги перед государством. В условиях сумбурной обстановки, в которой проходили сеймовые заседания, господарь под общим давлением со стороны магнатско-шляхетской аристократии был вынужден отказаться от идеи укрепления своей власти в господарских имениях [5, с. 544].

Следует отметить, что светские и духовные феодалы от белорусских и литовских земель из числа архиепископов, воевод и других чинов великокняжеской администрации были в большинстве противниками политической унии, так как видели в расширении власти магнатской олигархии при поддержке их польской стороной огромную опасность для государственной целостности ВКЛ [6, с. 93]. В период сложных отношений между сенаторами Люблин-

ского сейма делегаты от ВКЛ решили заблокировать деятельность сеймовой сессии, чтобы предотвратить насильственное заключение унии. Это привело к тому, что в марте 1569 г. представители от ВКЛ прервали свою работу на сейме и, покинув Люблин, уехали домой. Воспользовавшись этим, польская магнатория оказала влияние на Сигизмунда-Августа, чтобы он издал указ о присоединении к Короне значительной части украинских земель – почти половины Княжества. Белорусские земли в данный период находились в зоне геополитических интересов московского царя Ивана IV, который проводил активную внешнюю политику, сопровождаемую военными операциями.

В конечном итоге, принимая во внимание ряд обстоятельств, повлиявших на европейскую политику в Восточной Европе, был принят Акт Люблинской унии от 1 июля 1569 г. Текст договора был подготовлен в двух экземплярах – для обеих сторон, как для Польши, так и для ВКЛ. В итоге на этом совместном сейме 1569 г. было сломлено сопротивление белорусской, украинской и литовской магнатории и установлена власть единого монарха.

В новом федеративном государстве Речь Посполитая за ВКЛ сохранялось его название, право на издание местного законодательства, внутреннее управление, судебные органы власти и государственный бюджет. Главным избирательным органом в стране оставался вальный сейм. Глава государства одновременно являлся польским королем и великим князем литовским, выборы его проходили на общем сейме. Это обстоятельство открывало королю возможности жаловать белорусские и украинские земли за военную и государственную службу польским феодалам, что в дальнейшем способствовало расширению польского католического влияния на земли с православным белорусским и украинским населением [7, с. 5–6; 8, с. 199; 9, с. 131; 10, с. 559; 11, с. 150–154]. Люблинское соглашение способствовало отмене многих пошлин для светских и духовных феодалов. Этим были расширены экономические связи и многие другие права великокняжеской шляхты и магнатории [10, с. 560–561].

Следует отметить, что сам факт соединения ВКЛ с Польским королевством не означал полного объединения обоих государств. Следовательно, польская дипломатия натолкнулась на противостояние великокняжеской стороны и не имела результативного успеха.

Даже после унии 1569 г. территория ВКЛ по характеру административного деления оставалось существовать, утратив при этом часть южных поватов страны [12, с. 599–652]. Политическая и социально-экономическая организация Речи Посполитой впоследствии стала отвечать требованиям феодальной элиты Польши и ВКЛ. Что касается непосредственно польской шляхты, то ее также устраивал этот новый союз. Однако великокняжеская магнатория и шляхта потерпели полное политическое поражение, не проявив решительности сохранить интересы своего государства. Это и многое другое привело к тому, что в конце XVIII в. Речь Посполитая, оказавшись под воздействием силового поля соседних более могущественных держав, прекратила свое существование.

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодарский, М. Пиетрачак. – М.: Юрич. лит., 1980. – 559 с.
2. Довнар-Запольский, М. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. / М. Довнар-Запольский. – СПб.: Тип. АН, 1907. – 508 с.
3. Klaczko, J. *Anneksya w Dawnej Polsce (Unia Polski z Litwa)* / J. Klaczko. *Z przedmowa St. Tarnowskiego*. – Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1901. – 94 s.
4. Королук, В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. / В.Д. Королук. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 111 с.
5. Дневник Люблинского сейма 1569 года. Соединение Великого княжества Литовского с королевством Польским / [Пер. на рус. яз. и приготовлен. к изд. М.О. Кояловичем]. – СПб.: Печатня В. Головина. 1869. – 786 с.
6. *Volumina Legum. Przedruk zbioru praw*. – Т. I–II. – Petersburg: Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1859. – 482 s.
7. Доўнар-Запольскі, М.В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: ВПП Дзяржэканамплана РБ, 1994. – 23 с.
8. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский поват и его сеймик / И.И. Лаппо. – Юрьев: Тип. К. Матисена, 1911. – 624 с.
9. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба. Пер. с польск.; под ред. Н.В. Ястребова. – СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1907. – 231 с.
10. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В.И. Пичета. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 815 с.
11. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов: В 3 т. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века / Сост.: З.Ю. Копыцкий, М.Ф. Залогов. – Минск.: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – 516 с.
12. Kutrzeba, S. *Unia Polski z Litwa (Polska i Litwa w dziejowym stosunki)* / S. Kutrzeba. – Warszawa, 1914. – S. 449–700.

Уваров Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент (Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого).

О. Ю. Лесная

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРНОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРА ВИТЕБСКА

Культовая архитектура, являясь носителем определенных смысловых символов, функций и конструктивных особенностей, подчиняется не только определенным каноническим правилам, но и объемно-пространственным и стилистическим соображениям, идеологиям. Своеобразием в храмостроительстве Витебска стало одновременное сочетание традиций христианского Востока и Запада. В статье автор рассматривает основные этапы развития религиозно-культовой архитектуры центра г. Витебска и эволюцию ее архитектурных форм и конструкций под воздействием православной и католической идеологий.

В градостроительстве Витебска заметное место занимали памятники культовой архитектуры. Исходя из социально-политических противоречий различных эпох, возведение культовых сооружений было подвержено многочисленным изменениям, что выражалось как в создании новых храмов, так и в разрушении ранее существующих построек, не отвечающих настроениям политической власти.

Так, можно вспомнить хорошо известные по литературным и графическим источникам памятники деревянного зодчества: Троицкая церковь Маркова монастыря (1690–1691 гг.), Ильинская церковь (1746 г.), Троицкая церковь на Песковатике (1761 г.); каменные монументальные постройки: Воскресенская (Рыночная) церковь (1772 г.), построенная на месте одноименного храма XVI вв. на Радушной площади; костел и коллегиум иезуитов XVIII в., перестроенный в середине XIX в.; Успенская церковь и монастырь базилиан XVIII в.

Процесс восстановления памятников культового зодчества в городе Витебске привлек внимание к истории этих сооружений. Изучение храмов открывает хорошую перспективу для ознакомления с историей города и архитектурными особенностями его достопримечательностей.

На самой набережной реки Западная Двина находится площадь Тысячелетия, о чем свидетельствует установленный на ней закладной камень. До середины XX в., здесь находился памятник культовой архитектуры – Благовещенская церковь.

Точное время строительства храма не известно. Согласно легенде, записанной в «Летописи Витебска», Благовещенская церковь была возведена в X в. по приказу княгини Ольги. М. Стрыйковский считал, что строительство церкви относится к XIV в., ко времени правления князя Ольгерда, А. Сапунов придерживался мнения, что Ольгерд мог только провести капитальный ремонт храма [1, с. 61].

Исследования строительной техники, анализ конструкции и архитектурных форм показали, что приблизительное время строительства храма – вторая четверть XII в. [1, с. 61].

В плане это шестистолпный крестово-купольный храм, сильно вытянутый в продольном направлении. С востока он имеет одну полукруглую апсиду; боковые апсиды отсутствуют и вместо них в толще восточной стены размещены две полукруглые в плане ниши. Особенность этого храма – членение его по длине на почти равные отрезки, благодаря чему в среднем нефе образовался квадратный план. Кладка – чередование тесаных блоков известняка с прослойками плинфы (большой плоский кирпич). Эта особенность отличает Благовещенскую церковь от полоцких храмов. Интерьер церкви был богато украшен фресками. Роспись покрывала всю плоскость стен. Уцелевшее на портале изображение воина (сверху и снизу находятся древнеславянские буквы XIII в.) хранится в Витебском областном краеведческом музее. Первое изображение церкви, дошедшее до нас, показано на «Чертеже города Витебска 1664 года» [2, с. 12].

Церковь несколько раз перестраивалась и ремонтировалась. В 1619 г. её передали униатам. До начала XVIII в. храм был в полуразобранном виде. В 1714 г. и в 1759 г. были выделены средства на его ремонт и перестройку [1, с. 63].

Так как храм принадлежал униатам, интерьер был видоизменен в соответствии с их обрядностью. Была сооружена каменная алтарная перегородка. К северному фасаду возле алтаря присоединили ризницу, а к южному – двухэтажную пристройку. В этой пристройке разместились «теплая» Покровская церковь [1, с. 64]. Силуэт храма изменился.

Благовещенская церковь вернулась в православное ведомство в 1831 г. В это время храм находился в очень запущенном состоянии, поэтому были приняты оперативные меры по ремонту и обновлению здания. В 1860-х гг. был начат капитальный ремонт храма, который не вернул ему первоначальный вид, а, наоборот, придал черты распро-

страненного в то время псевдорусского стиля. Начатая перестройка затронула внешние архитектурные конструкции. Так, с главного фасада были сняты барочные башни и фронтон. Вместо них была возведена звонницы с лукоподобной главкой. Над щипцом двускатной крыши установили ненатуральной высоты лукоподобный купол на глухом барабане [1, с. 64]. Храм стал приходским [3, с. 151].

В результате многочисленных перестроек церкви все перекрытия, разрушенные во время Великой Отечественной войны, не имели исторической и архитектурной ценности. Была проведена научная реставрация памятника. Однако, в 1961 г. по приказу городских властей храм взорвали. В 1964 г. и в 1968 г. были проведены археологические раскопки, а в 1977 г. – консервация. Оставшиеся части храма, включая его фундамент, на тот момент составили высоту около 5 м [1, с. 64]. Таким образом, была сделана попытка сохранить памятник для будущего поколения.

В 1990 г. началась разработка проекта реставрации Благовещенской церкви в ее аутентичном виде. Пока храм реставрировался, рядом возвели небольшую деревянную церковь во имя Святого Александра Невского. К середине 1998 г. церковь была полностью восстановлена и открыта для прихожан. Патриарх Алексей II посетил самый древний храм Витебска – Свято-Благовещенскую, а также приписную к ней Свято-Александро-Невскую церкви.

Одно из центральных мест города занимал Свято-Успенский кафедральный собор. Возведенный на Пречистенской (Лысой, или Успенской) горе при слиянии Западной Двины с Витьбой, он занимал доминирующее положение и был виден за многие километры при подходе к городу. Первоначально на этом месте была возведена деревянная православная церковь во имя Пресвятой Богородицы, которая известна по источникам с 1406 г. В привилее 1503 г. на права и вольности боярам и мещанам Витебска упоминается, что церковь Пресвятой Богородицы была одним из главных храмом в городе, в котором хранились важные городские документы [4, с. 208].

Церковь несколько раз горела. Строительство каменного храма было начато в 1743 г. Это зафиксировано в «Летописи города Витебска». Была сооружена надежная дренажная система из кирпича и дерева, высота которой допускала перемещение человека для их прочистки [4, с. 209]. В последующем даже появились слухи о существовании подземного хода, которые были опровергнуты в XIX в.

К 1745–1746 гг. началось строительство подвалов и стен храма. Рядом шло строительство монастыря, к которому примыкало здание с библиотекой и трапезной. По периметру двора располагались служебные и хозяйственные строения. Считается, что автором проекта собора был итальянский архитектор Иосиф Фонтани (Фонтана) [4, с. 209].

Работы по возведению Успенского храма велись на протяжении почти 40 лет и закончились в 1785 г. Это была единственная в Беларуси пятинефная крестово-купальная базилика с двухбашенным фасадом [1, с. 98].

В 1799 г. рескриптом Павла I храм был передан в православное ведомство и стал называться Успенским собором. Храм был перестроен, в результате чего барочные формы приобрели черты классицизма. Петербургская Александро-Невская лавра снабдила храм необходимыми при священнодействии принадлежностями [3, с. 138].

Колокола Успенского собора относились к разным временам. Наиболее крупный из них был отлит в 1737 г. в Риге. На нем была сделана надпись на польском языке: «*Na ten Zwon z obych Bractwa tekiy nadano*», что свидетельствует о существовании церковного братства [3, с. 139–140].

Успенский собор был взорван в 1936 г. сапером П. Григоренко. На месте собора был построен цех завода заточных станков. В 1980-х гг. здание было заброшено и снесено летом 1998 г. По материалам раскопок можно предположить, что храм задумывался как трехнефный, наружная южная стена имела меньшую ширину, чем раздельная ей внутренняя стена, ограничивающая ориентированные с запада на восток малые помещения, соединенные сквозными проходами [4, с. 209].

26 сентября 1998 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II была заложена капсула с памятной грамотой и освящен первый камень на восстановление собора.

Строительные работы начались в июне 2000 г. К лету 2006 г. закончен фундамент храма и возведены стены на уровне первого этажа. К концу 2007 г. возведены стены на уровне второго этажа, возведены колокольни. 15 июля 2008 г. состоялось освящение колоколов, а 23 сентября 2008 г. – воздвижение куполов и крестов на колокольни собора. В конце декабря 2008 г. воздвигнут крест на

главный купол собора. Когда работы по возведению собора закончились, храм был торжественно открыт для прихожан.

Самым оживленным местом в старом городе была Ратушная, или Рынкoвая площадь. Ансамбль этой площади к началу XX в. составляли здание городской ратуши, Воскресенская церковь и костел Святого Антония. Композиция площади была построена по законам обратной перспективы, как в знаменитой площади на Капитолийском холме, построенной Микеланджело, или перед собором святого Петра, сформированной Бернини.

Среди 16 униатских храмов Витебска конца XVIII – начала XIX в. Воскресенская (Рынкoвая) церковь занимала главное место. Она была соборной и кафедральной. Каменный храм был построен на средства мещанина Николая Смыка и полностью содержался за счет этого купеческого рода. По сведениям А. Сементовского, над входом в церковь была указана дата ее строительства – 1772 год [3, с. 140].

Прежде на месте каменного храма располагалась деревянная рыночная церковь Воскресения Христова, отмеченная на «Чертеже Витебска 1664 г.». Упоминается этот храм и во вкладной записи Евангелия под 1558 г., а также в Инвентаре имуществ Полоцкой архиепископии под 1618 г. [3, с. 140]. При строительстве храма, традиция, когда церковь должна была ориентироваться главным фасадом на восток, была нарушена. Сделано это было для более удачного для всего ансамбля площади размещения здания, построенного по законам обратной перспективы. Несмотря на то, что южный трехчастный фасад церкви повторял схему фасада бернардинского костела Святого Антония, все же ее башни (более стройные и выразительные), как и более узкая полоса фасада, придавали Воскресенской церкви преобладающее композиционное значение.

В 1834 г. церковь была передана православным. В 1841 г. полоцким епархиальным архитектором Портом был разработан проект по ее перестройке. По проекту на главном фасаде надстроили небольшой портик, заканчивающийся треугольным фронтоном. В центре над основным объемом был установлен купол [5, с. 183–184].

В январе 1936 г. по решению городских властей Воскресенская церковь, памятник витебской архитектуры XVIII–XIX вв., был уничтожен. В течение 10 лет шли разговоры о восстановлении одного из красивейших храмов Витебска – Свято-Воскресенской

церкви. Работы по ее реконструкции начались в 2001 г. и были закончены в 2009 г.

Еще одним центральным сооружением на Ратушной площади города был Бернардинский костел и мужской монастырь. Вместе с храмом монастырь составлял единый, молитвенный комплекс с внутренним двором-клуатром. Главный северный фасад выходил непосредственно на площадь, соответственно алтарная часть ориентировалась на юг, а кляштор примыкал к храму с восточной стороны. Монастырь был основан в 1676 г. воеводой И. Храповицким и поначалу имел деревянные строения [6, с. 243].

Костел был основан несколько позже монастыря – в 1685 г. Инвесторами были Казимир и Текли из рода Саковичей. Первоначальные деревянные здания после пожара были вновь отстроены в 1700 г. Однако и эти здания сгорели в 1733 г. Поэтому на этом же месте в 1737–1755 гг. возвели новый каменный костел, но уже в стиле позднего барокко [1, с. 93].

В 1755 г. костел бернардинцев был освещен во имя святого Антония. Храм представлял собой трехнефную двухбашенную базилику с трансептом размером около 36,8х27,7х21,3 м с двумя симметричными, примыкавшими к пресбитерию сакристиями [6, с. 243]. Относительно низкий и широкий центральный неф с полукруглым окончанием пресвитерия обусловил распластанную и приземистую структуру главного двухбашенного фасада [5, с. 240]. Существует ряд проектов по его восстановлению.

Каменные строения Воскресенской церкви и костела Св. Антония возводились почти одновременно, формируя единый градостроительный ансамбль площади. При подходе к Рыночной площади со стороны реки Витьбы главный фасад Воскресенской церкви воспринимался как левая часть театральной кулисы, за которой развертывалась сама площадь, обрамленная торговыми рядами с ратушей в центре. Правой частью кулисы выступал барочный фасад Антониевского костела бернардинцев [1, с. 91–92, 257].

Стилистика, время строительства, а также архитектурно-композиционные решения ансамбля Успенского собора, Воскресенской церкви и костела святого Антония, позволяют считать, что автором был один архитектор – И. Фонтана [5, с. 241].

Напротив Ратушной площади находится еще одна площадь из числа старейших в Витебске. Более полувека назад здесь находился Свято-Николаевский кафедральный собор, от названия которого

го площадь именовалась Соборной, или Николаевской. Соборная и Рынквая площади вместе составляли целостный архитектурный ансамбль города.

Первоначально на месте собора была деревянная церковь Святой Параскевы Пятницы. Здания иезуитских костелов были построены в 1640–1644 гг. (по другим данным в 1637 г.) на месте древней церкви на средства смоленского воеводы А. Корвин-Гансевского. Костел осветили в честь Святого Иосифа, при нём была открыта школа. Иезуитский коллегиум с костелом представляли собой значительное сооружение. Фасад костела был несколько углублен по отношению к западной линии коллегиума и имел две восьмигранные башни. С 1654 по 1667 гг. витебский иезуитский коллегиум известен как православный Алексеевский монастырь [4, с. 214–215].

Посреди монастырского двора стоял единственный храм, представлявший собой скомпонованные вдоль оси запад-восток прирубы объема трехъярусной колокольни-притвора [6, с. 132].

После вхождения Витебска в состав Российской империи костел перешел в управление православного Синода. Дважды происходила его перестройка (1843 и 1872 гг.). Он был переименован в Николаевский кафедральный собор. В 1893 г. здесь открыли Церковно-археологический музей [4, с. 216]. Соборная площадь была административным центром. По архитектурной композиции она имела прямоугольную форму.

В 1922 и 1930 гг. имущество собора было конфисковано, в нем запретили проводить богослужение. Николаевский собор после Великой Отечественной войны, был разрушен на 40–50%, как свидетельствует список памятников архитектуры за 1946 г. Витебский облисполком в 1957 г. принял решение об уничтожении храма – «разборке коробки бывшего собора». Николаевский кафедральный собор был взорван 12 марта 1957 г. [4, с. 217].

На месте собора сегодня находится площадь Свободы. Государством было принято решение по возведению Свято-Николаевского кафедрального собора на его прежнем месте. 27 сентября 2009 г. Патриарх Кирилл заложит камень на начало возрождения Николаевского собора.

Особое внимание необходимо уделить так называемой Духовской горе на высоком обрывистом берегу Замкового ручья. Название этой местности дала деревянная церковь Святого Духа, ко-

торая появилась здесь еще в XIV в. По преданию она была построена князем Ольгердом, а его супруга Ульяния устроила при церкви монастырь.

На «Чертеже Витебска 1664 г.» храм Святого Духа изображен каменным. Постройка нового монастырского комплекса датируется XVII – началом XVIII в. В дальнейшем здание неоднократно перестраивалось, территория монастыря была увеличена за счет новых строений, а также изменения во внутренней планировке храма. Святодуховская церковь представляла собой трехнефный шестистолпный храм с продольной осью запад-восток [4, с. 210, 213].

С 1872 г. в здании уже бывшего монастыря разместилось женское училище. В 1898 г. Полоцко-Витебская епархия выделила средства на строительство нового трехэтажного учебного корпуса Е-образной формы, который был прекрасно отстроен. Здание было сооружено в 1902 г. по проекту архитекторов А.К. Павловского и П.А. Виноградова. Корпус занял самое высокое место на Духовской горе и был связан закрытой галереей с Духовской церковью. На первом и втором этаже находились учебные классы, на третьем – спальни, в подвальном помещении – столовая, кухня и хозяйственные помещения [6, с. 470].

В 1918 г. здание Духовного училища заняли под губисполком. Церковь сначала закрыли, а затем разрушили. Со всего остального комплекса епархиального училища сохранились только главный корпус училища и хозяйственный флигель. Кроме этого, к одному из боков была сделана пристройка, которая нарушила первоначальную композицию сооружения.

Исходя из плана 1954 г., постройки монастыря были так ориентированы, что смыкались с существующим зданием на углу ул. Правды [4, с. 217]. При археологических раскопках на месте бывшего монастыря и храма в нефах Свято-Духовской церкви были вскрыты останки человеческих захоронений [4, с. 210].

3 мая 2001 г. Синод Белорусской Православной Церкви благословил возрождение Свято-Духового женского монастыря. Сегодня монастырь, Свято-Ольгинская церковь и кельи монахинь расположились в памятнике XIX в., здании Духовно-культурного Центра.

Таким образом, рассмотрев особенности строительства наиболее значимых культовых памятников центра Витебска, можно отметить, что в ансамбле города они занимали доминирующее поло-

жение. Исходя из социально-политических противоречий различных эпох, застройка центра Витебска была подвержена многочисленным изменениям, что выражалось как в создании новых храмов, так и в разрушениях ранее существующих построек, не отвечавших настроениям власти. Проводимая политика по восстановлению и изучению истории храмов вновь обратила внимание современного общества на памятники культового зодчества.

1. Габрусь, Т. В. Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь, А. М. Кулагін, Ю. У. Чантурыя, М. А. Ткачоў. – Мн.: Беларусь. 2003. – 351 с.
 2. Чарняўская, Т. І. Архітэктура Віцебска: 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мн.: Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.
 3. Сементовский, А. Витебск: Статистический очерк. Памятная книга Витебской губернии на 1865 год. / А. Сементовский. – СПб. 1865.
 4. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко. – Мн.: Беларуская навука, 2010. – 335 с.
 5. Габрусь, Т. В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мн.: Ураджай. 2001. – 287 с.
 6. Слюнькова, И. Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 600 с.
- Лесная Ольга Юрьевна** – преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

УДК 94 (476): 643.36

Л. Ф. Рогач

КОРЧМЫ І ШЫНКІ Ў ПРАЦАХ ЭТНОГРАФАЎ І ФАЛЬКЛАРЫСТАЎ XIX СТ.

Раскрываецца інфармацыйны патэнцыял прац этнографаў і фалькларыстаў перыяду Расійскай імперыі па вывучэнню гісторыі корчмаў і шынкоў на беларускіх землях. Працы даследчыкаў даюць магчымасць вывучаць функцыянаванне корчмаў у розных аспектах дзейнасці такіх устаноў: эканамічным, сацыяльным, грамадскім, бытавым.

Корчмы і шынкі выконвалі гандлёва-эканамічныя, сацыяльныя, культурныя, камунікатыўныя і псіхалагічныя функцыі ў жыцці грамадства XVI – пачатку XX ст. У той жа час гэтыя ўстановы часта становіліся месцам згубы з рэпутацыяй прытулка

злачынцаў і кантрабандыстаў, жабракоў і прастытутак. У сценах корчмаў і шынкоў вельмі часта можна было сустрэць небяспеку і жульніцтва. З аднаго боку, карчма – гэта ўлюбёнае месца сустрэч, спатканняў, адпачынку, своеасаблівы культурны асяродак. Карчма і шынок – месца дыскусій, спрэчак, распаўсюджвання «крамолы» і выпявання ідэй антыдзяржаўных змоваў. Гэтая двузначнасць заўсёды прыводзіла ўлады ў разгубленнасць. Немагчыма ацаніць ролю корчмаў на беларускіх землях адназначна. Тым не менш, аналіз гістарычных крыніц, да якіх адносяцца таксама працы этнографістаў і фалькларыстаў, дае магчымасць гістарычна-навуковай рэканструкцыі функцыянавання азначаных устаноў, дазваляе даследаваць жыццё нашых продкаў у розных аспектах: міжэтнічныя стасункі, эканамічныя адносіны, прававыя і заканадаўчыя механізмы, народная і бытавая культура, псіхалагічна-эмацыйны каларыт.

Багатыя фальклорныя і этнаграфічныя матэрыялы у выглядзе спеваў,казакаў, прыказакаў, казак, народных жартаў і павер'яў, разнастайныя вандроўныя замалёўкі і апісанні корчмаў і шынкоў становяцца нам даступнымі, дзякуючы працам такіх даследчыкаў як Е. Раманаў («Материалы по этнографии Гродненской губернии») [1], Ч. Пяткевіч («Рэчыцкае Палессе») [2], А. Багдановіч («Пережитки древнего мирозерцания у белорусов») [3], П. Шпілеўскі («Путешествие по Полесью и Белорусскому краю») [4], М. Нікіфароўскі («Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии») [5], А. Сапуноў («Полоцк, Витебск, Минск в 20-х гг. прошлого века») [6], П. Шэйн («Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края») [7, 8, 9], К. Сержпутоўскі («Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў») [10], а таксама Я. Чачот [11], браты К. і Я. Тышкевічы [11], У. Сыракомля [12]. Прааналізуем інфармацыйны патэнцыял прац некаторых з пералічаных даследчыкаў.

Беларускі этнограф, археолаг і фалькларыст Е. Раманаў (1855–1922 гг.) у сваёй рабоце «Материалы по этнографии Гродненской губернии» сабраў багатую калекцыю народных спеваў, аналізуючы якія можна прасачыць успрыняцце карчмы народам, выявіць становішча жанчыны ў карчме, зразумець народнае маральнае стаўленне да п'янства, рэканструюваць падзеі, што адбываліся ў карчмах, пачарпнуць інфармацыю аб наведвальніках карчмы [1, с. 94–117].

Вялізарны фальклорны матэрыял назбіралі Я. Чачот (1796–1847 гг.), браты-археологі Канстанцін (1806 – ?) і Яўстафій (1814–1873 гг.) Тышкевічы. Праз аналіз назапашаных руплівай працай даследчыкаў спеваў выяўляецца не толькі стаўленне народа да корчмаў і да п’янства, але раскрываецца шматгранны спектр сацыяльна-грамадскіх адносінаў у карчме, што найбольш поўна адлюстроўваецца ў спевах «У суботу на рынку», «А пры дарозе, а пры шырокай», «Мавіла бочачка», «Антон маладзенькі», «Мне ад піва жывот баліць» [11, с. 123–278].

Неацэнную інфармацыю па тэме ўтрымлівае работа А. Сержпутоўскага (1864–1940 гг.) «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» [10]. Праз аналіз назапашаных ім фальклорных адзінак мы можам прасачыць фантастычнае (містычнае) стаўленне да карчмы і п’янства, якое знайшло сваё адлюстраванне не толькі ў песнях і прыказках, але і ў павер’ях, прыкметах і народным сонніку. Аналіз фальклорнага матэрыялу вельмі важны для разумення светапогляду беларускага народа. У казках, песнях, прыказках, павер’ях матэрыялізаваліся мудрыя высновы, да якіх чалавек прыходзіў у працэсе працы, назіранняў, пераймання досведу.

Зборам і даследаваннем фальклорнай спадчыны беларусаў займаўся А. Багдановіч (1862–1940). Вынік яго працы – кніга «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк», дзе карчме, тым не менш, адводзіцца вельмі сціплае месца. Цікавасць уяўляюць звесткі аб масленічных гуляннях у карчме і аб батрацкіх выпіўках падчас Каляд. Гэтыя звесткі пацвярджаюць тое, што карчма была важным грамадскім месцам, дзе праходзілі народныя святкаванні [3, с. 88 – 99].

Разгорнутае апісанне гандлёвых устаноў утрымліваецца ў працы П. Шпілеўскага (1827–1861 гг.) «Падарожжа па Палессю і Беларускаму краю» [4]. У ёй – разгорнуты матэрыял аб карчмах, што трапляліся на шляху ў вандроўніка.

На старонках яго кнігі карчмы выступаюць ледзь не «галоўнымі гераінямі». Дзякуючы руплівасці даследчыка мы можам лакалізаваць месцазнаходжанне карчмаў у Кобрыне, у вёсцы Сеньўка (Палессе), у Нясвіжы, у вёсцы Крыжы (недалёка ад Мар’інай Горкі). Апісваецца карчма ў Мілосне (Польшча), пры гэтым робіцца параўнанне польскіх карчмаў з тымі, якія сустракаюцца на ўласна беларускіх землях. Гэтае параўнанне сканцэнтравана ў

адным выразе: *«Адно толькі добра ў польскіх тракцірах – гэта жывая, скрытная прыслуга, што складаецца звычайна з мілавідных дзяўчат»* [4, с. 140].

Апісанні корчмаў, зафіксаваныя этнографам, даюць магчымасць рэканструкцыі іх бытавога жыцця, дазваляюць зірнуць на наведвальнікаў, даведацца, што і дзе яны елі і пілі, а таксама даведацца, хто быў трымальнікам корчмаў. Напрыклад, меню з нясвіжскай карчмы пазайздросцілі б многія сучасныя рэстараны: *«віно, гаванскія сігары, пажарскія катлеты, пінскія в’юны, славу тыя марынацы (марынаваная і фаршыраваная рыба)»* [4, с. 220]. Акрамя таго, нясвіжскія корчмы славіліся сваім абслугоўваючым персаналам: *«Ва ўсялякім тракціры вы сустрэніце прыстойную абслугу, якую складаюць чарнавокія яўрэйкі, якія, здаецца, ні ў чым не саступаюць ў скрыту варшаўскім кафеяніцам»* [4, с. 78]. Шпілеўскі падцвярджае той факт, што ўладальнікамі корчмаў былі пераважна яўрэі. Дзякуючы апісанню вясковай карчмы ў Сеняўцы, мы можам убачыць важнасць гэтай установы для вясковага людз: карчма выступала адзіным клубам, месцам адпачынку, дзе хлопцы маглі згуляць «у сваі казыры», народ мог патанчыць, паслухаць мелодыі скрыпачкі, каля карчомнай будыніны дзяўчаты вадзілі карагоды, якія потым разбівалі мясцовыя кавалеры і вялі маладзіц ў віхуру пацярухі (трасучкі), ці так званай полькі [4, с. 79].

Такім чынам, работа П. Шпілеўскага «Падарожжа па Палесю і Беларускаму краю» ўтрымлівае вельмі каштоўныя і важныя факты, якія дапамагаюць вывучаць кірмашовае і карчомнае жыццё. Тым не менш, яна мае апісальны характар, а тыя замалёўкі, якія прыводзяцца на яе старонках, адзначаны суб’ектыўным і эмацыйным характарам.

На той жа эмацыйна-суб’ектыўнай хвалі напісаная праца У. Сыракомлі (1823–1862 гг.) «Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: успаміны, даследаванні гісторыі і звычаяў» [12]. Яе аўтар вядомы нам як паэт, таму яго работа яшчэ больш каларытная і насычаная літаратурнымі вобразамі корчмаў і кірмашоў: *«Праз мілю паказалася вёска Семакова (тракт да Нясвіжа), што нібы вялікі воз ад’ехала да гасцінца ў поле. Галава яе – карчма – свеціць падарожнаму двума прэгнымі вокамі пабітых шыбаў і ззяе, як пашчай, адчыненымі варотамі свайго гумна»* [12, с. 49]. Аўтар сакавіта апісвае карчмы, у якіх спыняўся: *«Дах яўрэйскай карчмы (у Кой-*

данаве – Л. Р.) прытуліў нас на начлег. Хацелася адпачыць душой і цэлам пасля цяжкой дарогі, але тут праз тонкую перагародку даносіўся звон шклянак і гучны голас нейкага чыноўніка зямскага суда, што расказваў пра свае геройскія ўчынкі ў нейкім тутэйшым следстве» [12, с. 133]. І, як заключэнне, Сыракомля дадае: «Панскі двор, блізкае мястэчка, царква і карчма – адзіныя пункты, вакол якіх душой і цэлам кружыца мужык увесь свой век» [12, с. 151].

У сваёй рабоце «Рэчыцкае Палессе» Ч. Пяткевіч апісвае карчомнае жыццё, стаўленне народа да п'янства. Для палешука карчма – «гэта клуб, біржа, соймкі, і, бадай, няма такой справы, якую не вырашылі б па-за карчмою; карчма – гэта месца, дзе канцэнтруецца жыццё ўсяго наваколля» [2, с. 638]. Цікавасць уяўляе інфармацыя, якая дае магчымасць прааналізаваць стаўленне народа да карчмы, узаемаадносіны карчмы і царквы – яны заўсёды знаходзіліся ў яўнай апазіцыі адно другому, канкурыравалі ў прыцягненні да сябе наведвальнікаў. Гэта адчуваецца ў выказваннях палескіх сялянаў: «У царкву і ў карчму калі хоч можна зайсці, не пытаючыся нікога» [2, с. 339]. У працы Ч. Пяткевіча востра падываецца праблема п'янства. Пры аналізе назбіраных ім матэрыялаў, выяўляецца крытыка п'янства, бязлітаснае асуджэнне тых, хто п'е: «Да п'яніцы ніхто не мае даверу». Вынікае і тое, што да горкіх п'яніцаў існавала сапраўдная нянавісць, людзі нават не імкнуліся дапамагчы пітаку, калі той валяўся ля дарогі. Сам аўтар дае цікавае тлумачэнне такому стаўленню: «Такую нянавісць цвярозых да п'яных можна растлумачыць хіба толькі зайздрасцю, што не ён напіўся» [2, с. 661]. Аднак, з іншага боку, не любілі і задужа «правільных», хто зусім не піў, а калі піў, то не ўмеў трымацца. Пра такіх палешукі нават склалі жартаўлівую прыпеўку: «Гарэлкі не піў, / Табакі не нюхаў, / Чужых жонак не любіў, / а сваіх не слухаў» [2, с. 661]. Такім чынам, даследаванні Ч. Пяткевіча даюць каштоўны фальклорны, этнаграфічны матэрыял для даследавання дзейнасці карчмаў і кірмашоў, у аспекце вывучэння народнай, калектыўнай свядомасці і іміджу беларускай карчмы.

Працы Е. Раманава, Я. Чачота, А. Сержпутоўскага, А. Багдановіча, П. Шпілеўскага і інш. можна разглядаць і як гістарычную крыніцу для вывучэння гісторыі і дзейнасці гэтых гандлёвых асяродкаў. Назапашаныя этнографамі і фалькларыстамі матэрыялы дапамагаюць выявіць калектыўнае і падсвядомае стаўленне народа да карчмаў і шынкоў, найбольш аб'ектыўна ацаніць ролю гандлё-

вых асяродкаў у жыцці грамадства, іх функцыянал і змест. Важнай з’яўляецца і суб’ектыўная ацэнка вышэйпералічаных даследчыкаў, так як яны былі непасрэднымі відавочцамі дзейнасці корчмаў і шынок, іх кліентамі і спажывцамі.

1. Романов, Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии / Е. Р. Романов. – Вып. 1. – Вильно: Издание Управления Виленского учебного округа, 1911. – 238 с.

2. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч. – Мінск: Бел. кнігазбор, 2004. – 672 с.

3. Богданович, А. Пережитки древнего мирозозерцания у белоруссов: этнографический очерк / А. Богданович. – Гродно: Губернская типография, 1895. – 180 с.

4. Шпилевский, П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. Шпилевский. – Минск: Полымя, 1992. – 251 с.: ил.

5. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский, действительный член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и действительный член Витебского губернского статистического комитета. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – 307 с.

6. Сапунов, А. А. Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века / А. А. Сапунов // Витебские Губернские Ведомости. – 1901. – № 113, 114, 128. Асобн. выд. – Витебск, 1901. – 28 с.

7. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. Шейн. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887–1893 гг.: т. 1. – 585 с.

8. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. Шейн. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887–1893 гг.: т. 2. – 708 с.

9. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. Шейн. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887–1893 гг.: т. 3. – 715 с.

10. Сержпутоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Навук. рэд. А. С. Фядосік; Прадм. У. К. Касько. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

11. Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / Уклад. і сістэматызацыя тэкстаў і каментароў В. І. Скідана і А. М. Хрушчовай, уст. арт. Т. В. Валодзінай; Рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. оэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 342 с.

12. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: Успаміны, даследаванні гісторыі і звычаяў (Пер. з польскай мовы, прадм., камент. К. Цвіркі. – Мінск: Полымя, 1992. – 159 с.: іл.

Рогач Людміла Фёдораўна – магістр гістарычных навук, аспірант Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

**КАНСТАНЦІН І ЯЎСТАФІЙ ТЫШКЕВІЧЫ
ВАЧЫМА ІХ СУЧАСНІКАЎ**

Даследаваны адносіны да Канстанціна і Яўстафія Тышкевічаў людзей, з якімі ім давалося сутыкацца.

Навукоўцы Канстанцін і Яўстафій Тышкевічы шырока вядомыя сярод археолагаў і краязнаўцаў Беларусі і памежных краін. У 2006 г. адзначалася 200-годдзе са дня нараджэння Канстанціна, а у 2014 г. – 200 год яго малодшаму брату Яўстафію. Нельга пераацаніць іх уклад у развіццё айчыннай навукі. Апошні час з’явілася дастаткова артыкулаў, дзе апісваецца і ўсхваляецца іх дзейнасць Але жыццё і творчасць братоў, як і большасць гістарычных падзей, нельга разглядаць толькі з аднаго пункту гледжання. Стаўленне ў свой час да іх было не толькі станоўчае, мела месца і крытыка.

Пісьменнік і публіцыст Ю. І. Крашэўскі, блізка знаёмы з браатамі Тышкевічамі, у прадмове да кнігі К. Тышкевіча «Вілія і яе берагі» пісаў: «Гэта быў чалавек ціхай прафесіі, які не шукаў славы ці папулярнасці. Чым менш людзей, падобных на яго, асабліва ў вышэйшых сферах, да якіх ён належаў, тым больш жаданне ставіць яго прыкладам» [10, с. IX]. Аўтар прадмовы характарызаваў яго як сур’ёзнага даследчыка і гісторыка-патрыёта роднай краіны, які ў паўсядзённым жыцці быў вясёлым і поўным гумару чалавекам, валодаў выдатнай памяццю. Ён быў добрым расказчыкам, душой любой кампаніі. Навука не ператварыла яго ў сухога педанта, а праца не адняла пачуцця гумару. Высока ацэньваючы прафесійныя навыкі Канстанціна, Ю. І. Крашэўскі называе яго адзіным літоўскім археолагам, які ў сваіх працах абапіраўся на ўласныя даследаванні, а не на вынікі іншых навукоўцаў. К. Тышкевіч, па словах Ю. Крашэўскага, быў чалавекам прыстойным, з добрым і адкрытым сэрцам, да якога звярталіся ўсе людзі, каму была патрэбна дапамога, а «шмат з гэтых праблем мог вырашыць толькі чалавек, сэрца якога было напоўнена хрысціянскай любоўю да бліжняга» [10, с. XI]. Тышкевіч клапаціўся аб сіротах і ўдовах, мірыў пасвараных, сумленна і справядліва вяршыў суд. Ён быў рэлігійным чалавекам і

заўсёды дзякаваў Богу за тое, што той яму даў. Любоў да Бога дапамагала яму перанасіць такія ўдары лёсу, як страта зроку.

Гэта даволі ўзнёслая і нават ідэалізаваная характарыстыка. Але трэба ўлічыць, што гэта – прадмова да кнігі К. Тышкевіча, якая да таго ж выйшла ў свет пасля смерці яе аўтара.

М. Litwinowicz-Drożdziel у кнізе «O starożytnościach litewskich» [9] адзначыла даволі крытычнае стаўленне Ю. І. Крашэўскага да малодшага брата Канстанціна – Яўстафія, назвала гэта вынікам добрых водгукаў апошняга аб Т. Нарбуце. Ю. І. Крашэўскі разглядаў Т. Нарбута як свайго канкурэнта.

Аб дабразычлівасці Канстанціна Тышкевіча да акружаючых яго людзей сведчыць ліст Мікалая Фёдарова з просьбай аб дапамогі: «Ваше Сиятельство, Граф Константин Пиусович! Разрозилась гроза над бедным и покорнейшим Вашим слугою Федоровым; Его Превосходительство Федор Николаевич, внезапно прибыл к нам ревизовать Земский Суд и мне сильно досталось... Вы вступались за многих и покровительствовали им, Ради Бога, вступитесь и за меня...» [7, с. 144].

У лісце да У. І. Назімава, дзе ішла размова аб перасылцы кнігі «О курганах в Литве и Западной Руси», Канстанцін пісаў: «...Вашему Высокопр-ву известны были ученые занятия мои. В продолжение многолетнего управления Вашего Западным краем я пользовался особенным покровительством вашего Высокопр-ва в моих археологических разысканиях; поэтому выходящую ныне в свет книжку с изложением долголетних моих исследований, представляя на просвещенный суд Ваш, покорнейше прошу принять её столь благосклонно, сколь искренне чувство глубокого уважения побуждает меня поднести Вашему Высоко-ву труд этот...» [6, с. 3].

Шмат добрых слоў аб Яўстафіі Тышкевічы сказаў на першым пасяджэнні Віленскай археалагічнай камісіі правадзейны член Віленскага музея старажытнасцей астраном М. Гусеў. Ён назваў музей «приютом науки», а самога папярчыцеля – «счастливым и единственным виновником торжества» [2, с. 16]. М. Гусеў казаў, што Яўстах сваёй самааданай працай у навукавай галіне заслужыў бясспрэчнае права на вышэйшую ўзнагароду – «признательность современников и в памяти потомства» [2, с. 16].

У сваіх «Творах» [3] В. Каратынскі, сябар і паплечнік братаў Тышкевічаў, напісаў іх творчыя партрэты. У артыкуле пра

Канстанціна ён пісаў: «разнастайнасць і мазольнасць працы, бадай суцэльная навізна і складанасць прадмета, скупы і невыразны агенчык кніжных хранікальных звестак – усё гэта, замест таго, каб ахалоджваць, распальвала ў ім ахвоту да ўсебаковага даследавання» [3, с. 115–141]. В. Каратынскі азначыў якасці, якія неабходны для навуковага адкрыцця. Па яго словах, імі валодаў і К. Тышкевіч – цяплялівацю ў працы, увагай да драбнейшых дэталей, умением стрымліваць фантазію. Публіцыст падкрэсліў «добрасумленнасць і адмоўнае стаўленне да пераносу ілюзорных уяўленняў на абшары мінуўшчыны» [3, с. 115–141]. В. Каратынскі захапляўся навуковымі скарбамі, назапашанымі ў бібліятэцы, фаліянтамі пратаколаў археалагічных раскопак, рэліквіямі, якімі Канстанцін папаўняў як збор у Лагойску, так і Віленскі музей старажытнасцей.

Я. Тышкевіча В. Каратынскі называў «живой душой» археалагічнай камісіі; пра яго ўклад у стварэнне і развіццё Віленскага музея старажытнасцей пісаў: «Усе яго пачуцці і думкі, увесь сэнс жыцця сканцэнтраваны ў гэтых мурах, ператвораных па яго волі ў храм памятак» [3, с. 115–141]. Я. Тышкевіч, у адрозненне ад другіх навукоўцаў, ведаў звычаі і норавы вясковага людю, што дапамагала яму ў зборы матэрыялаў даследавання. Збор крыніц быў асноўнай мэтай яго жыцця, але Тышкевіч часам прысвячаў сябе і прыгожым мастацтвам. Дом Яўстаха на вуліцы Вострабрамскай, як успамінаў В. Каратынскі, з'яўляўся асяродкам культурнага жыцця Вільні. Гаспадар аднолькава ўрачыста сустракаў як людзей «ў не надта свежай тужурцы», так і «ў выдатным парыжскім фраку».

Пад час адкрыцця Віленскага музея старажытнасцей А. Кіркор у сваім прачытаным артыкуле «Значение и успехи археологии в наше время» адзначыў: «Он (Яўстафій Тышкевіч) ізъездил почти весь край, ... разрыл тысячи курганов, проник всюду, где только таилось что либо достойное сохранения; сколько предметов, преданных забвению под спудом или заброшенных на чердаке, сохранены им от утраты» [2, с. 32]. Таксама А. Кіркор распавядаў аб актуальнасці і навуковай значнасці кнігі Я. Тышкевіча «Лісты са Швецыі».

Знакаміты расійскі гісторык М. І. Кастамараў пад час наведвання Вільні сустракаўся з Яўстафіем Тышкевічам і апісаў яго як «старообразного человека невысокого роста, с лысою головою, и казался на вид лет шестидесяти, но на самом деле ему было не более сорока пяти», пры гэтым удакладніў: «он в своих приемах был

жив, любезен и весел» [5]. М. І. Кастамараў згадваў чуткі пра ранейшы разгульны лад жыцця Тышкевіча, які падарваў яго здароўе. Не абмінуў увагай і тое, што некаторыя расійскія археолагі ставілі у віну Яўстафію невялікую колькасць экспанатаў у музеі, звязаных з расійскім панаваннем, але сам М. І. Кастамараў не імкнуўся яго асуджаць. Нават распавядаў аб не вельмі добрым стаўленні да Яўстафія Тышкевіча і яго паплечнікаў польскіх патрыётаў.

Даволі адмоўна ставіўся да дзейнасці Яўстафія Тышкевіча граф М. Мураўёў. Ім давялося працаваць разам у «Комиссии для разбора предметов, находящихся в Виленском музее древностей» [1]. М. Мураўёў быў незадаволены працай Я. Тышкевіча, абвінавачваў яго ў прапольскіх настроях і нежаданні дапамагаць камісіі. Рабаўнічая палітыка віленскага генерал-губернатора ў дачыненні Віленскага музея старажытнасцей выклікала абурэнне мясцовага насельніцтва. Я. Тышкевіч афіцыйна выказаў пратэст супраць рэарганізацыі яго музея і адмовіўся ад удзела ў працы камісіі.

Аднак не ўсе прадстаўнікі расійскага боку ставіліся да Тышкевічаў адмоўна. Пісьменнік М. С. Ляскоў у «Из одного дорожного дневника» [11] угадаў пахаванне У. Сыракомлі. Ён не толькі ўзнёсла апісаў самога паэта, але і добра адазваўся аб коле яго сяброў, сярод якіх вылучаў Яўстафія Тышкевіча. Пад час наведвання Віленскага музея старажытнасцей М. С. Ляскоў адзначыў што «музей этот своим существованием обязан графу Тышкевичу и только в недавнее время пользуется некоторою поддержкою со стороны нашего правительства» [11]. Пісьменнік даў некаторыя рэкамендацыі адносна дзейнасці ўстановы: прапанаваў, напрыклад, Я. Тышкевіу рабіць і прадаваць фатаграфічныя копіі некаторых партрэтаў, бо музей адчуваў недахоп сродкаў. Аднак у літаратуры сустракаюцца і іншыя звесткі аб фінансавым стане музея. Так, А. О. Турцэвіч у кнізе «Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864–1906» [8] акцэнтаваў увагу на тым, што грошай хапала, але непрадукцыйнасцю вызначалася праца саміх членаў Віленскай археалагічнай камісіі.

М. С. Ляскоў убачыў сярод наведвальнікаў музея шмат жанчын і дзяцей, а таксама казакаў, на якіх звярнуў увагу ў сваім творы «Из одного дорожного дневника»:

«...– Ха, ха, ха, – раздался сзади нас громкий хохот.

Я оглянулся. Молодой казак покатывался со смеха.

– Т-с, ты, пострел! – удерживал его другой, дергая за рукав шинели и в то же время сам едва удерживаясь от смеха.

– Гляди! гляди, – опять вполголоса сказал молодой казак и опять порскнул в рукав.

Я снова оглянулся и вижу, что во рту у зубра торчит коротенькая солдатская трубочка. Казаки сначала как бы сконфузились, но потом, видя мое смирение, тотчас же оправились.

– Курит, – сказал, смотря мне в глаза, толстый белобрысый казак с клиноватою бородою.

– Да он курит, а тебя за это выведут вон, – отвечал я покойно. Казак сделал недовольную мину.

Небось не выведут, – сказал он, вынул изо рта у зубра трубку и пошел прочь, а за ним пошли и другие...» [11].

Гэты сюжэт сведчыць аб цікавасці простых людзей да вынікаў дзейнасці братоў Тышкевічаў.

Такім чынам, Канстанцін і Яўстафій Тышкевічы сваім энтузіязмам, працавітасцю, навуковым падыходам да пошуку і апрацоўкі сабранага матэрыялу не толькі шмат зрабілі для развіцця беларускай навукі, але і атрымалі павагу у коле даследчыкаў, якія падкрэслівалі іх шматлікія добрыя чалавечыя і навуковыя якасці. Аднак патрыятычны напрамак іх дзейнасці выклікаў адмоўнае стаўленне некаторых прадстаўнікоў расійскага боку.

1. Дневник заседаний комиссии для разбора, приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей: из «Вестника западной России». – Вильно: Типография А. Сыркина, 1865. – 74 с.

2. Записки Виленской археологической комиссии / Изд. под ред. А. Киркора, М. Гусева – Вильно: Тип. Завадского, 1856. – 60 с.

3. Каратынскі, В. Творы / В. Каратынскі / Уклад., прадм. і камент. Ул. Мархеля. – Мн.: Маст. літ., 1981. – 174 с.

4. Каханоўскі, Г. А. Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч / Г. А. Каханоўскі, А. Г. Каханоўскі. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 63 с.

5. Костомаров, Н. И. Автобиография; Бунт Стеньки Разина / Н. И. Костомаров / Авт. очерка и сост. коммент. Ю. А. Пинчук; АН Украины, Археогр. комис., Ин-т истории Украины. – Киев: Наукова думка, 1992. – 512 с.

6. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 716. – Воп. 4. – Адз. 34. – Л. 3.

7. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 716. – Воп. 4. – Адз. 30. – Л. 144.

8. Турцевич, А. О. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864 – 1906 / А. О. Турцевич. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1906/ – С. 6 – 10.

9. Litwinowicz-Drożdżel, M. O starożytnościach litewskich: mitologizacja historii w XIX-wiecznym piśmiennictwie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego / M. Litwinowicz-Drożdżel. – Kraków: Universitas, 2008. – 227 с.

10. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno: J.I. Kraszewski, 1871. – 362 с.

11. <http://lib.rus.ec/b/140239/read>.

Карпечэнка Ганна Аляксандраўна – лабарант (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт).

УДК 94(476)

И. В. Падерова

ВЛИЯНИЕ ОТХОДНИЧЕСТВА НА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Рассматривается проблема степени распространенности отходничества в Беларуси, его региональные особенности, социальная база, гендерная специфика и влияние на менталитет сельского населения, характер внутрисемейных отношений крестьян и изменение статуса женщины в крестьянской семье.

Отходничество и в наше время – массовое явление среди населения. Люди зарабатывают на жизнь за пределами своего постоянного места обитания. Они живут в двух местах: в одном – дом с семьей и хозяйством, в другом – съемное жилье с работой, так как на месте постоянного проживания недостаточно источников для жизнеобеспечения семьи. Феномен отходничества в **XIX в.** свидетельствовал о том, что общество своевременно реагировало на изменения экономической ситуации. Однако изменения условий жизни повлияли и на внутрисемейные отношения в крестьянских семьях.

В середине XIX в. на территории Беларуси были известны две формы семьи. Большая неразделенная семья состояла из нескольких брачных пар, связанных как прямым, так и боковым родством при условии, что они вели общее хозяйство. Малая семья представляла собой одну брачную пару с детьми или без детей, иногда с одним

из родителей, а также другим родственником (неженатый брат, незамужняя сестра, племянник и др.). В тот период на территории Беларуси преобладали неразделенные семьи. Их сохранению способствовал, с одной стороны, низкий уровень производительных сил, с другой, развитие отходничества. В тех поветах Беларуси где было наиболее развито отходничество (Дрисенский, Борисовский, Мозырский, Пинский), наблюдалось и самое большое количество неразделенных семей – более 60 % [8, с. 45].

Во второй половине XIX в. большое распространение получило отходничество у крестьян, особенно в восточных и северных районах Беларуси. Чтобы избежать голода и поддержать хозяйство, крестьяне нанимались на лесосплавные, дорожно-строительные и др. виды работ, а также на заводы крупных промышленных центров. В 80-е гг. XIX в. количество крестьян-отходников достигало примерно 300 тыс. человек в год [8, с. 60]. После реформы 1861 г. наибольшее распространение отходничество получило в Витебской и Могилевской губерниях, а в конце XIX в. – и в Гродненской губернии, где в 90-е г. на одну тысячу сельского населения выдавалось в среднем от 60 до 83 паспортов и кратковременных билетов, которые давали право покинуть место жительства [3, с. 224].

Нехватка работы отмечалась в местах, где не было фабрик и заводов. Крестьяне уезжали в Америку, Сибирь [5, с. 2]. Чтобы оплатить дорогу, они вынуждены были распродать хозяйство [6, с. 12–13].

Отходничество было характерно в большей степени для малоимущих семей, как малых, так и неразделенных. В последних отходником был один из мужчин (очень редко глава семьи), в малой, как правило, – муж. Женщины шли только тогда, когда по какой-либо причине муж не мог заниматься отходничеством. Это подтверждается конкретными материалами. Например, в 1898 г. в Лепельском повете отходничеством занималось 3230 мужчин, а женщин – 145. Женщины занимались огородничеством, шитьем, прядением [8, с. 60], в городах нанимались горничными, кухарками, работали на фабриках.

В отходничестве участвовали преимущественно две категории женщин: во-первых, молодые незамужние женщины, которые после нескольких лет жизни в городе возвращались в деревню и выходили замуж; во-вторых, вдовы без детей или чьи дети стали

взрослыми, а также одинокие незамужние женщины, потерявшие шансы выйти замуж. Занимались отходничеством и замужние женщины, но крайне редко. Многие главы семей и мужья препятствовали уходу женщин в города на заработки, и тогда некоторые женщины пытались получить паспорт, дававший право на отход, через суд. Наиболее упорные обращались с просьбой выдать паспорт на право отлучки вопреки воле мужа [4, с. 244–245].

Активность женщин в отхожих промыслах означало признание за ними равноправия с мужчинами, трансформацию традиционного взгляда на роль женщины в семье и крестьянском хозяйстве. Само участие в отходничестве давало женщине экономическую независимость, расширяло её кругозор, развивало её самостоятельность, независимость, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся уклад семейной жизни.

В семьях появилась личная собственность отдельных её членов. Каждый взрослый человек имел право на обладание приобретенным имуществом, заработанным не общим семейным трудом или с помощью семейного имущества, а личным трудом в свободное от семейных обязанностей время.

Отхожие промыслы и особенно те из них, которые надолго отрывали крестьянина от дома, от земледелия и приводили его в большой промышленный центр, оказывали существенное влияние на семейную жизнь крестьян. Крестьянин, занятый местными промыслами, ни от дома, ни от земли, как правило, не отрывался. Многие крестьяне покидали деревни вынужденно, ввиду растущего малоземелья и малой доходности земледелия. Не заниматься отходничеством они просто не могли – альтернативы не было. Поэтому и с последствиями отходничества приходилось мириться.

Длительный отход в города оказывал серьезное воздействие на семейный уклад. С одной стороны, когда из дома уходил мужчина, его место занимала женщина. На ее плечи ложились все заботы по хозяйству и дому, она представляла отсутствующего домохозяина на сходах, заключала сделки и т.д. Таким образом, она выполняла роль мужчины. Естественно, длительное выполнение этой роли в какой-то мере перевоспитывало женщину, изменяло её взгляды. С другой стороны, мужчина в городе усваивал до некоторой степени новые идеи и новые отношения и был более склонен изменить свои традиционные взгляды. Участие женщины в отходничестве

ещё сильнее расшатывало старые взгляды на семью и женщину. По-вышался вклад женщин в семейный доход за счет увеличения трудовой нагрузки, они активно включались в занятия земледелием и кустарным промыслом на дому. При этом в новых условиях вновь и всюду – в промыслах, промышленности и т.д – воспроизводилось их неравенство с мужчинами [4, с. 249].

Занятие отхожими промыслами способствовало укреплению экономики семьи. Но отходничество имело ряд отрицательных черт, поскольку появлялся некий дискомфорт во внутрисемейных отношениях: на некоторое время терялась связь с семьей, многие отходники возвращались домой с подорванным здоровьем.

Кроме того, между членами неразделенной семьи и семьей отходника возникали разные конфликтные ситуации, основанные на материальной заинтересованности. С одной стороны, отходнику было безразлично, как и на какие нужды тратятся заработанные им деньги, особенно если в семье отца жил ещё один или больше женатых братьев. В свою очередь, последние были недовольны, что отходник не отдает весь свой заработок на нужды семьи, а часто тратит его на жену и детей. Отходник мог не высылать все деньги домой, а некоторую сумму оставлял себе [8, с. 61].

Отходничество служило причиной продолжительного отсутствия мужа в семье. Часто невестка не уживалась с его семьей и уходила в дом родителей до возвращения мужа [2, с. 29]. Нередкими были жалобы жен отходников на дурное поведение мужа, вернувшегося с заработков: пьянство, драки [7, с. 14].

Отходничество в крестьянской семье вынуждало детей с ранних лет выполнять различные хозяйственные обязанности. С пяти лет ребенок нянчил своих младших братьев и сестер, с семи-восьми лет пас скот, с 12 лет мальчики занимались земледельческими работами: заготовкой сена, боронованием, с 15 лет – косью, а ещё через два года – пахотными работами. Так что «к 20 годам он уже хлебороб, прошедший все академические курсы крестьянского хозяйства» [2, с. 17].

Историки редко проводят различия между местными и отхожими промыслами, между отходами на сельскохозяйственные работы и в большие города и объединяют их вместе, что создает преувеличенное представление о количестве крестьян, отрывающихся от дома и земли и попадающих в существенно иные условия жизни.

По своему характеру отхожие промыслы подразделялись на земледельческие и неземледельческие. Первые представляли собой отход на сезонные сельскохозяйственные работы, другие – на работы, связанные с промышленностью, строительством, сферой торговли и обслуживания [1, с. 196].

Для разделения промыслов на местные и отхожие принимались два критерия: возможность поддерживать постоянную рабочую связь с собственным хозяйством и расстояние промысла от дома. Лица, занятые на промыслах за пределами 50 верст, обязаны были брать специальные разрешения (паспорта на определенный срок), и такие промыслы назывались отхожими. Таким образом, разница между отхожими и местными промыслами состояла не в характере труда, а в отдаленности человека от дома и наличии или отсутствии его связи с собственным хозяйством. О масштабах развития отхожих промыслов дает представление число паспортов, взятых крестьянами на право отхода. По материалам Комиссии, которая в 1901 г. занималась вопросами движения населения, количество паспортов, выданных на территории Беларуси с 1861 г. по 1901 г. увеличилось более чем в четыре раза [3, с. 222–227].

Несмотря на распространение городского менталитета в сельской среде крестьянство, оставшееся в деревне, принимало меры, чтобы защитить свой уклад жизни, свои традиции от городского влияния. Ошибочно полагать, что крестьяне в массе положительно относились к городской культуре и без сопротивления поддавались её влиянию. Они неохотно и вынужденно обращались к отходничеству [4, с. 248–249].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. под влиянием отходничества и, как следствие, вовлечения женщин в хозяйственную деятельность произошли изменения во внутрисемейных отношениях крестьян. Отход женщин в города содействовал их большей самостоятельности и равноправию в семье.

1. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. / Пад рэд. В. П. Панюціча. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз, Х. Ю. Бейлькін, А. Р. Бухавец і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – 550 с.

2. Довнар-Запольский, М. В. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии / М. В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи / Изд. А. П. Сапунова. – Т.1.: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Киев: Тип. 1-й Киев. артели печ. дела, 1909. – 487 с.

3. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями в Европейской России: [В 3 ч.]. – СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1903. – 316 с.

4. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). В 2 т. / Б. Н. Миронов. 2-е изд. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 548 с.

5. Наша Ніва. – 1906. – № 7.

6. Наша Ніва. – 1911. – № 5.

7. Наша Ніва. – 1911. – № 27.

8. Сям’я і сямейны быт беларусаў у эпоху капіталізму / В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Л. В. Ракава і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 253 с.

Падерова Ирина Валерьевна – магистр педагогических наук, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка.

УДК 94(476)

А. А. Коломийцев

ЛЕВ САВИЦКИЙ

Рассматривается биография и деятельность протоиерея Льва Савицкого – настоятеля и первого исследователя Маломожейковской церкви.

Первые комплексные исследования Маломожейковской церкви, произведенные протоиереем Львом Савицким, на протяжении вот уже полутора столетий остаются предметом полемики в научных кругах. Работа Л. Савицкого, опубликованная в «Литовских Епархиальных Ведомостях» за 1873 г., стала первопричиной появления двух различных гипотез о дате строительства храма [1]. В своем исследовании Л. Савицкий уделил особое внимание трем вопросам: архитектурному виду церкви, процессу фундации храма и состоянию прихода в «униатский период». Правильнее сказать, что Л. Савицкий опубликовал не одну, а две статьи в «Литовских Епархиальных ведомостях». Обе были изданы в 1873 г. Первая, состоящая из трех частей (опубликована в № 33, 34, 36), была посвящена истории церкви с момента ее возведения и до реконструкции в 1867 г. [2,3,4]. Вторая публикация содержит список важных исторических документов, относящихся к храму, и информацию о появлении в церкви чудотворной иконы [5]. Работа Л. Савицкого является в своем роде уникальной,

так как автор был свидетелем, инициатором и активным участником реконструкций церкви, производимых на протяжении 50 лет.

Родился Лев Иосифович 18 июня 1841 г. в селе Споров Слонимского уезда Гродненской Губернии. Отцом его был священник Споровской церкви Иосиф Савич Савицкий, матерью – Иустина Романовна, урожденная Ерчисковская. Лев Иосифович получил достойное образование. Сначала он закончил Жировицкое духовное училище, а в 1863 г. стал выпускником Литовской духовной семинарии. 10 ноября 1863 г. был посвящен в сан иерея и назначен настоятелем Маложейковской церкви. При этой церкви о. Лев Савицкий состоял на протяжении 62 лет [6]. Значимый период своего служения протоирей Савицкий посвятил изучению истории храма.

Исследователь имел доступ к церковному архиву, благодаря чему мог датировать строительство церкви 1407 г. (на основании документа от 1648 г., свидетельствующего об фундаии церкви Шимкой Мацкевичем) [2]. Основным противником данной гипотезы выступил И. Иодковский, подвергнувший сомнению достоверность информации в данном документе.

Л. Савицкий в последующем был незаслуженно, на наш взгляд, низведен трудами И. Иодковского в ранг «рассказчиков». И. Иодковский называет работу о. Льва Савицкого «исследованием в кавычках», указывая, что в данной работе содержится «довольно фантастический вид церкви» [7]. Однако, сам же Иодковский подробно исследует только вопрос хронологии возведения Маложейковской церкви, а последующее ее восстановление описывает, основываясь на данных Л. Савицкого. Конечно, работу Савицкого только весьма отдаленно можно назвать научной, так как она носит описательный характер. Но данный «церковный краевед» был первым, кому удалось детально, в хронологическом порядке описать этапы появления и существования Маложейковской церкви, а его последователи практически не утруждали себя работой с первоисточниками. Источниковедческая база исследования достаточно велика – Л. Савицкий неоднократно ссылается на документы из Можейковского архива, описи, инвентари и визитации различных лет, документы из Несвижского архива Радзивиллов и др. источники. В исследовании достаточно часто встречаются искажения и интерпретации, безосновательные заключения (как насчет даты постройки церкви, так и насчет ее последующих восстановлений) [2;

3]. Учитывая тот факт, что автор работы являлся священником и писал для соответствующей аудитории, можно предположить значительное количество неточностей и преувеличений в его исследовании. И это не странно, о. Лев Савицкий был истинным «радетелем православия», желавшим доказать как значимость древней святыни, так и безусловную ее принадлежность к православной церкви.

Достаточно большой интерес вызывает дело о закрытии Маложежковской церкви от 1921–1926 гг. 17 июля 1925 г. новогрудский воевода обращается к «православному архиепископу» Теодосию с просьбой «перевести Леона Савицкого к другому деканату, находящемуся за пределами Новогрудского воеводства». В обращении сказано о недопустимом поведении Льва Савицкого, не признающего распоряжения польских властей о закрытии церкви и проводящего вредную для страны агитацию. Дело было закрыто в связи со смертью Льва Савицкого 3 февраля 1926 г. [6].

1. Кушнярэвіч, А. М. Культавае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст. / А. М. Кушнярэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 62–94.

2. Савицкий, Л. Маложежковская (или Мурованая) Пречистенская церковь // Литовские Епархиальные Ведомости. – Вильно, 1873. – № 33. – С. 297–300.

3. Савицкий, Л. Маложежковская (или Мурованая) Пречистенская церковь. Продолжение // Литовские Епархиальные Ведомости. – Вильно, 1873. – № 34. – С. 306–308.

4. Савицкий, Л. Маложежковская (или Мурованая) Пречистенская церковь. Окончание // Литовские Епархиальные Ведомости. – Вильно, 1873. – № 36. – С. 321–323.

5. Савицкий, Л. Маложежковская церковь // Литовские Епархиальные Ведомости. – Вильно, 1873. – № 42. – С. 369–372.

6. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 605. – Ар. 13. – В. 298. Дело протоиерея о. Льва Савицкого. – Л. 9–13.

7. Древности: труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Императорском Московском археологическом обществе / под ред. И. П. Машкова. – Москва, 1915. – 6 т. – С. 271–289.

Коломийцев Алексей Алексеевич – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин ГрГУ им. Я.Купалы.

**К БИОГРАФИИ Д. В. СКРЫНЧЕНКО (1874–1947) – ПЕДАГОГА,
ПУБЛИЦИСТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ**

Раскрыта биография и педагогическая, публицистическая, общественная деятельность в Беларуси и на Украине Д. В. Скрынченко.

С именем Дмитрия Васильевича Скрынченко я впервые встретился, работая над монографией о М. О. Кояловиче и истории Православной Церкви на Гродненщине. Уже тогда – через знакомство с рядом его печатных трудов, а также деятельностью на первом фланге общественно-политической жизни Беларуси начала XX в., Д. В. Скрынченко представлялся мне весьма заметной и колоритной фигурой отечественной истории. Особый интерес вызывала его публицистика (во многом в духе Кояловича), а также активное участие в работе «Западнорусских и Православных Братств». Полагая, что биография этого человека уж наверняка не обделена вниманием исторической науки, я всякий раз откладывал более детальное ознакомление с жизнью Д. В. Скрынченко, что называется, на потом. Каким же было мое удивление, когда в завершившемся издании (в 2003 г.) семи томов «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» не нашлось места даже для краткого изложения биографии Д. В. Скрынченко. Впрочем, имя его неоднократно упоминалось в статьях, посвященных деятельности в Беларуси «Русского Окраинного Союза», ряда монархических партий, газете «Минское слово». Их авторы (М. Забавский, В. Конон), не скрывая своей антипатии к деятельности этих «антыбеларускіх устаноў», «якія распальвалі варожасць паміж народамі Расіі», если не прямо, то косвенно отзывались негативно и о Д. В. Скрынченко, внесшем значительный вклад в создание и организацию работы этих общественных объединений [1]. Столь односторонняя трактовка Дмитрия Васильевича мною не принималась и вызывала лишь внутреннее раздражение. И лишь спустя годы, после выхода в журнале «Москва» (2010, № 7) замечательной статьи В. Б. Колмакова «Забытый консерватор», оно вылилось в потребность написать такую биографию Д. В. Скрынченко,

которая могла бы быть в свое время и в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі».

Родился Д. В. Скрынченко 21 сентября 1874 г. в селе Песковатка Бобровского уезда Воронежской губернии в семье псаломщика. После окончания церковно-приходской школы, находившейся в соседнем селе Масловка, он продолжил обучение в прогимназии уездного города Боброва, а затем учился в Задонском духовном училище, после чего поступил в Воронежскую духовную семинарию. Учился Дмитрий Скрынченко блестяще не только в училище и семинарии, но и в Казанской духовной академии, ректором которой в конце 90-х годов XIX в. являлся архимандрит Антоний Храповицкий. Под его влиянием Д. В. Скрынченко получил заряд того русского консервативно-православного духа, который сохранился у него на всю жизнь.

В стенах Казанской академии под руководством профессора В. И. Неспелова им был написан философский трактат «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению» (СПб., 1908). В нем смысл жизни автор понимал как стремление человека к Богу, как нравственное самосовершенствование. Естественно, это не означает презрение к благам жизни, ибо они созданы Богом и полезны для человека. Однако, считал автор, жизнь не имеет ценности, если не опирается на веру в Бога и бессмертие души. Иначе для человека смысл и ценность имеет лишь он сам и мир вещей, то есть его земная жизнь, с прекращением которой теряются все смыслы. И тогда все смыслы сводятся к одному – интерес к деньгам и желанию взять от жизни все. Такое стремление к наслаждениям (гедонизм) – явление столь же древнее, как и сам человек. В конце XIX – начале XX в. в России вслед за Европой началась ускоренная модернизация общества, и тогда многие увидели смысл жизни в обогащении, иначе, в строительстве рая на Земле. Многим казалось, что прогресс, особенно научный, решит проблемы, стоящие перед человеком. Д. В. Скрынченко же не без основания утверждал, что неподкрепленный христианскими нравственными основаниями прогресс опасен для человека, в особенности стремящегося к получению общественного блага как можно скорее – рывком, скачком, посредством революции. Автор воочию видел, как в стране, с одной стороны, формируется протестный потенциал, порождающий соответствующие идеологии, якобы направ-

ленные на благо общества и человека, а, с другой, – укрепляется охранительная идеология, которая ставит своей целью придать российской жизни стабильность на основе традиционных ценностей. Д. В. Скрынченко всегда оставался на стороне последней. В противовес т.н. прогрессистам, он утверждал, что Православие – это важнейшее духовное основание в жизни русского народа, без которого Россия погибнет. Д. В. Скрынченко полагал, что усиливавшаяся на глазах деморализация общества может быть преодолена на основе силы веры и знания, того синтеза, без которого жизнь человека в современном обществе просто заходит в тупик [2].

После окончания Казанской духовной академии и короткого пребывания в Перми и Старой Руссе Д. В. Скрынченко в 1903 г. обосновывается в Минске. Здесь он прожил 10 лет, до предела заполненных той работой, которая лучше всего позволяла ему следовать своему жизненному кредо. Он успешно преподавал богословие в Минской духовной семинарии, несколько лет редактировал «Минские епархиальные ведомости», право-консервативную газету «Минское слово». Среди ее редакторов и издателей, кроме Д. В. Скрынченко, были – Г. Шмидт, И. Павлович, А. Красковский, Л. Цветков и др. Сначала газета по своему содержанию и политической направленности примыкала к правым октябристам, а затем, во многом благодаря Д. В. Скрынченко, стала органом местного «Союза Русского Народа». «Минское слово» издавалось с 1906 по 1912 г. За это время Д. В. Скрынченко стал наиболее ярким публицистом правого направления в общественном движении Беларуси.

Одним из наиболее ярких публицистических произведений Д. В. Скрынченко этого периода является труд «Заслуги, оказанные старшими дворянскими родами Минской губернии Православной вере» (Минск, 1907). Рассмотрев в нем, как в конце XVI–XVII вв. часть местного духовенства, «уклонившись от православия, приняло унию, вместо Константинопольского патриарха признало Римского папу», автор сумел доказать, что не все православные края стали тогда изменниками веры и своего народа. Более того, возмущившись этой изменой, дворянство Минщины не только положило в 1612 г. православный монастырь святых апостолов Петра и Павла, но и приняло так называемое «Завещание», в котором было обещание «на веки вечные держаться нашей старожитной греческой веры». В конце документа говорилось: «Чтобы потомки наши

не изменяли вере православной, помогли церкви и монастырю, мы обвязываем их к соблюдению этой нашей воли на вечные времена: сомневающих из нас или наших потомков мы связываем анафемой (т.е. предаем проклятию – В.Н.). Тую волю нашу к вечной памяти выразили, руками своими мы подписали и печатью скрепили». После чего следовали подписи 52 представителей знатных местных дворянских родов: Огинских, Ратомских, Гладких, Тышкевичей, Тризн, Сулятицких, Володковичей, Ваньковичей, Заруцких, Унеховских, Стецкевичей, Косовых, Рагоз, Василевских, Сновских, Зарневских, Наборовских, Селяв, Полневских, Станкевичей, Цемейко, Крупек, Покоршинских, Коханов, Ходычинских, Вербиловичей, Верич, Кустинских, Завалаев, Добрыневских, Шимковичей, Давыдовичей, Стаховских, Статовицких, Станкевичей, Лескевичей, Кириков, Пашковских, Турчиных и др.

Много внимания уделил Д. В. Скрынченко освещению заслуг перед православием в деле храмового строительства XVI–XVII вв. таких дворянских родов Минщины как Слуцких князей Оленьковичей, Корыбут-Вишневецких, Ходкевичей, Тышкевичей, Масальских и др. Среди тех, кто подавали жалобы и протесты по причине гонений на православных в Главный Трибунал ВКЛ и на имя польского короля, были представители родов Огинских, Любецких, Верещак, Укольских, Ратайских, Кердеев, Турко, Копцевичей, Прилуцких, Палецких, Стеткевичей, Дорогиницких Перашкевичей, Ходычинских, Володковичей. Труд Д. В. Скрынченко был насыщен также рядом примеров того, как минское дворянство оказывало пожертвование православной церкви. Среди наиболее упоминаемых фамилий фигурируют представители родов Пекарских, Андреевичей, Деревоедов, Ваньковичей, Евтуховичей, Тышкевичей, Горватов и др.

Упоминая эти имена, автор высказывал сожаление по поводу того, что со временем большая часть представителей этих дворянских родов «быстро окатоличилась и ополячилась, привлекаемая «ласками» польских королей, другие же долго еще боролись за родную православную веру и народность». Обращаясь к тем, кто предал духовные традиции своего народа, Д. В. Скрынченко писал: «Господа! Отуреченные дворяне балканских славян получают милости за предводительство от султана: а вы – наши дворяне – на что рассчитываете: Польского крулевства здесь никогда уже не будет, а

сближать со своим народом ведь надо: иначе не долго вам придется «пановать» среди чуждого вам теперь по духу и вере народа. Или вы думаете, что вам еще удастся и весь народ ополячить? Бросьте эту ненужную затею....Идите тем путем, каким шли когда-то ваши предки. Это единственный для вас выход» [3].

Большую работу по укреплению позиций православия проводил Д. В. Скрынченко в Минском православном братстве, а также в деле организации и проведения Минского (1907) и Виленского (1909) съездов местных православных братств. Доклад Д. В. Скрынченко на Минском съезде, посвященный вышеуказанной проблеме, получил всеобщую поддержку его участников [4]. Будучи опубликованным в 1908 г. в Миске под названием «Трагедия белорусского народа», он стал известен практически всей России, благодаря тому, что данная публикация начиналась с открытого письма члену Государственной Думы и русскому обществу, озаглавленного «У нас своя Босния».

В нем, прокомментировав шумное обсуждение в печати и на заседании Госдумы вопроса о присоединении к Австрии Боснии и Герцеговины, а также горькой участи южных славян, Д. В. Скрынченко обратил внимание депутатов на местные проблемы, назвав их «Боснией нашего Западного Края»: «Реальность в нашем крае заключается в следующем: после того как ополячилось дворянство, польское правительство мало обращало внимание на местное крестьянство. Оно полагало, что с «быдлом» нечего особенно возиться и обращать на него внимание. И, к нашему счастью, такая политика бывшей Польши привела к тому, что здесь сохранился русский народ, несмотря на 400-летнее польское иго». Говоря о том, что «ополяченные паны во главе с фанатиками-ксендзами» в настоящее время «спешат доделать то, что не сделала прежняя аристократическая Польша, т.е. окатоличить и ополячить местное крестьянство, Д. В. Скрынченко упрекал сидящих в Таврическом дворце депутатов Госдумы, а также местных бюрократов и «прогрессистов» за то, что они только и стараются «не обострять отношений с поляками, как будто русские когда-либо этим занимались». Считая такого рода отношения рыхлыми и благодушными обольщениями в надежде на какое-то «примирение», автор констатировал следующее: «Хотим мы этого или нет, но рано или поздно надо будет решать один неизбежный вопрос: что же здесь будет – Польша или Россия? И должна

ли Россия предоставить все «естественному течению вещей», т.е. окатоличиванию и ополячиванию края или все силы должна направлять к тому, чтобы уничтожить здесь польскую скорлупу как временную накипь на искони русском народе? Не пора ли России, пока не поздно, подумать о том, как возвратить белорусский народ к его православно русскому, как встарь, самосознанию, помня, что отсюда пошла также «русская земля»?

Не будучи голословным, Д. В. Скрынченко предлагал своим оппонентам следующее: «Что надо делать, об этом есть указание и в «Трудах первого съезда представителей Западно-русских братств в г. Минске», разосланных господам – членам Государственной Думы.

Со своей же стороны скажу, что возвращение здешнего народа к его изстари русскому самосознанию – не есть политика «обрусения». Не применяйте этого жупела к нашему краю: этот термин оскорбителен для местного русского населения – белорусов. Здесь по древности – то – более коренная Русь, чем, например, в Пензе; она здесь лишь покрыта польским лаком. И весь вопрос «обрусения» здесь сводится к тому, чтобы сбросить этот польский лак.

Вам, господа умеренно-правые, октябристы и кадеты Государственной Думы, жаль Боснии и Герцеговины, «аннексированных» к Австрии. А неужели же вы не видите, что у нас есть своя «Босния» – наш западно-русский край, все более и более ополячиваемый и тем самым отрываемый от России?

Хочется верить, что вы увидите, а, увидев, непременно скажете полонизаторам: «Довольно, идите отсюда на Вислу»!

Следует заметить, что данная работа Д. В. Скрынченко получила широкое распространение по всей территории Северо-Западного края и стала своеобразной программой действия правых сил. Характерно, что имеющийся в нашем распоряжении труд имеет на своем титуле рукописную надпись, сделанную неизвестным польским архивистом в 1920–1930-е гг. (*не исключено, что директором Государственного архива в Гродно Яниной Козловской-Студницкой – В. Ч.*), приводимую ниже в переводе на русский язык: «Данная брошюра была обнаружена в большом количестве экземпляров в коллекции документов российских институций в Архиве Центральном вместе с другими печатными изданиями, предназначенными для распространения среди российских консервативных партий» [5].

Пребывание в Минске сделало из Д. В. Скрынченко прекрасного публициста и общественного деятеля. Он обладал блестящей способностью вести острую газетную полемику, слог его был ярким, а риторика отличалась страстностью и глубокой убежденностью в праве своего дела. С осени 1913 г. Д. В. Скрынченко проживал в Киеве и преподавал во 2-ой Киевской гимназии. Как и в Минске, основные проблемы его публицистики были связаны с ситуацией в Юго-Западном Крае. Но и здесь, на берегах Днепра он продолжал держать в поле своего зрения и положение в Беларуси. Сблизившись с Клубом киевских националистов, он активно сотрудничал с правыми местными изданиями, активно отстаивал и укреплял русскую национальную идею, тесно связанную с православием. Суть ее в понимании публициста выражалась в том, что Россия способна существовать сама по себе, она не является ничьей копией, она самодостаточна. Д. В. Скрынченко всегда исходил из принципа неделимости не только государств, но и русской нации, понимая ее широко, как триединство великороссов, малороссов и белорусов. Опасность сепаратизма, особенно упрощенного, возникшего в начале XX в. в Юго-Западном крае, была для него очевидна. Уже тогда он понимал, что образующиеся при распаде России государства не смогут быть самостоятельными игроками в мировой политике, а потому будут всегда искать покровительство на стороне, с тем, чтобы отдать кому-нибудь часть своего суверенитета.

В 1916 г. Д. В. Скрынченко в газете «Киев» выступил с серией статей «Украинские подлоги», направленных против растущего украинского национального сознания, на основе которого меньшая часть украинского народа стремилось вначале к культурному сепаратизму, а далее к политическому. В контексте исторического разыскания публициста лежала идея, согласно которой Малороссия, равно как и Белоруссия собственной истории не имели, а свою подлинную историчность они обрели, будучи составными частями русского народа Российской империи.

В годы Первой мировой войны все происходившее в стране Д. В. Скрынченко назвал «смутным временем». В соответствии с принципом «улучшать не институты, а людей» он полагал, что «все горе наше» происходит не от «режима», а имеет основание в психологии русского человека, в его «систематическом неуважении к чувству законности». Именно это, считал он, и приближает страну к катастрофе.

Д. В. Скрынченко, чудом уцелев во время Директории Петлюры и красного террора в Киеве конца 1918 – середины 1919 гг., осенью 1919 г. удалось бежать из города и после долгих скитаний найти приют в городе Нови-Сад (Югославия). Здесь он быстро освоил сербский язык и стал работать преподавателем истории и русского языка в местной гимназии, в которой он проработал до 1941 г. После прихода Красной Армии в Югославию Д. В. Скрынченко работал библиотекарем в «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». Скончался 30 марта 1947 г. и был похоронен в «русской парцеле» Успенского кладбища в Новом-Саде. Его творческое наследие (а это более 500 публикаций), а также общественно-политическая деятельность еще мало известны даже в среде специалистов-историков.

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 3, 4, 6. – Мінск: БелЭн, 1996 – 2003.

2. Колмаков, В. Б. Забытый консерватор / В. Б. Колмаков // Москва. – 2010. – № 7. – С. 162–170.

3. Скрынченко, Д. В. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере / Д. В. Скрынченко. – Минск, 1907. – 16 с.

4. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Часть II / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 190–198.

5. Скрынченко, Д. В. Трагедия белорусского народа / Д. В. Скрынченко. – Минск, 1908. – 18 с.

Черепица Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, профессор Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

УДК 947.808.4

И. И. Янушевич

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В 1917–1930 гг.

В статье рассматриваются вопросы формирования системы ограничения финансово-экономической деятельности православных религиозных организаций в БССР с 1917 г. до начала периода «больших чисток», когда антицерковная политика сводилась лишь к деятельности НКВД. Уничтожение экономического базиса и организационной структуры должно было, по мнению лидеров компартии, привести к самоликвидации религиозных организаций.

В историографии отсутствуют специальные работы, посвященные комплексному исследованию политики советского государства в области экономического давления на религиозные организации, священнослужителей и верующих. Значимость финансовых возможностей церковных организаций при организации захвата и удержания власти учли в своей деятельности еще французские революционеры, проведя агрессивную, насильственную секуляризацию церковной собственности. Марксистско-ленинское учение указывало на религиозные организации исключительно как на эксплуататоров трудового народа, имеющие главной целью получение экономических дивидендов. В 1920–1930-е гг. шло формирование основ политики в данном направлении, тема была весьма щепетильна, поэтому научных исследований как таковых не проводилось. Выпускались лишь сборники нормативных документов и работы, выявлявшие «эксплуататорскую роль» церковников. Первым и наиболее основательным стал труд В. П. Гидулянова [1]. После войны только в 1970-е – первой половине 1980-х гг. уделяется серьезное внимание исследователям вопросам нормативно-правового характера. Г. Эзрин [2], В. Зыбковец [3], В. Клочков [4], подвергая анализу постановления партии и правительства по религиозному вопросу, обосновывают их правильность и логичность, последовательность и способность обеспечить действенную свободу совести.

С начала 1990-х гг. интерес к исследованию государственно-церковных отношений усиливается. Выходит в свет целый ряд работ. Наибольший фактический материал отражен в трудах Д. Поспеловского [5], А. Нежного [6] и новой работе М. Одинцова [7]. Что касается исследований в белорусской историографии, то следует назвать работы Т. Протько [8] и В. Новицкого [9, с. 155–234].

Еще до прихода к власти большевики точно определяли самые опасные и враждебные им части общества, социальные институты и органы управления. В их числе были религия и церковь, которых коммунисты считали каким-то аморфным явлением, «идеологической надстройкой», не имеющей под собой необходимого запаса прочности. В.И. Ленин полагал, что церковь, в частности, Православная, рухнет как только отнять у нее экономический базис [10, с. 278 – 296]. Декретом «О земле» от 26 октября 1917 г. РПЦ лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями».

ми» [11, с. 13]. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся.

В печати 23 января 1918 г. появился Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Данное постановление правительства было направлено на максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 Декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [12, с. 30]. По стране в целом во исполнение Декрета у РПЦ было отобрано шесть тысяч храмов и монастырей. Конфискации и сдаче в Гохран подлежали все ценные вещи. Были закрыты все банковские счета религиозных ассоциаций [13, с. 50]. В белорусских губерниях до начала Первой мировой войны действовали 2693 церкви, 21 мужской и 14 женских монастырей, около 2000 церковноприходских школ, 3 духовные семинарии.

30 августа 1918 г. была опубликована инструкция Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декретом от 20 января и инструкцией от 30 августа 1918 г. «все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием», а «не предназначенное специально для богослужебных целей имущество» незамедлительно отбиралось [14, с. 374]. «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [12, с. 30].

Прямых сведений о деятельности большевиков в Беларуси до середины 1920 г. нет, о них можно судить по событиям в стране Советов в целом. Прифронтовая зона, частая смена режимов, постоянные боевые действия накладывали на действия солдат всех армий отпечаток особой бестактности и бесцеремонности по отношению и к народу Беларуси, и к ее святыням. 25 января 1918 г. епископ Минский и Туровский Георгий (Ярошевский) обратился к пастве с посланием, в котором сообщалось о том, что комиссарами Западной области захвачены здания духовных училища и семинарии, архиерейский дом и помещения Кафедрального Собора. Следующий

этап конфискации церковного имущества начался сразу после освобождения Минска. Большевики планировали изъятие всех ценных вещей, валюты и т.д. В приказе А. Червякова от 24 июля 1920 г. говорилось, что «всем частным лицам, организациям и учреждениям предписывается сообщить в трехдневный срок о различном движимом имуществе, представляющем художественную и историческую ценность, для учета» [15]. Разумеется, что собрать у частных лиц ценности за короткий срок не представлялось возможным, и основные реквизиции проводились в храмах, где и концентрация предметов повыше, и ценность приличная. Тем более, что проходило это все под лозунгом «учета и хранения религиозного имущества, имеющего историческое, художественное и археологическое значение» [16]. Все церковные ценности классифицировались по трем категориям – уникальное, имущество высокой историко-художественной ценности и не имеющее музейного значения. Первые две категории вывозились в Москву в музеи, а вероятнее всего, вместе с насильно конфисковываемой у населения валютой, шло в Гохран [17]. Храмы Беларуси были небогаты. Это подтверждалось и во время грабежа Церкви в период голода в Поволжье, когда смерть грозила третьей части населения государства. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов.

Дальнейшее ограничение деятельности религиозных организаций должна была выполнить их перерегистрация. 10 августа 1922 г. увидела свет Инструкция ВЦИК «О регистрации религиозных общин». Запрещались членские взносы. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – отопление, охрана, поддержание чистоты и т. д. Религиозная община могла открывать счета в банках, занося средства на имя отдельных граждан, т.к. церковь и ее организации декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была лишена прав юридического лица. Существенно сократить доходы религиозных общин должно было запрещение всяческих принудительных сборов на храмы. Лицам, уличенным в подобном деянии, согласно УК РСФСР грозили либо принудительные работы не менее 6 месяцев, либо лишение свободы сроком до 2 лет [1, с. 53]. Приравнивание религиозных общин к частным, уплата ими налогов по тем же ставкам, что и предпринимателей, а также обложение промысловым налогом торговли культовыми предметами, делали эти предметы дорогостоящими.

Имущество передавалось избранным приходом пяти членам общины. Члены «пятерки» обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения, выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же это происходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [18].

Пятерки так же обязывались из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов, по ремонту, отоплению, оплате долгов и т.п. По постановлению НКВД, НКФ и НКЮ БССР от 17 марта 1924 г. за № 38 «О получении возмещения убытков за сгоревшие храмы с принадлежащим им имуществом религиозных культов» все религиозные здания подлежали обязательному страхованию за счет верующих [19, ст. 52]. В то же время постановление разъясняло, что «верующие могут заявить о своих правах на получение страховых сумм, так как вносят страховые премии, но указанные страховые суммы ни в коем случае не подлежат выдаче группам верующих, ибо они не являются владельцами, а получают имущество здания во временное пользование, владельцем указанного имущества является государство» [20, ст. 51]. Данные мероприятия были направлены не только на дополнительный сбор средств для казны и постепенную самоликвидацию религиозных зданий, но и против возможности возведения новых. А так как верующие теряли и страховые взносы, и страховые премии, то сбор необходимых для строительства средств был весьма проблематичным.

Большевики в своей градации общества относили церковников к самой низкой категории. Это нашло свое отражение в главном законе Советской власти – Конституции 1918 г. Статьей 65 священники объявлялись «слугами буржуазии». Как лица, занимающиеся непроизводительным трудом, они не могли пользоваться полными гражданскими правами [11, с. 13]. Как и другие «классовые враги» они полностью лишались возможности принимать участие в управлении страной: «Духовенство не избирает и не может быть избрано в Советы», – гласила все та же 65-я статья Конституции [11, с. 65].

Священники лишались возможности под угрозой «вышей меры революционной законности» либо других жестоких санк-

ций оказывать какое-либо минимальное воздействие на политическую жизнь страны: «Распространение и пропаганда буржуазно-монархических и антигосударственных идей под религиозным флагом, – уточняла инструкция НКЮ и НКВД, – подлежит уголовному суду» [1, с. 9]. Православное духовенство с первых дней установления большевистской власти было привлечено к принудительной трудовой повинности. ВЦИК своим постановлением от 8 апреля 1920 г. уточнил это положение: «Если выполнение трудовой повинности и церковного богослужения совпадало, то богослужение необходимо было перенести» [1, с. 42]. Это было издевательством и насмешкой не только над самими священниками, но и над всеми верующими.

Духовенство подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Их дети не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Еще более остро стоял для духовенства квартирный вопрос. И декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», и инструкция о проведении его в жизнь полностью лишали церковь всех построек, зданий монастырей, общежитий монахов и монашек и т. д. Постановлением ВЦИК от 3 января 1919 г. все эти дома передавались в «ведение местного Совдепа и его жилотдела, который сдает их в пользование на общем основании» [1, с. 46]. Расплывчатая формулировка «на общем основании» давала местным властям поле для широчайшей самодеятельности. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу.

Еще более широко можно было трактовать постановление ЦИК Белоруссии «О выселении граждан из занимаемых ими помещений», пункт а) которого гласил: «Если поведение жильца делает невозможным совместное с ним проживание» [19, ст. 146], то любой «трудовой элемент» мог заявить о своем нежелании проживать рядом в одном здании, соседней комнате с «попом». Не в лучшем положении были и монастыри, и общежития монашек. Подавляющее большинство их закрывалось, как «черные гнезда», еще в годы гражданской войны. Местные власти либо закрывали монастыри с полным выселением прежних жильцов, либо производили максимальное их уплотнение. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский

Мелхиседек – глава Православной Церкви в Белоруссии – проживал в комнатке 3 кв. сажня [21].

Незавидным было и материальное положение православного духовенства. Тот же митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех городских священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ. На работу священнослужителя могли принять только в уездных и губернских городах. Так как большинство православного духовенства проживало в небольших городах, местечках и деревнях, то и такого способа добычи средств оно было лишено даже при наличии острого дефицита грамотных кадров. Служителей культов не могли принять советским чиновником, а оплата шла не выше 16-го разряда тарифных ставок.

Власти не желали и боялись открытой конфронтации с верующими. В то же время существующие церковноприходские общины владели жалкое материальное положение. Особенно обострилась ситуация в конце 1926–1927 гг. По стране в целом шло массовое выколачивание средств из населения через принудительные займы, всякого рода страховки, налоги и т. д. Неуплата положенных сумм или отказ от подписки на займ частному лицу грозили жесткими репрессивными санкциями властей, церковному приходу – ликвидацией. В 1927 г. Госстрах резко увеличивает страховой взнос, особенно это касалось богослужебных зданий [22]. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возросло число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5 % от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили примерно по 32 руб. вместо положенных 2 руб. 30 коп. [23]. Это чрезвычайно усложняло ремонт храмов, большинство из которых последние 10–12 лет не реставрировалось. Однако это не часто приводило к их закрытию. Верующие старались собственными силами производить ремонтные работы, а порой даже возводить новые богослужебные здания. Об этом свидетельствует тот факт, что число религиозных общин в 1926–1928 гг. не только не уменьшалось, а имело тенденцию к росту, примерно

около 10 % в год [5, с. 69]. По состоянию на 1 января 1930 г. в БССР действовало 1013 православных объединений.

Таким образом, к концу 1920-х гг. для большевиков складывалась на антицерковном фронте сложная ситуация. Постановления и планы партии не реализовывались. Уничтожение экономического потенциала Церкви не привело к ее ликвидации, а наоборот приводило к росту религиозности населения. Люди находилось в тяжелейшем экономическом положении и не доверяли большевикам. В руководстве партии не было единства о путях дальнейшего развития народного хозяйства, общественно-политического строя. Были разногласия и по религиозному вопросу. Оппоненты Сталина предлагали ослабить давление на церковные организации и не прибегать к жесткой конфронтации с верующими. Вождь и его сторонники заявляли, что победы можно достичь только благодаря максимально возможному административному ограничению деятельности церковноприходских советов. По данному пути и развивались события на рубеже десятилетий. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» практически полностью лишалась возможности организовывать свою хозяйственную деятельность. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные общин как частные лица, а поэтому подобные сделки как коммерческие облагались непомерными налогами. Начавшаяся в 1929 г. борьба с частными предприятиями, к которым были отнесены священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершалось процесс грабежа Церкви изъятие колоколов.

1. Гидулянов, В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сборник Указаний и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / В.П. Гидулянов. – М.: Типография ГПУ, 1923. – 78 с.

2. Эзрин, Г. И. Государство и религия. Религиозные организации и политическая структура общества / Г.И. Эзрин. – М.: Политиздат, 1974. – 135 с.

3. Зыбковец, В. Д. Национализация монастырских имуществ в Советской России 1917–1918 / В.Д. Зыбковец. – М.: Наука, 1975. – 186 с.

4. Ключков, В. В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Ключков. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

5. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.

6. Нежный, А. Комиссар дьявола / А. Нежный. – М.: Протестант, 1993. – 243 с.

7. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 171 с.

8. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 20026. – 687 с.

9. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: Экаперспектыва, 1998.

10. Шахнович, М. И. Ленин и проблемы атеизма / М. И. Шахнович. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961. – 447 с.

11. Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979.

12. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библиейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996. – 347 с.

13. Плаксин, Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 / Р. Ю. Плаксин – М.: Наука, 1968. – 150 с.

14. Николин, А. Церковь и государство (История правовых отношений) / А. Николин – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. – 315 с.

15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 10.

16. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 201. – Л. 83.

17. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 9.

18. Государственный архив Минской области (ГА Минской области). – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 12.

19. Сборник Указаний ЦИК Белоруссии за 1922 г. – № 12.

20. Собрание Указаний БССР за 1924 г. – № 4.

21. ГА Минской области. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 73 об.

22. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 165. – Л. 113.

23. НИАБ. – Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 223. – Л. 1.

Янушевич Иван Иванович – кандидат исторических наук, доцент Учреждения образования «Белорусский государственный университет» (г. Минск).

**ЛАТЫШИ НА СОВЕТСКО-ЛАТЫШСКОМ
ПРИГРАНИЧЬЕ В 1920–1930-е ГОДЫ**

Исследуется экономическая, культурная деятельность Падеровской латвийской колонии Освейского района Витебской области (108 человек в 1928 г.), состав, взгляды колонистов и влияние на их жизнь советской политики коллективизации.

На протяжении многих столетий белорусская земля принимала людей многих национальностей и становилась для них вторым домом. Белорусы, русские, украинцы, поляки, евреи, литовцы, латыши, татары и представители других народов сосуществовали мирно, обогащая культуру друг друга. А возникающие время от времени между ними конфликты носили скорее личный, чем национальный характер.

Кардинальные изменения, произошедшие в общественно-политической жизни после Октябрьского переворота 1917 г., неизбежно затронули и белорусские земли. В результате Западная Беларусь вошла в состав II Речи Посполитой, где преимущественно сохранялся прежний уклад жизни, а на территории восточной – была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика, где большевистское правительство поставило целью построить новое общество. В результате всё население восточной Беларуси стало заложником авантюрной и непредсказуемой политики новой власти.

Относительно национального строительства в советском государстве можно выделить два этапа. Первый – 1924–1931 гг. – характеризовался предоставлением различным народам права развивать собственную культуру, а в условиях компактного проживания – создавать национальные административные единицы, образовательные и культурно-просветительские учреждения. Второй этап – 1931–1941 гг. – ознаменовался курсом на построение единого советского общества, ликвидацией национальных районов, советов и школ, а также началом массовых репрессий.

Данный период в истории Беларуси является ещё недостаточно изученным, в особенности, что касается национальной полити-

ки, так как значительная часть документов до сих пор находится в закрытых архивах. И если по еврейскому и польскому вопросам имеется несколько серьёзных работ (что объясняется, в том числе, поддержкой современных национальных правительств исследований в данной области), то относительно других национальностей этого сказать нельзя.

Согласно официальным данным переписи 1926 г. в БССР проживал 14 061 латыш, что составляло почти 0,3 % от всего числа населения. Наибольшее число латышей проживало на территории современной Витебской области (ок. 8,8 тыс. человек) [3, с. 9–13].

Латышские хозяйства отличались преимущественно высокой культурой ведения земледелия, а потому значительную часть латышей по социальному статусу квалифицировали как зажиточных и кулаков [5, л. 15–18]. Подобное положение дел не совсем вписывалось в набирающую обороты политику коллективизации. В связи с этим настроения латышей представляли интерес для органов НКВД, особенно, что касалось приграничных территорий.

Имеются данные о проживании этнических латышей в следующих приграничных с Латвией регионах: Воынецкий район: 30 латышских хозяйств в составе 116 человек, что составляло 0,4 % к общему количеству населения района (28 732 человек); Дриссенский район: 20 латышских хозяйств в составе 69 человек, что составляло 0,3 % к общему количеству населения района (21 759 человек); Освейский район: 29 латышских хозяйств в составе 147 человек, что составляло 0,6 % к общему количеству населения района (22 735 человек) [1, л. 2].

Больше всего этнических латышей проживало на хуторе Падеры Сухоруковского сельсовета Освейского района, в котором существовала Падеровская латвийская колония. Она была организована приблизительно в 1878 г. крестьянами, которые переселились из Курляндской и Лифляндской губерний. По состоянию на октябрь 1928 г. в колонии насчитывалось 27 хозяйств. Из них 22 хозяйства являлись чисто латышскими, общее количество жителей – 108 человек. Хозяева остальных дворов являлись белорусами по национальности и примкнули к колонии из окружающих деревень региона.

Земля в колонии была подзолистая, возделана из-под кустарника и леса, местами заболочена. Урожай она давала неважный (рожь – сам 2–4, овёс – сам 4–6), а потому многие хозяйства имели

склонность к скотоводству. Хозяева-латыши имели не менее 2 коров, а безлошадных, кроме одного, не было вовсе. Благодаря уклону в скотоводство засеивалось много клевера и почти половина земли находилась под лугами. Севооборот в хозяйствах был шестипольный. Сеяли, по преимуществу, овёс, лён и картофель. Приезжавшие в колонию представители Латсекции при Полоцком Окружкоме фиксировали, что хозяйства повсюду ведутся образцово, почти при каждом имеется фруктовый сад, некоторые владели сельскохозяйственными машинами [4, л. 23].

Практически все латыши диаспоры проживали в колонии со дня своего рождения и связей с этнической родиной не поддерживали.

По религиозному составу колония была поликонфессиональной. Группу баптистов (около 5 человек) возглавлял Павел Бернгардт. Сама баптистская община была официально зарегистрирована в июне 1923 г. в Освее. Пресвитером тогда был выходец из Падеров Фриц Клавин [8, с. 123]. Присутствовали в колонии и евангелисты, которые входили в так называемую «Освейскую секту», руководимую Полоцкой общиной. Большая же часть падеровских латышей исповедовало лютеранство. Для проведения религиозных обрядов они приглашали из Смоленска пастыря Густава Швальбе, латыша по национальности, в ведении которого находились также Витебск, Полоцк и прилегающие к территории [1, л. 7]. Правда, уже в конце 1929 г. пастор был обвинён в антисоветской деятельности и арестован, а в следующем году – расстрелян [6, с. 208].

Согласно отчётам НКВД в политической жизни Падеровская колония латышей участия практически не принимала. Уровень политической подготовки и сознания населения характеризовался как невысокий, отмечалось, что основным родом их деятельности являлось сельскохозяйственное производство. Открытых антисоветских выступлений и соответствующей агитации не фиксировалось. Между тем, значительная часть проживавших в колонии латышей негативно относилась к советской власти и предпринимавым ею шагам, что было связано, главным образом, с отстаиванием своих личных прав и интересов. Так, среди колонистов доминировало мнение, что проводимая властями коллективизация не приносит желаемых ими результатов и в скором времени провалится [1, л. 9]. Падеровские зажиточные латыши стремились закрепить свои

индивидуальные хозяйства, в частности, отказывались от плохих участков земли, оставив для своего пользования более выгодные, чтобы их не отобрали при проведении землеустройства в колонии. Отмечалось их стремление к объединению общих усилий в целях закрепления хозяйств колонии.

При этом жители Падеров старались максимально использовать льготы, предоставляемые советской властью для крестьян, с целью улучшения условий ведения сельского хозяйства и получения прибыли. Колонисты организовывали и входили в сельскохозяйственные артели для получения на льготной основе семян, инвентаря и пр. В частности, по инициативе наиболее прогрессивных латышей в мае 1928 г. в Падеровской колонии было организовано семенное товарищество с целью получения машин и удобрения для индивидуальных хозяйств. В его состав вошло 16 хозяйств, из них 5 – зажиточных. В названное товарищество не принимались бедняки, что мотивировалось неспособностью таких членов объединения в последующем выплачивать взятые ссуды, из-за чего за них придётся расплачиваться другим хозяевам. По имеющимся данным, Освейский райисполком вскоре распустил товарищество, поскольку «оно не могло быть примером для окружающего населения и выгодным для Советской власти» [1, л. 10]. Таким образом, надзорные службы пришли к выводу, что в рассматриваемый период зажиточные крестьяне колонии имели значительное влияние на бедную часть населения этнического объединения, очередным подтверждением чему служит факт срыва кампании по самообложению [1, л. 10].

В конце 1927 г. в Падеровской колонии была организована черепичная артель. Её задачей стало изготовление черепицы, а также цементных колец для колодцев. В артель входили 10 человек (6 из колонии, 4 из близлежащих деревень): Владимир Аболь, Андрей Аболь, Август Калинин, Карл Краузе, Август Бергардт, Иван Подгайский (белорус), Леон Шидловский, Павел Ясюкевич, Тихон Мороз (белорус), Ефим Обух (белорус). Артель была организована на общих основаниях и утверждена Полоцким Окружным земельным отделом. Последним в распоряжение артели предоставлялось необходимое оборудование и инструментарий для изготовления черепицы [1, л. 8]. В начале 1930-х гг., с ускорением темпов коллективизации и усилением репрессивной политики, артель прекратила своё существование.

Культурные организации в колонии не функционировали, за исключением школы, которая была открыта около 1924 г. В школе предусматривалось преподавание латышского языка, однако уже через три года обучение ему было свернуто ввиду отсутствия на тот момент лиц школьного возраста латышской национальности. В частности, в 1927–1928 учебном году в школе обучались лишь две ученицы, владевшие латышским языком, остальные являлись детьми белорусов, проживавших в близлежащих деревнях. Директором являлся 23-летний латыш Михаил Карлович Уппе, являвшийся членом ВКП(б). Образование он получил на латышских учительских курсах в Ленинграде. Характеризовался как отзывчивый, активный, целеустремлённый человек. Под его руководством при школе функционировал Красный уголок, в котором проводилась культурно-просветительская работа, работали драматический и политический кружки, выпускалась стенгазета на латышском языке. Однако Красный уголок практически прекратил свою деятельность после того, как М.К. Уппе убыл во втором квартале 1928 г. в Ленинград, с его слов, на повторные учительские курсы. За время его работы был поставлен лишь один спектакль, который, по мнению самих латышей, провалился [1, л. 14–15]. С учётом данных обстоятельств, достичь советским властям каких-либо значимых результатов в культурном отношении в колонии не получалось ввиду негативного отношения колонистов к подобной общественной работе. Последнее органами объяснялось, главным образом, озабоченностью латышей своим благосостоянием, что подчас шло вразрез с проводимым властями курсом.

В целом, можно сделать вывод, что латыши Падеровской колонии жили слаженно, добросовестно трудясь на своей земле. Советские власти во многом ограничили возможности предпринимательской деятельности, урезали земельные наделы и обложили крепкие хозяйства большими налогами, что вызывало естественное недовольство латышей, которые собственным трудом добивались улучшения условий жизни в колонии. В условиях совместного проживания многие не скрывали своего негативного отношения к советской власти. Латыши, которые проживали в преимущественно белорусских деревнях, в своём поведении должны были быть более осторожными, так как перед ними стояла также проблема межнационального взаимодействия.

Согласно имеющимся сведениям, по состоянию на январь 1928 г. в окружении колонии проживало ещё 14 латышских семейств, не связанные между собой какими-либо диаспорными и иными связями. По отчётам НКВД, они ничем особым себя не проявили, «за исключением отдельных лиц, недружелюбно настроенных по отношению к советской власти и занимавшихся распространением слухов и пр.» [2, л. 3]. Отношения с местным населением были не всегда гладкими, что, в определённой степени, объяснялось простой завистью беднейших крестьян к более успешным латышским хозяевам. Об усилении национальной напряжённости (на фоне искусственно нагнетаемой классовой борьбы) можно судить по тому факту, что детей в смешанных браках чаще всего записывали белорусами и не обучали латышскому языку [2, л. 21].

Недовольство набравшей обороты коллективизацией, общий скепсис по отношению к советской власти, принадлежность к народу, национальное государство которого придерживалось капиталистического пути развития, – всё это делало латышей явной мишенью для репрессивной машины НКВД. Особенно это касалось приграничных территорий, ведь ожидания новой войны то в большей, то в меньшей степени волновали население, да и идеи «мировой революции» у руководства страны были ещё сильны. А в таких условиях латыши могли сыграть роль пятой колонны, что делало удар по ним неизбежным.

В 1929 г. ЦК КП(б)Б принял план мероприятий по созданию в приграничье политически надёжного контингента населения, который предусматривал удаление из приграничных территорий всех неблагонадёжных элементов, показателем чего служили политические взгляды, социальное положение, связь с границей и т.п. [9, с. 72]. В январе 1930 г. СНК БССР обязал не позже начала весеннего сева очистить колхозы от всех кулацких и нэпмановских элементов. На Падерах эти решения отразились в феврале 1930 г., когда была арестована почти половина хозяев колонии (отметим, что это были не только латыши, но и несколько белорусов) [7]. По обвинениям в антисоветской и шпионской деятельности в пользу Латвии все они были осуждены. Наиболее зажиточные крестьяне (Август Бернгардт и Иван Пурвин) были приговорены к высшей мере наказания, а остальные подверглись высылке в исправительно-трудовые лагеря на различные сроки [7]. Подобная

«мягкость» в приговорах объясняется тем, что массовые репрессии против населения ещё только начинались. В последующие годы «зачистка территории» будет продолжаться, а наказания станут более жестокими. Так, даже умственно отсталый Карл Рубежник будет арестован 12 августа 1938 г., обвинён в деятельности в составе контрреволюционной латышской организации и расстрелян [7]. Не избежали жерновов сталинских репрессий и многие латыши, проживавшие в соседних с Падерами районах.

Таким образом, период 1920–30-х гг. стал для латышей приграничья временем расцвета и упадка. Предоставленные изначально советской властью возможности создавать различные виды сельскохозяйственной кооперации, открыть черепичное производство, развивать культурно-просветительскую работу сменились ужесточением налоговой политики, насильственной коллективизацией и началом репрессий, что во второй половине 1930-х годов привело к фактическому исчезновению самой крупной в округе Падеровской латышской колонии.

1. Архив Управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь по Витебской области (АУКГБВО). – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 747.
2. АУКГБВО. – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 748.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 10: Белорусская Советская Социалистическая Республика: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 289 с.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10061. – Оп. 1. – Д. 194.
5. ГАВО. – Ф. 10062. – Оп. 1. – Д. 95.
6. Лиценбергер, О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР / О. Лиценбергер // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». – М.: Немецкий культурный центр им. Гёте, 1999. – С. 200–210.
7. Мемориал: Жертвы политического террора в СССР [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lists.memo.ru/index.htm>. Дата доступа: 23.10.2011.
8. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Верхнядзвінскага раёна. У 2-х кн. Кн. I. – Мінск: «Паліграффармленне», 1999. – 528 с.
9. Раманава, І. Прымусовая ратацыя насельніцтва ў беларускім паграніччы: ін'екцыя добранадзейнасці 1920–1930-я гг. / І. Раманава // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. – 2007. – Вып. 2. – С. 68–82.

Королёв Максим Генадьевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук (Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет).

Т. А. Лугачова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОПРА ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ ПО ОКАЗАНИЮ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ

Раскрывается содержание, направления, формы, значение деятельности Международной организации помощи революционерам Западной Беларуси по оказанию моральной и материальной помощи политическим заключенным, жертвам террора и их семьям и связь этой деятельности с созданием единого антифашистского народного фронта.

МОПР играл большую роль в организации помощи политзаключенным и их семьям. Помощь жертвам террора осуществлялась по нескольким направлениям: материальная, моральная и юридическая помощь политзаключенным, борьба за амнистию и освобождение из тюрем, материальная и моральная поддержка семей и особенно детей жертв террора и т.п.

Важную роль в организации народных масс на оказание материальной помощи политическим заключенным играла печать МОПРа.

В воззвании ЦК МОПРа Западной Беларуси к трудящимся в 1926 г. говорилось: «Товарищи! Обязанностью каждого рабочего и крестьянина является организованно и непрерывно помогать своим братьям и сестрам, лучшим борцам рабоче-крестьянского дела, сидящим за решетками панских тюрем.

Собирайте деньги, продукты, книги, теплую одежду для политзаключенных. Все вступайте в ряды МОПРа, организуйте его кружки на фабриках, в профсоюзах, в деревнях и селениях. Делайте регулярно отчисления от своего жалованья в пользу политзаключенных» [2].

Мопровские организации Западной Белоруссии проводили сбор средств в пользу политических заключенных. Основными формами сбора денежных средств были членские взносы, добровольные пожертвования и отчисления от заработной платы, выручка от продажи литературы, доходы от специально проводимых лотерей, спектаклей, деньги, собранные на митингах, массовках, вечеринках, свадьбах и т.д.

Главным источником средств были членские взносы, которые платили члены КПЗБ, индивидуальные и коллективные члены МОПРа, постоянные плательщики и сочувствующие Красной помощи.

Сбор мопровских взносов Красная помощь организовывала на фабриках, заводах, учреждениях и деревнях. Первоначально сбор денег осуществлялся по подписным листам. В начале 1927 г. ЦК МОПРа Западной Беларуси издал циркуляр «Ко всем отделам МОПРа Западной Беларуси» и Инструкцию отделам МОПРа, в которых сообщалось о введении новой системы сбора денег по квитанционным книжкам ввиду того, что сбор по подписным листам по многим причинам явился неудобным. Книжки для сбора денег выдавались финансовой комиссией МОПРа. Они состояли из 100 квитанций достоинством в 25 грошей каждая. На корешке квитанции обозначалось, кому она выдана. Член МОПРа, ведущий сбор денег, *выдавал гражданину или организации на полученную сумму соответствующее количество квитанций. Квитанционные книжки, помимо их финансового значения, играли также большую роль в агитационной работе.*

В дальнейшем система сбора по квитанционным книжкам была изменена. Так, в 1929 г. ЦК МОПРа выпускал чековые книжки в 100 талонов стоимостью 20, 30 и 50 злотых (каждый талон стоил соответственно 20, 30 и 50 грошей) [21, л. 8].

Сбор взносов проходил, как правило, успешно. Уже в ноябре 1924 г. от Западной Беларуси в центральную кассу Польской секции МОПРа поступило 2165 злотых [27]. В отчете о мопровской работе за июль 1926 г. сообщалось, что в Вильно успешно собирались членские взносы, которые составляли ежемесячно 250 – 300 злотых. В Белостоке и Гродно ежемесячный сбор доходил до 100 злотых, в Бресте – 200 злотых. По всей Западной Беларуси ежемесячные сборы приносили в это время 1000 – 1200 злотых [17].

КПЗБ, отмечая положительную деятельность мопровских организаций Западной Беларуси по сбору членских взносов, рекомендовала и в дальнейшем не ослаблять работы, охватывая мопровскими сборами самые широкие массы трудящихся. Аналогичные задачи были поставлены на конференции Красной помощи Западной Беларуси в марте 1928 г.

Исходя из этого, мопровские организации Западной Беларуси усилили работу по сбору взносов в пользу политзаключенных, вовлекая в нее все новые и новые слои рабочих, крестьян и интеллигенции. Хорошо была поставлена работа в Брестском округе. Райко-

мы КПЗБ направляли в деревни коммунистов с целью расширения мопровских сборов и активизации деятельности в этом направлении ячеек МОПРа. Большую активность и находчивость в деле сбора взносов проявили крестьяне-мопровцы Ю. Ляхович, Д. Пархач, В. Лисовчик и многие другие. Только в Кобринском районе Брестского округа в 1930 г. ежемесячно собиралось около 200 злотых [14, лл. 12–13]. Успешно проходили сборы взносов в пользу политзаключенных и в других округах и районах. Так, в Слонимском повете активно собирали мопровские взносы В. Баклага, Е. Баклага и Ю. Круглица, в Столбцовском повете Л. Киселев и др. [12, лл. 52, 167].

Значительную часть бюджета МОПРа составляли добровольные пожертвования трудящихся и отчисления от заработной платы. Так, уже в 1924 г. рабочие многих городов Западной Беларуси отдавали каждую неделю в пользу МОПРа заработок за один час своего труда [20]. В ряде профсоюзов устанавливалось правило: если выиграна забастовка, то из первой зарплаты рабочие отсчитывали полученную прибавку и передавали деньги МОПРу.

Поддерживая борьбу политзаключенных против введения нового тюремного устава, крестьяне Гродненского округа и других округов Западной Беларуси добровольно вносили пожертвования в пользу революционеров. Только в апреле 1930 г. в Скиделе, Индуре и Крынках было собрано около 400 злотых [4, л. 105].

Мопровцы организовывали лотереи, доходы от которых шли на помощь узникам польских тюрем. Так, в Белостоке в августе 1934 г. была проведена лотерея, в которой приняли участие 130 человек [14, л. 31].

Члены МОПРа собирали деньги и продавали квитанции на собраниях, митингах, массовках. Успешно проходил сбор средств на массовках в Брестском округе. Например, в июле 1931 г. на массовке в Домачево было собрано 18 злотых, в Кобрине – 44 злотых 50 гр. [5, л. 179].

Весомым вкладом в бюджет Красной помощи являлись доходы от спектаклей, любительских представлений, а также деньги собранные на вечеринках, свадьбах, играх и т.д. [11]. Например, на вечеринках и свадьбах в Гродно в декабре 1926 г. было собрано 179 злотых [22]. 7 января 1929 г. в д. Городыской Новогрудского повета был организован вечер с любительским представлением, доход от которого, составивший 48 злотых, был передан в пользу МОПРа [6, л. 11].

В деревнях такие сборы являлись основной формой помощи политзаключенным. Так, в марте 1931 г. мопровцы в Волчинском районе собрали 10 килограммов сала и другие продукты, в апреле в 7-ми деревнях Подгородского района было собрано 5 пудов ржи.

В деревнях крестьяне по инициативе МОПРа выращивали для политзаключенных поросят, телят и кур. Крестьяне засевали также отдельные участки земли, собранный урожай с которых отдавался в пользу заключенных революционеров.

Собирались также лекарства для больных политзаключенных. Мопровские организации проводили большую работу по сбору одежды для заключенных товарищей, женщины вязали для них теплые вещи.

Особое внимание МОПР уделял сбору книг, газет и письменных принадлежностей для политзаключенных и их детей школьного возраста.

Мопровские организации сотрудничали с ТБШ. В большинстве деревень, где были кружки ТБШ, помимо организации при удобном случае представлений и увеселений, собраний коммунистов, проводились сборы в пользу МОПРа.

В апреле 1929 г. ряд кружков ТБШ Новоградского воеводства постановили провести сборы в пользу МОПРа [13, л. 2].

Для активизации сбора средств в пользу политзаключенных мопровские организации использовали различные революционные праздники, призывали трудящихся усиливать в эти дни сборы средств для политзаключенных.

В Западной Беларуси с 14 по 22 января ежегодно отмечались дни «трех Л» – памяти В.И. Ленина, К. Либкнехта, Р. Люксембург. По инициативе КПЗБ и МОПРа создавались «фонды Либкнехта», которые шли на оказание помощи политическим заключенным. Так, в январе 1932 г. «Чырвоны сцяг» сообщал, что в Олекшицкой гмине было собрано 130 злотых для политзаключенных, в Велико-Берестовицкой – 110 злотых [3].

Большую роль в активизации сбора средств в пользу политзаключенных организации Красной помощи отводили празднование ежегодно 18 марта Международного дня МОПРа и проведению с 18 по 25 марта «недели МОПРа». Так, в связи с кампанией дня Красной помощи в Брестском и Пинском округах в 1932 г. широко проводились мопровские сборы, активное участие в которых приняли

мопровцы Г. Беловеж, С. Демчик, Т. Баснюк и др. Только 20 марта С. Демчик и Г. Беловеж собрали в деревнях Подлесье и Воки Каме-нецкой гмины более 36 злотых [7, лл. 5, 7].

По инициативе кружков МОПРа проходили широкие сборы средств в пользу политзаключенных во время празднования дня Международной солидарности трудящихся 1 мая и годовщины Октябрьской революции [26]. Сбор средств в пользу политзаключенных проводился во время рождества, пасхи и других религиозных праздников и обрядов.

Значение всех этих акций далеко выходило за рамки материальной стороны вопроса. В активную политическую жизнь вовлекались все новые и новые слои трудящихся.

Собранные деньги, продовольствие, одежда, книги и т.д. мопровцы передавали политзаключенным в тюрьмы.

Полиция часто арестовывала граждан, которые приносили в тюрьмы передачи для политических узников, отбирала у них продукты [18]. Но, несмотря на все препятствия, чинимые властями, мопровцы не прекращали оказывать помощь заключенным революционерам.

В целях конспирации передача посылок политическим узникам осуществлялась не лично членами мопровского кружка, а через их сестер, матерей и т.д. К этой работе широко привлекались также жены и семьи заключенных революционеров. Так, каждую пятницу к воротам гродненской тюрьмы приносили передачи. Каждый заключенный получал полбуханки хлеба, порцию масла, пачку махорки и спички – продовольственный паек МОПРа [19]. В Брестскую тюрьму постоянно три раза в неделю доставлялись продукты политзаключенным. Они получали хлеб, сахар, сало и т.д. [10, л. 1 (об.)].

Уже с августа 1925 г. МОПР Западной Беларуси оказывал помощь 922 политзаключенным [8, л. 39]. К моменту I съезда КПЗБ, состоявшегося в июне 1928 г., помощь от МОПРа получали до 1500 революционеров [15, л. 61]. В июне, июле и августе 1929 г. МОПРом Западной Беларуси было выделено 15233 злотых на оказание помощи политическим заключенным [9, л. 98].

МОПР Западной Беларуси также оказывал материальную помощь белорусам, отбывающим наказание в тюрьмах на территории коренной Польши. В эти тюрьмы посылались деньги и посылки с продуктами.

Большое значение имела медицинская помощь политзаключенным. Под влиянием агитационной работы мопровских организаций многие врачи и другие медработники бескорыстно оказывали помощь больным и истощенным узникам тюрем.

Мопровцы организовывали специальные сборы средств для особенно тяжело больных заключенных товарищей. Например, в 1927 г. в Пинске в течение нескольких месяцев продолжалась акция в пользу больной революционерки, временно освобожденной из тюрьмы. Было собрано 400 злотых. На эти средства ее послали в санаторий [23, л. 9].

Важной задачей МОПРа было также установление постоянной связи с тюрьмами. Уже к весне 1925 г. большинство тюрем Западной Беларуси имело с мопровцами постоянный контакт [24, л. 25]. Эта связь осуществлялась разными способами. Так, политзаключенные Лукишской тюрьмы закладывали «грипсы» в деревянную ручку кастрюльки, которая передавалась с кремом для чистки обуви. Внутри тюрьмы была создана целая система тайников.

Задача оказания материальной помощи политзаключенным тесно перекликалась с задачей создания единого народного фронта борьбы против наступления фашизма.

Под влиянием МОПРа сбором средств в пользу политзаключенных были охвачены члены различных рабочих и крестьянских партий, профсоюзов, культурных, спортивных и других организаций. На II съезде КПЗБ отмечалось, что важным фактором создания единого фронта является оказание помощи всем политзаключенным без различия их убеждений и партийной принадлежности.

Важное место в деятельности МОПРа занимала организация помощи семьям политзаключенных и погибших революционеров.

Уже в августе 1925 г. МОПР Западной Беларуси оказывал помощь 100 семьям политарестованных. По всей Западной Беларуси широко проводились сборы средств для семей политзаключенных. В 1926 году семьи арестованных революционеров получали ежемесячно от 15 до 35 злотых. На помощь семьям в Вильно и Белостоке ЦК МОПРа выдавал по 400–500 злотых [16, лл. 112–113]. Денежная помощь семьям оказывалась по принципу равенства, однако учитывались очень бедные семьи.

В некоторых городах, например, в Слониме, мопровцы вошли в контакт с рабочими хлебопекарни и бесплатно выдавали хлеб

семьям заключенных коммунистов. Крестьяне также собирали продукты питания для семей политзаключенных.

МОПР уделял внимание не только организации помощи семьям политзаключенных, но и работе среди них.

В Вильно был создан комитет семей политзаключенных. Конференция семей политзаключенных, состоявшаяся в декабре 1932 года, решила провести месячник сбора денег, продуктов и одежды для политзаключенных виленских тюрем. Для этого была создана комиссия в составе 3-х человек. За месяц семьи политзаключенных собрали продуктов на сумму 600 злотых. Комитет организовывал вечера, лотереи и т.д., доходы с которых шли на помощь политзаключенным и их семьям, пошив одежды, обуви и белья.

Особенно чуткую заботу проявили КПЗБ и мопровские организации о детях заключенных и погибших революционеров. К работе по организации детских приютов, детских площадок и т.п. рекомендовалось привлекать представителей интеллигенции, сочувствующих МОПРу работниц [1]. Летом 1925 г. под Варшавой был организован летний детский лагерь. Были на два с лишним месяца сняты дачи, где за это время отдохнули 22 ребенка. Практиковалась также посылка детей на лето в рабочие семьи. О большой заботе МОПРа Польши о детях заключенных и погибших революционеров свидетельствовало создание детских домов [25, л. 23], где ребята получали бесплатно питание, белье, одежду, обувь. Дошкольными занятиями были охвачены дети до семи лет, остальные учились в местных школах.

Зачастую члены Красной помощи брали на воспитание детей погибших революционных борцов.

Важную роль в оказании моральной и материальной помощи политическим заключенным и их семьям играло шефство над ними организаций Красной помощи. С первых дней создания ячеек МОПРа выявилось стремление мопровцев оказывать помощь определенным политзаключенным, знать тех, кому помогаешь, поддерживать с ними постоянную связь. Так родилось шефство — одна из форм связи с заключенными в тюрьмы борцами.

Шефы посылали своим политзаключенным деньги, одежду, белье, книги, газеты. В Западной Беларуси шефская работа была особенно развита в деревне. Главной ее формой был коллективный сбор продуктов и отправка их организованным порядком в тюрьму.

Широко распространено было также шефство над семьями заключенных товарищей.

Мопровские организации стремились к тому, чтобы моральную поддержку политзаключенным, выражавшуюся в посылке писем солидарности и материальной помощи, оказывали не только комитеты и кружки МОПРа. Организации Красной помощи вовлекали в это важное дело широкие слои трудящихся [14, л. 40]. Часто шефство над политзаключенными и их семьями брали профсоюзные организации, заводы, мастерские, деревни, комитеты семей.

После роспуска в 1938 г. Компартии мопровская деятельность значительно ослабела. Но и в этих условиях мопровцы Западной Беларуси продолжали оказывать материальную помощь политзаключенным и другим жертвам террора.

Деятельность МОПРа Западной Беларуси по сбору средств и оказанию помощи политзаключенным, их семьям и детям, преследуемым полицией революционерам и другим жертвам террора имела исключительно важное значение. Благодаря этой помощи были спасены жизни и сохранены силы и боеспособность многих тысяч борцов за демократические преобразования, против террора и диктатуры.

Оказание материальной помощи политзаключенным, их семьям и детям являлось одновременно и моральной поддержкой, способствовало усилению твердости духа арестованных революционеров, было одним из факторов воспитания их жен и детей.

Большую роль в оказании моральной и материальной помощи политзаключенным и их семьям сыграло шефство над ними мопровских организаций.

Вовлекая в работу по сбору средств и оказанию материальной помощи жертвам террора широкие массы рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию разных национальностей, профсоюзы, антифашистские организации и оппозиционные партии, МОПР способствовал созданию единого антифашистского народного фронта.

1. Большевик. – 1925. – 25 декабря.

2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. – Т. 1. – Мн.: Госиздат, 1962. – С. 435 – 436.

3. Воткович, Г.Б. КПЗБ в борьбе за интернациональное единство трудящихся (1929–1933) / Г.Б. Воткович // Мн.: Изд-во БГУ, 1975. – С. 37.

4. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 1413.

5. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 1377.

6. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 2. – Д. 2.
7. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 2185.
8. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 2134.
9. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 961.
10. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 984.
11. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 1375. – л. 123; Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 46.
12. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 20. – Оп. 2. – Д. 13.
13. ГАГО. Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 3.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 166.
15. НАРБ. Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 200.
16. НАРБ. Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 33.
17. НАРБ. Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 5; Д. 33. – Л. 110–113.
18. НАРБ. Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 69. – л. 950; ГАБО. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 409, 410.
19. Пестрак, Ф.С. *Прежде, чем я стал писателем* / Ф.С. Пестрак // *Годы испытаний и мужества*. – Мн.: Беларусь. – 1973. – С. 164.
20. *Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939)*. – Мн.: Беларусь. – 1966. – С. 81.
21. Российский центр сохранения и изучения документов новейшей истории (РЦСИДНИ). – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 942.
22. РЦСИДНИ. – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 914.
23. РЦСИДНИ. – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 923.
24. РЦСИДНИ. – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 960.
25. РЦСИДНИ. – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 913.
26. *Чырвоны сцяг*. – 1929. – № 3 (65) красавік; НАРБ. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 24. – л. 48; РЦСИДНИ. – Ф. 539. – Оп. 3. – Д. 923. – лл. 6–9 и др.
27. *Wigzień polityczny*. – 1924. – № 2, grudzień.

Лугачова Татьяна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

УДК 325.111 (476):27-558(476)

Г. С. Вайцешчык

АРХІТЭКТУРНАЕ АБЛІЧЧА МЯСТЭЧКАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921–1939 гг.

Архітэктурну маленькіх мястэчкаў Заходняй Беларусі ў 20-я – 30-я гг. XX ст. можна разглядаць як свайго роду феномен, які сфармаваўся пад уплывам гістарычных, сацыяльных і эканамічных умоў. Павольнае развіццё эканомікі, адсут-

насьць буйных інвестыцый у будаўніцтва, архітэктурных школ і адсутнасць мастацкай і інтэлектуальнай эліты вызначылі стылістычную разнастайнасць і рэгіянальныя асаблівасці праяў функцыяналізму, які быў ідэйным стрыжнем інавацыйных тэндэнцый у еўрапейскай архітэктуры ў 20–30-я гг. XX ст.

Архітэктура з’яўляецца каласальным носьбітам інфармацыі аб мінулым. Помнікі архітэктуры, якія фарміравалі аблічча мястэчка, выконвалі пэўныя сацыяльныя і духоўныя функцыі. Культавыя пабудовы з’яўляліся «сэрцам» рэлігійнай абшчыны, грамадскія і прамысловыя будынкі ўзводзіліся для задавальнення патрэб і інтарэсаў як улады, так і местачкоўцаў.

Мастацтвазнаўца Я. Мароз адзначаў, што архітэктурны функцыяналізм – стыль, у аснове якога ляжыць функцыянальны метада праектавання, быў ідэйным стрыжнем наватарскіх плыняў у еўрапейскай архітэктуры 20–30-х гг. XX ст. Аднак у архітэктуры Польшчы і Заходняй Беларусі праявы функцыянальнага прынцыпа мелі шмат асаблівасцей, звязаных, у першую чаргу, з марудным развіццём эканомікі і адсутнасцю буйных будаўнічых інвестыцый [7, с. 88].

Заходняя Беларусь у 20–30-я гг. XX ст. не мела ўласнай архітэктурнай школы, і яе архітэктура прымала розныя мастацкія ўплывы. У параўнанні з усходнімі абласцямі, у Заходняй Беларусі ў меншай ступені распрацоўваецца тып сацыяльнай архітэктуры, якая павінна была ўплываць на сацыяльныя працэсы ў грамадстве. Пабудовы Заходняй Беларусі – шматкватэрныя жылыя дамы, асабнякі, прызначаныя ўласна для заказчыка.

Забудова мястэчкаў Заходняй Беларусі была пераважна прыватнай і вызначалася стылёвай стракатасцю. У пабудовах мястэчка Браслава шырока выкарыстоўваліся матывы класіцызму, назіраліся рысы «закапанскага» стылю. Прыкладам класіцыстычнага напрамку з’яўляецца адміністрацыйны будынак у Браславе (інжынер Гірон), пабудаваны ў 1928–1929 гг. Будынак складаецца з цэнтральнага і двух бакавых карпусоў, злучаных пераходамі. Уваход вылучаны чатырохкалонным порцікам іанічнага ордэра, завершаным ступенчатым атыкам [1, с. 386]. Рысы «закапанскага» стылю, які знайшоў адлюстраванне ў архітэктуры польскага горада Закапане, у творчасці архітэктара С. Віткевіча, меў будынак прытулку для падарожнікаў. Сіметрычная кампазіцыя двухпавярховага драўлянага будынку турыстычнага прытулку ў Браславе (1930-я гг.)

акцэнтавана звернутым да возера ўваходным аб'ёмам з порцікам на першым паверсе, завершаным франтонам [2, с. 421]. Блізкія да Браслава драўляныя пабудовы былі ў Глыбокім і Давыд-Гарадку [2, с. 421].

Прыёмы нацыянальнага рамантызму, пераасэнсаваныя элементы народнага дойлідства шырока ўвайшлі ў практыку грамадскага будаўніцтва. Яны выявіліся ў будынках парафіяльнага дома Каталіцкай акцыі ў Лынтупах (1936 г., архітэктар А. Фаркевіч), дзяржаўнага шпіталю ў Браславе (1933 г., архітэктар В. Руткоўскі), добраахвотнай пажарнай каманды ў Міёрах (1937 г.), двухкласнай школы ў Плюсах (1937 г., архітэктар Розскі) [10, с. 75].

Польская ўлада праводзіла цэлы комплекс мер па ўладкаванню гістарычнай забудовы, жыллёваму і грамадскаму будаўніцтву. Пра размах будаўнічых работ можна меркаваць па дзяржаўным плане 1938–1939 гг. Толькі ў Браслаўскім павеце планавалася ўзвесці 144 аб'екты грамадскага і сацыяльнага прызначэння. У першую чаргу забудовваліся цэнтры мястэчак, дзе знаходзіліся ўрадавыя і агульнаграмадзянскія будынкi, школы [10, с. 75].

Урбаністычны праект для калоніі ў Браславе, адной з самых вялікіх у межах акцыі, выканаў польскі архітэктар, прафесар Юліуш Клос, гісторык архітэктуры (акрамя гэтага ён выконваў праект калоніі для мястэчка Дунілавічы на Пастаўшчыне). Збудова Браслаўскай калоніі складаецца з двухпавярховых мураваных дамоў і жылога дома для старосты (архітэктар Аляксандр Ранецкі), драўляных двухкватэрных дамоў (архітэктар Людвік Шумскі), дома спорту (архітэктар Ежы Бейль) – усяго 10 пабудоў. Тыпавымі былі і праекты васьмі гаспадарчых пабудоў.

Выключэнне складаў шацёр над калодзежам – прыгожае зграбнае збудаванне на чатырох прафіляваных слупах з падкосамі ў цэнтры калоніі. Праект гэтага маленькага шэдэўра, які стаў адным з архітэктурных сімвалаў Браслава, выканаў Ю. Клос. У працах па архітэктуры браслаўскі шацёр памылкава адносяць да помнікаў народнага дойлідства. Ю. Клос выконваў функцыі афіцыйнага наглядчыка за ўвядзеннем калоніі ў Браславе, неаднаразова наведаў горад, супрацоўнічаў з павятовым камітэтам будоўлі калоній, які паўстаў у жніўні 1924 г. Рэалізацыя праекта пачалася з увядзення двухкватэрных драўляных дамоў. Іх будавалі на высокіх падмурках з бутавага каменя з гатовых дэталей фірмы «Прамысловыя прад-

прыемствы Посехля ў Нова-Вілейцы». Такім чынам, упершыню ў Браславе і ва ўсім рэгіёне прымянілі метады прамысловага домабудавання, які забяспечваў высокія тэмпы працы. Яшчэ вясной 1924 г. на будаўнічай пляцоўцы такавалі глушцы, а восенню ў новыя будынкі пераехалі некалькі сем'яў. Асноўныя працы па рэалізацыі праекта былі завершаны ў 1925 г. [12, с. 1412–1413].

Школьныя будынкі, узведзеныя ў 20 – 30-я гг., уяўлялі сабою аднатыповую канструкцыю і былі заснаваны на прымітыўнай тэхніцы будаўніцтва. У большасці сваёй гэта быў вынік дзяржаўнай акцыі (1937–1939 гг.) будаўніцтва ста школ імя Ю. Пілсудскага, якая актыўна праводзілася ў мястэчках Віленскага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў. З дзяржаўнага фонду на гэта выдзелілі 3 144 000 зл. [5, л. 299]. Прадпрыемствы лясной прамысловасці дзевяці павеатаў Палескага ваяводства атрымалі тады заказы на апрацоўку дрэва і выраб будаўнічых матэрыялаў для школ. У выніку новыя школы атрымалі мястэчкі Палескага ваяводства: Лахва, Беражная, Высоцк, Гарадзечна, Сялец, Малеч, Маларыта, Дывін, Жабінка, Пагост, Хомск, Платніца, Давід-Гарадок, Антопаль, Сернікі [5, л. 123, 130, 321, 334, 233, 253].

Шараговая местачковая забудова была прадстаўлена пераважна драўлянымі адна-двухпавярховымі баракамі калідорнай планіроўкі, драўлянымі (адна-двухкватэрнымі) дамамі і флігерамі (рабочыя раёны чыгуначных вузлоў Гайнаўкі, Маладзечна, Лапаў і інш.) [1, с. 767]. Для будаўніцтва жылых і гаспадарчых памяшканняў выкарыстоўваліся мясцовыя матэрыялы: драўніна, гліна, камень. Дахі крыліся чаротам, драўляным, гонтам ці саломай. Мураваных дамоў у мястэчках было мала, іх забудова была пераважна драўлянай.

Адсутнасць праектаў планіроўкі і забудовы мястэчак і належага кантролю з боку мясцовай адміністрацыі не магло не паўплываць на характар і шчыльнасць індывідуальнага будаўніцтва. У сувязі з тым, што іўдзеі засялялі цэнтральную частку мястэчка, габрэйскія кварталы мястэчак мелі менавіта гарадскі характар забудовы: кампактны, шчыльны і непарарыўны. Забудова перыферычных раёнаў мястэчак, дзе сяліўся хрысціянскі сектар, мела іншы характар: сядзібны, разрэжаны, па сутнасці – сельскі [8, с. 333].

Нізкая шчыльнасць забудовы (да 100 чал. на 1 га. зямлі па Заходняй Беларусі) прыводзіла да нерацыянальнага выкарыстання

плошчы, замаруджвала развіццё добраўпарадкавання і арганізацыю культурна-бытавога абслугоўвання [4, с. 18]. З гэтых прычын шмат местачковых вуліц не былі забяспечаны электрычным святлом. Інжынерныя сеткі адсутнічалі, водазабеспячэнне ажыццяўлялася праз калодзежы і калонкі. В. Граеўскі ў сваёй працы адзначаў, што «мястэчкі Крэсаў – гэта вялікія, разпушчаныя тэрытарыяльна вёскі, забудаваныя без плана, хаатычна, з дакладна невядомай колькасцю вуліц і завулкаў, прычым часта поўнасьцю не добраўпарадкаваных» [13, с. 4]. Аднак жыллёвае будаўніцтва, нягледзячы на ўсе цяжкасці, пашыралася. У 20-я гады грамадскі сектар Семяціч пашырыўся за кошт будаўніцтва 36 жылых драўляных дамоў, у Лапах – 33, у Мілейчыцах – 28, у Новым Двары – 22, у Заблудаве – 18 [18, с. 283–287, 352, 234, 209–214]. У 1921–1939 гг. у мястэчку Лапы былі пабудаваны два рабочых флігера для чыгуначнікаў: на вуліцы Чыгуначная («Łary-osse») 21 мураваны дом і на вуліцы Варшаўская («Wygwizdowo») 16 мураваных дамоў [18, с. 11].

Многія жылыя пабудовы ў архітэктурным сэнсе мелі этнічныя і рэгіянальныя адметнасці. Характэрнай асаблівасцю яўрэйскіх жылых дамоў была наяўнасць адтуліны ў даху для Сукі, якая закрывалася люкам (Сука – шалаш, які будаваўся падчас сукот – яўрэйскага свята; згодна з галахічнымі пастановамі скрозь дах сукі можна было бачыць зоркі і даць магчымасць дажджу пранікаць унутр дома). Цікавай была забудова некаторых мястэчкаў Палескага ваяводства. Напрыклад, мястэчка Ленін па прычыне таго, што знаходзілася ў нізіне на балотах, жылыя дамы ў ім будаваліся на драўляных мосціках [14, с. 19].

Культавыя пабудовы былі важнай часткай рэлігійнага і грамадска-палітычнага жыцця местачкоўцаў.

У Польскай дзяржаве афіцыйнай падтрымкай карысталася каталіцкая царква, таму найбольш актыўна ўзводзіліся менавіта касцёлы. Праўда, такіх велічных і манументальных барочных збудаванняў, як у даваенны час, не было. Самыя вялікія парафіі ўжо мелі мураваныя храмы, а тых, што толькі ўзніклі, значна саступалі ім у колькасці веруючых, у памерах і пышнасці. У 1923–1927 г. у мястэчках Палескага ваяводства новыя касцёлы ў барочным стылі, як сведчаць архіўныя крыніцы, былі пабудаваны ў Драгічыне, Чарняўчыцах, Камень-Кашырску, Вялікай Глушы, Ганцавічах, Любешова [6, л. 37].

У міжваенны час распаўсюдзілася мода на перабудовы аўтэнтчных будынкаў папярэдніх эпох у гістарычных стылях. Значную рэканструкцыю ў 1934 г. перацярпеў касцёл у Вавёрцы Лідскага павету пад кіраўніцтвам дойліда Антонія Бейкі з Вільні. Будынак значна пашырылі, разабралі дзве сцяны. Вонкава храм набыў рысы неабарока – было заменена пластычнае ўбранне дэкору, купалы на вежах [9, с. 305].

Сяргей Харэўскі лічыць касцёл Пятра і Паўла ў Ражанцы (XVII ст.), перабудаваным у 1924–1925 гг., лепшым узорам нацыянальна-рамантызму ў неагатычным стылі. Храм прадстаўляў сабой крыжападобны ў плане аб’ём, які ўтвараецца цэнтральным масівам нефа зальнага тыпу з далучанымі да яго больш нізкімі крыламі транспта і пяціграннай абсідай, узведзенымі пры рэканструкцыі. Над уваходам размешчаны хоры, падтрыманыя двума квадратнымі калонамі. Сцены асноўнай прасторы нефа падзелены пілястрамі і распісаны ў верхняй часткі шматфігурнымі кампазіцыямі на біблейскія тэмы ў стылістыцы польскага мадэрна [10, с. 41].

У канцы 1920-х гг. у сакральным дойлідстве імкліва пачынае стварацца нацыянальны стыль у рэчышчы нацыянальнага рамантызму. Пачынальнікам беларускага стылю ў драўляным будаўніцтве стаў Леў Вітан-Дубейкаўскі, які спраектаваў касцёл Пятра і Паўла для мястэчка Дрысвяты, царкву старавераў у Відзах, лясніцтва ў Шумску. У 1927 г. Дубейкаўскі прыступіў да будаўніцтва першай у свеце бажніцы ў беларускім стылі. «...Бярэ ахвота пахваліцца манументальнай будовай – дзераўляным, трох-навовым з высокай вежай касцёлам, пабудаванымі 16 і 18 вучэнікамі, у два летнія сезоны – у 1927 і 1929 гг. у Дрысвятых, павеце Браслаўскім ... сцены агэблёваны нагладка, у злучваў між вянцоў не відаць ані мшэнья, ані шчэлак, столь – на закладку, а на кантах бэлець цягніцца разьба шнурочкам ... і усе паасобныя фрагменты выпаўнены па-мастацку, а ў агульнасці даюць сімпатычную сынтэзу ... добра відаць прапорцыі асобных часцінаў, якія ствараюць манументальную форму, прыпамінаючы беларускі стыль» [10, с. 49].

У беларускім стылі было выканана яшчэ некалькі праектаў: касцёл у Хаценчыцах (1937 г., архітэктар Ян Бароўскі і архітэктар-інжынер Пётр Стаброўскі), касцёл у Дукштах (1933 г. архітэктар В. Маркевіч), касцёл у Слабодцы (1932 г.), касцёл у Быцені (1932 г.), касцёл у Бердаўцы (1938 г.), Варапаеве, Вярховічах, Наваельні, Лінаве, Лоску [10, с. 52].

Моцнай плыню рамантызму ў месчачковай архітэктуры была неараманіка. Уплыў неараманікі можна прасачыць на прыкладзе касцёлаў у Ікасні, Браславе, Опсе. У архітэктуры гэтага накірунку былі распаўсюджаны базілікі ў Слабодцы і Плюсах [11, с. 108].

Зняцце шэрагу абмежаванняў, эканамічны рост, а таксама рэзкае павелічэнне мусульманскага насельніцтва ў сувязі з эміграцыяй з-за савецкай мяжы спрыялі аднаўленню старых і будаўніцтву новых бажніц ісламу. У мястэчках Заходняй Беларусі найбольш пашыраны былі купальныя мячэці. Ва ўсіх мячэцях у сцяне, звернутае да Меккі, знаходзілася невялікая ніша – мінраб, з правага боку якога было ўзвышэнне ці кафедра, дзе чыталі Каран і казанні. Пры мячэці звычайна ставялі мінарэты (вежападобнае збудаванне, каб склікаць мусульман на малітву). Як правіла, мячэць упрыгожвалі разьбой па дрэве або камені, узорыстай цэглай або муроўкай, паліванай керамікай, інкрустацыяй, мазаікай, размалёўкай [2, с. 541].

У канцы 1930-х гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі налічвалася 17 мячэцей і 3 мусульманскія дамы малітвы. Польская дзяржава выдзяляла фінансавыя сродкі на рамонт і будаўніцтва мячэцяў і на іншыя патрэбы татар-мусульман: у 1924 г. – 21016 злотых, 1925 г. – 57736 злотых, 1927- 1928 гг. – 63 тыс. злотых штогод, на працягу 1931–1939 гг. – па 57 тыс. злотых аднаразова ў 2 гады. Акрамя дзяржаўных датацый пры аднаўленні мячэцяў у Ляхавічах, Мядзелі, Відзах, а таксама пры рамонце мусульманскіх храмаў у Міры, Іўі, Асмолаве выкарыстоўваліся таксама прыватныя ахвяраванні, дапамога татарскай дыяспары ЗША, урада Егіпта. У Іўі дапамогу аказваў землеўладальнік граф Т. Замойскі [3, с. 47].

Пяпярэднія мусульманскія храмы, пераважна XVIII–XIX ст., былі выраблены з дрэва і таму моцна пацярпелі ў час Першай Сусветнай вайны. Так, былі адбудаваны мячэці ў Відзах (закладзены ў 1860 г., адбудаваны ў 1934 г.), у Мядзелі (закладзены ў 1840 г., адбудаваны ў 1923 г.), у Ляхавічах (пабудавана ў 1815 г., зруйнавана ў 1917 г., адноўлена ў 1927 г.) Таксама ў 1930 – 1931 г. былі пабудаваны тры новыя малельні – у Докшыцах і Глыбокім. Большасць мячэцей паводле свайго знешняга выгляду былі вельмі блізкімі да традыцыйных беларускіх пабудов. Гэта вынік таго, як трапна заўважыў польскі дойдлід Юліюш Клос, «што яны будаваліся мясцовымі простымі будаўнікамі, якія ўжывалі тыя самыя спосабы і формы, што былі ім вядомы з уласнай практыкі і традыцыі» [10, с. 74].

Арганізаванай адзінкай прасторы мястэчка, яго архітэктурнай дамінантай былі сінагогі. Польшкія даследчыкі яўрэйскага культавага дойлідства Марыя і Казімір Пяхоткі адзначалі ў сваіх працах, што пасля Першай сусветнай вайны на землях II Рэчы Паспалітай скончыўся перыяд будаўніцтва вялікіх сінагог і, у першую чаргу, гэта было звязана з адтокамі яўрэйскага насельніцтва з міжваеннай Польшчы ў Палестыну [16, с. 443]. У архіве Новых актаў у Варшаве захавалася некалькі праектаў (каля 20) будаўніцтва новых, пераважна драўляных сінагог у мястэчках Лахва, Азёры, Новы Двор, Высокае, Ленін, Маладзечна. Местачковыя сінагогі 20–30-х гг. XX ст. цягачелі да архітэктурны XVIII ст., да барочных і класіцыстычных архітэктурных традыцый. Па праектах гэтых сінагогі збліжаны да квадрата, з высокім мансардавым дахам, без ярка выражанай стылістычнай афарбоўкі [15, с. 164–165].

Ад пачатку XX ст. будынкі новых сінагог сталі сумяшчаць з сінагагальнымі школамі Талмуд-Торы, а таксама з заламі для ўрачыстых цэрымоній, сходаў і банкетаў. Нярэдка пры сінагогах будаваліся і цырыманіяльныя купальні – міквы. У Сухаволі, Заблудаве, Бочках, Семятычах, Орлі, акрамя галоўнай сінагогі (Alte Shul), можна было ўбачыць некалькі іншых будынкаў яўрэйскай гміны: дамы малітвы, дом рабіна, рытуальная рэзня, бальніца, школа ці дзіцячы садзік (бейт-мідраж), міква [17, с. 42–43].

Акрамя галоўнай сінагогі ў мястэчках будаваліся хасідскія бажніцы (Hasidim Sztibl), якіх яшчэ называлі клаусамі. У архітэктурным плане гэта былі звычайныя жылыя будынкі без архітэктурнага афармлення, якія налічвалі ў сярэднім 20–30 вернікаў. На яўрэйскіх могілках будаваліся паграбальныя дамы (бажніцы), у якіх адпавялі нябожчыкаў (Бранск, Крынкі, Семяцічы) [17, с. 36]. Талмуд заахвочваў да стварэння маленькіх сінагог (дамоў малітвы) пры бальніцах, прытулках, фабрыках – усюды, дзе кіраўніком ці ўладальнікам быў набожны яўрэй. На стварэнне такой сінагогі неабходна была наяўнасць 10 дарослых вернікаў (з 13 гадоў) [17, с. 37].

Яўрэйскія сінагогі, як трапна адзначыў у сваёй працы Т. Вішнеўскі, «да верасня 1939 г. былі пастаянным архітэктурным пейзажам гарадоў, мястэчкаў і нават вёсак Беластоцкага ваяводства» [17, с. 87]. У некаторых мястэчках магло быць да 5 яўрэйскіх малітоўных будынкаў.

У 20–30-я гг. XX ст. праводзілася значная праца па структурызацыі кіраўніцтва аховы помнікаў, іх інвентарызацыі,

а таксама рэстаўрацыі. Навукова-даследчыя ўстановы, такія як Цэнтральнае упраўленне інвентарызацыі помнікаў архітэктуры ў Варшаве, аддзел архітэктуры Варшаўскага тэхналагічнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам прафесара Оскара Сасноўскага пачалі праводзіць інвентарызацыю і рэканструкцыю помнікаў яўрэйскага кultaвага дойлідства XVIII–XIX ст. Драўляныя сінагогі мястэчак Беластоцкага (Азёры, Волпа, Сідра, Пяскі, Крынкі, Адэльск), Навагрудскага (Быцень, Іўе, Воранава), Віленскага (Алькеннікі), Палескага (Бяроза-Картузкая, Камянец-Літоўск, Давід-Гарадок, Янава) былі апісаны гэтымі навуковымі цэнтрамі і ўключаны ў спіс помнікаў архітэктуры і мастацтва [15, с. 175]. На такія будынкі накладвалася забарона па іх знішчэнню, перабудове і рамонту без згоды адпаведных дзяржаўных структур. Інвентарызацыю і архітэктурнае апісанне 30 яўрэйскіх драўляных сінагог Гродзенска-Беластоцкай групы правёў гісторык, мастацтвазнаўца Шымон Зайчык. Ім была створана ўнікальная калекцыя фотаздымкаў гэтых сінагог і іх праектаў, частка якой захоўваецца ў аддзеле мастацтва Польскай Акадэміі навук у Варшаве.

На вялікі жаль, амаль уся яўрэйская кultaвая драўляная архітэктура была знішчана падчас Другой сусветнай вайны ці разабрана пасля вайны. У першай палове XX ст. на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства налічвалася каля 160 – 165 драўляных сінагог, з якіх да нашага часу захавалася толькі 12 (з іх 3 мураваныя – у Орлі, Крынках, Тыкоціне) [15, с. 163–164].

Такім чынам, архітэктуру заходнебеларускага мястэчка 20–30-х гг. XX ст. можна разглядаць як своеасаблівую з’яву, якая сфарміравалася пад уплывам гістарычных, сацыяльных і эканамічных умоў. Маруднае развіццё эканомікі, адсутнасць буйных будаўнічых інвестыцый, архітэктурных школ, а таксама адсутнасць мастацкай і інтэлектуальнай эліты (непасрэдных заказчыкаў навейшай архітэктуры) прадвызначыла стылістычную стракатасць (ужыванне элементаў неакласікі, эклектыкі, готыкі, мадэрна, барока, нацыянальных традыцый сядзібнай забудовы) і рэгіянальныя асаблівасці праяваў функцыяналізма, які быў ідэйным стрыжнем наватарскіх цяжэнняў у еўрапейскай архітэктуры 20–30-х гг. XX ст. Новыя архітэктурныя тэндэнцыі амаль не закранулі шараговае жыллёвае будаўніцтва. Эстэтычныя густы жыхароў, будаўнікоў і архітэктараў не змяніліся за гады вайны, і ў масавай

культуры працягвалі існаваць стэрыатыпы аб традыцыйным уяўленні жылля без ярка выражанай стылістычнай афарбоўкі, з выкарыстаннем традыцыйнай тэхнікі і матэрыялаў будаўніцтва.

1. Архітэктура Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце. У 4 тамах. Т. 4. Кніга 2. XX – пачатак XXI ст. / А. І. Лакотка, Г. А. Патаеў, Э. М. Кляўко, Ю. У. Чантурыя. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 465 с.

2. Архітэктура Беларусі: Энцыкл. даведнік. / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: А. А. Воінаў і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – 620 с.

3. Вабішэвіч, А. М. Грамадска-культурная дзейнасць татараў у Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст. / А. М. Вабішэвіч. // Веснік ГрДУ. – Серыя 1. № 2. – 2008. – С. 46–52.

4. Воинов, А. А. История архитектуры Белоруссии: учебник для вузов по спец. «архитектура». В 2-х т. Т. 2. (Советский период). – 2-е изд. пер. и доп. – Минск: Высшая школа, 1987. – 293 с.

5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ГАБО). – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1076 Дело о строительстве школ органами самоуправления, 1938.

6. ДАБВ. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 2042 Дело о постройке и ремонте костелов, часовни в Полесском воеводстве, 1923 – 1927.

7. Мороз, Е. В. Стили и направления в белорусской архитектуре 1920–1930-х годов / дисерт. на соиск. степени канд. искусствоведения / по спец. 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. – Минск, 2006. – 178 с.

8. Соркіна, І. Мясцэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. Соркіна. – Вільна: ЕГУ, 2010. – 488 с.

9. Харэўскі, С. Архітэктура і рэлігійнае жыццё ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / С. Харэўскі. // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст.: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Я. А. Роўба, І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэд.). – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 298 – 308.

10. Харэўскі, С. Культывае дойлідства Заходняй Беларусі 1915–1940 гг. / С. Харэўскі. – Мінск, 1997.

11. Харэўскі, С. Нацыянал-рамантызм у архітэктуры 10–20-х гадоў XX ст. (па-водле матэрыялаў Браслаўшчыны) / С. Харэўскі. // Браслаўскія чытанні: мат.-лы IV навукова-краязнаўчай канферэнцыі 24–25 красавіка 1997. – Браслаў, 1997. – С. 108.

12. Шыдлоўскі, К. Дзейнасць архітэктара Юліўша Клоса на Браслаўшчыне / К. Шыдлоўскі. // Przegląd Wschodni. T. VII. – Zeszyt 4 (28). – 2000/2001. – S. 1409–1421.

13. Gajewski, W. Zagadnienie rozwoju miast województw wschodnich: referat wygłoszony na zebraniu koła ekonomistów Towarzystwa rozwoju ziem wschodnich – Warszawa: Drukarnia Samorządowego instytutu Wydawniczego, 1935. – 15 s.

14. Nagurski, T. Przemysł i handel w Wileńskim i Nowogródzkim województwach / T. Nagurski. – Wilno, 1934. – 60 s.

15. Piechotek, M. Bramy Nieba: bożnice drewniane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej / M. Piechotek, K. Piechotek. – Warszawa: w-wo Krupski i s-ka, 1996. – 416 s.

16. Piechotek, M. Bramy Nieba: bożnice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej / M. Piechotek, K. Piechotek. – Warszawa: w-wo Krupski i s-ka, 1999. – 480 s.

17. Wiśniewski, T. Bóznice Białostocczyzny / T. Wiśniewski. – Białostok: Dovid, 1992. – 219 s.

18. Zabytki architektury i bydownictwa w Polsce: wojewódstwo Białostockie. T. 3. – Warszawa: ośrodek dokumentacji zabytków, 1992. – 370 c.

Вайцешчык Ганна Станіславаўна – кандыдат гістарычных навук, выкладчык Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

УДК 94(476) 1921/1939

А. С. Горны

**ЧАСОПІС «ЖАНОЦКАЯ СПРАВА» Ў СІСТЭМЕ
ПЕРЫЯДЫЧНЫХ ВЫДАННЯЎ «ЦЭНТРАСАЮЗА» Ў
ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (САКАВІК – ВЕРАСЕНЬ 1931 г.)**

Паказаны абставіны з’яўлення, выхаду ў свет, змест, тэматыка, накіраванасць часопіса «Жаноцкая справа» (1931 г.) – органа Аб’яднання беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч – як праява беларускага жаночага руху ў міжваеннае дваццацігоддзе.

У міжваенны час у Заходняй Беларусі паўставалі многія беларускія грамадска-культурныя арганізацыі, якія звычайна мелі свае ўласныя друкаваныя органы – газеты, часопісы, аднадзеўкі, дзе заўсёды змяшчалася цікавая інфармацыя культурнага і асветніцкага зместу. Адной з такіх арганізацый было Аб’яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч, якое ў сакавіку – верасні 1931 г. выдавала часопіс «Жаноцкая справа». Гэта арганізацыя і часопіс сталі фактычна адзінай і найбольш актыўнай праявай беларускага жаночага руху ў міжваеннае дваццацігоддзе.

Трэба адзначыць, што агульнае развіццё беларускага жаночага руху ў Заходняй Беларусі адбывалася вельмі павольна і пакінула ў палітычнай гісторыі гэтага рэгіёну нязначны след. Беларускія жанчыны пачалі аб’ядноўвацца ў спецыяльныя арганізацыі і вылучаць свае мэты значна пазней за сваіх еўрапейскіх сябровак, у тым ліку і заходніх украінак, але нават гэтая спроба эмансipaцыі вельмі хутка затухла. У Заходняй Украіне ў міжваеннае дваццацігоддзе,

наадварот, жаночы рух змог значна пашырыць сваю сацыяльную базу, што было абумоўлена, па-першае, вялікай гістарычнай традыцыяй, якая сягала сваімі каранямі ў сярэдзіну XIX ст, а, па-другое, – шырокай падтрымкай з боку нацыянальнага руху, які выкарыстоўваў усялякія магчымасці, каб заваяваць у свае шэрагі новых прыхільнікаў. Заўважым таксама, што як заходнебеларускі, так і заходнеўкраінскі жаночыя рухі, развіваючыся пад уплывам сусветнага фемінізму, мелі сваю істотную асаблівасць. Калі заходнія феміністкі змагаліся за гендэрнае раўнапраўе ва ўсіх сферах жыцця, то жаночы рух на т. зв. «крэсах усходніх» Польшчы быў непарыўна звязаны з палітычным і культурна-асветніцкім рухам за нацыянальнае адраджэнне і дзяржаўнасць.

У Заходняй Беларусі развіццё жаночага руху сярод беларусак ішло па двум супрацьлеглым напрамкам. Першы з іх цалкам кантралявала Камуністычная партыя Заходняй Беларусі і іншыя леварадыкальныя арганізацыі. Для іх вырашэнне жаночага пытання было суцэльна звязана з класавай барацьбой і вырашэннем сацыяльных праблем. Камуністы раглядалі вызваленне жанчыны як адно з паказчыкаў больш шырокай трансфармацыі ўсіх палітычных і сацыяльна-эканамічных інстытутаў [1, с. 105]. Жанчына, паводле функцыянераў КПЗБ, павінна змагацца ў адным шэрагу з усёй масай працоўных, але разам з гэтым яна можа вылучаць і некаторыя патрабаванні асабіста для сябе, не звязаныя з агульнай палітычнай барацьбой (напрыклад, адпачынак па цяжарнасці і інш.). Такі падыход часта прыводзіў да таго, што цэнтральныя партыйныя органы наўпрост ігнаравалі жаночае пытанне як нейкае другараднае і «скідвалі» яго на нізавыя структуры і розныя «женотделы», дзе тое гублялася ў процьме шматлікіх дыскусій, спрэчак і фракцыйнай барацьбы. Адна камуністычная актывістка адносна гэтага падкрэслівала: «Когда мы подходим к вопросам о женработе, необходимо подчеркнуть, что до сих пор в партии женработа велась как отдельная часть нашей работы, руководимая Женотделом... Вся партия не была втянута в эту работу. Обошлись только выделением женотдела или руководителей женработы, часто даже не контролируя, не выслушивая отчеты о том, что делается» [2, с. 138].

У беларускім нацыянальным руху справа з «женработой» знаходзілася яшчэ ў горшым стане. У 1920-х гг. у Заходняй Беларусі фактычна не было ніводнай больш-менш важкай беларускай жа-

ночай арганізацыі, хоць пэўны патэнцыял і інтэлектуальная база дзея гэтага мелася. У нацыянальны рух былі заангажаваны жонкі многіх актыўных дзеячаў гэтага руху, але далей вузкай культурна-школьнай працы яны не заходзілі. Усё гэта выглядала даволі прыкра на фоне заходнеўкраінскай жаночай эмансipaцыі, дзе Саюз украінак узмацняў свае пазіцыі і разрастаўся з кожным годам [3, с. 130]. Такім чынам, у Заходняй Беларусі ў жаночым руху ўтваралася вялікая яма, запаўняць якую прыходзілася нават мужчынам. У артыкуле «Жанчына ў беларускім адрэджэнскім руху», які безумоўна павінен быць напісаны жанчынай-лідарам беларускага фемінізму, Антон Луцкевіч з аптымізмам падкрэсліваў, што беларуская жанчына стала побач з мужчынамі ў нацыянальнай барацьбе, але разам з гэтым канстатаваў слабасць жаночага руху і яго неарганізаванасць. «Мы глыбока перакананы, што ў меру таго, як расьце беларуская свядомасць у народных масах, жанчына будзе займаць усё больш відочнае і відочнае месца ў беларускім грамадзкім жыцці», – прагназаваў Луцкевіч [4, с. 314]. Між іншым, у крыніцах прыгадаецца аб існаванні ў Вільне нейкага Саюза беларускіх жанчын, актывісткай якога была Надзея Рак-Міхайлоўская, але, верагодна, арганізацыя гэта была эфемерная і папяровая, бо колькі-небудзь істотнай інфармацыі аб яе дзейнасці не засталася [5, с. 276].

У студзені 1931 г. у беларускіх газетах з’явілася інфармацыя аб утварэнні ў Вільне Аб’яднання беларускіх жанчын імя Цёткі. «Статут жаночае арганізацыі ўжо зацверджаны, – паведамляла прэса. – Пакуль што статут зацверджаны толькі на Віленскае Ваяводства, але Урад Аб’яднання робіць усе захады аб пашырэнні яго і на іншыя ваяводства» [6, с. 4]. Неўзабаве ў газеце «Беларускі Звон» з’явіўся артыкул пад назвай «Прабуджэнне Беларускі», які анансаваў утварэнне новай арганізацыі. У яго пачатку падкрэслівалася, што жанчыны, у адрозненне ад мужчын, раней не праяўлялі значнай актыўнасці ў нацыянальным руху. Аўтар артыкула заклікаў беларусак згуртавацца, «прабудзіцца» і выканаць перад народам святы доўг кожнай маці – узгадаваць маладое пакаленне ў нацыянальна-патрыятычным духу. Гэта была галоўная ды адзіная мэта, якая ставілася ўтваральнікамі Аб’яднання ў пачатку сваёй дзейнасці. Эталонам для іх былі польскія жанчыны, якія праз выхаванне ў сваіх дзяцей патрыятычных памкненняў «напэўна больш прычыніліся да ўскрашэння польскае дзяржавы, чым гэтак пава-

жаны ў польскім грамадзянстве «нязнаны жаўнер» [7, с. 1]. Таксама ў артыкуле значная ўвага надавалася асобе Алаізы Пашкевіч (Цётка), якая рабілася фактычна ўзорам беларускай патрыёткі, абвешчлася родапачынальнікам беларускага жаночага руху, а яе жыццё павінна было стаць пуцяводнай зоркай для ўсіх беларускіх жанчын. Заўважым, што з'яўленне жаночай арганізацыі было прымеркавана да пятнаццатых угодкаў з дня смерці беларускай паэтэсы.

Пакуль нельга дакладна вызначыць, ці змагло Аб'яднанне разгарнуць шырокую дзейнасць хаця б у Віленскім ваяводстве і ці ўвогуле гэта дзейнасць мела месца, але, верагодна, праца гэтай арганізацыі зводілася толькі да выдання сваіх перыёдыкаў. Развіваючы ідэю «патрыятычнага ўзгадвання» будучага пакалення, Аб'яднанне ў лютым 1931 г. аднавіла выданне дзіцячага часопіса «Заранка», якога, праўда, выйшла толькі два нумары. І, нарэшце, у пачатку сакавіка 1931 г. беларуская жаночая арганізацыя пачала выпускаць месячнік «Жаночкая справа», які фактычна стаў першым несавецкім беларускім жаночым выданнем. Яго рэдактарам стала Надзея Шнаркевіч.

Фінансаванне выдавецкай дзейнасці Аб'яднання беларускіх жанчын зыходзіла хутчэй за ўсё з боку Цэнтральнага саюза культурных і гаспадарчых арганізацый (Цэнтрасаюза), пры непасрэдным удзеле якога і была ўтворана гэтая жаночая арганізацыя. Цэнтрасаюз (у савецкай гістарыяграфіі ён больш вядомы пад назвай «групы Луцкевіча-Астроўскага» і «беларускай санацыі») утварыўся ў 1930 г. і аб'яднаў вакол сябе беларускіх дзеячаў (А. Луцкевіч, Р. Астроўскі, Я. Шнаркевіч і інш.), якія імкнуліся знайсці кампраміс і згоду з польскімі ўладамі і, такім чынам, дамагачыся з боку апошніх пэўных саступак для беларускага народа. Такая пазіцыя абумовіла і тактыку «Цэнтрасаюза» – яго прыхільнікі прапагандавалі беспартыйнасць, палітычную пасіўнасць і заклікалі сканцэнтраваць усю працу ў культурным накірунку, каб такім чынам пашыраць у грамадстве нацыянальную свядомасць. Гэта прадвызначыла актыўны ўдзел «Цэнтрасаюза» ў працы розных беларускіх культурна-асветных, дабрачынных, студэнцкіх і навуковых арганізацыях, якія амаль усе знаходзіліся пад яго грашовай і ідэалагічнай апекай. Акрамя гэтага «група Луцкевіча-Астроўскага» разгарнула значную выдавецкую дзейнасць, выпускаюшы такія часопісы і газеты, як «Наперад», «Народны звон», «Беларускі звон», «Новая вярта»,

«Родны край» і г.д. Зацікаўленасць у пашырэнні як мага больш сваіх уплываў сярод грамадства прывяла «Цэнтрасаюз» і на «жаночы напрамак», які ў той час пуставаў. Цалкам верагодна, што ідэя выйсці на гэты напрамак належала якраз А. Луцкевічу, які, як нам ужо вядома, праяўляў пэўную заклапочанасць жаночым пытаннем. Тое, што Аб'яднанне беларускіх жанчын кантралявалася «Цэнтрасаюзам», пацвярджае наступны факт: утваральніцы і лідары жаночай арганізацыі – Надзея Шнаркевіч, Антаніна Астроўская – знаходзіліся ў цеснай сувязі з кіраўнікамі «Цэнтрасаюза», а менавіта былі іх жонкамі. Акрамя гэтага, у адным польскім данясенні партыйная прыналежнасць часопіса «Жаноцкая справа» вызначаецца як «група Астроўскага і Луцкевіча», што, на нашу думку, здымае ўсе пытанні наконт палітычнай прыроды Аб'яднання беларускіх жанчын і яго друкаванага органа [8, арк. 1 аб].

У першым праграмным артыкуле «Да беларускіх жанчын» рэдакцыя часопіса вызначыла тое кола праблем у беларускай жаночай працы, якое патрабавала неадкладнай увагі. Адною з галоўных праблем, на думку «Жаноцкай справы», быў недахоп асветы ў беларускіх жанчын, асабліва ў жыхарак вёскі і мястэчак, а таксама нежаданне жанчын атрымаць гэтую асвету. «Яшчэ й сягоньня на вёсцы маткі ўглядаюцца на навуку дачок, як на дарэмную страту часу: усё роўна, – кажуць, – выйдзе замуж, дык па што ёй гэная навука? – канстатаваў аўтар артыкула і палымяна заклікаў, – З гэтымі перажыткамі адвечнае вясковае цемры трэба змагацца» [9, с. 1]. Барацьба з няпісьменнасцю жанчын была цесна звязана з ўжо вядомай ідэяй патрыятычнага выхавання дзяцей – цёмная, «няразвітая» кабета, паводле «Жаноцкай справы», наўрад ці зможа выгадаваць нацыянальна свядомага і культурнага чалавека. Таму часопіс бачыў сваю мэту ў наступным: даваць жанчынам усялякага роду інфармацыю асветніцкага характару, якая закранала бы як пытанні гаспадаркі, побыту, так і гадавання дзяцей ды культурнага самаўдасканалення. Такім чынам, часопіс з самага пачатку вызначыў свой накірунак як культурна-асветніцкі і апалітычны. Аднак, трэба заўважыць, што пэўныя палітычныя моманты ў «Жаноцкай справе» ўсё-такі прысутнічалі. Так, у № 2 месячніка ў артыкуле «Да працы» рэдактар Надзея Шнаркевіч заклікала жанчын актыўна ўдзельнічаць пры галасаванні на выбарах у мясцовае самакіраванне і нават самім вылучацца ў кандыдаты гарадскіх і

павятовых радаў, дзе яны маглі б абараняць «агульныя беларускія і чыста жаночыя справы» [10, с. 2]. Але далей узроўня мясцовага самакіравання Шнаркевіч у сваіх закліках не заходзіла, верагодна, разумеючы агульныя сілы і становішча беларускага нацыянальнага руху ў Польшчы ў пачатку 1930-х гг.

На старонках «Жаночкай справы» змяшчаліся самыя розныя матэрыялы і артыкулы, у якіх закраналіся многія пытанні штодзённага жыцця беларускай жанчыны. У рубрыцы «Парады для матак», якую вяла Л. Войцік (Зоська Верас), публікавалася інфармацыя аб выхаванні і лячэнне дзяцей, кармленне немаўлят грудзмі. Раздзел «Ці варта ўмець шыць і вышываць» быў прысвечаны вышыванню і ўтрымліваў парады, як сшыць, напрыклад, жаночую блузку. У дадзеным раздзеле, дарэчы, вельмі актыўна рэкламавалася нацыянальная вопратка і ўзоры, а платным падпісчыцам было абяцана нават выслаць бясплатную выкрайку ў натуральную велічыню. Пад рубрыкай «3 жаночкага сьвету» месячнік друкаваў паведамленні пра жаночы рух за мяжой. Таксама ў часопісе былі змешчаны цыкл артыкулаў Соф’і Луцкевіч (якая на той час ужо была нябожчыцай) «Гутаркі аб гігієне» і біяграфічны артыкул Марыі Зянюк «Жыццё і праца Алёізіі Пашкевіч (Цётка)», з якога, напрыклад, можна даведацца, што вядомая беларуская паэтка ў 1912 г. заклала ў Вільне першую беларускую жаночую арганізацыю пад назвай «Беларускі жаночы гурток». У літаратурным аддзеле часопіса былі апублікаваны вершы паэтак з БССР – З. Бандарынай, В. Вішнеўскай і Я. Пфляўбаўм.

Як і любы «жаночы» часопіс, «Жаночкая справа» не магла не ўтрымліваць усемагчымых кулінарных рэцэптаў і гаспадарчых парадаў. Рэдакцыя часопіса вучыла жанчын, як прыгатаваць боршч на сям’ю ў шэсць чалавек, спячы пірагі, заквасіць капусту і г.д. Таксама гаспадыням раілася выкарыстоўваць у ежы розныя прыправы, напрыклад, пятрушку [11, с. 12]. Акрамя гэтага, вялікая ўвага надавалася побыту і хатняй гаспадарцы. У часопісе змяшчаліся парады, як выгадаваць расаду памідораў, як разводзіць суніцы, як правільна мыць бялізну, выводзіць вошы і інш. Жанчынам прапаноўвалася ўважліва сачыць за чысцінёй у хаце і чысцінёй сваёй сям’і.

Часопіс «Жаночкая справа» можа выступаць і як цікавая крыніца па вывучэнню штодзённасці беларускай жанчыны-сялянкі, яе праблем і перажыванняў (заўважым, што часопіс быў скіраваны пераважна на сялянскую аўдыторыю). Адносна гэтага цікавым

з'яўляецца рубрыка «Да нас пішуць», у якой змяшчаліся лісты чытачоў часопіса. Так, у адным з іх былі змешчаны пэўныя заўвагі вясковым дзяўчынам, якія бяруць удзел у п'янстве з мужчынамі і нават падбухторваюць іх на гэта. «Дзяўчаты! Да вас маіх пару слоў: не на гульбішчы і п'янства падбурайце хлапцоў, – гэта брудзіць вашае імя», – заклікала чытачка часопіса [12, с. 9]. У іншым лісце закраналася праблема ўцёкаў маладых сялянскіх у горад і адлюстроўваліся ўсе тыя небяспекі, якія чакалі іх у гарадскім асяроддзі. Аўтарка ліста – нейкая Юля Антанавічанка – папярэджвала маці, каб тыя ахоўвалі сваіх дачок і прадухілялі іх наіўныя рашэнні [13, с. 8–9].

Арыенцірам для рэдакцыі «Жаноцкай справы» ў шмат чым былі ўкраінскія жаночыя часопісы, прынамсі часопіс «Жіноча доля». Беларускі нават самі прызнаваліся, што глядзелі на працу сваіх паўднёвых суседак з пэўнай зайздасцю. «Чытаючы ўкраінскія жаночыя часопісы, даведываемся з іх аб жыцці нашых найбліжэйшых сёстраў – украінак, аб іх арганізацыях, аб выстаўках іх хатніх работ, аб іх нацыянальных вышыўках..., аб іх моцным нацыянальным пачуцці. Прачытаўшы ўсё гэта, нейк становіцца цяжка на душы і прасыпаецца заздасць, чаму мы гэтак адсталі, чаму мы гэтага ўсяго ня маем...», – пісала адна з аўтарак «Жаноцкай справы» [14, с. 10]. На жаль, трэба канстатаваць, што беларускі жаночы часопіс так і не дасягнуў узроўня ўкраінскай «Жіночай долі», якая мела карэспандэнтаў нават сярод украінскіх эмігрантаў у ЗША і выходзіла на працягу 14 гадоў – з 1925 па 1939 г. [3, с. 130–131]. У адрозненне ад яе, «Жаноцкая справа» праіснавала ўсяго 7 месяцаў, выходзіла нерэгулярна і пакінула гісторыі толькі чатыры свае нумары.

Па сутнасці, беларускі часопіс «Жаноцкая справа» не змог выйсці за рамкі «жаночага» часопіса і стаць рупарам беларускага фемінізму. На яго старонках захоўваўся вобраз беларускай жанчыны – хатняй гаспадыні, яго матэрыялы былі прасякнуты не гендэрнымі праблемамі, а парадамі для сялянскіх кабет і маці. Жаночая эмансipaцыя, на думку стваральнікаў часопіса, павінна актыўна праяўляцца толькі ў сферы асветы і зусім трохі – у палітычным накірунку, што выглядала даволі слабым на фоне патрабаванняў заходнеўкраінскіх альбо еўрапейскіх жаночых арганізацый. У шмат чым гэта было вынікам залежнасці ад палітычнай лініі беларускага «Цэнтрсаюза», з падачы якога было ўтворана Аб'яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч. Але разам з гэтым часопіс

«Жаноцкая справа» стаў цікавай і неардынарнай з’явай у беларускім нацыянальным руху ў міжваеннай Польшчы, які змог паказаць гэ-таму руху пэўны вектар для далейшай працы сярод беларускіх жан-чын. На жаль, з’ява гэтая памерла, паспеўшы ледзь нарадзіцца.

1. Гапова, Е. Между войнами: женский вопрос и национальные проекты в Советской Белоруссии и Западной Беларуси / Е. Гапова // Гендерные истории Восточной Европы. Сборник научных статей / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – С. 100–123.

2. Галина. О некоторых формах женработы / О. Галина // Пад сцягам камунізму. – 1927. – № 1–2. – С. 138–140.

3. Кость, С. Жіноча преса / С. Кость // Вісник Львівського університету. Серія журналістика. – 2007. – Вип. 30. – С. 123–141.

4. Луцкевіч, А. Барацьба за вызваленне / А. Луцкевіч. – Вільня-Беласток, 2009. – 650 с.

5. Кароткі нарыс беларускага пытаньня. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2009. – 396 с.

6. Хроніка // Беларускі Звон. – 1931. – № 2 (27 студзеня) – С. 4.

7. Прабуджэнне Беларусі // Беларускі Звон. – 1931. – № 3 (11 лютага) – С. 1.

8. Lietuvos centrinis valstybes archyvas. – F. 51. – Ap. 7. – B. 989. Redegowienie czasopisma pod tytułem «Sprawy Kobiecte».

9. Да Беларускіх Жанчын // Жаноцкая справа. – 1931. – №1. – С. 1–2.

10. Шнаркевіч, Н. Да працы / Н. Шнаркевіч // Жаноцкая справа. – 1931. – № 2. – С. 1–2.

11. Гаспадарчыя парады // Жаноцкая справа. – 1931. – № 2. – С. 12–14.

12. Да нас пішуць // Жаноцкая справа. – 1931. – № 2. – С. 9.

13. Да нас пішуць // Жаноцкая справа. – 1931. – № 3. – С. 8–9.

14. Ці варта ўмець шыць і вышываць // Жаноцкая справа. – 1931. – № 4. – С. 9–10.

Горны Аляксандр Сяргеевіч – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

УДК 94(438)

В. И. Кузьмич

ЛЕГИОН МОЛОДЫХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Рассмотрены основные направления деятельности легальной польской молодежной организаций – Легиона Молодых (Legion Młodych, создан в 1930 г.), осо-
290

бенности организации новых отделов, приведены данные о работе среди молодежи и проанализирована эффективность проводимых мероприятий.

На территории Западной Беларуси действовало значительное количество польских молодежных организаций: Стрелецкий Союз, Союз Польской Молодежи, Союз Сельской Молодежи, Союз Народной Молодежи, Союз Молодой Деревни, Легион Молодых и др. Однако влияние их на подрастающее поколение было различным.

Будучи проправительственной организацией, Легион Молодых (ЛМ) ставил своей главной целью процветание и успешное развитие государства. Идеологи организации провозглашали высшей хозяйственной, общественной и моральной ценностью труд человека. В первой идейной декларации (февраль 1930 г.) говорилось: «Человек труда и солдат – элита народа». Достаточно радикальной была хозяйственная программа ЛМ, выдвигавшего лозунг «государства организованного труда», ограничения частной собственности и планового хозяйства. Организация выступала против всех «международных органов, которые ставят интересы отдельных классов и групп над интересами Государства в целом». ЛМ боролся «за справедливую Польшу, в которой дети будут узнавать о безработице только от учителей истории», а «совместная жизнь народов не будет требовать пацификации и виселиц» [1, с. 41].

Несмотря на «громкие» цели, организация в 1933 г. на территории Новогрудского воеводства оставалась все еще слабой. Действовало только 4 кружка, которые объединяли 90 человек. Большой активности здесь она не проявляла, как Стрелецкий Союз или Союз Сельской Молодежи, ограничиваясь проведением собраний [2, л. 110].

7 февраля 1933 г. на собрании Легиона Молодых в собственном клубе в Барановичах оговаривались организационные вопросы, выбрали ответственного за работу; 21 февраля был зачитан реферат «Религия, костел и государство», 7 марта – доклад «Народ и государство. В Слониме ЛМ устроил любительское представление [3, л. 35; 4, л. 166].

23 апреля 1933 г. в Слониме прошел I съезд ЛМ Новогрудско-Полесского округа. На нем присутствовали представители властей, общественных организаций, а также приглашенные гости и делегаты от следующих округ ЛМ: Барановичи, Пинск, Новый Двор, Лида, Новогрудок, Вселюб и др. Торжественно открыл съезд ле-

гионист Иосиф Михалкович, комендант Новогрудско-Полесского округа. Были высланы телеграммы президенту Речи Посполитой Пилсудскому, Рыдз-Смиглому. Среди первоочередных задач Легиона на территории Новогрудского и Полесского воеводств была очерчена необходимость приступить к активным антикоммунистическим действиям [4, л. 239–240].

ЛМ принимал активное участие в общественных работах, проводил интенсивную организационную и пропагандистскую работу [5, л. 27]. 17–18 июня 1934 г. состоялся окружной съезд ЛМ в Новогрудке. В его работе принимало участие 300 делегатов, членов организации из Новогрудского, Виленского, Полесского и Белостоцкого воеводств, в том числе главный комендант ЛМ Юзеф Белиньский. На окружной съезд в Вильно направили 40 делегатов, на «Праздник Моря» в Гдыни – 14 [5, л. 31].

Всеобщий съезд Щучинского отдела ЛМ 6 мая 1934 г. собрал 40 членов организации. В конце мая были открыты ее отделы в Собакинцах и Скшибовцах.

13 мая 1934 г. в Новогрудском отделе ЛМ состоялось присяга 42 новых членов организации. Каждые 2 недели здесь проходили дискуссии активистов легиона на тему идеологии и борьбы [5, л. 31].

Лидский отдел ЛМ провел 6 собраний, в том числе 4 – информационных, на которых прозвучали доклады об идеологии и структуре ЛМ, отношении духовенства к государству, а также доклады «Государство работы», «Праздник Моря» [5, л. 31 об.]. Лидский отдел ЛМ принял участие в организации «Праздника Моря», отправил трех человек на слет молодежи в Гдыне 29 июня, а также организовал новый отдел в Беняконях.

В Слонимском отделе прошло 18 собраний и состоялись курсы для кандидатов в члены организации [5, л. 31 об.].

На октябрь 1934 г. картина членства в ЛМ выглядела следующим образом: Отдел в Новогрудке – 104 человека, в Столбцах – 22, в Лиде – 68, в Щучине – 55, в Барановичах – 41, в Слониме – 34. [5, л. 181 об.].

Значительное внимание уделялось открытию новых отделов и привлечения в них молодежи. В Инструкции восточных групп ЛМ говорилось: «Не следует сразу обращаться к широким массам, но к определенной выбранной группе, которая может затем пригодиться в качестве ячейки, руководящей деятельностью всего Отдела. Вы-

бирая ее, следует притягивать настоящих идеологов, солидных, не вовлеченных значительно в другую общественную работу, так чтобы они могли в полной мере посвятить свое время и работу нашей Организации. При формировании Отдела следует обращать больше внимания на качество, а не на количество. Достаточно, если сумеем сгруппировать 5–10 человек... После первого организационного собрания необходимо стараться увеличивать численность отдела, а также приступить к внутренней работе. Первой ступенью этой работы должно стать открытие кандидатского курса... Следует воспользоваться возможностью посредством собраний, торжественных заседаний, манифестаций обратить на себя внимание» [6, л. 1].

В ЛМ существовали предписания относительно приема новых членов в организацию. Среди них: 1) подача заявления желающим вступить в организацию в секретариат Коменды Отдела; 2) секретариат имеет право не принять заявление, если оно оформлено неправильно (нехватка подписей не может быть причиной к отклонению заявления); 3) каждый член ЛМ может в письменном виде внести протест против вступления нового человека в организацию; 4) будущий член обязан записаться на кандидатские курсы (в среднем длились 6 недель); 5) после сдачи экзамена по окончании курсов следовало принять присягу; 6) если кандидат в течение трех сроков (не более 3 месяцев), определенных комендантом Отдела, не принял присягу, то он вычеркивается из списка кандидатов в члены ЛМ [6, л. 2].

На кандидатских курсах изучалась идейная декларация, Статут ЛМ, письма Ю. Пилсудского, «Последний год» Т. Голувки, «Мысли о новой Польше» Скварчиньского и др. [6, л. 2 об.].

В сельской местности работа Легиона сводилась преимущественно к поиску опытных и активных людей в общественных организациях в деревне; организации кооперативных, общественно-хозяйственных курсов для «ценнейших» представителей сельской молодежи, привлечение их в ЛМ; активная работа членов ЛМ во всех сельских организациях; распространение информационно-пропагандистских листовок, которые призывали подрастающее поколение к участию в молодежных организациях на своей территории [5, л. 181 об.].

В отчетах за октябрь 1934 г. зафиксирован факт реорганизации ЛМ с целью ограничить его деятельность «академической тер-

риторией». Отделы, объединявшие рабочую и сельскую молодежь, подлежали постепенному роспуску. Наиболее подготовленные члены организации могли стать инструкторами и руководителями кружков Союза Сельской Молодежи и Организации Рабочей Молодежи [7, л. 27].

Деятельность Легиона Молодых не приняла широких масштабов, что было обусловлено густой сетью других молодежных организаций на территории Западной Беларуси, среди которых наиболее влиятельными являлись Стрелецкий Союз, Союз Сельской Молодежи (позднее Союз Молодой Деревни). Конкурировать с ними Легиону Молодых было сложно: во-первых, в то время, как ЛМ только начал свою деятельность в 1930 г., остальные организации уже действовали не один год; во-вторых, работа Легиона в целом не была направлена на организацию досуга подрастающего поколения.

1. Кривуть, В. И. Молодежные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.) / В. И. Кривуть. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 166 с.

2. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 10. Месячные отчеты об общественно-политическом движении и обеспечении государственной безопасности на территории Лидского повета (июль – декабрь 1933 г.). – 143 л.

3. ГАГО. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 9. Месячные отчеты об общественно-политическом движении и обеспечении государственной безопасности на территории Лидского повета (январь – июнь 1933 г.). – 87 л.

4. ГАГО. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 12. Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления МВД об общественно-политическом движении на территории воеводства за 1-ое полугодие 1933 г. (декабрь 1932 – июнь 1933). – 320 л.

5. ГАГО. – Ф. 551. – Оп. 1. – Д. 1211. Месячные отчеты управления об общественно-политическом движении на территории Новогрудского воеводства за вторую половину 1934 г. (04.07 – 19.12.1934 г.). – 242 л.

6. ГАГО. – Ф. 551. – Оп. 1. – Д. 1153. Инструкция восточных групп «ЛМ» от 1 марта 1932 г. – 3 л.

7. ГАГО. – Ф. 551. – Оп. 1. – Д. 1250. Ежедневные бюллетени Варшавского рабочего информационного органа «Дела политические» за октябрь – ноябрь 1934 г. – 31 л.

Кузьмич Вероника Иосифовна – выпускница факультета истории и социологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

Ю. В. Кірчук

ВЫКАРЫСТАННЕ ПРАЦЫ ВАЕННАПАЛОННЫХ У АДНАЎЛЕННІ ПРАМЫСЛОВАСЦІ І ТРАНСПАРТА БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ

У гады Другой сусветнай вайны на тэрыторыі БССР была створана развітая сетка лагераў для ўтрымання ваеннапалонных, сярод якіх большасць складалі ваеннапалонныя нямецкага вермахта. Яны сталі працоўнай сілай, у якой мела патрэбу рэспубліка. Найбольш інтэнсіўна іх праца выкарыстоўвалася пасля капітуляцыі Германіі. Ваеннапалонныя ўнеслі істотны ўклад у аднаўленне эканомікі і разбураных вайной гарадоў БССР, аднак аб'ём прац па аднаўленню эканомікі савецкімі працаўнікамі быў непараўнальна вышэй.

Тэма знаходжання замежных ваеннапалонных ў БССР у ходзе і ў канцы Другой сусветнай вайны, іх рэальнага ўкладу ў аднаўленне і развіццё савецкай эканомікі — надзвычай аб'ёмная і шматгранная. Дадзеная тэматыка стала набіраць сваю папулярнасць толькі апошнія 15–20 гадоў. Абмежаваны доступ да дакументаў застаецца праблемай для даследчыкаў, якія займаюцца гэтай тэмай, і да цяперашняга часу. Апублікавана шэраг манаграфій і артыкулаў, абаронена дысертацыя па пытаннях ваеннага палону на тэрыторыі Беларусі [5; 11; 12; 13; 14]. У сучаснай гістарыяграфіі выказваюць розныя меркаванні аб эканамічным значэнні выкарыстання прымусовай замежнай сілы ў цэлым і той ролі, якую ваеннапалонным адводзіла савецкае кіраўніцтва. Адны даследчыкі перабольшваюць працоўныя затраты і эфектыўнасць працы ваеннапалонных, другія, насупраць, недаацэньваюць.

З улікам міжнародных прававых норм у адносінах да ваеннапалонных у СССР былі ўведзены ў дзеянне ўнутрыдзяржаўныя нарматыўныя акты, асноўным з якіх з'яўлялася «Палажэнне аб ваеннапалонных», якое было прынята СНК СССР у ліпені 1941 г. Паводле «Палажэння», радавы і ўнтэр-афіцэрскі састаў ваеннапалонных маглі прыцягвацца да працы як у лагеры, так і па-за лагерам — у прамысловасці і сельскай гаспадарцы СССР. Пры гэтым на ваеннапалонных, якія прыцягваліся да работ, распаўсюджваюцца пастановы пра ахову працы і працоўным часе, якія ўжываліся ў дадзенай мясцовасці да грамадзян СССР, што працавалі ў той жа

галіне эканомікі. Выкарыстанне працы ваеннапалонных забаранялася ў раёнах баявых дзеянняў, для абслугоўвання асабістых патрэб адміністрацыі ўстановаў [1, с. 65–68].

Пасля капітуляцыі Германіі было ўведзена ў дзеянне «Палажэнне аб працоўным выкарыстанні ваеннапалонных» з мэтай кампенсацыі ўронў, прычыненага вайной. Ваеннапалонныя павінны былі працай пакрываць кошт свайго ўтрымання. Адміністрацыя лагера абавязвалася дамагацца максімальна прадукцыйнага працоўнага выкарыстання кантынгенту і забяспечваць пакрыццё дзяржаве выдаткаў на ўтрыманне лагера. Было забаронена выкарыстанне працы ваеннапалонных па-за прызначанымі аб'ектамі, уведзены тры катэгорыі працаздольнасці. Вызначэнне характару і віду работ у прамысловасці, будаўніцтве і сельскай гаспадарцы рабілася з улікам фізічнага стану існуючага кантынгенту. Першая – годныя для любых фізічных работ, другая – для работ сярэдняй цяжасці, трэцяя – годныя толькі для лёгкай працы. Аслабленыя і хворыя ад работы вызваліліся [1, с. 628–641].

У 1945–1951 гг. у адбудове прамысловасці і гарадоў Беларусі выкарыстоўваліся ваеннапалонныя і інтэрніраваныя з Германіі, Венгрыі, Аўстрыі, Румыніі і інш. краін. У працэсе іх утрымання і працоўнага выкарыстання ў СССР можна выдзяліць тры перыяды: 1941–1942; 1943 – першая палова 1950 г.; другая палова 1950–1955 г. [4, с. 63–64].

Прымусовая праца ваеннапалонных ў СССР пад час Вялікай Айчыннай вайны не мела вялікага значэння па наступных прычынах: негатыўнасць у пачатку вайны савецкага кіраўніцтва да прыёму і размяшчэння ваеннаслужачых армій праціўніка; невялікая колькасць ваеннапалонных і інтэрніраваных, іх незадавальняючы фізічны стан; не было дзяржаўнай праграмы выкарыстання іх працы. Таму асноўная маса выкарыстоўвалася на ўнутрылагерных работах. У першыя ваенныя гады назіраліся істотныя цяжасці і перабоі ў забеспячэнні ваеннапалонных неабходнай колькасцю прадуктаў, высокая смяротнасць. У лагеры паступалі параненыя, абморожаныя і знясіленыя салдаты і афіцэры вермахта, якія да палону правялі некалькі тыдняў у раёнах баявых дзеянняў ва ўмовах «рускай» зімы. Да гэтага трэба дадаць іх захворванні, дыстрафію, старасць, самагаўствы, няшчасныя выпадкі на вытворчасці і г.д.

Масавае працоўнае выкарыстанне нямецкіх ваеннапалонных у народнай гаспадарцы пачалося з 1943 г. і працягвалася

да першай паловы 1950 г. У жніўні 1944 г. на тэрыторыі Беларусі дзейнічала ўжо 4 лагеры: у Оршы, Барысаве, Масюкоўшчыне і Бабруйску. У кастрычніку 1944 г. пачалося стварэнне яшчэ трох лагераў: у Беластоку, Ваўкавыску і Брэсце [6, с. 123]. У выніку паспяховых аперацый савецкіх войскаў на працягу 1944–1945 гг. і ўзяцця ў палон тысяч ваеннаслужачых праціўніка да пачатку 1945 г. у сістэме УПВІ НКВС налічвалася ўжо 9 лагераў і 7 спецшпіталей. У іх утрымлівалася 83 159 чалавек ваеннапалонных [11, с. 29]. За-вяршальны год Вялікай Айчыннай вайны быў часам паступлення ў савецкія лагеры найбольшай колькасці ваеннапалонных.

Пачынаючы з вясны 1945 г., на тэрыторыю рэспублікі раз-ам з ваеннапалоннымі стаў паступаць кантынгент інтэрніраваных немцаў. Колькасць кантынгента АРБ інтэрніраваных у БССР па ста-не на 1 чэрвеня 1945 г. складала 10524 чал. [3, с. 637–638].

У 1946 г. на Беларусі працавала найбольшая колькасць ва-еннапалонных і інтэрніраваных – каля 103 тыс. чалавек [12, с. 40]. Да другой паловы 1949 г. на тэрыторыі Беларусі засталіся 3 лагеры, 2 спецшпіталі і 1 АРБ, у іх утрымлівалася 9256 ваеннапалонных. Застаўшыся ваеннапалонныя і інтэрніраваныя выкарыстоўваліся ў якасці працоўнай сілы да апошняй магчымасці [12, с. 92]. 5 мая 1950 г. у сродках масавай інфармацыі было апублікавана паве-дамленне ТАСС пра заканчэнне рэпатрыяцыі з СССР нямецкіх ваеннапалонных.

Трэці перыяд (другая палова 1950–1955 г.) характарызаваўся выкарыстаннем працы асуджаных нямецкіх ваеннапалонных і інтэр-ніраваных. У 1951 г. усе ваеннапалонныя, акрамя асуджаных ваеннымі трыбуналамі, былі адпраўлены на радзіму. Асуджаныя былі сканцэн-траваны ў 11-м лагаддзяленні ў г. Мінску і на працягу 1951 г. вывезены ў лагеры ГУПВІ для асуджаных ваеннапалонных, дзе адбывалі пака-ранне да верасня 1955 г. З завяршэннем рэпатрыяцыі, пасля ліквідацыі лагераў, спецшпіталей і АРБ на тэрыторыі Беларусі засталася звыш 13 тысяч загінуўшых ваеннапалонных і інтэрніраваных грамадзян Германіі і іншых краін [12, с. 47].

Пытаннямі кіравання ваеннапалоннымі і інтэрніраванымі на тэрыторыі Беларусі займаўся створаны 24 сакавіка 1944 г. ад-зел па справах ваеннапалонных і інтэрніраваных НКВС БССР, які ў 1946 г. быў пераўтвораны ва Упраўленне па справах ваенна-палонных і інтэрніраваных (УПВІ) НКВС БССР [12, с. 10–11].

Адпаведна пастанове Дзяржаўнага камітэта абароны ад 4 чэрвеня 1945 г. і пастанове Савета Міністраў БССР ад 21 мая 1946 г. «Аб працоўным выкарыстанні ваеннапалонных» увесь кантынгент быў размеркаваны паміж рознымі міністэрствамі і ведамствамі. Так, у Міністэрстве жыллёвага і гаспадарчага будаўніцтва БССР працавала больш за 6 тыс. чалавек, у Міністэрстве шляхоў зносін – 3 тыс., у Міністэрстве прамысловасці будаўнічых матэрыялаў – 4 тыс., у Галоўным Упраўленні прамысловага будаўніцтва Савета Міністраў БССР – 10 тыс., у Міністэрстве лясной прамысловасці – 2 тыс., у Галоўным кіраванні па аднаўленні Мінска – 5 тыс., у Міністэрстве ўнутраных спраў і дзяржбяспекі – 3 тыс. чалавек [5, с. 164–181].

Працоўнае выкарыстанне ваеннапалонных здзяйснялася праз заключэнне дамоў з прадпрыемствамі на прадстаўленне ім працоўнай сілы. Ваеннапалонныя дастаўляліся на рабочыя аб'екты толькі пад канвоем, працавалі пад аховай. Разлік за выкананую работу рабіўся праз фінансавыя органы прадпрыемстваў. На кожнага працаздольнага ваеннапалоннага вызначалася выработка за 1 працоўны дзень ад 10 да 12 рублёў. Аднак, валавая сума даходаў, якая атрымлівалася ад працы ваеннапалонных, не пакрывала фактычна расходы па іх утрыманне.

Колькасць ваеннапалонных для працоўнага выкарыстання даводзілася да кожнага лагера Упраўленнем па справах ваеннапалонных і рэпатрыіруемых. Да 1945 г. яна вызначалася ў 60 % кантынгента, з сярэдзіны 1945 г. – 80 % адносна асабістага саставу. Фактычна ў Беларусі выкарыстанне здоровага кантынгента было значна ніжэй заяўленых норм і складала ў 1945 г. ад 35 да 57 %, а часам і 32 %.

Адной з асноўных задач дзейнасці адміністрацыі лагераў з'яўлялася паляпшэнне арганізацыі і павышэнне прадукцыйнасці працы. Першачарговым мерапрыемствам з'яўлялася забеспячэнне выхаду не менш 80 % працаздольных ваеннапалонных згодна зацверджаным лімітам [8, с. 21]. З мэтай павышэння прадукцыйнасці працы ваеннапалонных брыгады камплектаваліся з улікам вытворчых навыкаў, спецыяльнасцяў, фізічнага стану. Для ваеннапалонных, якія добра працавалі і перавыконвалі нормы выпрацоўкі, грашовае ўзнагароджанне і ўключэнне ў лік рэпатрыіруемых з'яўлялася асноўнай мерай заахвочвання. Акрамя таго, лепшыя вытворцы размяшчаліся ў лепшых бараках, ім у першую чаргу і лепшай якасці выдаваліся пасцельныя прыналежнасці, адзенне і абу-

так. Яны накіроўваліся ў пакоі адпачынку тэрмінам на 7–10 дзён прыкладна раз у паўгады. Ім было прадстаўлена права пераводу на радзіму грошай, першачарговы продаж прадуктаў харчавання, прадметаў першай неабходнасці. За высокія паказчыкі працы дазвалялася праводзіць на месцах працы выдачу другога гарачага блюда, продаж ваеннапалонным тытунёвых вырабаў і прадуктаў па адпаведным нормам, а таксама прадметаў асабістага ўжытку [8, с. 21]. Ваеннапалонным, якія не выконвалі ўстаноўленыя нормы выпрацоўкі, аб'яўлялі вымову перад строем на праверцы або ў загадзе, пакідалі на звышурочныя работы, пераводзілі ў штрафныя падраздзяленні з цяжкім рэжымам працы і без дадатковага харчавання, арыштоўвалі на 7–10 сутак, пазбаўлялі права перапіскі або права карыстацца грашамі да двух месяцаў. Тых, хто злосна ўхіляўся ад працы, дэарганізатарам вытворчасці перадавалі суду ваеннага трыбунала [3, с. 537].

У пастанове Савета Міністраў БССР ад 21 мая 1946 г. «Аб працоўным выкарыстанні ваеннапалонных» адзначалася, што іх працоўнае выкарыстанне на будоўлях і прадпрыемствах Беларусі было пастаўлена недавальняюча, праводзілася недастаткова арганізавана, з сур'ёзнымі недахопамі. Адным з буйнейшых недахопаў з'яўлялася тое, што больш адной трэці агульнай колькасці ваеннапалонных, якія знаходзіліся ў рэспубліцы, не ўдзельнічала ў вытворчай працы. Але шэраг гаспадарчых кіраўнікоў і начальнікаў лагераў не прымала належных мер для забеспячэння неабходных умоў лагернага ўтрымання ваеннапалонных, што перашкаджала павелічэнню ў лагерах колькасці ваеннапалонных, занятых у працы. Некаторыя гаспадарчыя кіраўнікі не клапаціліся аб тым, каб як мага менш ваеннапалонных вызвалялася ад працы і накіроўвалася ў аздараўленчыя лагеры. Па асобных важнейшых будоўлях і прадпрыемствах не забяспечваліся ўстаноўленыя ліміты на працоўную сілу. Так, Упраўленне па аднаўленню г. Мінска вялікія выдаткі несла на абслугоўванне лагера на 5000 чалавек, а атрымлівала з лагера на свае работы не больш за 1500 чалавек [9, с. 9]. У той жа час мела месца распыленне значнай колькасці ваеннапалонных невялікімі групамі па другарадасным аб'ектам [9, с. 45]. У многіх гарадах заходніх абласцей Беларусі кіраўнікі прадпрыемстваў, будоўляў усяляк дамагаліся атрымання ваеннапалонных, і такім чынам перашкаджалі ўцягванню ў прамысловасць насельніцтва

заходніх абласцей, асабліва сялянскай моладзі. Мелі месца выпадкі, калі ваеннапалонных у вялікай колькасці выкарыстоўвалі не па прамым прызначэнні, а у розных падсобных майстэрнях унутры лагераў на работах, у якіх удзельнічалі і кваліфікаваныя кадры. Некаторыя кіраўнікі дапускалі нематываваныя перакідванні ваеннапалонных з аднаго аб'екта на другі, што вяло да дэзарганізацыі працы [7, с. 59–64]. Акрамя таго, мала звярталася ўвагі на пытанні арганізацыі і ўліку працы ваеннапалонных, не забяспечваўся своечасова фронт работ, неабходныя матэрыялы і інструменты, разам з ваеннапалоннымі працавала грамадзянскае насельніцтва, не былі створаны належныя ўмовы аховы ваеннапалонных, у выніку чаго, на прадпрыемствах меліся вялікія затраты часу [10, с. 16–17]. Не вялася належная барацьба за выкананне норм выпрацоўкі, а з боку інжынерна-тэхнічных работнікаў не былі наладжаны пастаянны кантроль за якасцю работ, якія выконваліся ваеннапалоннымі. З боку асобных гаспадарчых органаў не прымаліся меры для своечасовага разліку і выплаце грашовых сум лагерам за работы, якія былі выкананы ваеннапалоннымі. На 1 мая 1946 г. запазычаннасць гаспадарчых органаў лагерам складала 20 млн руб. Такое парушэнне гаспадарчымі органамі фінансавай дысцыпліны і парадку разліку за выкананыя работы абцяжарвала планамерную працу па забеспячэнню лагераў, утрыманню кадравага саставу і затрымлівала выплату ваеннапалонным устаноўленых узнагарод, што у канчатковым выніку стымлівала прадукцыйнасць працы [8, с. 19–22].

За сем гадоў прысутнасці ваеннапалонных на Беларусі іх асноўная маса была занята на аднаўленні і будаўніцтве заводаў, фабрык, аэрапорта, беларускай чыгункі, цэглавых заводаў, шклозаводаў, трамвайнага парка, жыллёвага комплексу, аб'ектаў культуры, навукі, адукацыі [7, с. 23–34]. На будаўніцтве аўтамабільнага і трактарнага заводаў працавала 7500 чалавек; завода імя Кірава ў Мінску – 1200; жылога фонду ў Мінску і Акадэміі навук – па 800, будынка Беларускага тэатра оперы і балета – 1500 ваеннапалонных [12, с. 97]. Пры буйных аб'ектах разгортваліся дадатковыя лагеры (у Полацку на 1800 чал., у Віцебску на 6000, у Магілёве на 5300) [2, с. 332–333]. З Беларусі ваеннапалонныя перамяшчаліся для працы ў іншыя рэгіёны СССР.

Па дадзеным цэнтральнага фінансавага аддзела МУС СССР, за час існавання лагераў МУС ваеннапалоннымі зароблена больш за 15 млрд. руб. і створана рэальных каштоўнасцей на сумму каля 50 млрд руб [3, с. 533]. Гэту лічбу падцвярджаюць і замежныя крыніцы. Абапіраючыся на статыстычныя дадзеныя, В. П. Галіцкі падкрэслівае, што значная частка гэтых сродкаў была вернута на ўтрыманне ваеннапалонных, а гэтыя 50 млрд. руб. склалі толькі 7,3 % ад агульнага ўрону (679 млрд. руб.) [4, с. 69].

У гады Другой сусветнай вайны на тэрыторыі БССР была створана развітая сетка лагераў для ўтрымання ваеннапалонных, сярод якіх большасць складалі ваеннапалонныя нямецкага вермахта. Аналіз і абагульненне дакументальных матэрыялаў паказала, што найбольш інтэнсіўным выкарыстанне працы ваеннапалонных і інтэрніраваных стала пасля капітуляцыі Германіі. Ваеннапалонныя салдаты і афіцэры былой арміі праціўніка і інтэрніраваныя нямецкія грамадзяне сталі працоўнай сілай, у якой мела патрэбу наша рэспубліка. Кіраўніцтва рэспублікі выкарыстоўвала іх працу ў якасці кампенсацыі за нанесены ўрон на важнейшых будоўлях і прадпрыемствах народнай гаспадаркі. Нягледзячы на тое, што нямецкія ваеннапалонныя унеслі істотны ўклад у аднаўленне эканомікі і разбураных вайной гарадоў БССР, аб'ём прац па аднаўленню эканомікі савецкімі працаўнікамі быў непараўнальна вышэй.

1. Военнопленные в СССР. 1939 – 1956: Документы и материалы / Сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; Под ред. М. М. Загорулько. – Москва: Логос, 2000. – 1120 с.

2. Военнопленные, 1941 – 1956. Kriegsgefangene. Документы и материалы / авт.-составитель Р. А. Черноглазова. – Минск: Издатель Скакун В. В., 2003. – 472 с.

3. Военнопленные в СССР, 1939 – 1956: Документы и материалы. В 5 т. Т 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941 – 1952 гг.: Отчётно-информационные документы и материалы. / Сост. М. М. Загорулько, К. К. Миронова, Л. А. Пылова и др. Под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. – 1111 с.

4. Галицкий, В. П. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков в Волгограде (май 1995 г.) / Отв. ред. Я. С. Драбкин. – Москва: Памятники исторической мысли. – 1997. – 125 с. (Серия «Россия – Германия – Европа». Вып. 3). – С. 63–69.

5. Гладкевич, А. И. Организация труда немецких военнопленных на предприятиях и стройках Беларуси // Другая сусветная вайна: новыя аспекты

даследаванняў. Матэрыялы міжнароднага навуковага семінара 1 верасня 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск: НАРБ, 2004. – С. 164–181.

6. История исправительно-трудовых учреждений Беларуси: Курс лекций / А.В. Шарков, В. Б. Шабанов, В. П. Павлов и др. – Минск: Академия МВД РБ, 1999. – 223 с.

7. НАРБ. – Ф. 4. Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. – Воп. 29. – Спр. 331. План распределения военнопленных по строительным организациям и промышленным предприятиям БССР. Справка о существующих штатах и заработной плате работникам партийных и советских органов.

8. НА РБ. – Ф. 781. Главное Управление по восстановлению г. Минска при Совете Министров БССР. – Воп. 1. – Спр. 4. Постановления СНК, Совета Министров и ЦК КП(б)Б.

9. НА РБ. – Ф. 781. Главное Управление по восстановлению г. Минска при Совете Министров БССР. – Воп. 1. – Спр. 6. Материалы и переписка с разными организациями по вопросам МПВО, выполнения плана строительных работ, задолженности лагерю военнопленных, накладные на получение материалов и оборудования по поставкам ЮНРРА, списки репатриированных, характеристики на стахановцев системы Управления по восстановлению г. Минска и др.

10. НА РБ. – Ф. 781. Главное Управление по восстановлению г. Минска при Совете Министров БССР. – Воп. 1. – Спр. 15. Материалы и переписка по вопросам строительства объектов МПВО, пересмотра норм выработки, заявки на оборудование, об организации аварийно-восстановительного отряда и др.

11. Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси, 1944–1951 гг. / А. В. Шарков. – Минск: Тесей, 2003. – 164 с.

12. Шарков, А. В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951 гг.): Монография / Науч. ред. В. А. Павлов; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Академия. – Минск: Академия МВД РБ, 1997. – 159 с.

13. Шарков, А. В. Содержание и трудовое использование военнопленных и интернированных на территории Беларуси в системе органов внутренних дел (1944–1951 гг.): Диссертация на соискание ученой степени доктора наук, 07.00.02 / Нац. Академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск, 1998.

14. Шарков, А. В. Участие военнопленных и интернированных в послевоенном восстановлении Минска / А. В. Шарков // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі: (да 940-годдзя горада): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 7–9 верасня 2007 г. / [рэдкалегія А. А. Каваленя (адказны рэдактар) і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 343–347.

Кірчук Юлія Віктараўна – Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт» (г. Мінск).

А. А. Носова**ПИСЬМА РЕПАТРИИРОВАННЫХ
СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН КАК ИСТОЧНИК
ПО ПРОБЛЕМЕ РЕПАТРИАЦИИ**

В статье рассматриваются письма репатриированных советских граждан, адресованные родственникам, знакомым и просто соотечественникам, которые находились на положении перемещенных лиц в различных европейских странах. Автором были выявлены копии данных писем в фондах Национального архива Республики Беларусь и опубликованные в советских газетах письма. В статье подвергаются анализу обстоятельства и причины их написания, содержание, а также дается оценка данного вида источника для исследования проблемы репатриации населения в БССР. Автор приходит к выводу, что эпистолярные источники являлись важным инструментом идеологической работы с перемещенными советскими гражданами. Письма в комплексе с другими видами источников позволяют создать целостную картину процесса репатриации.

В соответствии с классификацией С. Н. Ходина письма относятся к повествовательным источникам. Эпистолярные источники также делятся на виды: частная переписка, письма в периодические издания, письма в учреждения, письма политическим деятелям, ученым [14, с. 158]. В данной статье автор основное внимание уделяет анализу писем, относящихся к первым двум видам.

Частное письмо – это личное обращение автора к определенному человеку (или нескольким). Обычно оно пишется не для печати, не для всеобщего и даже частичного ознакомления с ним «третьих лиц». Боясь «подслушивания», авторы писем прибегают к эзопову языку, только им известным выражениям и сокращениям. Понятные авторам, они нередко впоследствии серьезно усложняют задачу для исследователя.

Автор данной статьи поставила перед собой задачу проанализировать письма репатриированных граждан БССР к своим соотечественникам за границей. Следует отметить, что за годы Великой Отечественной войны за пределами республики оказались сотни тысяч белорусов. Одни служили в немецкой армии или работали на нее. Другие – дезертировали в свое время из Советской Армии. Были советские военнослужащие, попавшие в плен, беженцы из СССР, пробиравшиеся с семьями через восточную Европу на запад.

Кроме того, на принудительные работы в Германию из БССР были вывезены 399 374 человека [7, л. 117]. Перед Советским союзом и БССР, в частности, стояла важнейшая задача по возвращению своих граждан на Родину.

По данным облисполкомов БССР, к концу 1947 г. в республику прибыло 223 609 репатриированных [2, с. 530]. Вместе с тем сотни тысяч граждан СССР ещё оставались за границей.

В связи с этим, изучая письма репатриированных, прежде всего, стоит обратить внимание на условия и причины их написания.

20 января 1948 г. было принято постановление Совета Министров БССР № 65с. В соответствии с ним, исполкомы областных, городских, районных советов депутатов трудящихся должны были организовать сбор писем от прибывших репатриантов к тем, кто ещё находился в лагерях перемещённых лиц, с призывом быстрее возвращаться на Родину. К письмам по возможности следовало прилагать снимки репатриированных граждан [11, л. 14]. Это постановление было выполнено достаточно оперативно. Уже 25 февраля 1948 г. газета Советская Белоруссия опубликовала 7 писем репатриированных граждан с фотографиями авторов. Это были рабочие радиозавода имени Молотова в г. Минске, витебского станкостроительного завода «Коминтерн» и др. [3; 5; 13]. В них описывалась радость возвращения домой, хорошая работа, помощь со стороны государства, содержались призывы возвращаться домой.

В плане работы отдела переселения и репатриации СМ БССР на июль-сентябрь 1948 г. также были предусмотрены мероприятия по сбору писем от вновь прибывших репатриантов соответствующими областными отделами [12, л. 262].

Кроме того, Управление Уполномоченного Совета Министров Союза ССР по делам репатриации распорядилось дать объявления в республиканских, областных, районных газетах о приеме отделом переселения и репатриации СМ БССР писем на имя перемещённых советских граждан в западных зонах оккупации Германии и Австрии. Местные органы власти должны были добиться того, чтобы каждый репатриант написал как можно больше писем к своим знакомым [10, л. 1].

Безусловно, вся почта, отправляемая за границу, проверялась. «В целях упрощения техники обмена почтовой корреспонденцией...» все письма от репатриантов направлялись в отдел переселе-

ния и репатриации Совета Министров БССР. Там они регистрировались и отправлялись в Министерство Государственной Безопасности (МГБ) республики. Затем их возвращали в отдел [10, л. 6].

Проверенные письма отправляли в Советскую Военную Администрацию в Германии либо в Советскую часть Союзнической Комиссии по Австрии, сотрудники которых вручали их адресатам [10, л. 1 – 2]. На сбор писем, их перевод и обработку в 1948 г. планировалось затратить 4 тысячи рублей [11, л. 15].

Письма, поступавшие от перемещенных советских граждан из-за границы в адрес граждан республики, также проверялись в МГБ, а затем сдавались на почту [10, л. 2].

При этом отдельные сотрудники не всегда добросовестно относились к своей работе. Начальник отдела «В» МГБ БССР обращал внимание начальника отдела переселения и репатриации СМ БССР И. П. Баркова на то, что большинство писем были прошиты, что могло «вызвать подозрение на их особую обработку» [10, л. 6]. А Управление Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации указывало на недостаточно скрупулезно проверенные письма, которые содержали условные обозначения: были написаны разными чернилами, разным почерком, содержали пометки и т.д. Об этом были уведомлены начальники соответствующих областных отделов переселения и репатриации БССР [9, л. 153].

Сведения о переписке использовались также для установления количества советских граждан, находившихся за границей. И.П. Барков два раза в месяц – 1 и 15 числа – сообщал в соответствующее Управление СМ СССР о движении писем [10, л. 2].

Анализируя их содержание, стоит отметить, что устойчивыми элементами эпистолярного памятника является указание адреса, места написания и даты, обращение к адресату, подпись автора письма. В личном письме автор может сообщать о служебных, семейных делах.

В проанализированных в данной статье письмах отсутствует адрес получателя. Место написания и дату можно точно установить. Они, как правило, указывались в конце, равно как и фамилия, имя автора. Репатриированные адресовали свои письма как конкретным гражданам, находившимся за границей (родственникам, друзьям, знакомым), так и всем советским перемещенным лицам. В последних использовались обращения «дорогие товарищи», «до-

рогие друзья» либо автор сразу приступал к повествованию, минуя их. В зависимости от обращения подписи автора отличались. Если письмо адресовалось конкретным людям, то подпись была «Ваш друг...» [10, л. 83], если в целом перемещенным лицам, то указывались фамилия, имя автора [10, лл. 33, 83, 87].

Наиболее интересно содержание таких писем. Для их написания подбирали, тех, кто был хорошо обеспечен по возвращении на Родину, получил жилье, работу, а также, учитывая, что письма проверялись, в них есть только положительные отзывы репатрированных. При этом авторы не писали ничего о проверках в специальных пунктах, сложностях, с которыми они сталкивались в пути домой, других негативных моментах. Абсолютно во всех письмах были прямые призывы возвращаться на Родину.

Безусловно, к информации, содержащейся в них, следует относиться критично, сопоставлять с данными других источников. Но помня о том, что данные письма носили пропагандистский характер, в них можно почерпнуть информацию о том, что волновало перемещенных граждан, чего они боялись, не желая возвращаться домой. Это, прежде всего страх, что их отправят в Сибирь, не вернут жилье, не трудоустрают и т.п. Посредством этих писем власти стремились развенчать эти опасения, ответить на вопросы.

В большинстве посланий авторы писали о своей семье, работе. Многие сообщали о том, что по возвращении на Родину смогли устроиться на прежнее место работы. Некоторые писали о своих успехах. К примеру, В. С. Буржимская, которая по возвращении работала фельдшером в Смолевичской амбулатории, сообщала: «...уже два года, как я член месткома нашего профсоюза ... была избрана делегатом на профсоюзную конференцию». В. Еремшин, рабочий тракторного завода «Большевик», писал: «...я работаю по седьмому разряду ... а также я стахановец» [10, лл. 29, 51, 52, 83].

Из этих писем можно узнать, какую зарплату получали вернувшиеся на Родину граждане: «...Лесс наш уже работает на почте ... зарабатывает 400 руб в месяц ... я работаю на пассажирском поезде, проверяю билеты, зарабатываю 575 руб. в месяц», «...работаю на Барковичском лесопильном заводе в качестве пилорамщика ... зарплату я получаю в месяц с выработки от 500 до 700 руб.», «...поступил на работу... в Управление Мин. Заготовок СССР по Глубокскому району Полоцкой области ... зарплата в связи с денеж-

ной реформой и отменой карточной системы на продукты питания, вполне достаточна» [10, л. 18, 29, 30].

Одно из наиболее интересных в этой связи писем из Докшицкого района Полоцкой области содержит следующие строки: «...у нас живется очень хорошо работы имеем и зарабатываем 800 сот рублей на месяц и у нас все дешево кило хлеба 80 копеек кило мяса 2 р 50 к и как я приехал домой то мне дали кредиту 10 000 рублей купив себе корову и коня и дали мне земли 12 гектаров и хату и весь будынок...». На нем стояла резолюция начальника отдела переселения и репатриации СМ БССР И. П. Баркова с указанием не отправлять данное письмо. Его необходимо было передать начальнику Полоцкого областного отдела переселения и репатриации Г. Дроздову, чтобы он сделал для себя «нужные выводы» [10, л. 172].

К началу 1950-х гг. поток подобных писем значительно сократился. К примеру, с 1 января по 28 ноября 1950 г. Гродненский отдел переселения и репатриации из всех бесед, которые были проведены с репатриантами относительно писем своим родным и знакомым, направил всего 4 письма с призывом о возвращении на Родину. В Бобруйской области в 1950 г. было собрано только 2 таких письма [2, с. 570, 571].

Предусмотрена была также публикация писем возвратившихся граждан на страницах советских газет. Вместе с тем, в докладной записке уполномоченных ЦК КП(б)Б секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову «О работе с репатрированными в Гомельской области» за 14 августа 1945 г., к примеру, отмечалось, что абсолютное большинство редакций районных газет, как и редакция областной газеты, не поместили ни одного письма репатрианта [1, с. 267].

К 1948 г. ситуация с их публикацией улучшилась. Так, в газете «Правда» появились письма от советских женщин, которые вышли замуж за англичан, переехали жить к мужьям в 1945 г., а в 1948 г. вернулись на Родину. Одна из них описывала нищету, бесправие, лишения, безработицу, с которыми она столкнулась за границей. Говоря о причинах выезда, Н. Макушина сообщала: «Я слабо была политически подготовленной. Если бы это было не так, то я, разумеется, не сделала бы такой глупости, — не покинула свою Родину» [6, с. 3]. Судьба другой репатриантки Н. Головановой определилась иначе. Её муж был состоятельным, но семейная жизнь не сложи-

лась [4, с. 3]. Несмотря на разные судьбы, обе женщины описывали только негативные стороны жизни в Англии. Они призывали всех советских женщин возвращаться на Родину. В лексике, отдельных фразах этих писем прослеживается их идеологическая направленность, проработанная журналистами.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что изучение эпистолярных комплексов должно проводиться в сочетании с другими видами источников, при внимательнейшем анализе условий и причин, побудивших автора написать данное письмо. С другой стороны, эпистолярные источники содержат информацию о повседневной жизни определенной группы репатриированных граждан, их работе, бытовых условиях. Их анализ позволяет также создать социальный портрет репатрианта. Цензуре подвергалось лишь содержание писем, но в них сохранены лексика, орфография и пунктуация авторов. Это позволяет делать выводы об их уровне образования. В данных письмах содержится также весьма интересная информация, позволяющая взглянуть на процесс репатриации глазами вернувшихся на Родину. Кроме того, данные эпистолярные источники можно рассматривать как один из методов идеологической обработки перемещенных граждан.

1. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Мн.: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 1. Репатриация (1944–1951). – 368 с.

2. Белорусские остарбайтеры: документы и материалы: в 3 кн. / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Мн.: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 2. Репатриация (1944–1951). – 310 с.

3. Болейшис, С. Вновь на родном заводе / С. Болейшис // Советская Белоруссия – 1948. – 25 февраля. – С. 3.

4. Голованова, Н. Редактору газеты «Правда» / Н. Голованова // Правда. – 1948. – 18 июня. – С. 3.

5. Головацкий, А. Письмо к товарищам по лагерю / А. Головацкий // Советская Белоруссия – 1948. – 25 февраля. – С. 3.

6. Макушина, Н. Редактору газеты «Правда» / Н. Макушина // Правда. – 1948. – 15 июня. – С. 3.

7. Материалы о репатриации и переселении граждан / докладные записки, справки, списки / 29.01–19.12.1947 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1930.

8. Отчетные доклады о репатриации 3.01–17.08.1947 г. // НА РБ. – Ф. 787. – Оп. 1. – Д. 36.

9. Переписка с УМВД и горрайисполкомами по вопросу репатриированных советских граждан 30.08.48–10.12.1949 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2786. – Оп. 2. – Д. 1.

10. Письма репатриированных граждан для отправки за границу 8.01–24.12.1948 г. // НА РБ. – Ф. 787. – Оп. 1. – Д. 52.

11. Постановления и распоряжения Совмина БССР 10.01–6.07.1948 г. // Государственный архив Гродненской области. – Ф. 1171. – Оп. 1а. – Д. 65.

12. Постановления СМ БССР и Минского облисполкома по переселению и репатриации граждан 26.02.1946–25.02.1947 гг. // Государственный архив Минской области. – Ф. 2314. – Оп. 1. – Д. 12.

13. Соколовская, Я. Равноправная гражданка / Я. Соколовская // Советская Белоруссия – 1948. – 25 февраля. – С. 3.

14. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне) : вуч. дапаможнік / С. М. Ходзін. – Мн.: БДУ, 1999. – 193 с.

Носова Александра Александровна – магистр исторических наук, аспирант Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

УДК 331.53

І. А. Марцынкевіч

ПОСПЕХІ І НЕДАХОПЫ Ё СПРАВЕ САЦЫЯЛЬНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ІНВАЛІДАЎ І ЁДЗЕЛЬНІКАЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА ГРОДЗЕНШЧЫНЕ Ё ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ

Адлюстроўваюцца станючыя бакі і недахопы ё справе сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ёдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны на Гродзеншчыне ё першыя пасляваенныя гады. Разглядаюцца асноўныя прычыны, якія абумовілі цяжкасці ё рэалізацыі прынятых мер, вызначаюцца напрамкі, па якім вялася работа для іх вырашэння.

Пераход краіны да мірнага жыцця і сацыяльнае забеспячэнне насельніцтва ё цяжкіх умовах першых пасляваенных гадоў з'яўляліся прыярытэтнымі задачамі саюзнай палітыкі, аднак найбольш важнае значэнне ё той час набывала аказанне дапамогі з боку дзяржаўных органаў улады франтавікам, якія былі фактычна адарваны ад мірнага жыцця і на працягу чатырох ваенных гадоў жылі зусім у іншых умовах. Яшчэ ё больш складаным становішчы апынуліся інваліды Вялікай Айчыннай вайны, якія калі і мелі прафесію да мабілізацыі ё Чырвоную Армію, то зараз былі пазбаўлены магчымасці паўнаўартасна выконваць работу па атры-

манай раней спецыяльнасці [1, с. 49–50]. Сітуацыя ўскладнялася агульнай пасляваеннай разрухай у рэспубліцы. Гродзеншчына не была выключэннем — за гады вайны народная гаспадарка тут была амаль поўнасю разбурана. У такіх умовах рэспубліканскімі і абласнымі органамі ўлады ў рэчышчы агульнасаюзных мер па аказанню дапамогі інвалідам і ўдзельнікам Вялікай Айчыннай вайны былі прыняты першасныя меры па забяспечанню самым неабходным дадзенай катэгорыі грамадзян. Так, на пасяджэнні Гродзенскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных 13 лістапада 1945 г. было заслухана пытанне аб аказанні дзяржаўнай дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваных. У адпаведнасці з пастановай СНК БССР ад 15 кастрычніка 1945 г. «Аб мерапрыемствах па аказанні дапамогі дэмабілізаваным, сем'ям загінуўшых воінаў і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны» выканкам Гродзенскага абласнога савета было вырашана вызваліць ад сельскагаспадарчага і абавязковых падаткаў сельскагаспадарчых прадуктаў дзяржаве гаспадаркі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны 1-й і 2-й групы пры наяўнасці ў сям'і толькі аднаго працаздольнага, а таксама сем'і, у складзе якіх былі інваліды 2-й групы, калі там пры адным працаздольным меліся дзеці да 8 год. Разам з тым, калі сем'і ў сваім складзе мелі інваліда Вялікай Айчыннай вайны 1-й і 2-й групы і двух працаздольных членаў сям'і, то пры наяўнасці 5-ці і больш дзяцей ва ўзросце да 16 год, у тым ліку і дзяцей да 8-гадовага узроста, яны таксама вызваліліся ад падаткаў. Усю працу па вызваленню ад падаткаў было загадана правесці ў 20-дзённы тэрмін, а па забеспячэнню сельскагаспадарчымі прадуктамі дзяржаве — у 10-дзённы тэрмін [2, арк. 25].

Кіраўнікі абласнога камунальнага банка, аблдзяржбанка і сельгасбанка, а таксама старшыні гарадскіх і раённых саветаў абавязваліся выдаваць сем'ям інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваным пазыкі на будаўніцтва і аднаўленне жылых дамоў у памеры ад 5 да 10 тысяч рублёў з тэрмінам пагашэння ад 5-ці да 10 год. Акрамя таго на старшынь ускладалася адказнасць па бясплатнаму вызначэнню інвалідам Вялікай Айчыннай вайны лесасекі для нарыхтоўкі будаўнічага леса. Прадпісвалася выдаткоўваць па ўстаноўленым цэнам і мясцовыя будаўнічыя матэрыялы для пабудовы ці рамонта жылля і забеспячэння палівам ў першачарговым парадку сем'і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваных ваеннаслужачых. Перад вышэй згаданымі органамі ўлады была

пастаўлена задача аказваць усемагчымую дапамогу ўдзельнікам і інвалідам Вялікай Айчыннай вайны пры нарыхтоўцы будаўнічага лесу, прадастаўленні будаўнічых матэрыялаў і паліва. Для гэтага па гарадах вобласці была размеркавана адна тона бензіна. У сельскай мясцовасці з гэтай мэтай мабілізоўвалі гужавы транспарт.

Для паляпшэння ўмоў пражывання інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваных абаронцаў Радзімы выканкамам раённых саветаў было прадастаўлена права зніжаць ў 1945–1946 г. да 50 %, а ў асобных выпадках нават поўнасцю вызваляць ад аплаты дэмабілізаваных, сем’і інвалідаў вайны, калі тыя вялі нарыхтоўку паліва для асабістых патрэб.

Значныя намаганні прыкладаліся па вырашэнню такой вострай праблемы, як забеспячэнне жыллем. Старшыні выканкамаў раённых і гарадскіх саветаў павінны былі поўнасцю выкарыстоўваць 10 % жылую плошчу ў зноў пабудаваных і адбудаваных дамах народных камісарыятаў і ведамстваў і засяляць адведзеную плошчу выключна дэмабілізаванымі і інвалідамі Вялікай Айчыннай вайны.

Не была пакінута па-за ўвагай кіраўніцтвам праблема працаўладкавання і працоўнага навучання былых абаронцаў Радзімы. Старшынямі выканкамаў на прадпрыемствах па меры неабходнасці арганізоўвалася вытворчае навучанне дэмабілізаваных, якія не мелі спецыяльнасці. Яно праходзіла у парадку індывідуальнага – брыгаднага вучаніцтва і шляхам арганізацыі кароткатэрміновых курсаў [2, арк. 26]. На працягу навучання (не звыш аднаго-двух месяцаў) дэмабілізаваным павінны былі выплочваць тарыфную стаўку па той працы, на якой яны былі працаўладкаваны, але не вышэй чым 300 рублёў у месяц.

Яшчэ адным істотным крокам па забеспячэнню інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны стала арганізацыя аднаразовых выплат, грашовай і харчовай дапамогі. Пасля вяртання на ранейшае месца жыхарства многія дэмабілізаваныя знаходзілі замест гаспадаркі толькі папялішча і фактычна заставаліся без усялякіх сродкаў да існавання. У такіх абставінах матэрыяльная і прадуктовая дапамога з’яўляліся пэўнай падтрымкай. Для ажыццяўлення мер па забеспячэнню гэтай катэгорыі грамадзян загадчыкам абласным гандлёвым аддзелам Нікіфараву і абласным спажывецкім саюзам Дзямідаву было пастаўлена ў абавязак адпусціць аднаразова і зверх устаноўленых нормаў 4 500 пайкоў для інвалідаў вайны і

дэмабілізаваных. У выніку было размеркавана нават большая колькасць – 5 000 пайкоў.

Прадаж пайкоў праводзілі праз гандлёвую сетку па асабовым спісам, якія былі складзены аддзеламі па дзяржаўнаму забеспячэнню і бытавому ўладкаванню сем'яў ваеннаслужачых, а таксама аддзелам сацыяльнага забеспячэння і зацверджаны выканкамамі гарадскіх і раённых саветаў. Для аказання харчовай дапамогі сем'ям інвалідаў вайны, а таксама тым дэмабілізаваным, якія мелі найбольш вострую патрэбу і пражывалі ў сельскай мясцовасці, Аблспажыўсаюзам і Аблгандльзернем, згодна з ведамасцю, было выдзелена і размеркавана 40 тон зерня, 8 тон крупы, 4 тоны цукру і кандытарскіх вырабаў.

На чацвёрты квартал 1945 г. для продажу сем'ям інвалідаў вайны і дэмабілізаваным Аблгандальадзел і Аблспажыўсаюз павінны былі забяспечыць сваечасовы завоз і атрыманне на месцы цэлага шэрагу тавараў, сярод якіх значыліся: скураны абутак для дзяцей школьнага ўзроста (3 500 пар), вялены абутак (2 000 пар), б/п тканіны (на 4 200 руб), шарсцяной тканіны (на 8 000 руб), швейных вырабаў (на 30 000 руб), нітак (на 3 000 руб), панчо і шкарпэтак (на 3 000 руб), кожнага абутку для дарослых (10 000 пар). Размеркаваннем тавараў па раёнах і гарадах прадпісвалася займацца згодна з дадаткам продажу тавараў, праводзіць строга па ордэрах, якія выдаваліся аддзеламі па дзяржаўнаму забеспячэнню і бытавому ўладкаванню сем'яў ваеннаслужачых і аддзеламі сацыяльнага забеспячэння. У сваю чаргу, выканкаму прадпісвалася кантраляваць правільнасць размеркавання і продажу, каб тавары з пералічанага спісу траплялі непасрэдна да дэмабілізаваных. Выкарыстанне рэсурсаў, што былі выдзелены на патрэбы інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваных, не па прызначэнню каралася вельмі строга. Вінаватых здымалі з пасад і прыцягвалі да суда [2, арк. 32].

Меры, што былі прыняты савецкімі органамі ўлады ў дачыненні да дэмабілізаваных адразу пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны, з'яўляліся важным крокам ў справе паляпшэння ўмоў жыцця гэтых грамадзян, аднак сістэма працы ў гэтай галіне была яшчэ недасканалай і мела даволі шмат недахопаў. Некаторыя з іх выразна выявіліся ўжо праз год пасля заканчэння вайны. Так, 6 красавіка 1946 г. на пасяджэнні выканкама Гродзенскага

абласнога савета былі разгледжаны пытанні аб аказанні дзяржаўнай дапамогі дэмабілізаваным і інвалідам Вялікай Айчыннай вайны. Адзначылі пэўныя поспехі ў гэтай справе. За першы год працы былі прадстаўлены ільготы і іншыя віды дапамогі 9 148 сем'ям дэмабілізаваных і інвалідаў вайны па сельскагаспадарчаму падатку, па абавязковым сельгаспастаўкам – 16 600 сем'ям, 4 740 сем'ям было адпушчана на будоўлю жылля 21 268 м³ лесаматэрыялу, былі забяспечаны палівам 11 088 сем'яў, якім выдалі 21 268 м³ дроў. Паступова вырашалася жыллёвае пытанне. За 1945–1946 гг. па вобласці была прадстаўлена жылплошча 2 637 сем'ям, пабудавана 658 і адрамантавана 1 073 кватэры. На будаўніцтва і рамонт жылля былі выдаткаваны грашовыя пазыкі ў агульнай суме на 769 700 рублёў. Працягвалася арганізацыя працаўладкавання. З агульнай колькасці дэмабілізаваных 14 077 у прамысловасці ўладкавалі 821 чалавека, на іншыя работы – 804, у сельскую гаспадарку – 11 723 [3, арк. 9].

Тым не менш, на фоне першых поспехаў з'явіліся і істотныя праблемы. Як паказала праверка, з-за адсутнасці кантролю над работай райспажыўсаюза горада ў Лідскім раёне з лістапада 1945 г. па 22 сакавіка 1946 г. (дзень праверкі) на базе знаходзілася не раздадзеным 2 300 кг зерня, прызначанага для дэмабілізаваных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. У Васілішскім раёне па віне старшыні райспажыўсаюза дэмабілізаванымі і інвалідам вайны не выдалі 3 200 кг зерня, 640 кг крупы, 40 кг цукра, 120 кг мукі. У Парозаўскім раёне не было дададзена 2 400 кг зерня, 220 кг мукі, 256 кг крупы, 114 кг цукра. У Жалудоцкім раёне абаронцы Радзімы не атрымалі 3 094 кг зерня, 300 кг мукі, 624 кг круп і 254 кг цукра. Не было выканана даручэнне па забеспячэнню сем'яў ваенаслужачых і інвалідаў вайны скураным абуткам. З прызначаных пастацовай да продажу для дарослых 10 000 пар прададзена было толькі 269, ці 2,6 %, для дзяцей – з 3 500 пар – прададзена 378, што складала 10,8 %. Такое становішча склалася ў выніку таго, што Аблшматпрамсаюз і Аблмясцпрам не забяспечылі выкананне спецыяльнага заказу вытворчасці абутку. У сваю чаргу, пракуратура раёнаў не правяла адпаведнага нагляду і праверкі за выкананнем пастацовай саўнаркама і рашэнняў аблвыканкама аб аказанні дзяржаўнай дапамогі дэмабілізаваным і інвалідам вайны і своєчасова не змагла выкрыць факты невыканання пастаноў.

На пасяджэнні было прынята шэраг мер па выпраўленню становішча. Аблгандальадзел і аблспажыўадзелы былі абавязаны не пазней 1 мая выдаць ўсе харчовыя пайкі ў вышэй згаданых раёнах і даць справаздачу аб выкананні не пазней 10 мая. Разам з тым, ім у абавязак ставілася арганізацыя пашыву абутку і яго своечасовага паступлення ў продаж [2, арк. 10].

Аблпракурор павінен быў ажыццяўляць праверку выпадкаў невыканання загадаў ад 15 кастрычніка 1945 г. па згаданым вышэй раёнам. Пры гэтым асабліва ўвага надавалася кантролю за забеспячэннем абуткам. Вінаватых прадпісвалася прыцягваць да адказнасці. Загачыку дзяржаабеспячэння Сяўко было ўказана на недастатковую ўвагу з яго боку да выканання прынятых рашэнняў і загадана ўзмацніць кантроль.

Такім чынам, першыя пасляваенныя гады ў справе сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны на Гродзеншчыне характарызаваліся складанасцю і супярэчлівасцю арганізацыі працы па асноўным галінам. Кіраўніцтвам рэспублікі і вобласці прымаліся меры па паляпшэнню матэрыяльных, бытавых, жыллёвых і працоўных умоў абаронцаў Радзімы. Немалаважным з'яўлялася тое, што за кароткі тэрмін былі вызначыны важнейшыя накірункі, па якім патрабавалася неадкладна весці работу. Аднак на фоне першых поспехаў праяўляліся і значныя недахопы ў справе, што мела сваё ўвасабленне ў нямэтавым расходаванні сродкаў, невыкананні распараджэнняў органаў улады на месцах. Такі стан спраў значна ўскладняў і стрымліваў далейшае вырашэння пытання сацыяльнага забеспячэння дэмабілізаваных. Нельга не ўлічваць і аб'ектыўныя эканамічныя фактары, якія склаліся ва ўмовах пасляваеннай рэчаіснасці. Усё гэта ў сукупнасці абумовіла больш працяглы час у вырашэнні праблем сацыяльнага забеспячэння ўдзельнікаў і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны.

1. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945 – 1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000.

2. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 1171. – Воп.1. – Спр. 38. Пратакты пасяджэнняў Гродзенскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных за лістапад-снежань 1945 года.

3. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 1171. – Воп.1. – Спр. 59. Пратакты паседжанняў выканкама Гродзенскага абласнога савета за красавік-май 1946 года.

Марцынкевіч Іван Анатольевіч – аспірант ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі».

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОРОДАХ БССР В КОНЦЕ 1970-х – 1980-е гг.

Показаны условия, успехи и трудности, направления, особенности жилищного строительства в городах БССР в конце 1970-х – 1980-е гг.

Весьма важной и не разрешенной до конца социальной проблемой в советском обществе была жилищная. Одним из ключевых ее аспектов выступала политика государства в сфере организации и осуществления жилищного строительства. Важным этапом в развитии массового жилищного строительства в городах БССР являлся период 1980-х гг., в рамках которого советское жилищное строительство как в технико-технологическом, так и в архитектурно-планировочном аспектах достигло значительного прогресса. Вместе с тем, именно в данный период обозначились проблемы, которые в дальнейшем привели к застою и инертности в данной сфере.

С конца 1970-х гг. в сторону улучшения начали меняться конструктивные характеристики возводимых многоквартирных жилых домов. В новых проектах была заложена возможность оперативного изменения архитектурных решений за счет применения различной этажности, протяженности домов серии. Улучшалось качество самих строительных конструкций. Например, толщина стен междуэтажных перекрытий, несущих поперечных стен и межквартирных перегородок была увеличена с 10 до 14–16 см [1, с. 28]. С 1971 г. были повышены требования к звукоизоляции внутренних конструкций жилых домов. В местах примыкания санитарных узлов к жилым комнатам соседних квартир была предусмотрена установка дополнительных стенок. С 1980-х г. начал осуществляться переход от системы типизации отдельного жилого дома и его крупных отрезков – блок-секций к открытой системе типизации отдельных унифицированных деталей, из которых могли монтироваться жилые дома различных серий и конфигураций. [2, с. 12–13]. С их применением могли компоноваться различные по протяженности и объемно-пространственным решениям жилые дома применительно к конкретным участкам строительства. Типовые проекты

начали разрабатываться децентрализованно в союзных республиках [3, с. 18]. Большие города с ежегодным объемом строительства не менее 500 тысяч кв. м. жилой площади могли иметь специальные серии типовых проектов или варианты архитектурно-планировочных решений секций [4, с. 9].

В целом определяющее направление массового жилищного строительства – крупнопанельное домостроение – было организовано по принципу домостроительных комбинатов, которые не только изготавливали дома, но обеспечивали их монтаж на строительной площадке. Основным материалом строительства были железобетонные крупные панели. В рассматриваемый период в целях увеличения объемов и качества жилищного строительства, а также увеличения его экономичности на государственно-административном уровне обозначилось требование к максимально возможному применению крупнопанельного метода при возведении жилых домов. Это находило свое отражение в руководстве строительством. Так, в 1971 г. при рассмотрении годового отчета управления капитального строительства Витебской области по капиталовложениям за 1970 г. Госстрой БССР рекомендовал «увеличение ввода» жилых домов производить «за счет строительства домов со стенами из силикатобетонных изделий», а уменьшение – «за счет сокращения строительства жилых домов со стенами из кирпича» [5, л. 163]. Кроме того, значительное развитие в городском жилищном строительстве БССР приобретало возведение жилых домов из крупных панелей, изготовленных из альтернативных материалов: плотного и ячеистого силикатобетона и аглопоритосиликатобетона. Из этих конструкций разработали серии типовых проектов жилых домов разной этажности, по которым ежегодно в республике вводилось более 600 тысяч кв. м. жилой площади [6, с. 6].

Наряду с этим направлением в рассматриваемый период активно развивалось объемно-блочное домостроение. Так, в 1969–1972 гг. в БССР предусматривалось строительство двух заводов по производству объемных домостроительных элементов мощностью по 100 тысяч кв. м. жилой площади год каждый. Но Совет министров БССР просил предусмотреть строительство двух новых заводов данного направления мощностью 100 тысяч кв. м. в Гомеле и Бобруйске. А в связи со строительством и вводом заводов по производству блок-комнат республиканские власти просили о созда-

нии специализированного проектно-конструкторского бюро по объемно-блочному домостроению [7, л. 62–63, 269].

К середине 1980-х гг. в БССР основными направлениями индустриального жилищного строительства были крупнопанельное (1,5 млн. кв. м. жилой площади в год), силикатобетонное (400 тыс. кв. м.), объемно-блочное (250 тыс. кв. м.). Степень полносборности жилых домов составляла 59,6 %. Наибольший вес крупнопанельного домостроения был в Витебске (84%), Новополоцке (79 %), Гомеле (72 %), Гродно (71 %), Полоцке (67 %), а наименьший – в Пинске (13 %) и Борисове (22 %) [8, л. 239].

В 1971–1972 гг. были разработаны и начали внедряться в практику «новые» проекты планировочных решений квартир, более совершенные по сравнению с «улучшенными» сериями проектов, по которым в основном велось жилищное строительство в 1970-х гг. В этих квартирах была увеличена площадь жилых и подсобных помещений. В домах проектировались вестибюли с помещениями для хранения колясок и велосипедов, во всех домах в пять этажей и выше устраивались мусоропроводы. Для того, чтобы обеспечить соответствовавшее нормам расселение семей различного половозрастного состава увеличилось количество квартир с одинаковым количеством комнат, но разной площади [9, с. 18–19].

В соответствии с принятыми нормами проектирования в рассматриваемый период существовало 10 типов квартир с количеством комнат от одной до пяти. Каждый тип квартиры с одинаковым количеством комнат имел разные площади – большие и меньшие, что предполагало более полный учет при заселении квартир специфики состава семьи. Были установлены более удобные параметры помещений квартир. В квартирах всех типов была несколько увеличена по сравнению с предшествовавшими типовыми проектами площадь общих и спальных комнат. Так, площадь общей жилой комнаты проектировалась размером от 16 до 22 кв. м., спальня на двух человек – не менее 10 кв. м., а на одного человека – не менее 8 кв. м. Площадь кухонь во всех квартирах составляла не менее 7 кв. м. [10, с. 15]. Размеры уборных должны быть не менее 0,8 на 1,2 м. (при открывании двери наружу), размеры ванных комнат – не менее 1,73 на 1,5 м., ширина передней – не менее 1,4 м., ширина внутриквартирных коридоров и проходов, ведущих в жилые комнаты, – не менее 1,1 м., ширина остальных внутриквартирных проходов – не менее 0,85 м.

Совмещенные санитарные узлы в квартирах данных типовых серий допускались только в однокомнатных квартирах. Была улучшена планировка квартир и за счет применения приемов зонирования помещений квартиры по назначению (в больших квартирах их интимная часть, предназначенная для отдыха и сна, выделена в самостоятельную группу). Высота помещений принималась равной 2,8 м.

Повышался уровень санитарно-технического оборудования квартир: были предусмотрены только стальные и эмалированные мойки и унитазы с низкорасположенными смывными бачками [10, с. 28]. К 1969 г. в Минске строительство домов с улучшенной отделкой фасадов достигало 30%, с паркетными полами – 20%, с облицовкой санузлов керамической плиткой – 60 % [11, л. 83–85]. Госплан БССР, кроме этих усовершенствований, предлагал также включать встроенную мебель (кухонную мебель и шкафы) в сметы на строительство жилых домов по заказам будущих квартиросъемщиков за дополнительную плату [14, л. 8]. К 1975 г. в Минске по новым типовым проектам строилось 65–70 % государственного и кооперативного жилья [11, л. 112].

Таким образом, в новых проектах жилых домов и квартир, разработанных для внедрения в массовое жилищное строительство, были исправлены и усовершенствованы именно те планировочные проблемы, которые вызывали больше всего нареканий и недовольства у жильцов.

Средняя общая площадь квартир применительно к демографической структуре населения по СССР в целом по новым типовым проектам была принята в пределах 53,7–56,9 кв. м. по сравнению с 46–48 кв. м. в «улучшенных» типовых проектах, что было больше на 15–20 %. Средняя жилая площадь была увеличена до 32,9–35,2 кв. м. по сравнению с 30–32 кв. м., или на 6 %. Средняя площадь на человека при заселении квартир новой планировочной структуры составляла в среднем 9,7 кв. м. по сравнению с 8,5–9 кв. м. на человека в квартирах по «улучшенным» типовым проектам. Принятые в новых типовых проектах планировочные параметры и решения по своим показателям в основном приближались к уровню проектных решений для массового жилищного строительства в социалистических и капиталистических странах Европы того времени. Однако, несмотря на все достоинства этих проектов, они не всегда могли быть согласованы с существовавшими на тот момент принципами и нормами

предоставления гражданам жилой площади. В ряде случаев не хватало типов квартир, отвечавших экономичному расселению семей из трех и четырех человек, при том, что удельный вес таких семей в городах БССР составлял более 50 %. В некоторых сериях типовых проектов двухкомнатные квартиры были запроектированы с жилой площадью, превышавшей 29 кв. м., при этом на одного человека приходилось излишнее, с точки зрения принятого нормирования, количество жилой площади. Большинство же трехкомнатных квартир имели жилую площадь излишнюю для четырех человек, а для заселения семьи из пяти человек недостаточную, площадь кухонь не всегда была увязана с размерами квартир. В связи с этим отделом строительства Совета Министров БССР были разработаны предложения по оптимизации этих проектов [13, л. 108].

В связи с увеличением размеров квартир и усовершенствованием планировки пересмотру подверглись и принципы расселения семей в такие квартиры. Предполагалось предоставление малым семьям квартир с числом комнат, равным количеству членов семьи, а для средних семей – с числом комнат меньше на одну, чем количество членов семьи, большим же семьям – меньше на две комнаты, чем количество ее членов. В среднем на одного городского жителя общая площадь квартиры в 1976 г. составляла 11,8 кв. м. [14, с. 1].

Также в рамках внедрения новых типовых проектов массовой жилищной застройки происходит массовый переход к высотной застройке. По предложению Миноблисполкома к 1975 г. должен был состояться повсеместный переход к 9-этажному строительству в городах [15, л. 58].

Госстрой БССР в 1969 г. отмечал, что «в последнее время в крупнейших городах республики стали складываться объективные условия необходимости строительства жилых домов повышенной этажности в 9 и 12–16 этажей». Если в 1968 г. таких домов в республике было построено 6 % от общего объема городского жилищного строительства, то в 1969 г. уже – 14 %, в 1970 г. – 18 %. Однако отсутствие взаимной договоренности между Министерством строительства БССР и Госстроем БССР тормозили дальнейшее развитие строительство домов повышенной этажности. Отсутствовала в достаточном объеме документация для строительства 9–12-этажных домов [11, л. 55–56]. В Могилеве, например, объем пятиэтажного строительства в 1970 г. составлял 75 % а девятиэтажного – 25 %, а в 1975 г. уже

50 % построенных домов составляли девятиэтажные [7, л. 64–65]. В Минске намечался ввод 40 % домов повышенной этажности уже к 1970 г., а к 1975 г. – 70 %. Для этого второе производство минского ДСК-1 с 1968 г. было полностью переведено на производство домов повышенной этажности, а производство ДСК-2 мощностью 100 тыс. кв. м. переводилось на производство домов повышенной этажности. С 1969 г. также дома повышенной этажности выпускались на заводе объемного домостроения. С 1973 г. минский ДСК-1 был переведен на выпуск 9–12-этажных домов [16, л. 83–85].

В рассматриваемый период планомерно возрастала доля жилья государственного сектора, возводимого индустриальными методами по типовым проектам государственными строительными организациями. Так, если до середины 1970-х гг. индивидуальным застройщикам в городах оказывалась значительная государственная поддержка, регулярно ставились вопросы о выделении им земельных участков под застройку, то уже в начале 1980-х гг. в крупных городах БССР индивидуальное строительство было запрещено. Если жилищное строительство в БССР до 1970 г. осуществлялось в основном на свободных от застройки территориях, то с 1971 г. в некоторых городах республики велось и на территориях со сносом старой застройки. Государству гораздо удобнее в инженерно-техническом плане было строить жилье большими массивами многоэтажных домов по отлаженным технологиям, вместе с тем, в крупных городах остро встал вопрос с площадками под индивидуальное строительство, для которого требовались дополнительные сети коммуникаций.

Таким образом, жилищное строительство конца 1970-х – 1980-х гг. характеризуется дальнейшим наращиванием объемов введения жилой площади, которое осуществлялось преимущественно в государственном секторе и финансировалось за счет государственных капиталовложений, а также совершенствованием параметров возводимых государством многоквартирных жилых домов счет внедрения новых архитектурно-технических и планировочных решений квартир и домов. Это, с одной стороны, сделало жилье более комфортным для проживания, но и создавало предпосылки для складывания диктата технологической стороны в массовом жилищном строительстве.

1. Народное хозяйство Белорусской ССР. 1922 – 1982 / Центр. стат. упр. Бел ССР. – Минск: б/и, 1982. – 249 с.

2. Этенко, В. П. Повышение качественного стандарта жилищного строительства в СССР / В. П. Этенко. – М.: Стройиздат, 1975. – 19 с.

3. Меерсон, Д. С. Жилищное строительство в СССР в IX пятилетке / Д. С. Меерсон. – М.: Стройиздат, 1983. – 47 с.

4. Меерсон, Д. С. Политика СССР в области жилищного строительства и градостроительства / Д. С. Меерсон. – М.: б/и, 1969. – 23 с.

5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1966. – Оп. 22. – Д. 957. Переписка с республиканскими, областными и районными учреждениями о жилищном строительстве, архитектуре и планировке городов районных центров за 1971 г.

6. Жилищное строительство в Белорусской ССР. – Минск: б/и, 1972. – 13 с.

7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 2277. Материалы о деятельности Госстроя БССР.

8. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 3313. Материалы о состоянии и развитии жилищного и коммунального строительства в республике.

9. Родин, Ю. М. Жилищное строительство в СССР / Ю. М. Родин. – М.: б/и., 1970. – 46 с.

10. Родин, Ю. М. Жилищно-гражданское строительство в СССР / Ю. М. Родин. – М.: б/и, 1975. – 51 с.

11. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 2285. Материалы о состоянии, развитии жилищного и коммунального строительства в республике.

12. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 4435. Материалы о состоянии и развитии жилищного и коммунального строительства в республике.

13. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 2934. Материалы о состоянии и развитии жилищного и коммунального строительства в республике.

14. Савицкий, В. В. Савицкий Опыт улучшенной отделки и оборудования квартир за счет средств граждан и использование его в БССР / В. В. Савицкий. – Минск: БелНИИНТИ, 1986. – 10 с.

15. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 2265. Материалы о деятельности Госстроя БССР и проектных организаций республики.

16. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 4865. Материалы о состоянии и развитии жилищного и коммунального строительства в республике.

Зинченко Марина Юрьевна – Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» (г. Минск).

Н. Л. Улейчик, М. Я. Колоцей

**ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТВЫ)**

На примере белорусской диаспоры в Литве рассматривается проблема сохранения этнической самобытности белорусской диаспоры в условиях суверенного государства, с одной стороны, а с другой, – проблема адаптации и интеграции в окружение титульной нации.

Актуализация проблематики, связанной с сохранением культурной самобытности, функционированием образовательных систем в современном мире, сфокусирована, прежде всего, на этнонациональных меньшинствах, их культуре и идентичности. Исследовательский интерес к проблеме культуры и образования этнонациональных меньшинств, как принципиально новой в современной отечественной историографии, связан с созданием суверенного государства Республики Беларусь и развитием титульной нации – с одной стороны, и национальных общностей, представленных на территории государства, имеющих давнюю историко-культурную традицию на белорусской земле, с другой.

Белорусскими учеными на протяжении последних двух десятилетий предприняты определенные шаги в направлении исследования этносоциальных, этноконфессиональных процессов западнобелорусского региона как региона культурного пограничья. Однако эти исследования, результативные с точки зрения анализа этнической структуры региона, ее эволюции, особенностей образа жизни этносов и их идентичностей, осуществлялись в основном вне связи с проблемой национального образования. Возникновение одного из инновационных пространств в структуре системы образования Республики Беларусь – появление тех или иных форм образовательных учреждений для представителей этнонациональных меньшинств, делает перспективным изучение данной проблемы. В этом плане особый интерес представляет опыт практического решения проблемы культуры и образования белорусской диаспоры в сопредельных с Республикой Беларусь государствах.

В результате миграционных процессов примерно 3,5–4 миллиона белорусов (примерно, каждый третий) проживают в наше время вне границ своей исторической родины, не считая потомков белорусов во втором и следующих поколениях.

В 2008 г. наибольшее количество белорусов проживало (по официальным данным) в США и Канаде – 500–1 000,0, тыс. чел., в России – 815 тыс., в Украине – 276 тыс., в Израиле – 140 тыс., в Латвии – 96 тыс., Казахстане – 95 тыс., Литве – 55 тыс., Польше – 50 тыс. чел. [7]. Это этнические белорусы, постоянно проживающие в других странах, представители которых сохраняют и развивают национальную культуру. Диаспора, в отличие от просто эмиграции, понимается как такая этническая группа, которая сохраняет основные характеристики национальной самобытности своего народа, содействует развитию языка, культуры, этнического самосознания. Наиболее распространенными функциями диаспоры являются поддержание и развитие духовной культуры своего народа, культивирование национальных традиций и обычаев, поддержание культурных связей со своей Родиной. Диаспора формирует привлекательный образ своей исторической родины в мире, способствует не только созданию благоприятных условий для материальной помощи, но и пониманию в мире политики своей Родины.

В местах компактного проживания большая часть наших соотечественников объединена в более чем 200 общественных объединений и организаций. Свообразием отличается деятельность организаций белорусов в странах Западной Европы, Америки и Австралии, прежде всего из-за политической и организационной разобщенности разных волн эмиграции.

В настоящее время в России сложилась многоуровневая структура белорусской диаспоры, в которую входят 17 региональных национально-культурных автономий, в целом – около 70 общественных белорусских организаций, землячеств, культурно-просветительских обществ и центров, объединенных в Федеральную национально-культурную автономию (ФНКА) «Белорусы России» с центром в Москве.

В Украине, Польше, Литве, Латвии и Эстонии также созданы многоуровневые структуры белорусской диаспоры. Развитые организационные формы создали белорусы Польши. Ежегодно они проводят более 80 различных мероприятий, имеют несколько периоди-

ческих изданий. Созданы белорусские объединения в Казахстане, Молдове, Армении [7].

Бесспорным условием обеспечения самого существования диаспор является образование. Не является секретом, что титульное население в большинстве случаев воспринимает саму идею создания специального образования для диаспор как излишнюю и ненужную. С другой стороны, и внутри самих диаспор нередко встречаются многочисленные группы, которые под ассимиляционным влиянием отказались от родного языка и культуры и перешли на позиции культуры и языка титульной нации страны проживания. Они хотят учить своих детей только на языке титульной нации и без всякого энтузиазма воспринимают идею организации обучения на языке диаспоры. Так, белорусская диаспора в России, насчитывавшая в начале 2000-х годов 1 206 000 человек, тем не менее, не создала ни одного учебного заведения на родном языке.

Исходным пунктом развития национального образования является определение потребности со стороны диаспоры, затем – согласование интересов диаспоры и государственных структур, наличие законодательно-правовой базы и государственных гарантий, а также, что весьма важно, помощь исторической родины диаспоры. Только при соблюдении этого триединого условия возможно развитие национального образования этнических меньшинств.

В каждом из сопредельных с Республикой Беларусь государствах – в Российской Федерации, Польской Республике, в Украине, в Латвии и Литве накоплен определенный опыт функционирования национальной школы. Предпочтение, отдаваемое образованию белорусской диаспоры в Литве, не случайно. Литва – соседнее с Беларусью государство, с которым эту страну связывает не только общая граница, но и давняя историко-культурная традиция многовекового исторического сосуществования литовского и белорусского народов в рамках ВКЛ, Российской империи, СССР. Литва – многонациональное государство (в сравнении, например, с относительно мононациональной Польшей), что обуславливает известную специфику постановки и решения проблем культуры и образования меньшинств. Эти проблемы в какой-то мере схожи с проблемами, существующими в Беларуси. В обеих странах примерно одинакова доля национальных меньшинств в составе населения. В Беларуси и Литве имеет место известная «зеркальность» национальных составов

(литовское меньшинство в Беларуси и белорусское меньшинство в Литве). К тому же рассматриваемая проблема не стала пока предметом обсуждения в отечественной научной литературе, и не последнюю роль здесь играет то обстоятельство, что в своем большинстве литература, посвященная этой проблеме, издана на литовском языке. Между тем, практика функционирования школ национальных меньшинств в Литве содержит достаточно богатый опыт, который может быть полезным для школ национальных меньшинств Беларуси. Вместе с тем, опыт, о котором идет речь, нуждается во все-сторонней, в том числе и критической оценке, прежде всего в свете законопроектов Министерства образования и науки Литовской Республики [2, с. 26–27].

С возрождением независимости Литвы в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. XX в. очевидной стала проблема сохранения этнической самобытности белорусской диаспоры в условиях суверенного государства, с одной стороны, а с другой – проблема адаптации и интеграции в окружение титульной нации.

В 2001 г. в Литовской Республике проживало 42 866 этнических белорусов, что составляло 1,23% от общего населения. Из них своим родным языком белорусский называли 14 602 человека, русский – 22 386 человек и литовский – 1 622 респондента. Белорусская диаспора в значительной мере становится русскоязычной [1, с. 37]. В 2008 г. в Литве проживало уже 55 тысяч белорусов [8].

Литовско-белорусское этнокультурное пограничье характеризуется высоким уровнем этнокультурной дифференциации. Его этнический состав включает литовцев (47,3 % населения) и национальные меньшинства: поляков (26,7 %), русских (13,4 %), белорусов (5,6 %), украинцев, евреев, немцев и др. Белорусы – третья по численности группа, принадлежащая к национальным меньшинствам Литвы. Белорусы живут в Литве повсеместно. Наиболее значительные их группы представлены в городах: Висагинасе (11 % всех жителей города), Вильнюсе (4,2 %) Клайпеде (2,5 %), Паланге (1 %), Неринге (1 %) [6, с. 256].

В условиях доминирования литовской культуры трудно сохранить белорусскую национальную самобытность. Неслучайно поэтому важнейшим фактором в сохранении национального самосознания белорусов выступает образование на родном языке. Главные факторы культурно-образовательного развития белорусской диаспоры в Литве – стабильная этнокультурная ситуация в Бела-

руси, приоритет белорусской национальной самостоятельности и самобытности, заинтересованность в сохранении своей этнической отличности со стороны литовских белорусов.

Подавляющее большинство белорусов являются гражданами Литвы. Именно благодаря политике литовского руководства, которое в начале 1990-х гг. предоставило национальным меньшинствам право беспрепятственного получения гражданства, республика не знала социальных потрясений соседних Латвии и Эстонии.

Жизнью белорусской диаспоры в Литве руководит объединение общественных организаций белорусов в Литве, куда входит 19 организаций. Их цель – сохранение белорусской культуры, традиций, обычаев, белорусского языка.

Концепция белорусского образования в Литве была разработана на кафедре белорусского языка, литературы и этнокультуры белорусского отделения на факультете славистики Вильнюсского педагогического университета, переименованном в мае 2011 г. в Вильнюсский эдукологический университет. Эта кафедра была открыта в сентябре 1991 г. Кафедра стала центром не только подготовки педагогических кадров, которые владеют белорусским языком и ориентируются в проблемах Беларуси, но и научно-методической литературы для белорусской диаспоры [1, с. 28].

24 июня 1994 г. было заключено соглашение между Министерством образования Республики Беларуси и Министерством образования и науки Литовской Республики, по которому были определены основные аспекты сотрудничества в области образования, формы и ступени воспитания и образования детей, молодежи и взрослых. Это соглашение содействовало активизации деятельности родителей-белорусов, которые видели определенные гарантии для получения их детьми образования на родном языке, и одновременно ориентировало на создание сети белорусских начальных классов в литовских, польских и русских школах в местах концентрации белорусов в Литве.

В 1994 г. в Вильнюсе была открыта первая за весь послевоенный период в Литве школа с белорусским языком обучения – СШ № 68. Позже она была переименована в Вильнюсскую среднюю школу им. Ф. Скорины. Эта школа популярна у белорусов. 1 сентября 2011 г. за ее парты сели 185 учеников, в первый класс пришли 16 детей. За период своего существования школа выпустила бо-

лее 300 учащихся. Около 45 % выпускников – коренные белорусы, 25 % – дети из смешанных семей. Выпускники школы часто выбирают белорусские вузы для продолжения образования. Но при этом обязательно владеют государственным литовским языком. Сама школа признана лучшей в столице Литвы среди школ национальных меньшинств.

На открытии нового 2011/2012 учебного года в Вильнюсской средней школы им. Ф. Скорины присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Беларуси в Литве В. Дражин. Он отметил, что Беларусь поддерживает школу своих соотечественников (ремонт, школьная мебель, новый автобус, учебное оборудование лингафонного кабинета). Ученики-первоклассники получили в подарок книгу «Беларусь – наша Радзіма. Падарунак Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь першакласніку». От Минского городского исполнительного комитета учащимся были переданы портфели и наборы канцелярских принадлежностей. В целом школа находится под патронажем Мингорисполкома. Только за два года (2009–2010 гг.) Мингорисполком выделил в общей сложности 500 тыс. долларов на укрепление материальной базы школы [6].

Обучение в белорусской школе в Вильнюсе ведется по образовательной программе Литовской Республики. В начальных классах обязательно преподавание всех предметов только на белорусском языке. Уже в начальных классах учащиеся изучают четыре языка – белорусский, литовский, русский и английский. С седьмого класса начинается преподавание французского или немецкого языков.

Не случайно Вильнюсскую среднюю школу им. Ф. Скорины называют очагом белорусской культуры в Литве. В школе существуют два фольклорных ансамбля «Лянок» и «Сябрына». Здесь проходят мероприятия, посвященные творчеству белорусских классиков. Комитет по образованию Мингорисполкома ежегодно выделяет ученикам школы 40 путевок в лагеря и санатории Беларуси. Ребята получают приглашения в Минск на празднование государственных праздников Республики Беларусь, другие культурные мероприятия и фестивали. Средства на приобретение учебной литературы, ремонт, курсы повышения квалификации учителей, организацию внешкольного досуга детей ежегодно выделяет школе и Вильнюсское самоуправление.

Функционирование белорусской школы им. Ф. Скорины в Литве как государственной школы с обучением на языке диаспоры – наглядный пример осуществления стратегии поликультурного образования представителями диаспоры в соответствии с ее национальными традициями и в то же время обеспечивает усвоение культуры и языка титульной нации страны проживания и общечеловеческих духовных ценностей.

В Литовской Республике также работают начальные белорусские классы в Висагинасе, факультативы по белорусскому языку и литературе в Вильнюсе и Солечниках. Открыта белорусская воскресная школа в Клайпеде. Функционирует белорусский культурный центр, где открыты курсы белорусского языка. Подготовка педагогов осуществляется на отделении славистики Вильнюсского педагогического университета, а также Центром белорусского языка, литературы и межкультурных коммуникаций. Граждане Литвы белорусской национальности могут бесплатно обучаться в вузах Беларуси. Общий контроль и методическое обеспечение деятельности белорусских учебных заведений ведут органы образования Литвы с консультативной помощью кафедры белорусского языка, литературы и этнокультуры Вильнюсского эдукологического университета. Финансовые расходы берет на себя Литва, частично Беларусь в виде помощи белорусской диаспоре.

Центр белорусского языка, литературы и межкультурных коммуникаций Вильнюсского эдукологического университета осуществляет научно-методическую работу по сохранению и воспроизводству традиционной и профессиональной белорусской культуры. В Вильнюсе издано учебное пособие «Национальные меньшинства Литвы» [2], предназначенное для факультативного изучения студентами, обучающимися на литовском языке, и призванное сформировать у современной литовской молодежи адекватное представление о белорусах, белорусской культуре и культурной идентичности, а также месте белорусской культуры в истории культур Литвы.

Белорусский язык используется в Литве в печати, на радио, телевидении в объёмах, соответствующих количественному соотношению белорусов к остальным национальностям страны. Тем не менее, сохранение белорусского языка волнует литовских белорусов. Л. Плыгавка отмечает, что белорусский диалектный язык имеет устойчивый ареал распространения в районах, примыкающих к

Беларуси, и оказывает значительное влияние практически на всей территории Вильнюсского края, хотя часто воспринимается как диалект польского. В этой зоне он выступает в качестве средства коммуникации как родной, с большим перевесом или наравне с региональным польским языком и используется преимущественно в бытовых контактах [5, с. 98].

Вместе с тем, белорусы в Литве озабочены, что в самой Беларуси мало внимания уделяют белорусскому языку. По словам руководителя объединения общественных организаций белорусов в Литве, белорусы Литвы ждут большей поддержки со стороны этнической Родины, финансирования белорусской школы и помощи учебниками [6, с. 257].

17 марта 2011 г. Сейм Литовской Республики большинством голосов принял законопроект о внесении изменений в закон об образовании. Согласно его положениям, в школах национальных меньшинств историю и географию Литвы, а также обществоведение следует преподавать на литовском языке. Кроме того, начиная с 2013 г. все школьники страны сдают единый государственный экзамен по литовскому языку. Проект закона в свое время вызвал дискуссию в литовском обществе и протесты среди представителей национальных меньшинств и их организаций. Так, доктор социологических наук, член Всемирного координационного совета российских соотечественников Р. Муксинов полагал, что изменение ст. 30 Закона об образовании Литвы – прямой путь к уничтожению русской и польской школ, к ассимиляции учащихся национальных школ Литвы [3].

Сложность и многоаспектность проблем, связанных с обеспечением образовательных потребностей диаспор, которые проживают на территории Беларуси, и белорусской диаспоры, проживающей в других странах, требуют разработки концепции образования национальных меньшинств Беларуси и концепции образования белорусской диаспоры вместе с подготовкой соответствующей государственной программы. В этом плане немаловажное значение имеют разработка проекта Закона Республики Беларусь «О соотечественниках, проживающих за границей» и реализация государственной программы «Белорусы в мире» на 2011–2015 гг.

Развитие отношений с диаспорой – важное направление интеграции Беларуси с бывшими советскими республиками, с Европой и всем миром. Это тем более важно, так как мы являемся свидетеля-

ми резкого усиления миграционных процессов во всем мире. А это означает, что образование и развитие диаспор идет сейчас, будет продолжаться и в будущем. Поэтому Республика Беларусь должна развивать всесторонние отношения со всей диаспорой в различных странах, непосредственно влиять на формирование и развитие белорусских диаспор за рубежом.

1. Баранава, А. Беларускае школьніцтва у Літве: гісторыя і сучаснасць / А. Баранава // Нацыянальная адукацыя: Тэматычны зб. навук. прац. Кніга VIII. Нацыянальная адукацыя беларуска-польска-літоўскага сумежжа / Навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст, 1997. – 50 с.

2. Культура и образование этнонациональных меньшинств западного региона Беларуси в XX – начале XXI вв. как системообразующие основания этнокультурной идентичности наций и духовного прогресса белорусского общества: отчет о НИР / Гродн. гос. ун-т им. Я.Купалы; рук. Н. Л.Улейчик. – Гродно, 2011. – 107 с. – № ГР 20120676.

3. Муксинов, Р. Язык и культура – основа сохранения национальной идентичности / Socialistinis Liaudies Frontas. – 29 августа 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nedelia.lt/news-lt/aktual/20169-rafael-muksinov-yazyk-i-kultura-osnova-sohrameniya-nacionalnoy-identichnosti.html>. Дата доступа: 20.10.2011.

4. Плыгаўка, Л. Адукацыя беларускай дыяспары ў Літве: сучасны стан і перспектывы / Л. Плыгаўка // Нацыянальная адукацыя: тэм. зб. навук. прац / Міжнар. акад. вывуч. нац. меншасцей; навук. рэд. С.А. Яцкевіч. – Брэст, 1998. – С. 100–102.

5. Плыгаўка, Л. Беларуская мова і нацыянальная школа (на прыкладзе Літвы) / Л. Плыгаўка // Этносоциальные и национальные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 5–6 июня 2003 г. / Гродн. гос. ун-т; под ред. У.Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 98–101.

6. Плыгаўка, Л. Беларуска-літоўскае памежжа як сінтэз нацыянальных культур / Л. Плыгаўка // Этносоциальные и национальные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 15–16 нояб. 2001 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; под ред. У. Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ, 2001. – Ч. 2. – С. 256–259.

7. Центр национальных культур Республики Беларусь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centrkult.iatp.by/?m=3>. Дата доступа: 20.12.2011.

8. Режим доступа: <http://kultura.grodno.by/gnmс/>. Дата доступа: 20.12.2011.

Улейчик Наталья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент; **Колоцей Марина Яцкевна** – кандидат исторических наук, доцент (Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы).

А. М. Макрушыч

**АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЙ
ДЗЕЙНАСЦІ ЭТНІЧНЫХ СУПОЛЬНАСЦЯЎ
БЕЛАРУСІ Ў 1991–2004 гг.**

У артыкуле раскрываюцца напямкі культурна-асветніцкай дзейнасці этнічных супольнасцяў Беларусі ў 1991–2004 гг., характарызуюцца іх змест і асноўныя формы рэалізацыі, вызначаны прычыны спецыфікі культуратворчай актыўнасці этнічных супольнасцяў.

Этнічная і рэлігійная шматстайнасць і талерантнасць заўсёды былі адной з вызначальных рысаў грамадства Беларусі. Тут з часоў сярэднявечча побач з тытульным этнасам – беларусамі – жылі прадстаўнікі розных этнічных супольнасцяў (яўрэі, татары, палякі, рускія і інш.) [1, с. 15; 2, с. 16–21]. Створаныя імі за мінулыя стагоддзі матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці сталі неад’емнай часткай агульнанацыянальнай культурнай спадчыны.

Аднак не заўсёды сацыяльна-палітычныя ўмовы былі спрыяльнымі для культуратворчай дзейнасці этнічных супольнасцяў. Пасля працяглага перапынку толькі ў канцы 1980-х гг. у прадстаўнікоў этнічных супольнасцяў з’явілася магчымасць адкрыта заявіць аб сваёй ідэнтычнасці і заняцца публічнай культурна-асветніцкай дзейнасцю. Аднак сапраўднае этнакультурнае адраджэнне пачалося пасля набыцця Рэспублікай Беларусь дзяржаўнага суверэнітэту.

Згодна з беларускім заканадаўствам этнічныя супольнасці атрымалі правы на захаванне мовы, традыцый, гісторыка-культурнай спадчыны, развіццё прафесійнага і аматарскага мастацтва і інш. [3]. Функцыянаванне гэтых элементаў культуры ў асяроддзі этнічнай супольнасці магло адбывацца ў розных формах, якія можна згрупаваць у тры асноўныя напямкі: адукацыйны, мастацкі і інфармацыйна-асветніцкі.

Адукацыйны напямак развівалі 14 этнічных супольнасцяў, аднак іх адукацыйныя праекты вельмі адрозніваліся па колькасці ўдзельнікаў і формах арганізацыі. Ва ўстановах Міністэрства адукацыі прадстаўнікі польскай, літоўскай, украінскай і яўрэйскай этнічных супольнасцяў мелі магчымасць вывучаць родную мову ў форме

прадмета, факультатыва ці гуртка. Найбольшая колькасць вучняў была ахоплена вывучэннем польскай мовы ў дзяржаўных агульнаадукацыйных школах [4, с. 107; 5, с. 16]. Польскай, яўрэйскай і літоўскай супольнасцямі дадаткова былі арганізаваны вучэбныя структуры (дзіцячыя сады і групы, школы і класы), дзе не толькі вывучалася мова этнічнай супольнасці, але і выкладаліся прадметы этнакампанента (гісторыя і геаграфія краіны паходжання і інш.). Падобная форма этнакультурнай адукацыі патрабавала значных фінансавых выдаткаў і матэрыяльна-тэхнічнай базы, таму не атрымала значнага распаўсюджвання (вядома толькі аб двух школах з польскай мовай навучання і адной літоўскамоўнай школе). Праблема з педагогічнымі кадрамі вырашалася шляхам запрашэння патрэбных спецыялістаў з-за мяжы. У навучальных установах Беларусі найбольш эфектыўна была арганізавана падрыхтоўка настаўнікаў і выхаватэляў з веданнем польскай мовы [6, с. 332]. Значную дапамогу палякам і літоўцам аказвалі грамадскія арганізацыі і дзяржаўныя органы краін паходжання.

Самастойная адукацыя этнічных супольнасцяў існавала ў выглядзе нядзельных школ, грамадскіх ліцэяў і ўніверсітэтаў, курсаў для дарослых. Яе зместам было не толькі вывучэнне мовы этнічнай супольнасці, гісторыі і геаграфіі краіны паходжання, але і далучэнне да мастацкай культуры. Асноўная ўвага надавалася адукацыі дзяцей школьнага ўзросту ў суботне-нядзельных школах. У 1991–2004 гг. развіццём розных формаў самастойнай адукацыі займаліся не толькі палякі, яўрэі літоўцы і ўкраінцы, але і яшчэ 10 этнічных супольнасцяў (азербайджанцы, армяне, афганцы, грузіны, грэкі, карэйцы, латышы, немцы, татары, эстонцы), для якіх грамадскія школы сталі адзінай формай ажыццяўлення этнакультурнага навучання. Эфектыўнасць рэалізацыі дадзенага накірунку этнакультурнай адукацыі залежала ад дапамогі дзяржаўных і грамадскіх арганізацый краін паходжання, таму найбольшых поспехаў у гэтым напрамку дасягнулі палякі і яўрэі.

Мастацкая творчасць этнічных супольнасці існавала ў 1991–2004 гг. як частка аматарскага руху. Развіццё атрымалі найперш вакальны і танцавальныя жанры, у меншай ступені – дэкаратыўна-прыкладное мастацтва [7]. У мастацкай самадзейнасці ўдзельнічалі як індывідуальныя творцы, так і аматарскія калектывы больш як 20 этнічных супольнасцяў. Многія з самадзейных калектываў этнічных супольнасцяў супрацоўнічалі з ўстановамі сістэмы Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, атрымліваючы ад іх пэўную метадычную і матэрыяльна-тэхнічную падтрымку (аплата працы кіраўнікоў, прадастаўленне памяшканняў для рэпетыцый, касцюмаў і апаратуры) [8, арк.16, 21; 9, с. 22].

Кожнае этнакультурнае грамадскае аб'яднанне ў 1991–2004 гг. рэгулярна праводзіла для сваіх сяброў культурныя мерапрыемствы, якія не толькі ўключалі сцэнічныя выступленні, але і знаёмілі наведвальнікаў з народнымі традыцыямі, гістарычнымі падзеямі, важнымі для этнічнай супольнасці Беларусі і краіны паходжання, жыццём і творчасцю вядомых дзеячоў культуры пэўнага этнічнага паходжання. Больш масавыя культурна-масавыя мерапрыемствы (фестывалі і інш.) у 1991–2004 гг. удалося арганізаваць грамадскім аб'яднанням палякаў, яўрэяў і ўкраінцаў. Асабліва насычаным быў польскі фестывальны каляндар, большасць мерапрыемстваў якога (сустрэчы калядных груп, дзіцячыя і дарослыя фестывалі польскай песні, фестывалі харцэрскай і зухавай песні, артыстычная сустрэчы «Гродна – Беласток») праходзілі ў гарадах Гродзеншчыны.

Дзяржаўныя органы і ўстановы імкнуліся пашырыць прынцыпы талерантнасці ў грамадстве і пазнаёміць грамадскасць з творчасцю як мага большай колькасці этнічных супольнасцяў, таму арыентаваліся на арганізацыю фестываляў і конкурсаў з поліэтнічным складам удзельнікаў. Найбольш маштабным мерапрыемствам сталі фестывалі нацыянальных культур, якія пачаліся ў 1996 г. як невялікае свята ў Гродне і паступова пераўтварыліся ў цыкл культурных імпрэзаў ва ўсіх рэгіёнах Беларусі, які праходзіў раз у два гады [10, с. 3–4].

Распаўсюджванне сродкаў прадстаўнікоў этнічных супольнасцяў і ў грамадстве ведаў аб гісторыі і культурных набытках этнічных супольнасцяў, актуальных падзеях у грамадскіх аб'яднаннях адбывалася ў 1991–2004 гг. з дапамогай электронных і друкаваных сродкаў масавай інфармацыі, правядзення навуковых канферэнцый, выдання навуковай і навукова-папулярнай літаратуры.

Этнічныя супольнасці аддавалі перавагу друкаванай перыёдыцы, на тэлебачанні і радыё існавалі толькі польскія і ўкраінская перадачы. Сем этнічных супольнасцяў выдавалі ў азначаны перыяд уласныя газеты і журналы, аднак большасць з іх выходзілі нядоўгі час і невялікімі тыражамі з-за праблем з фінансаваннем. Стабільна на працягу 1991–2004 гг. выходзілі перыядычныя выданні польскіх, яўрэйскіх і татарскага грамадскіх аб'яднанняў, што тлумачылася дапамогай беларускай дзяржавы і замежных арганізацый, вопытам выдавецкай дзейнасці ў папярэднія гістарычныя перыяды. Пытанні этнакультурнага жыцця не заўсёды належным чынам асвятляліся ў дзяржаўных сродках масавай інфармацыі, хаця Дзяржаўным

камітэтам па справах рэлігій і нацыянальнасцяў Рэспублікі Беларусь прымаліся пэўныя меры па выпраўленні сітуацыі [11, с. 9].

Навуковае вывучэнне гісторыі і культуры этнічных супольнасцяў ажыццяўлялася ў цесным супрацоўніцтве з дзяржаўнымі адукацыйнымі і навуковымі ўстановамі, асабліва актыўна гэтым займаліся польскія, яўрэйскія і татарскае грамадскія аб'яднанні. Неабходна адзначыць вялікую ролю ў даследванні і папулярызацыі спадчыны яўрэяў і татараў беларускіх навукоўцаў Э. Р. Іофе і І. Б. Канапацкага. Што датычыць іншых этнічных груп (літоўцаў, украінцаў, грэкаў, немцаў), то яны ўключыліся ў гэты працэс пазней і не праяўлялі ў ім значнай актыўнасці. Пэўная фінансавая дапамога з боку дзяржавы аказвалася грамадскім аб'яднанням і асобным прадстаўнікам этнічных супольнасцяў у выданні матэрыялаў навуковых канферэнцый, навуковых і навукова-папулярных кніг, літаратурных твораў; выпуску асобных нумароў перыядычных выданняў.

Такім чынам, этнічныя супольнасці неаднолькава актыўна займаліся культурна-асветніцкай дзейнасцю, у рознай ступені рэалізоўвалі свае этнакультурныя правы. Найбольшую актыўнасць праяўлялі супольнасці, якія налічваюць доўгую гісторыю пражывання на беларускіх землях: палякі, яўрэі, літоўцы, татары. Гэта было абумоўлена шэрагам фактараў: наяўнасцю месцаў кампактнага пражывання, трываласцю сувязяў унутры супольнасці, дапамогай нацыянальнай дзяржавы і міжнародных арганізацый з-за мяжы. Немалаважнае значэнне меў і рэлігійны фактар. Агульная рэлігія (каталіцтва для літоўцаў і палякаў, іслам – для татараў, іўдаізм – для яўрэяў) мацней знітоўвала прадстаўнікоў адпаведных этнічных супольнасцяў, рэлігійныя арганізацыі былі цэнтрамі, дзе этнафоры маглі сустракацца, знаёміцца, завязваць кантакты, каб потым займацца культурна-асветніцкай дзейнасцю.

Іншыя этнічныя супольнасці (больш за 15), сярод якіх былі і ўкраінцы – трэцяя па колькасці супольнасць пасля рускіх і палякаў – аддавалі перавагу мастацкай самадзейнасці. Рэалізацыя гэтага накірунку была самай простаю, бо для гэтага не былі патрэбны моцныя фінансавыя ўкладанні, мелася магчымасць работы на базе дзяржаўных устаноў культуры.

1. Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі / Каардынац. Савет па справах нац. меншасцей пры Кабінете Міністраў Рэсп. Беларусь [і інш.]; навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Мінск, 1996. – 34 с.

2. Чаквін, І. Праблемы нацыянальных меншасцяў і міжнацыянальных адносін на Беларусі / І. Чаквін, Т. Навагродзкі // Форум. – 1995. – № 1 – С. 15–22.

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., № 261-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 4. – 2/1010.

4. Скробко, П. К. Этноконфессиональные отношения и вопросы развития национально-культурных объединений на Гродненщине в 90-е гг. XX в. / П. К. Скробко // Региональное сотрудничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 25–26 мая 2000 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т, Высш. экон. школа в Белостоке; под общ. ред. Ю. Э. Белых. – Гродно, 2000. – Ч. 2. – С. 105–109.

5. Яцкевіч, С. Нацыянальная адукацыя на беларуска-польска-літоўскім сумежжы ў XX ст. / С. Яцкевіч // Нацыянальная адукацыя: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 3–4 чэрв. 1997 г. / Рэсп. цэнтр нац. культур [і інш.]; навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст, 1997. – Кн. 8: Нацыянальная адукацыя беларуска-польска-літоўскага сумежжа. – С. 11–19.

6. Улейчик, Н. Л. Развитие польского образования на Гродненщине в 1990-е годы / Н. Л. Улейчик // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. канф., Мінск, 6–7 снеж. 2001 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэд.-кал.: У. І. Навіцкі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Дэполіс, 2001. – С. 331–335.

7. Грамадскія арганізацыі нацыянальных супольнасцяў Рэспублікі Беларусь – удзельнікі Усебеларускага фестывалю нацыянальных культур // Мастацтва. – 2004. – № 5. – С. 5–24.

8. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Ф. 471. – Оп. 2. – Д. 504. Документы о работе клубных учреждений города за 1998–2000 гг.

9. Лемцюгова, І. В. З вопыту работы Рэспубліканскага цэнтра нацыянальных культур з нацыянальнымі культурна-асветнымі аб'яднаннямі Беларусі / І. В. Лемцюгова // Нацыянальныя супольнасці ў Беларусі: зб. арт. і дак. / Рэсп. цэнтр нац. культур [і інш.]; пад агул. рэд. І. В. Лемцюговай. – Мінск, 2001. – С. 19–24.

10. Стружэцкі, Т. Суквецце нацыянальных культур / Т. Стружэцкі // Мастацтва. – 2004. – № 5. – С. 3–4.

11. Яновіч, І. І. Нацыянальныя абшчынствы Беларусі: інфармацыйна-аналітычныя матэрыялы / І. І. Яновіч // Нацыянальныя супольнасці ў Беларусі: зб. арт. і дак. / Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры; пад агул. рэд. І. В. Лемцюговай. – Мінск: БелДІПК, 2001. – С. 3–9.

Макрушыч Алена Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье анализируются причины и последствия массовой «цветной» иммиграции в Великобританию во второй половине 1940-х-1970-е гг. Показано возникновение и обострение межнациональной «расовой» проблемы в этот период, реакцию на это как британских политических кругов, так и общественности.

На протяжении последних пятидесяти лет понятие «раса» приобрело ключевой смысл как в многочисленных социологических теориях, так и повседневном дискурсе. С нравственной и политической точек зрения этот термин обладает стойким отрицательным смыслом. Расизм, который представляет всё человечество исключительно как совокупность рас, лишает людей человеческой связи между ними и даёт легитимацию неравенству людей, он искажает общественные отношения и вызывает дегуманизацию многих объектов, с которыми он тесно связан.

Консенсус, связанный с обязанностью осуждать людей, выражающих расистские идеи, фактически начал развиваться с 1960-х г. Расистские воззрения и идеи были отвергнуты также и с научной точки зрения благодаря широкому освещению таких исторических явлений, как рабство в США, Холокост в Европе и апартеид в Южной Африке. Несмотря на это, в 70-е и 80-е гг. XX в. в Западной Европе возрос уровень насилия по отношению к тем группам населения, против которых утверждалось, что их представители принадлежат к «низшей расе», или являются «незаконными иммигрантами», «затопившими» западные страны. В дискриминации этих меньшинств были замешаны не только широкие круги населения и различные организации, но и сам аппарат государственной власти. Более того, некоторые политические партии, имевшие программы и требования, сходные с требованиями фашистских группировок 1930-х гг., получили политическое представительство в парламентах и даже смогли присоединиться к правительствам (как, например, это произошло в Италии и Австрии). Таким образом, термин «расизм» превратился в объект политической и идеологической

борьбы как на политической, так и общественной арене. Противоречие между официальным консенсусом в отношении выражения идей расизма и реальной практикой, до сих пор существующей в западных странах, ещё не снято с повестки дня. По этой причине представляется актуальным рассматривать проблемы, возникшие под влиянием расизма в Британии в практике контроля по отношению к иммигрантам, особенно азиатского и африканского происхождения, в современный период.

Злободневность темы является актуальной по причине того, что в последние десятилетия в западных странах происходят глобальные процессы, связанные с относительно новым явлением – принятием иностранных рабочих. В свете этого представляется уместным проведение исследования подобного явления в Великобритании, которое имело место по окончании Второй мировой войны. Развитие британской послевоенной экономики, в частности, и становление новых международных экономических связей в последующие годы вообще вынудили Британию мобилизовать иностранных рабочих из её бывших колоний, а именно из стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана. Как принимающая страна, Великобритания, должна была предоставить этим иммигрантам, имеющим по закону 1948 г. полноценное британское гражданство и обладающими теми же правами, что и граждане Британии, минимальные общественные права, но в реальности такие права им были предоставлены на предельно наименьшем уровне. Социальные проблемы, возникшие по месту расселения иммигрантов в беднейших районах крупных британских городов (*inner-city*), требовали многих и разнообразных решений от британских властей, которые на деле предпочитали их игнорировать или относились к ним достаточно поверхностно.

Присутствие иммигрантов поставило перед британскими правящими партиями, которые не осмеливались в послевоенный период прямо воплотить в жизнь принцип закрытия страны перед иммигрантами, трудную задачу. Под предлогом того, что иммигранты представляют угрозу институтам гражданства и суверенитету страны, политики вообще и представители партии консерваторов, в частности, всячески выражали недовольство пребыванию в стране «небелых» иностранных рабочих. Этим неприятием британские государственные деятели обнаружили своё твёрдое намерение

сохранить, по их мнению, национальную безопасность Британии. Это намерение они решили воплотить путём введения жёсткого антииммиграционного законодательства, используя для достижения своих целей расистские мотивы. В рамках этих глобальных процессов опыт Британии в области иммиграционной политики в 80-е гг. XX в., в период правления правительства Тэтчер, представляет собой определённый интерес, как в своём отрицательном, так и в положительном аспекте.

В статье делается попытка отследить особенности слияния двух тем – расовой и иммиграционной, которое в сочетании с неоднократными и постоянными обращениями М. Тэтчер к «белому» британскому населению позволило, на взгляд автора, правительству консерваторов сформировать собственную политику по вопросу расы. На основе этой политики Британии удалось в значительной степени ограничить иммиграцию «цветного» населения в 80-е гг.

Иммиграция в Британию всегда была важным компонентом и неразрывной частью британской истории. Одной из причин, притягивающих иммигрантов на Британские острова, был тот факт, что до конца XIX в. в Британии не было законов, ограничивающих иммиграцию в страну. Это означало, что граждане других государств могли свободно в неё въезжать и селиться в ней по своему желанию. В данной статье автор акцентирует внимание на том, что именно внезапное появление в 1950-е гг. стране большого количества тёмнокожих людей, которые ассоциировались у большинства коренного британского населения с колониальным прошлым и воспринимались им как представители низшей расы, явилось главным фактором, вызвавшим обновление современного расизма в Великобритании. В результате волн этой иммиграции в британском обществе обозначился дискомфорт по отношению к расовым различиям. Этот дискомфорт пробудил в обществе не только расовые стереотипы, но и чувство вражды как со стороны британских рабочих, так и со стороны политической элиты, воспринявшей и истолковавшей новую реальность в свете интеллектуальной традиции колониализма, в духе которого она воспитывалась десятилетиями. Колониализм, который, несомненно, привнес свой вклад в расцвет государственной мощи Великобритании, тем самым взрастил шовинистические и расистские идеи среди всех секторов британского населения. Расизм, как миропонимание, являлся порождением ко-

лониальной имперской идеологии, которая была предназначена защищать интересы империи [1].

Империалистическая концепция является одной из составных традиционных частей идеологии партии консерваторов, и на протяжении всего колониального периода британской истории было дано широкое нравственное обоснование британскому господству над «низшими» народами [2]. Вследствие развала Британской империи эта концепция не претерпела особых изменений, а расизм и вера в «превосходство белого человека», которые были неотъемлемой частью британской культуры с конца XIX в. [3], лишь изменили свою форму и приспособились к новым обстоятельствам и к новой политической реальности. Вследствие указанных факторов британцы были убеждены, что расовая проблема и глубоко отрицательные отношения, складывающиеся между ними и «цветными» иммигрантами, явились прямым результатом иммиграции. Идеологический аспект этого воззрения нашёл своё выражение и в языке. Понятия «раса» и «иммиграция» стали взаимозаменяемыми синонимами, а их рассмотрение заняло одно из центральных мест в политических обсуждениях [4]. Цвет кожи и раса вновь прибывших всячески подчеркивались представителями властей каждый раз, когда поднимались «проблемы иммиграции», и без того подогревали расистское сознание, без всякого сомнения, присутствовавшее в британском обществе. Так или иначе, предмет «расы», по поводу которого политики, представители политических партий, чиновники, работодатели, лидеры профсоюзных объединений и социальные работники открыто выражали свои негативные соображения, превратился в один из важных элементов общественной британской структуры, а расовые отношения получили весомый смысл в межклассовых отношениях, развившихся в рамках этой структуры. Таким образом, с того момента, когда отношения между расами были представлены и определены британским истеблишментом и прессой как проблемные, политические деятели обеих партий сконцентрировались на задаче сокращения иммиграции в качестве решения этой проблемы. Первыми, кто пытался сделать шаги, направленные на сокращение «цветной» иммиграции, были члены кабинета лейбористского правительства Клемента Р. Эттли (Clement R. Ertlee) (1945–1951 гг.). В июне 1950 г. правительство решило принять меры по контролю над иммиграцией «цветных» народов и ходатайствовало перед британ-

ским парламентом о предоставлении ему полномочий для ограничения свободного въезда путём введения категорий граждан. Уже в 1954–1955 гг. деятельность членов парламента правого крыла консервативной партии сопровождалась открытыми расистскими лозунгами, а в период нахождения у власти правительства Э. Идена (1955–1957 гг.) контроль над иммиграцией жителей стран Нового Содружества стал одной из главных темой, обсуждаемой в парламенте. Следующим шагом консерваторов в этом направлении стало предложение, обсуждаемое в 1955 г. на Центральном Совете партии, рассматривать въезд этих иммигрантов, как въезд иностранцев [5].

Одним из значительных шагов, повлиявшем на формирование политики консерваторов по расовому вопросу, стало основание в 1960 г. Бирмингемской Ассоциации (Birmingham Association). Эта Ассоциация смогла организовать в Мидланде (Средняя Англия) активную политическую деятельность за «сохранение белой Британии», а для достижения своей цели оказывала и политическое давление на членов парламента. Вхождение в состав консервативного правительства Гарольда Макмиллана (Harold Macmillan) (1957–1963 гг.) таких консерваторов крайне правого толка, как Сирил Осборн (Cyril Osborn) и Норман Пэннелл (Norman Pannell), которые видели в иммигрантах из Карибского бассейна исключительно «преступников и носителей болезней», явилось следующим заметным шагом в усилении расистских тенденций политической элиты по отношению к «цветным» иммигрантам [6].

К началу 60-х гг. произошло слияние «расовой» проблемы с проблемой «иммиграции». Этот синтез был представлен правящими кругами в качестве одной из центральных политических проблем, стоящих перед правительством, и в 1962 г. по инициативе министра внутренних дел консервативного правительства Макмиллана, Ричарда Астена Батлера (Richard Austen Butler), был принят первый Закон об иммигрантах из стран Содружества (Commonwealth Immigration Act) [7]. Этот закон был первым законом, ограничивающим въезд тёмнокожего населения из бывших британских колоний.

Политический и экономический кризис, разразившийся в 70-е гг., привёл к ещё большему усилению расистских настроений в британском общественном мнении, а поляризация мнений общества по этому вопросу на фоне происходящего кризиса вылилась в насильственные акты на улицах британских городов. После своего избрания в качестве главы консервативной партии в феврале 1975 г.,

М. Тэтчер при поддержке теневого кабинета решила, что Закон об иммиграции 1971 г., принятый прежним правительством консерваторов во главе с премьером Эдвардом Хитом (Edward Heath) и продолживший политику ограничения въезда «цветных» граждан в Британию, недостаточно эффективен. Э. Хит, считавший, что «культурное различие не превысит лояльность» [8], однозначно запретил кандидатам от консервативной партии использовать на всеобщих выборах тему иммиграции. Несмотря на это, М. Тэтчер придерживалась менее чувствительных на эту тему взглядов и полагала, что в своём твёрдом решении «положить конец» иммиграции из стран Нового Содружества, необходимо убедить в частности, как своих соратников по партии, так и британских избирателей в целом. Необходимо особо подчеркнуть, что по вопросу «иммиграции» М. Тэтчер интенсивно проявляла солидарность с Иноком Пауэллом (Enoch Powell), членом парламента от партии консерваторов с 1974 г., и со всеми, кто составлял сильное крайнее правое ядро консервативной партии. По мнению Пауэлла, ещё в 1968 г. начавшего расистскую пропаганду против «цветной» иммиграции в своей знаменитой речи о «реках крови», въезд «цветных» иммигрантов в страну угрожал национальной идентификации англичан и английской культуре. По его выражению, иммиграция могла привести страну к такому состоянию, что в ближайшем будущем «цветной мог занести хлыст над головой белого человека» [9].

Расистская кампания И. Пауэлла при массивной поддержке средств массовой информации дала толчок развитию дискурса по расовой тематике и привела к её легитимации в британском обществе. Кроме того, она усилила откровенно прорасистские настроения в общественном мнении, которые нашли своё выражение в программе фашистской британской партии Национального Фронта (National Front), провозгласившей своей целью вернуть на землю исхода всех иммигрантов азиатского и африканского происхождения. Благодаря расистским лозунгам подобного толка Национальный Фронт стал ощутимым игроком на политической арене и собрал весомую поддержку даже среди тех британских избирателей, которые в целом не поддерживали фашистские идеи [10].

В конечном итоге, общие линии иммиграционной политики консервативной партии, очерченные в её манифесте «Правильный подход» (The Right Approach, 1976), были приняты под влиянием ан-

тии миграционной расистской кампании правых экстремистских сил. Программа партии по вопросу об иммиграции подчёркивала необходимость принятия количественных ограничений на выдачу разрешений на въезд в Великобританию «цветным» иммигрантам, при этом, достижение «гармонии между расами» она обусловила необходимостью сократить иммиграцию этого типа граждан [11].

В 1976 г. на ежегодном партийном съезде консерваторов министр внутренних дел теневого кабинета Уильям Вайтлоу (William Whitelaw) пообещал провести ревизию всех существующих британских иммиграционных законодательных норм и представить новую концепцию гражданства, основанную на тесной и истинной связи между Британией и её людьми [12].

Кроме этого, 7 апреля 1978 г. У. Вайтлоу предложил ряд мер для усиления контроля над иммиграцией, которые консерваторы намеревались поднять на повестку дня немедленно после прихода к власти главы своей партии М. Тэтчер. Через год в телевизионной программе «Мир в действии» (World in Action) М. Тэтчер вновь озвучила свою концепцию в отношении «цветной» иммиграции и отметила, что «для достижения хороших отношений между расами необходимо освободить людей от определённых страхов». В продолжение интервью она пообещала, что консервативная партия после прихода к власти продолжит свою борьбу за полное прекращение иммиграции из стран Содружества [13]. Эти предложения были включены в предвыборный манифест консервативной партии и обуславливались положением о том, что «предполагаемый строгий контроль над иммиграцией необходим для достижения положительных отношений между этническими общинами» [14].

М. Тэтчер и её сторонники, парламентарии заднескамеечники, делая ставку в предвыборной гонке на темах «расовой гармонии» и «иммиграции», не ошибались в своих расчётах, чувствуя, что они вызывают популярную реакцию и поддержку со стороны британских избирателей. По данным опроса общественного мнения в 1978 г., за год до выборов, партия консерваторов получила на 9 % голосов больше, чем партия лейбористов (в соотношении 48 % к 39 %), а 21 % опрошенных считали, что проблема иммиграции из стран Содружества – одна из острых национальных проблем, стоящих перед страной и требующих немедленного разрешения [15]. Таким образом, предвыборное обязательство М. Тэтчер накануне всеобщих выборов

1979 г. – установить рациональную основу для нового британского гражданства – имело своей целью не только рассеять страхи британцев перед «бесконечной иммиграцией», но и ввести в действие Закон о новом британском гражданстве. Предполагалось, что создание новых критериев для определения категорий граждан, имеющих права на въезд, строго регламентирует въезд тёмнокожего населения из бывших британских колоний, сведя в будущем на нет «цветную» иммиграцию в Великобританию.

Воплощение расовой политики консервативной партии по отношению к тёмнокожим иммигрантам проявилось немедленно после прихода в 1979 г. к власти кабинета правительства новых консерваторов М. Тэтчер, а дискриминационная практика в их отношении обозначилась как со стороны правительства, так и со стороны местного «белого» населения. Политика пересмотра правительством М. Тэтчер вопроса о статусе британских граждан, когда впервые за весь послевоенный период был принят Закон о новом британском гражданстве (British Nationality Act, 1981), в основных элементах которого лежали различия между людьми, сделанные на основе цвета кожи, дала толчок для последующего развития дискриминационной практики по отношению к «цветному» населению. Эти предметы, на взгляд автора, представляются перспективным направлением дальнейшего исследования предполагаемой тематики.

1. Williams, E. E. *Capitalism and Slavery* (With a new introduction by Colin A. Palmer). – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994. – P. 7.

2. Goldsworthy D. *Colonial Issues in British Politics, 1945 – 1961. From Colonial Development to Winds of Change*. – Oxford, 1971. – P. 135–137, 166–169.

3. Hartmann P., *Husbands Ch. Racism and Mass Media*. – London: Allen & Unwin, 1974. – P. 28.

4. Miles R., Phizacklea A. *White Man's Country: Racism in British Politics*. – London: Pluto Press, 1984. – P. 21, 28.

5. Her Majesty Stationery Office, House of Commons: *Parliamentary Debates: Official Reports, Session 1954–5, vol. 545, 5-th Series* (London Stationery Office, 27 October, 1955), cols. 51 – 52w; HMSO, House of Commons: *Parliamentary Debates: Official Reports, Session 1955–56, vol. 547, 5-th Series, (London Stationary Debates, 14 December, 1955) cols. 1202–1203*.

6. Layton-Henry Z. *Conservative Party Politics*. – London: Macmillan, 1980. – P. 53–55.

7. Bevan Y. *The Development of British Immigration Law*. – London: Croom Helm, 1986. – P. 77–80.

8. Heath E. Letter to the Bexley Community Relations Council. June 1970. Cited from Layton-Henry Z. *Conservative Party Politics*. – London: Macmillan, 1980. – P. 180.

9. Birmingham Post. 1968. – 22 April.

10. Walker M. The National Front. – London: Fontana/Collins, 1978. – P. 108–132.
11. The Right Approach. A Statement of Conservative Aims. London: Conservative Central Office, October 1976. – P. 48.
12. Speech by Rt. Hon. William Whitelaw, Conservative Party Conference. – Brighton. 5 October 1976.
13. Verbatim Report of Part of an Interview with Gordon Burns, given by \M. Thatcher on Monday 30 January 1978. Granada Television.
14. Conservative Central Office. Conservative Party Manifesto. – April 1979.
15. National Opinion Polls. Race and Immigration. – February 1978.

Банти Рина – соискатель степени кандидата исторических наук, Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко.

94

А. Н. Зубань

ИММИГРАЦИОННАЯ НАГРУЗКА НА ШВЕДСКУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

В статье отражены основные причины усиления мусульманской миграции в Швецию, влияние мусульманской диаспоры на шведскую модель развития общества, а также анализируется растущая популярность ультраправой партии «Шведские демократы» среди избирателей.

Станет ли Европа мусульманской и как быстро распространяется ислам в Европе? Данный вопрос все более отягощает умы европейской элиты. Многочисленные дискуссии только обнажают тот клубок проблем, решить которые пока не представляется возможным. Швеция, как член Европейского союза, также столкнулась с проблемой все возрастающей нелегальной и легальной миграции.

Швеция преуспела в создании общества высокого благосостояния, спровоцировав тем самым большое желание и стремление попасть под её крыло тысячам тех, кому угрозало родиться в менее благополучных регионах мира. Люди разного вероисповедания, национального происхождения, цвета кожи (преимущественно темного) стремятся закрепиться не только в странах Южной Европы и традиционно – в Германии, Франции, Великобритании, но и в северной социально благополучной Швеции. Постоянный приток «иностраннных гостей» оказывает нагрузку не только на шведский

бюджет, но и шведское общество. Одна из причин, способствующая увеличению количества мигрантов, – «мягкая» либеральная миграционная политика, которая реализуется в Швеции. Особенно это касается беженцев, «убегающих от деспотических режимов», которым в принципе власти никогда не отказывают в политическом убежище. Однако, события, происходящие в настоящее время на Ближнем Востоке, показывают, что массовая иммиграция в Швецию и другие европейские страны из мусульманского мира будет усиливаться. Это дает нам основания предположить, что эта тенденция будет продолжаться и расти, если не произойдет изменений в политике.

А изменения происходят – «революции» идут по всей Западной Европе: Австрия, Германия, Франция, Швеция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия – вот неполный список западноевропейских государств, где радикальные националистические партии и движения последовательно укрепляют свои позиции. В традиционно толерантной Швеции впервые в 2010 г. в парламент прошла ультраправая партия «Шведские Демократы», выступающая за ограничение численности мусульман, как в Швеции, так и в Европе в целом. Эта партия впервые получила места в парламенте страны, набрав на выборах 5,7 % голосов избирателей [3].

На выборы ультраправые шли с одним-единственным обещанием: сократить на 90 % иммиграцию из мусульманских стран и запретить воссоединение иммигрантских семей. Главный же акцент их кампании был на том, что дальнейший прием мигрантов несет в будущем опасность урезания социальных благ для «коренных» шведов. Предвыборный ролик партии Шведских Демократов выглядел столь провокационно, что ведущие телеканалы страны поначалу отказывались его транслировать. Спасли единомышленники из Дании – Датская народная партия, имеющая места в парламенте, пригрозила раздуть скандал на всю Европу, обвинив Швецию в ущемлении свободы слова. Датчане подкрепили свое обещание, прислав наблюдателей на шведские выборы, – главным образом, для того, чтобы проверить, не пытаются ли здесь правдами и неправдами отсечь радикальных националистов от парламента. Шведские Демократы заручилась поддержкой не только датских коллег, но и националистически настроенных партий Германии, Голландии, Норвегии, Швейцарии и др. Происходит своего рода консолидация

ультраправых сил Западной Европы, усиление их взаимосвязи и кооперации в решении общей проблемы – ограничение удельного количества мусульманского населения в европейском обществе.

В то же время количество мусульман, постоянно проживающих в Швеции, возросло за 30 лет практически в 35 раз. Об этом свидетельствуют данные института изучения религии при Гетеборгском университете, опубликованные стокгольмской газетой «Metro». Если в 1970 г. в стране насчитывалось около 10 тыс. выходцев из мусульманских государств, исповедующих ислам, то в 2003 г. их число увеличилось до 350 тыс. В настоящее время количество мусульман составляет порядка 400 тыс. К крупнейшим группам мусульман, по данным Гетеборгского университета, относятся боснийцы, иранцы, иракцы, турки, ливанцы, эфиопы и сомалийцы. В Швеции от 40 до 50% мусульман проживают в Стокгольме и около 20% – в Гетеборге и Мальме [2].

Поток иностранных граждан хлынул в страну с конца 70-х гг. Тогда в Швеции наблюдался устойчивый экономический рост, пресса воспевала достижения «шведской модели социализма», либеральная миграционная политика позволяла иностранным мигрантам довольно быстро закрепиться в стране, которой уже тогда требовались новые «рабочие руки». Особенно сильно миграционные процессы активизировались в 90-е гг. после военных кампаний США на Ближнем Востоке, Югославии, а также после принятия в 1997 г. Закона об интеграции, который провозгласил Швецию «мультикультурным обществом». В примечаниях к закону указывалось: «Поскольку значительная группа нашего населения имеет иностранное происхождение, граждане Швеции лишены общей истории. Таким образом, связь со Швецией и опора на фундаментальные ценности общества важнее с точки зрения интеграции, чем общая история» [15]. Все это позволяло как легальным, так и нелегальным иммигрантам быстро получить вид на жительство, государственные социальные пособия, жилье, медицинские гарантии. Еще бы, статус иммигранта давал право на получение ежемесячного пособия на каждого ребенка до 18 лет, пособий на квартирную плату, по безработице (если проработал не менее полугода и при этом платил взносы в специальную кассу), а также индексированные пенсии по старости. После трех лет проживания в Швеции иммигранты имеют право (активное и пассивное) участвовать в коммунальных и областных выборах, а после пяти лет могут обращаться с просьбой о гражданстве.

Будь иммигранты только носителями рабочей силы, никаких проблем не существовало бы. Но не желая ни интегрироваться, ни ассимилироваться в принимающем их обществе, они требуют равноправия, получают его и утверждают собственный стиль жизни. Шаг за шагом пришельцы отнимают пространство у коренных жителей, которые, сокращаясь в численности, сдают его без особого сопротивления. Другая религия и культура восходят на благодатной почве. Эта почва – демократия и права человека. Национальное законодательство Швеции создает благоприятные условия для иммигрантов, которые не должны чувствовать никаких ущемлений. Признание прав человека влечёт за собой признание прав компактно проживающих меньшинств со всеми вытекающими из этого атрибутами: свои школы, религиозные обряды, телепередачи, культурные центры, магазины. Этническое меньшинство постепенно превращается в большинство.

Между тем, государство продолжает тратить огромные деньги на мигрантов, создавая тем самым непомерную нагрузку на шведскую социальную модель. Иммигранты имеют право на изучение шведского языка в оплаченное рабочее время. Мало того, их детям гарантируется обучение родному языку, начиная с детского сада и до конца гимназии (для чего еще недавно даже приглашали учителей из-за границы). Коммунальные власти оплачивают услуги переводчиков, оказывающих помощь иммигрантам при посещении шведских учреждений, больниц. Таким образом, власти и общественные организации стремятся облегчить интеграцию иммигрантов в шведское общество. Но хотелось бы отметить, что только четвертая часть всех имеющих право на обучение на языковых курсах пользуется им, а среди иммигрантов старшего поколения – не редкость встретить тех, кто не может объясниться по-шведски.

Перестроили свою работу высшие народные школы – своеобразные учебные заведения для взрослых. Во многих из таких школ (а их более 100), расположенных во всех концах Швеции, теперь половина учеников – иммигранты, которые могут здесь, наряду с изучением языка, одновременно получить какую-либо специальность.

Массовая иммиграция породила множество социальных проблем. В промышленных районах больших городов четко проявляется сегрегация населения. Появились «бедные» коммуны, где проживают преимущественно новые граждане. Например, в

некоторых школах Стокгольма около 50 % детей иммигрантского происхождения, а в таких пригородах, как Ринкебю, Тексте, Чисте иммигранты составляют до 60 % населения. В Ринкебю среди 14 тыс. населения живут выходцы из 104 стран мира, говорящие на 80 языках. В местных школах, особенно в начальных классах, 80–90 % составляют дети из иммигрантских семей. Шведы предпочитают уезжать отсюда, поскольку школа с таким составом учащихся не может дать их детям необходимых знаний родного языка [14].

Сегрегация негативна и для иммигрантов, которые оказываются изолированными в своих национальных общинах и не имеют достаточных возможностей для знакомства со шведским образом жизни, культурой, законами, языком. Первое поколение иммигрантов вело себя скромно, законопослушно, боясь быть выдворенными из страны. У второго поколения стиль поведения уже иной. Здесь, в пригородах, населенных иммигрантами, вырастает молодежь, утратившая естественные связи со своей национальной культурой, традициями и не обретшая прочных связей со шведами. В этой среде наибольшее число правонарушений, случаев насилия, распространения наркотиков и т.п. Обитатели этих районов, особенно молодежь, чаще оказываются заключенными шведских тюрем (например, в г. Кумла примерно 75 % заключенных – иммигранты) [14].

Коммуны с преобладающим иммигрантским населением оказываются намного беднее других. Ведь если, например, в целом по стране 7 % населения живет на социальные пособия, то среди иммигрантов таковых более 30 %, а в некоторых группах (например, среди выходцев из Эритреи и Эфиопии) – свыше 90 % [14]. Стоит представить, какую нагрузку выдерживает шведский бюджет, ассигнуя значительную часть денег налогоплательщиков на поддержание достойного уровня жизни иностранных граждан. Естественно, что в этих условиях будет расти недовольство шведов своей системой социальной помощи, которая обеспечивает всех одинаково – как новых, нередко многодетных граждан, так и шведов, всю свою трудовую жизнь плативших высокие налоги за свое благополучие. Все это создает почву для национализма и ксенофобии.

На такой благодатной почве Шведские Демократы, пользуясь недовольством частей избирателей ситуацией с иммиграцией в стране, пробились во власть. Партия в последние годы отказалась от очевидных внешних проявлений нацизма, сменив рубашки со

свастиками на респектабельные костюмы. Шведские Демократы считают, что либеральная миграционная политика, исламизация, глобализация, сверхдержавность (имеется ввиду ЕС – прим. автора), распространение американских культурных стандартов являются угрозой для шведской культуры. Партия выступает за сохранение шведских традиций в обществе, социальное равенство, снижение налогов и экологическое сознание. Партия желает усиления морали в обществе, выступает в защиту христианской, протестантской этики, выступает за традиционный семейный уклад и является противником того, чтобы гомосексуальные пары имели право усыновлять детей, что было разрешено шведским законодательством. Шведские ультраправые отмечают неспособность властей осознать грозящие обществу опасности и подавить реальную угрозу разрушения его изнутри, либо выработать какой-то жизнеспособный компромисс между теми, кто жил и намерен дальше жить в лоне шведской культуры.

Секретарь партии Шведские Демократы Бьорн Содерн заявил, что над страной нависла угроза исламской революции, наподобие той, что произошла в 1979 г. в Иране. В интервью агентству ТТ Содерн заявил: «Это может произойти очень быстро. Гораздо быстрее, чем мы думаем» [7]. Другой представитель партии Экерот заявил: «Швеция и другие страны, скуля, исчезнут с арены мировой истории». Содерн поддерживает его: «Исламизация является судьбоносным вопросом для всего западного мира. Все мусульмане являются носителями определенной идеологии. Это политическая идеология, замаскированная под религию. И я думаю, именно сейчас нам пора задуматься об этом...» [7]. Далее Содерн сказал: «Швеция переживает процесс исламизации прямо сейчас. Я не буду приводить бесчисленные примеры того, как шведы вынуждены приспосабливаться к требованиям мусульман, как по всей Швеции и Европе, как поганки, растут мечети. Это не означает, что все мы превратимся в мусульман, но это означает, что все мы будем подчиняться законам шариата».

Таким образом, в шведском обществе назревает проблема расовой нетерпимости и вражды, подогреваемая популистскими «горячими» лозунгами ультраправых партий и организаций. Многие аналитики полагают, что на толерантности шведов уже можно ставить крест. Правительство Швеции до сих пор отрицает существование данной проблемы. Ф. Рейнфельд прямо заявляет: «Полезно иногда напоминать себе о том, что Швеция в основном складыва-

лась путем эволюции, за счет притока других народностей и культур» [4].

Йенс Орбак, министр по делам демократии, городских проблем, интеграции и гендерного равенства еще в социал-демократическом правительстве, заявлял в 2004 г.: «Мы должны быть открыты и терпимы по отношению к исламу и мусульманам в надежде на то, что они ответят нам взаимностью, когда мы станем меньшинством» [4].

Видная фигура в социал-демократической партии Мона Салин, занимавшая крупные посты в ряде кабинетов, заявляла, что шведы могли бы позавидовать иммигрантам, которые в отличие от шведов обладают своей собственной культурой и историей, скрепляющей их воедино. Ее точка зрения на всеобщее равноправие следующая: «Если на рабочее место подадут заявку два равно квалифицированных претендента, предпочтение следует отдать тому из них, кто носит имя Мухаммед. Принадлежность к иной этнической группе, чем шведская, необходимо считать преимуществом». В 2004 г. Мона Салин заявила: «Необходимо всеми силами убеждать шведов, что иммигранты – благо для их страны. Нравится вам это или нет, но такова новая Швеция» [15].

Что ж, время покажет свои приоритеты.

1. В Швеции растут антиисламские и антисемитские настроения // www.interfax-religion.ru/aze/ / Дата доступа: 22.09.2011.

2. В Швеции за 30 лет количество мусульман возросло в 35 раз // Русская линия. – 19 ноября 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rusk.ru/ / Дата доступа: 20.11.2011.

3. Гарегинян, А. Запретят ли в Швеции ислам / А. Гарегинян // Еркрасмас. – 8 января 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.yerkramas.org/ / Дата доступа: 14.03.2011.

4. Джихад и крах шведской модели // The Brussels Journall. [Электронный ресурс]. – 19.04.2007. Режим доступа: www.Brusselsjournal.com/ / Дата доступа: 05.08.2011.

5. Завадский, А. Правый поворот: успехи европейских националистов / А. Завадский // Информационный портал МГИМО МИД России. – 30.09.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mgimo.ru/news/university/document164658phtml/ / Дата доступа: 08.11.2011.

6. Ментуллин, А. Станет ли Европа мусульманской / А. Ментуллин // Newsland. – 30.01.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.newsland.ru/ / Дата доступа: 22.09.2011.

7. Скуля Швеция сползает в исламскую революцию // MIGnews.com – 20.09.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.MIGnews.com / Дата доступа: 20.11.2011.

8. Сирук, М. Обнаженный нерв Швеции / М. Сирук // День. Ежедневная всеукраинская газета. – 30 января 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.day.kiev.ua/ru / Дата доступа: 30.01.2011.

9. Тарасенко, П. Национализм с националистическим лицом / П. Тарасенко // Коммерсант. – 21.10.2010. № 174. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kommersant.ru/daily / Дата доступа: 23.11.2010.

10. Тюркин, М. Кто там шагает правой? / М. Тюркин // Невское время. – 27.08.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nvspb.ru/tops/kto-tam-shagaet-pravoy-46164> / Дата доступа: 22.09.2011.

11. Угроза отмены безвизового режима. // Радио Швеция. – 22.10. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.swerigesradio.se / Дата доступа: 18.11.2010.

12. Швеция и Дания эмигрантам нравятся // Радио Швеция. – 28 марта 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=4424624 / Дата доступа: 13.04.2011.

13. Шмелев, Н. Преображение Европы / Н. Шмелев // Русский журнал. – 08.02.2011. Режим доступа: www.russ.ru.workbooks.ru / Дата доступа: 04.08.2011.

14. Чернышев, О. И Швеция – не без проблем / О. Чернышев, Н. Коликов // Обозреватель. Внешняя политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rau.su/observer/ / Дата доступа: 20.11.2011.

15. Эскобар, П. Письма из Исламофобистана / П. Эскобар // ИноФорум (Дискуссионный клуб по материалам зарубежной прессы). – 22.10.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.inoforum.ru / Дата доступа: 30.01.2011.

Зубань Алексей Николаевич – студент Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

ЗМЕСТ

ЧАСТКА 1. МЕТАДАЛОГІЯ ГІСТОРЫІ: ТРАДЫЦЫІ І НАВАЦЫІ. БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЯ ГРАФІЯ ПАЧАТКУ XXI ст. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ: НОВЫЯ ЗНАХОДКІ І ІНТЭРПРЭТАЦЫІ	3
<i>С. А. Габрусевіч.</i> Актуальныя праблемы айчынной гісторыі ў кантэксце навуковай спадчыны прафесара Ігната Анацэвіча	3
<i>О. М. Мижевич.</i> Традиционные и постмодернистские методы исследования в философии исторического процесса	9
<i>В. Н. Бутько.</i> Изменения исследовательской парадигмы устной истории в американской историографии	18
<i>С. В. Марозава.</i> Канфесійная гісторыя ў даследаваннях кафедры гісторыі Беларусі ГрДУ імя Я. Купалы	28
<i>С. С. Цярэнцьева.</i> Язафат Кунцэвіч паводле яго эпісталацыі	34
<i>В. Е. Лявшук.</i> Miscellanea jesuitica: о доброй смерти шляхтича Желяровского и обретении иконы Богородицы студентами Гродненского иезуитского коллегіума	39
<i>Т. В. Васюкевіч.</i> Канфесійныя працэсы на беларускіх землях у канцы XVIII – першай палове XIX ст. у мемуарах сучаснікаў ...	48
<i>Л. Л. Лаўрэш.</i> Жыццё святара Адама Плаўскага	54
<i>С. В. Марозава.</i> Рэформа ўніяцкай царквы 1830-х г. у лесе І. Фндрушкевіча і І. Салтаноўскага	65
<i>С. У. Словік.</i> Мемуарная літаратура Беларусі XVIII–XIX ст. як крыніца даследавання штодзённага жыцця шляхецкай сям’і: гістарыяграфічны аспект	70
<i>С. П. Марозаў.</i> Ідэя «Уваскрасэння Літвы», яе гродзенскі ідэалаг Стажэньскі, пецябургскія і заходнееўрапейскія заступнікі (паводле мемуараў М. Мураўёва)	74
<i>А. В. Сергеенко.</i> История повседневной жизни рабочего класса Витебска в 1920-е гг. в документах Государственного архива Витебской области	81
<i>Е. А. Фиронова.</i> Материалы по истории детских домов БССР 1940–1960 гг. в фондах Государственного архива Гродненской области	87

ЧАСТКА 2. СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ
ГІСТАРЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ.
ІНАВАЦЫЙНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ
АДУКАЦЫІ. СУЧАСНЫ ПАДРУЧНІК ГІСТОРЫІ 97

Ю. У. Іваноўскі. Мемарыяльныя асаблівасці развіцця
віртуальнай памяці ў адукацыйнай прасторы 97

Г. І. Станіслаўчык. Выкарыстанне інфармацыйных
тэхналогій на ўроках гісторыі 101

А. М. Балыкіна, В. Л. Ліпніцкая, А. Э. Папова, Дз. М. Бузун.
Гістарычная інфарматыка: вопыт спецыялізацыі і перспектывы
напрамку ў Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце 107

А. М. Балыкіна, І. Л. Грыбко. Выкарыстанне метада
ІТ-праекта ў адукацыі і выхаванні студэнтаў-гісторыкаў 114

Т. М. Прудко. Использование интерактивных методов
в патриотическом воспитании молодежи 122

Г. В. Васюк. Первое белорусское учебное пособие по
истории средних веков 130

Л. А. Сукова. История Польши на страницах школьной
учебной литературы 136

ЧАСТКА 3. МЕХАНІЗМ ФАРМІРАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ
СВЯДОМАСЦІ ГРАМАДСТВА. ШЛЯХІ ПАПУЛЯРЫЗАЦЫІ
І ПРАКТЫЧНАЕ ПРЫМЯНЕННЕ ГІСТАРЫЧНЫХ ВЕДАЎ 145

М. В. Мартен. Историческое сознание как отражение
общественных потребностей эпохи 145

Г. А. Гусарова, А. М. Куницкая. Роль историко-культурных
традиций в воспитании человека-гражданина 154

С. Л. Вилейко. Историческая реконструкция эпизодов
сражений Наполеоновских войн как средство
популяризации истории 164

А. М. Весадуха. Постаць К. Каліноўскага ў вучэбнай
літаратуры па гісторыі Беларусі (1990-я – 2000-я гг.) 167

А. А. Кайрыс. Кастусь Каліноўскі ў памяці беларусаў 176

<i>А. М. Весялуха.</i> Роля «Кароткай гісторыі Беларусі» Вацлава Ластоўскага ў фарміраванні нацыянальнай самасвядомасці беларусаў	183
<i>С. І. Марцынкевіч, Г. Я. Каданчык.</i> Адраджэнне, захаванне і прапаганда народных традыцый сярод студэнцкай моладзі (з вопыту работы студэнцкага навуковага гуртка «Спадчына» БДСГА)	187
<i>М. А. Коршак, М. В. Стрелец.</i> Образовательное значение военно-исторических публикаций Д. Е. Меламида (Мельникова)	194
ЧАСТКА 4 АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АЙЧЫННАЙ І СУСВЕТНАЙ ГІСТОРЫІ	197
<i>Е. П. Нарыжная.</i> Древнейшее население Беларуси и начало расселения славян в контексте славянизации балтов	197
<i>Т. Т. Кручковский.</i> Цивилизационное влияние Польши периода Речи Посполитой на Россию в интерпретации В.О. Ключевского	206
<i>И. Ю. Уваров.</i> Характер требований депутатов от сословия шляхты Великого Княжества Литовского на Люблинском сейме 1569 г.	211
<i>О. Ю. Лесная.</i> История архитектурного развития культовых памятников центра Витебска	215
<i>Л. Ф. Рогач.</i> Корчмы і шынкі ў працах этнографіі і фалькларыстаў XIX ст.	223
<i>Г. А. Карпечэнко.</i> Канстанцін і Яўстафій Тышкевічы вачыма іх сучаснікаў	229
<i>И. В. Падерова.</i> Влияние отходничества на внутрисемейные отношения крестьян Беларуси в период капитализма	234
<i>А. А. Коломийцев.</i> Лев Савицкий	239
<i>В. Н. Черетица.</i> К биографии Д. В. Скрынченко (1874–1947) – педагога, публициста и общественного деятеля	242
<i>И. И. Янушевич.</i> Формирование советской системы регламентации хозяйственной деятельности православных объединений в 1917–1930 гг.	249

<i>М. Г. Королёв.</i> Латыши на советско-латышском приграничье в 1920–1930-е годы	258
<i>Т. А. Лугачова.</i> Деятельность МОПРа Западной Беларуси по оказанию материальной помощи политзаключенным	265
<i>Г. С. Вайцешчык.</i> Архітэктурнае аблічча мястэчкаў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.	273
<i>А. С. Горны.</i> Часопіс «жаночкая справа» ў сістэме перыядычных выданняў «Цэнтрасаюза» ў Заходняй Беларусі (сакавік – верасень 1931 г.)	283
<i>В. И. Кузьмич.</i> Легион Молодых: основные тенденции развития молодежной организации в Западной Беларуси межвоенного периода	290
<i>Ю. В. Кірчук.</i> Выкарыстанне працы ваеннапалонных у аднаўленні прамысловасці і транспарта Беларусі ў першыя пасляваенныя гады	295
<i>А. А. Носова.</i> Письма репатриированных советских граждан как источник по проблеме репатриации	303
<i>І. А. Марцынкевіч.</i> Паспехі і недахопы ў справе сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай Вайны на гродзеншчыне ў першыя пасляваенныя гады	309
<i>М. Ю. Зинченко.</i> Организация жилищного строительства в городах БССР в конце 1970-х – 1980-е гг.	315
<i>Н. Л. Улейчик, М. Я. Колоцей.</i> Образование белорусской диаспоры в странах ближнего зарубежья: современное состояние и перспективы развития (на примере Литвы)	322
<i>А. М. Макрушыч.</i> Асноўныя напрамкі культурна-асветніцкай дзейнасці этнічных супольнасцяў Беларусі ў 1991–2004 гг.	331
<i>Р. Банти.</i> Возникновение расовой проблемы в послевоенный период в Великобритании	336
<i>А. Н. Зубань.</i> Иммиграционная нагрузка на шведскую модель развития государства	344

Навуковае выданне

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ
І АДУКАЦЫІ

*Зборнік
навуковых артыкулаў*

*Пад агульнай рэдакцыяй доктара гістарычных
наук, прафесара С. В. Марозавай*

Вёрстка, вокладка В. Санкоўскай
Карэктар А. Данілевіч

Падпісана да друку 14.12.2014. Фармат 60x84/16.
Папера афсетная. Рызаграфія
Ум.друк.арк. 9,3. Ул. - выд.арк 12,7.
Тыраж 100 экз. Заказ 102/36

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Таварыства з абмежаванай адказнасцю «ЮрСаПринт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/388 ад 01.07.2014 г.
Вул. Карла Маркса, 11, 230015, г. Гродна.
+375 152 77 18 20
+375 295 87 84 11